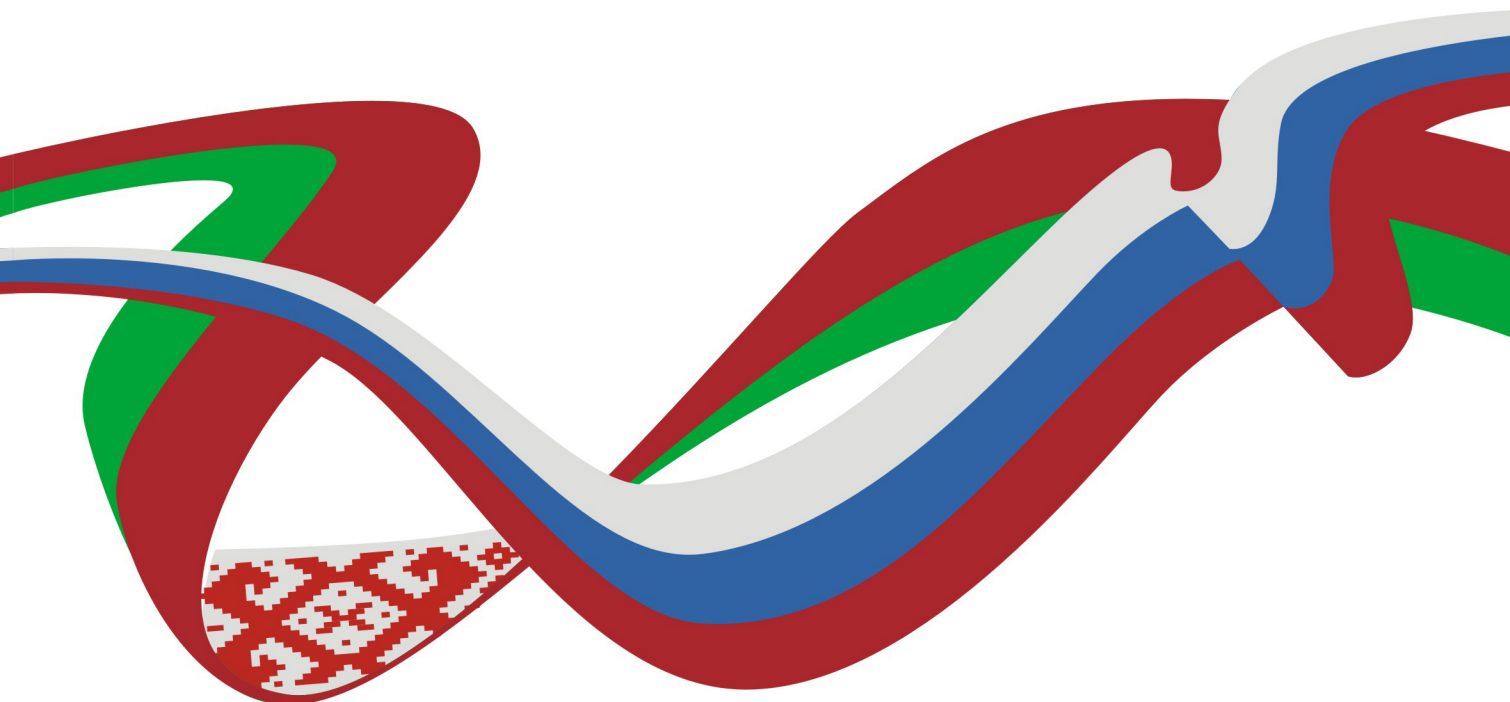

Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем

Выпуск пятый

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Смоленский государственный университет
Научно-образовательный центр
«Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем»

**РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ:
ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ**

*Материалы международной научной конференции
«Польско-советская война 1919–1920 гг.:
эволюция историографических оценок
(к 100-летию начала войны)»
(Смоленск, 10–11 октября 2019 г.)*

Выпуск пятый

Смоленск
Издательство СмолГУ
2019

УДК 94 (470+476) (063)
ББК 63.3(2)я 431
Р 768

*Печатается по решению
редакционно-
издательского совета СмолГУ*

Рецензенты:

О.В. Козлов, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Смоленского государственного университета;

Д.В. Карев, доктор исторических наук, профессор кафедры дизайна Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, директор Гуманитарного центра исследований Восточной Европы (г. Гродно)

Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и в настоящем:
Р 768 материалы международной научной конференции «Польско-советская война 1919–1920 гг.: эволюция историографических оценок (к 100-летию начала войны)» (Смоленск, 10–11 октября 2019 г.) / под ред. Е.В. Кодина. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2019. 370 с.

ISBN 978-5-88018-600-6,
продолжающееся издание

В сборнике, подготовленном коллективом научно-образовательного центра «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем», публикуются материалы международной научной конференции «Польско-советская война 1919–1920 гг.: эволюция историографических оценок (к 100-летию начала войны)», проведенной на базе СмолГУ 10–11 октября 2019 года.

Проведение конференции и публикация настоящего сборника стали возможными благодаря финансовой поддержке Фонда «История Отечества» и АНО «Порубежье».

УДК 94 (470+476) (063)
ББК 63.3(2)я 431

ISBN 978-5-88018-600-6,
продолжающееся издание

© Авторы, 2019
© Изд-во СмолГУ, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

НАШИ АВТОРЫ.....	6
ПРЕДИСЛОВИЕ.....	9

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

<i>Воробьев А.А.</i> Россия и Польша в геополитических планах западных держав в начале XX столетия.....	11
<i>Карев Д.В., Дудько А.Д.</i> Белоруссия в геополитическом контексте польско-советской войны 1919–1920 годов (историографические версии отечественного и зарубежного белорусоведения).....	21
<i>Иванов В.А.</i> Польско-советская война 1919–1921 годов в оценке современной украинской историографии.....	30
<i>Вабищевич А.Н.</i> Документальные материалы периода польско-советской войны 1919–1920 годов в архивах Республики Беларусь (Брест, Гродно, Минск, Молодечно).....	45

СЕКЦИЯ № 1: ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ Ю. ПИЛСУДСКОГО И ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ (ЛИТВА, БЕЛОРУССИЯ, УКРАИНА, РОССИЯ): ОТ КОНЦЕПЦИИ К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ

<i>Борисёнок Ю.А.</i> «Белорусскую политику пусть черти поберут»: отказ Ю. Пилсудского от практической реализации федеративной концепции в 1920 году.....	58
<i>Савченко Д.Е.</i> Реализация восточного вектора внешней политики Ю. Пилсудского на территории Беларуси в рамках начального периода польско-советской войны 1919–1920 годов.....	73
<i>Дубровко Е.Н.</i> Дебаты в британском парламенте в связи с польско-советской войной.....	83
<i>Мусаев В.И.</i> Прибалтика в сфере польских внешнеполитических интересов на рубеже 1910-х – 1920-х годов.....	100
<i>Слуцкая Л.В.</i> Московский мирный договор 1920 года: значение и последствия.....	115

<i>Казак О.Г.</i>	
Проблематика «восточных окраин» в оценках польского политика и публициста Владислава Стадницкого (1918–1922 гг.).....	128
<i>Урядова А.В.</i>	
«Польский вопрос» в восприятии русской эмиграции.....	140

**СЕКЦИЯ № 2: «ГЕРОИ, НА ВАРШАВУ!»:
СОВЕТСКИЙ ПОХОД НА ЗАПАД**

<i>Мезга Н.Н.</i>	
Поход Красной Армии на Варшаву летом 1920 года и Беларусь.....	157
<i>Матвеев Г.Ф.</i>	
Перипетии судьбы красноармейцев при пленении поляками.....	172
<i>Микуленок А.А.</i>	
Положение интернированных в польских лагерях в начале 1920-х годов..	185
<i>Корнилова О.В.</i>	
Условия содержания и судьба разных групп пленных в польских лагерях (1919–1924 гг.): современная польская и российская историография.....	195
<i>Пученков А.С.</i>	
Польский фактор и крымская эпопея генерала П.Н. Врангеля (1920 год)...	210
<i>Брянцев М.В.</i>	
Польско-советская война в освещении провинциальной прессы 1920 года.....	217
<i>Гронский А.Д.</i>	
Белорусские интернет-ресурсы о польско-советской войне 1919–1920 годов как информационный источник.....	230
<i>Тарасенкова Т.И.</i>	
Письма смолян – участников польско-советской войны 1919–1921 годов как исторический источник.....	242
<i>Попов Г.Г.</i>	
Советско-польский конфликт на территории Белоруссии в 1919 году в свете документов Российского государственного военного архива (РГВА)	251
<i>Родионов И.И.</i>	
Деятельность Бюро уполномоченного Польского общества Красного Креста в Советской России, 1920–1921 годы.....	267
<i>Яновский О.А.</i>	
День освобождения Минска от польских оккупационных войск как одна из дат отсчета университетской истории Беларуси.....	277

**СЕКЦИЯ № 3 ОККУПИРОВАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ: СТРУКТУРА
УПРАВЛЕНИЯ, ВЛАСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ**

<i>Трубчик Е.Г.</i>	
Соотношение компетенции военных и гражданских органов управления на оккупированной территории Беларуси в 1919–1920 годы.....	287

<i>Каплиев А.А.</i>	
Санитарно-эпидемическое положение и организация охраны здоровья населения оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны 1919–1920 годов.....	304
<i>Ершова О.И.</i>	
Школьное образование на оккупированной территории Беларуси (1919–1921 годах) в работах белорусских исследователей.....	320
<i>Петухова О.А.</i>	
Польско-советская война 1919–1920 годов в современных российских учебниках по истории.....	335
<i>Шарков А.В., Шаркова Е.А.</i>	
Мемориализация памяти польско-советской войны в Беларуси и Польше	346
<i>Сумко Е.В.</i>	
Полоцкий уезд в годы польско-советской войны 1919–1920 годов.....	356

Наши авторы

Борисёнок Юрий Аркадьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры южных и западных славян исторического факультета МГУ, Москва, rodina2001@mail.ru.

Брянцев Михаил Васильевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Брянского государственного университета им. академика И.Г. Петровского, Брянск, bmwbox@mail.ru.

Вабищевич Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории славянских народов Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина, Брест, vabischev@rambler.ru.

Воробьев Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Могилевского института МВД Республики Беларусь, Могилев, рах4@yandex.ru.

Гронский Александр Дмитриевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора Белоруссии, Молдавии и Украины Центра постсоветских исследований Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва; заместитель заведующего Центром евразийских исследований филиала Российский государственного социального университета в Минске, Минск, a.gronskiy@yandex.ru.

Дубровко Елена Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории исторического Гомельского государственного университета, Гомель, e_dubrovko@tut.by.

Дудько Анастасия Дмитриевна, кандидат исторических наук, магистр филологических наук, доцент кафедры английской филологии Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, Гродно, karev@grsu.by.

Ершова Ольга Игоревна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и проблем развития образования Белорусского государственного университета, Минск, ershova_olga@tut.by.

Иванов Вячеслав Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Историко-археологического музея-заповедника «Калос Лимен», пгт. Черноморское, Республика Крым, slavik1855@gmail.com.

Казак Олег Геннадьевич, кандидат исторических наук, преподаватель Минского городского педагогического колледжа, Минск, olegkazak90@tut.by.

Каплиев Алексей Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела новейшей истории Беларуси Института истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, kapliyev@history.by.

Карев Дмитрий Владимирович, профессор, доктор исторических наук, директор Центра междисциплинарных исследований диаспор и зарубежного белорусоведения факультета искусств и дизайна профессор кафедры дизайна Гродненского государственного университета им. Янки Купалы, Гродно, karev@grsu.by.

Корнилова Оксана Викторовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник НОЦ «Россия и Беларусь» Смоленского государственного университета, Смоленск, smolkorn@mail.ru.

Матвеев Геннадий Филиппович, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Москва, gfmatveev@yandex.ru.

Мезга Николай Николаевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой всеобщей истории Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины, Гомель, pmezga@gsu.by.

Микуленок Александра Андреевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры общеобразовательных дисциплин Северо-Кавказского филиала Российского государственного университета правосудия, Краснодар, klio-alex@yandex.ru.

Мусаев Вадим Ибрагимович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН, Санкт-Петербург, vmusaev62@mail.ru.

Петухова Ольга Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета, Смоленск, oa.petuhova@yandex.ru.

Попов Григорий Германович, кандидат экономических наук, доцент кафедры истории экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва, GGPorov2009@mail.ru.

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, профессор Института истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, ar80@mail.ru.

Родионов Иван Игоревич, аспирант кафедры истории России Смоленского государственного университета, Смоленск, vanro.rodionov@yandex.ru.

Савченко Дмитрий Евгеньевич, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС, Санкт-Петербург, savchdm@mail.ru.

Слуцкая Людмила Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии юридического факультета Белорусского государственного университета, Минск, l_slutskaya@mail.ru.

Сумко Елена Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории и туризма гуманитарного факультета Полоцкого государственного университета, Полоцк, Sumko_Elena@mail.ru.

Тарасенкова Татьяна Ивановна, кандидат исторических наук, директор Государственного архива новейшей истории Смоленской области, доцент кафедры истории России Смоленского государственного университета, Смоленск, tata-tarasenkova@yandex.ru.

Трубчик Елена Геннадьевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела военной истории Беларуси Института истории НАН Беларуси, Минск, lenadaschkewich@tut.by.

Урядова Анна Владимировна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей отечественной истории России Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, Ярославль, koukouch@mail.ru.

Шарков Анатолий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник Белорусского культурного центра духовного Возрождения, Минск, sharkov_av@mail.ru.

Яновский Олег Антонович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории России исторического факультета Белорусского государственного университета, Минск, helgoleg@mail.ru.

Предисловие

10-11 октября 2019 г. научно-образовательный центр Смоленского государственного университета «Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем» совместно с Институтом истории Национальной академии наук Беларуси при финансовой поддержке Фонда «История Отечества» и автономной некоммерческой организации «Порубежье» провел международную научную конференцию *«Польско-советская война 1919-1920 гг.: эволюция историографических оценок (к 100-летию начала войны)»*.

В конференции приняли участие ученые из ИРИ РАН, Института славяноведения РАН, Санкт-Петербургского института истории РАН, Национального исследовательского института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Института истории НАН Беларуси, МГУ имени М.В. Ломоносова, Санкт-Петербургского государственного университета, РАНХИГС, Ярославского государственного университета, Брянского государственного университета, Смоленского государственного университета, Белорусского государственного университета, Гродненского государственного университета, Брестского государственного университета, Гомельского государственного университета, Могилевского института МВД, Белорусского государственного педагогического университета, Полоцкого государственного университета.

Центральной темой конференции стал историографический дискурс польско-советской войны 1919-1920 гг., отражение «старых» и новых тенденций в изучении внешней политики Польши и ее последствий. Участники проекта смогли обменяться опытом исследований и обсудить наиболее проблемные вопросы в рамках заявленной тематики мероприятия.

На пленарном заседании и в ходе секционной работы были подробно рассмотрены такие вопросы как: место и роль Польши в геополитических планах западных держав в начале XX столетия, и разработка концепции «восточного вектора» ее внешней политики, дебаты в британском парламенте в связи с польско-советской войной с последовавшей за этим военной помощью Польше для ведения наступательной войны, отказ Пилсудского от имевшейся возможности практической реализации федеративной концепции по отношению к «восточным кресам» в 1920 г., место белорусских земель в планах польских политиков в период польско-советской войны.

Особое внимание было уделено походу Красной армии на Варшаву летом 1920 г., судьбам пленных красноармейцев в польских лагерях, а также тому какое отражение это находит в современной российской, белорусской и польской историографии.

Отдельным направлением работы конференции стало освещение хода и последствий польско-советской войны в печатных органах рабоче-крестьянской милиции НКВД БССР, на страницах советской печати тех лет, в провинциальной прессе 1920-х годов, в европейских странах.

Были также рассмотрены вопросы деятельности польских оккупационных властей на территории Белоруссии: структура управления, отношения органов власти и гражданского населения, механизмы и практики полонизации захваченных территорий, а также отражение событий польско-советской войны в современных учебниках по истории Беларуси и в российских учебниках по истории, сложные вопросы практики мемориализации польско-советской войны в Белоруссии и Польше.

В ходе работы конференции высказывались такие положения как:

- истоки польско-советской войны 1919–1920 гг. лежат в агрессивной внешней политике правительства Пилсудского, стремившегося возродить «Великую Польшу» в границах 1772 г.;

- к военной реализации «восточного вектора» внешней политики Польшу активно подталкивали западные державы, вооружая польскую армию и снабжая ее всем необходимым (особенно Франция, Англия и США);

- польское правительство повинно в десятках тысяч жертв советских красноармейцев, находившихся в лагерях для военнопленных в условиях, не соответствующих международным нормам;

- на захваченных поляками территориях и особенно после Рижского мира марта 1921 г. проводилась тотальная политика полонизации белорусского и украинского народов.

В целом представленные в сборнике материалы конференции дают многомерную картину историографических оценок польско-советской войны, начавшейся зимой 1919 г. и завершившейся подписанием Рижского мирного договора в марте 1921 г.

*Руководитель научно-образовательного центра
«Россия и Беларусь: история и культура в прошлом
и настоящем», председатель оргкомитета
конференции, доктор исторических наук, профессор*

Е.В. Козин

Пленарное заседание

А.А. Воробьев

Могилевский институт МВД Республики Беларусь

УДК 94 (47).084.4

Россия и Польша в геополитических планах западных держав в начале XX столетия

Ключевые слова: *Россия; Польша; геополитика; западные державы; «санитарный кордон»; оккупационная политика поляков.*

В статье представлены результаты исследования геополитических планов западных держав в отношении России и Польши после Первой мировой войны. На основе проведенного анализа исторических документов автор статьи пришел к следующим выводам: планы ведущих западных держав (США, Великобритании и Франции) были нацелены, с одной стороны, на максимальное ослабление новой, Советской России; с другой – предусматривали отторжение от России ряда ее территорий, а также создание вокруг ослабленного Российского государства так называемого «санитарного кордона» с целью недопущения геополитического реванша со стороны России. В этих планах западных держав возрожденное после Первой мировой войны Польское государство занимало едва ли не ведущее место, так как страны-победители (США, Великобритания и Франция) делали ставку на польский национализм и традиционно сложные отношения между Польшей и Россией. Для усиления прозападных симпатий возрожденной Польше странами Запада предусматривалась передача полякам значительной части земель, входивших до Первой мировой войны в состав России (преимущественно белорусских и украинских), что встретило справедливое возмущение, как белорусского, так и украинского народов.

Начало XX столетия ознаменовалось во всемирной истории Первой мировой войной, точкой отсчета которой стал «балканский кризис», вызванный, в свою очередь, убийством членом радикальной сербской организации Гаврилой Принципом наследника австро-венгерского императорского престола эрцгерцога Франца-Фердинанда и его жены в столице Боснии и Герцеговины – городе Сараево. В период Первой мировой войны все воюющие стороны (и Антанта, и страны Тройственного, а потом Четверного союза) старались максимально привлечь на свою сторону поляков, чьи исконные земли к началу XX века оказались в составе сразу трех соседних стран: России, Германии и Австро-Венгрии. Справедливости ради следует сказать, что собственно польские земли оказались в составе Российской империи значительно позже, нежели в составе Германской и Австро-Венгерской империй. Польские земли вошли в состав тогдашних Австрийской империи и Прусского королевства по итогам трех разделов территории Речи

Посполитой в конце XVIII столетия, а к России по этим трем разделам отошли белорусские, украинские и литовские земли.

Исконно польские земли вошли в состав России только в начале XIX века после окончания Наполеоновских войн под названием королевства или царства Польского. Поляки дважды (в 1830–1831 и 1863–1864 гг.) поднимали восстания, чтобы добиться независимости от России и восстановления Польши в границах 1772 г. (т.е. до разделов Речи Посполитой). Восстания поляков и в России и в соседних с ней Германии и Австро-Венгрии неизменно подавлялись, но поляки не теряли надежд на воссоздание собственного независимого государства. Благоприятный для них момент наступил именно в ходе Первой мировой войны, когда в России пришли к власти большевики, а страна была сильно ослаблена и центральная власть в лице большевистского СНК (Совета народных комиссаров) не контролировала всю ее территорию. К тому же большевики во главе с Лениным выступали за право народов бывшей Российской империи на самоопределение, вплоть до провозглашения независимости. Именно этим правом поляки и воспользовались в полной мере после окончания Первой мировой войны, в которой Германия и Австро-Венгрия оказались проигравшими, а новая, большевистская, Россия еще до окончания войны вышла из нее, подписав сепаратный мирный договор со странами Четверного блока во главе с Германией, вычеркнув тем самым себя из рядов стран-победительниц. Ситуация для Советской России осложнялась еще и тем, что большевики заявили о начале построения социализма в одной отдельно взятой стране, чего страны Запада никоим образом не желали допустить, дабы не создавать притягательного прецедента для трудящихся своих стран. В новой геополитической обстановке, возникшей в Европе и мире после захвата власти в России большевистской партией, западные державы, среди которых выделялись бывшие союзницы России по блоку Антанта (Великобритания и Франция), осуществили вооруженную интервенцию против Советской России, в которой участвовала и получившая в конце 1918 г. независимость Польша.

Обретение Польшей по итогам Первой мировой войны независимости не только способствовало подъему национального самосознания польского народа, но и дало толчок развитию польского национализма, который с момента провозглашения независимого Польского государства только нарастал. Росту национализма способствовала политика правящих кругов Польши во главе с Ю. Пилсудским, который был ярким сторонником восстановления Речи Посполитой в границах 1772 г., т.е. до начала ее разделов. По планам Пилсудского в состав новой, возрожденной, Польши должны были войти

все белорусские земли (Виленская, Витебская, Гродненская, Минская и Могилевская губернии), вся территория Литвы и Левобережная часть Украины. Следует отметить тот факт, что осуществлять план включения чужих земель в состав Польши поляки начали еще до польско-советской войны 1919–1920 гг. Так, сразу же после прихода к власти в России большевистской партии на территории нынешней Беларуси активизировался созданный еще царским правительством для войны с Германией польский корпус под командованием генерала Довбор-Мусницкого. Это корпус стал одним из основных боевых подразделений, вставших на путь вооруженной борьбы против новой, советской, России, причем выступал он за включение Беларуси в состав Польши. Правда, в феврале 1918 г. корпус Довбор-Мусницкого был вынужден подчиниться немецким войскам, которые после срыва советско-германских мирных переговоров оккупировали почти всю территорию Беларуси, за исключением небольшой ее восточной части. В печатных средствах неоккупированной части Беларуси (часть восточных уездов Витебской и Могилевской губерний) деятельность оккупационных немецко-польских войск освещалась довольно часто. Так, в письме в газету «Вперед» жители оккупированных белорусских земель сообщали, что генерал Довбор-Мусницкий отдавал приказы «снести с лица земли ту деревню, которая окажет сопротивление польским войскам». В деревне Буда-Кошелевская Могилевской губернии (ныне – районный центр, город Буда-Кошелёво Гомельской области) разъезд уланов назначил контрибуцию в несколько тысяч рублей и требовал выдачи всех запасов хлеба. Когда часть контрибуции была внесена и крестьяне сказали, что больше внести не в состоянии, уланы окружили деревню, обстреляли её из пулеметов и подожгли. Было убито много крестьян, от деревни остались развалины. Подобное же имело место в местечках Жилище, Смелы и т.д. [2, с. 91].

По сообщениям местных жителей, на территории Быховского уезда Могилевской губернии поляками и немцами был установлен страшный террор: расстреливались и сжигались целиком отдельные селения с людьми независимо от пола и возраста и их имущество. Царили поголовное избиение и непомерные обложения. На крестьянское население была наложена контрибуция. В течение трех дней каждая волость обязана была внести польским властям под страхом избиения, двойного обложения и штрафа в 5 тысяч рублей, 5 тысяч пудов ржи, 3 тысячи пудов овса, 1 тысячу пудов ячменя, 4 тысячи пудов гречихи, 5 тысяч пудов картофеля, 1 тысячу пудов сена, 4 тысячи штук яиц, а также предоставить 7 лошадей, 40 коров и 3 гусей. Свиное сало изымалось полностью. Кроме того, установлен был налог на окна, двери, кур, собак,

кошек и прочий домашний скот. Введена была барщина: крестьяне в восстановленных помещичьих имениях должны были бесплатно два дня в неделю выполнять хозяйственные работы. На защиту от польского и немецкого хозяйничанья и гнета возмущенное крестьянское население поднялось поголовно. Навстречу надвигавшимся польским регулярным отрядам выступало не только взрослое население, но даже дети, наспех формировались партизанские отряды, из соседних уездов прибывали отряды Красной армии [2, с. 193–194]. Впоследствии немецкие оккупационные власти разоружили и расформировали части корпуса Довбор-Мусницкого, однако его солдаты остались в помещичьих имениях белорусских губерний, так как большинство местных помещиков были поляками и потому они оказывали всяческую помощь солдатам Довбор-Мусницкого, ибо те ранее всячески, как это явствует из приведенных выше фактов, помогали помещикам эксплуатировать белорусское крестьянство.

Активные боевые действия польские войска развернули против Советской России в начале 1919 г., когда завершилась Первая мировая война, поэтому польско-советская война 1919–1920 гг. стала важной составной частью иностранной военной интервенции в Советскую Россию. На всем протяжении 1919 г. части недавно созданной Красной армии вели упорные бои с основными силами белогвардейских войск и иностранных интервентов. Поочередно главными фронтами Гражданской войны объявлялись восточный (против войск под руководством адмирала Колчака), южный (против войск генерала Деникина) и западный (против войск под командованием генерала Юденича). Пользуясь тем, что основные силы Красной армии были отвлечены на другие фронты, польская армия постепенно захватывала украинские, белорусские и литовские земли. Следует отметить тот факт, что большевики хотели решить территориальные проблемы с Польшей мирным путем, отдав ей ряд земель, которые не являлись исконно польскими. Уступчивость большевиков была обусловлена Гражданской войной в России и нежеланием воевать на много фронтов, включая еще и польский. Поляки же расценили уступчивость большевиков как слабость и решили, воспользовавшись этой слабостью, захватить как можно больше чужих земель. Создание большевистским руководством во главе с Лениным в начале 1919 г. объединенной Литовско-Белорусской советской республики (БелЛит) не сумело предотвратить дальнейшего продвижения польских войск на восток и захвата ими территорий Литвы и Беларуси. Так, 26 февраля 1919 г. бои с поляками проходили уже под белорусским городом Слонимом [3, с. 41]. Пятого марта 1919 г., по сообщениям полевого штаба Реввоенсовета Советской

России, красные белорусские части оставили город Пинск и продолжили вести оборонительные бои с наступающими польскими войсками [3, с. 42].

На занятых поляками белорусских землях восстанавливались имения польских помещиков, местное население должно было «компенсировать» помещикам все их материальные убытки за счет насильственно проводившихся конфискаций скота, хлеба и иного имущества. Естественно, эти меры привели к росту антипольских настроений среди населения белорусских земель, включая создание партизанских отрядов, которые вели боевые действия против польских оккупантов. Одним из таких партизанских отрядов, действовавших на территории Белорусского Полесья, командовал крестьянин Петриковской волости В.И. Талаш, которого за солидный возраст условно прозвали «дед Талаш» [3, с. 238–239]. Только после разгрома основных сил белогвардейцев под командованием Колчака и Деникина большевистское руководство обратило свои взоры на запад, где поляки продолжали наступать и захватывать новые земли. Так, из всех пяти белорусских губерний (Виленской, Витебской, Гродненской, Минской и Могилевской) к маю 1920 г. поляки захватили полностью три (Виленскую, Гродненскую и Минскую), а также некоторые уезды Витебской и Могилевской губерний, угрожая захватить и губернские центры (города Витебск и Могилев). Захватить значительные части не только белорусских, но и литовских и украинских земель польской армии помогли западные державы. В создании польской армии активную роль сыграли военные миссии Англии, США и Франции, посланные в Польшу. Только Франция поставила Польше 500 тысяч винтовок, 3 тысячи пулеметов, 2 тысячи орудий. В Польшу было послано 736 генералов и офицеров [1, с. 69–70]. Получив значительную помощь со стороны западных держав, поляки в 1920 г. сумели расширить площадь захваченных ими чужих земель, заняв на некоторое время даже Киев, но вскоре инициатива ведения боевых действий перешла в руки Красной армии. В мае 1920 г. части Красной армии начали наступление против поляков и вначале имели некоторый успех, освободив город Борисов, захватив плацдармы на правом берегу реки Березина и намереваясь развить наступление на Минск [3, с. 306–307].

Однако это наступление оказалось плохо подготовленным и после первоначальных успехов вскоре захлебнулось, обернувшись частичным отступлением с отвоеванных территорий. Было принято решение подготовить, с учетом допущенных ранее просчетов, новое наступление, которое началось уже в июне 1920 г. Понимая, что части Красной армии возобновят свои наступательные действия, еще в период между двумя

наступлениями Красной армии польские оккупационные власти развернули широкомасштабные репрессии против населения захваченных земель. Так, в обращении к населению Минского комитета коммунистической партии большевиков Литвы и Белоруссии говорилось, что поляки установили страшный террор на оккупированных землях. «Целые деревни стираются с лица земли. Крестьян принуждают к тяжелым принудительным работам, отнимают у них последнее добро, разоряя их хозяйства, крестьян делают ответственными за каждый телеграфный столб, за каждый кусок телеграфной или телефонной проволоки, за каждый поврежденный столб, за порванную проволоку жандармы окружают целые деревни, расстреливают мужчин, женщин и детей, насилюют и сжигают дома, обращая деревни и села в мертвые кладбища» [3, с. 312]. Отступавшие на запад польские войска проводили тактику «выжженной земли» на оставлявшихся ими белорусских землях. Так, в докладе командования 16-й армии вооруженных сил Советской России отмечалось, что «только в Погостской волости Игуменского уезда Минской губернии польскими войсками были дотла сожжены деревни и местечки Погост, Кукарево, Козлов Берег, Быховичи, Новоселки и Вяшевцы за их признательность большевикам» [3, с. 331].

Поляками при отступлении был полностью разрушен город Борисов, причем сохранились свидетельства, что польские войска обстреливали город зажигательными снарядами с фосфором. При отступлении поляков из Молодечно ими не только были разрушены вокзал и станционные здания, но и взорваны мосты, дом железнодорожных служащих, железнодорожная гимназия и лазарет. Уничтожение производилось с таким рвением, что не позабыли ни одного телеграфного столба, ни одной железнодорожной будки. Не удовлетворяясь уничтожением станции, паны бросились поджигать и грабить дома, прилегающие к станции, деревни и местечко, не обращая внимания на мольбы жителей. Озверелые поляки бежали по местечку с керосином, обливая им и поджигая дома тех, кто не мог дать выкупа. Бежавшие тушить дома избивались. Молодечно восторженно встретило красных избавителей от польских ужасов [3, с. 401]. Был разграблен отступавшими поляками и город Минск, ввиду чего для предотвращения массовой гибели жителей от голода председатель Минского губернского ревкома просил продовольственный комитет Западного фронта Красной армии о срочной отправке в Минск хотя бы 20 вагонов хлеба, а также возможного количества сельдей, сахара и крупы [3, с. 404].

Зверства польских оккупантов не только не уменьшали сопротивление населения оккупированных ими земель, но и его увеличивали. Сводка политотдела Западного фронта Красной армии с 20

июня по 1 июля 1920 г. содержала сведения о действиях партизанских отрядов на оккупированной поляками территории Белоруссии: «На Игуменском направлении в тылу врага действуют партизанские отряды, в которых участвуют даже 70-летние старики. Партизаны успешно действуют и в Рудобельских лесах. В Лунинец-Мозырском районе имеется много партизанских отрядов, есть некоторые в 700 человек, хорошо вооруженных и имеющих в достаточном количестве взрывчатые вещества. В Речицком районе действует партизанский отряд в 300 человек, имеющий винтовки, до 20 пулеметов и автоматы (так в тексте). Другой отряд, насчитывающий до 150 человек, вооружен винтовками. В ночь на 19 июня между населенными пунктами Бабичи и Демехи партизанами был разобран путь, в результате чего потерпел крушение бронепоезд противника» [3, с. 429].

В ходе летнего наступления 1920 г. войска Красной армии за короткий срок (до начала осени 1920 г.) сумели освободить всю захваченную поляками территорию Советской России и перенесли боевые действия на территорию Польши. Более того, войска Красной армии успешно продвигались по направлению к столице Польши – Варшаве. И тут в события вмешались западные покровители Польши (Великобритания и Франция). Советскому руководству была направлена нота Керзона, который был министром иностранных дел Великобритании, в которой в ультимативной форме требовалось отвести части Красной армии на линию, по которой в основном и проходила граница собственно польских, с одной стороны, и белорусских и украинских, с другой стороны, земель [1, с. 74]. Руководству Советской России во главе с Лениным уже грезилось то время, когда части Красной армии, заняв всю территорию Польши, где местные рабочие и крестьяне всячески ее поддержат, пойдут дальше – уже на Берлин. После же взятия Берлина не за горами, по мнению руководства большевистской партии, была и мировая социалистическая революция. Однако и Ленин, и другие руководители большевиков вскоре испытали большой шок от того, что последовало за выходом Красной армии к Висле и Варшаве.

Вместо ожидаемой всесторонней поддержки войск Красной армии поляки валом повалили в польскую армию, чтобы защищать свою недавно обретенную независимость. Советское руководство начисто проиграло информационную войну в этот период, так как у населения Польши сформировалось убеждение в том, что большевики идут отнять у поляков их свободу и независимость и вновь присоединить польские земли к России. В итоге свершилось так называемое «чудо на Висле», когда наступающие части Красной армии были не только разбиты под Варшавой, но и очень быстро стали откатываться на восток.

Одной из причин такого исхода польского похода Красной армии следует назвать и ранее упорно замалчивавшуюся вину Сталина, который настоял на том, чтобы часть сил Красной армии стала наступать не на Люблин, а на Львов. В итоге образовался разрыв, в который и устремились наступающие польские войска. До недавнего времени также не было известно и о том, что часть войск Красной армии ушла на территорию Восточной Пруссии и там была интернирована немцами, а потом уже по партиям бойцы и командиры Красной армии, включая известного в те времена комкора (командующего конным корпусом) Гая, были возвращены на родину. Большую роль в разгроме частей Красной армии сыграли Великобритания и Франция, которые оказали Польше значительную помощь вооружением, боеприпасами и военными специалистами. В Варшаву для спасения армий Пилсудского от полного разгрома выехала англо-французская миссия, возглавляемая генералами Вейганом и Редклиффом. Из Англии, Франции и США в Польшу было отправлено новое оружие. В Данциг (Гданьск) прибыли четыре английских военных корабля в сопровождении двух английских и одного французского крейсера. Позднее из Англии прибыло семь пароходов с танками и другим вооружением, парусное судно с обмундированием и двенадцать мелких судов с различным снаряжением [1, с. 74]. Благодаря этой помощи польские войска сумели не только отразить наступление Красной армии, но и занять территорию Западной Белоруссии и Западной Украины. Руководство же Советской России во главе с Лениным, не сумев распространить революцию в Европе, пошло на мирные переговоры с польским правительством во главе с Пилсудским. Переговоры велись в столице получившей независимость Латвии Риге. Ленин в своей телеграмме руководителю советской делегации А.А. Иоффе очень интересовался его мнением «о настроениях поляков, возможности и скорости заключения мирного договора, на каких условиях и как стояли вопросы о Литве, Белоруссии и Восточной Галиции» [3, с. 469].

Рижский мирный договор между Советской Россией и Польшей был подписан 18 марта 1921 г. В советские времена этот договор, как и Брестский мирный договор 3 марта 1918 г. между Советской Россией и странами Четверного блока, трактовался исключительно как успех молодой советской дипломатии, тогда как на самом деле все было с точностью наоборот. И Брестский, и Рижский договоры были позором для большевиков, ибо они, включая Ленина, необычайно переоценили перспективы «мировой социалистической революции», за что пришлось платить очень высокую цену в виде уступок немцам и полякам исконно восточнославянских земель. И если Брестский мир не продержался и

года, то по итогам Рижского мира Польша закрепила за собой западные части Беларуси и Украины почти на два десятилетия. Справедливо считая Рижский мирный договор несправедливым, руководство Советской России, а впоследствии СССР, заняло однозначно враждебную позицию по отношению к Польше. Впрочем, польское руководство заняло не менее, если не сказать намного более враждебную позицию по отношению к Советскому Союзу. Такое положение сохранялось до конца 30-х гг. XX столетия, когда историческая несправедливость в отношении западнобелорусских земель была устранена и они вошли в состав СССР. В таких отношениях между соседними славянскими странами значительная доля вины лежала на западных странах (Великобритании, Франции и США), которые уже в начале XX века сделали Польшу важной составной частью антисоветского «санитарного» кордона.

История повторилась в начале XXI столетия, только на сей раз Польша уже является частью «санитарного» кордона против Российской Федерации, а в состав этого нового кордона «западные партнеры» России всячески стремятся включить бывшие союзные республики СССР (Украину, Грузию и другие), а страны Балтии уже являются членами НАТО и ярыми русофобскими государствами.

Автор публикации в конкретной исторической ситуации считает необходимым подсчитать ущерб, нанесенный поляками в 1919–1920 гг. своим восточнославянским соседям (белорусам, русским и украинцам), чтобы в случае разговоров с польской стороны о каких-то компенсациях можно было бы сразу предъявить контрпретензии и контркомпенсации. Подобная линия поведения, возможно, поможет раз и навсегда покончить с тем беспрецедентным всепрощенчеством, которое было в советские времена, ибо большевики «чрезвычайно великодушно» простили всем иностранным агрессорам периода Первой мировой и Гражданской войн тот поистине огромный ущерб, который был нанесен ими некогда единому восточнославянскому государству, какое бы название оно ни носило (Российская империя, Советская Россия или Советский Союз).

Литература

1. Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М.: Политзидат, 1987. 208 с.
2. Борьба за Советскую власть в Белоруссии (1918–1920 гг.): сборник документов и материалов в двух томах / под ред. А.И. Азарова и С.З. Почанина. Т. 1 (февраль 1918 г. – февраль 1919 г.). Минск: Беларусь, 1968. 602 с.
3. Борьба за Советскую власть в Белоруссии (1918–1920 гг.): сборник документов и материалов в двух томах / под ред. А.И. Азарова, Д.И. Куртова

и С.З. Почанина. Т. 2 (февраль 1919 г. – 1920 г.). Минск: Беларусь, 1971. 631 с.

A.A. Vorobiev

Mogilev Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus

**Russia and Poland in the geopolitical plans of the Western powers
in the early twentieth century**

Key words: *Russia; Poland; geopolitics; Western powers; «sanitary cordon»; occupation policy of Poles.*

The article presents the results of the study of the geopolitical plans of the Western powers towards Russia and Poland after the First World War. On the basis of the analysis of historical documents the author came to the following conclusions: the plans of the leading Western powers (the USA, Great Britain and France) were aimed, on the one hand, at the maximum weakening of the Soviet Russia; on the other hand, they provided for the alienation from Russia of a number of its territories, as well as the creation of the so-called «sanitary cordon» around the weakened Russian state in order to prevent geopolitical revenge by Russia. In these plans of the Western powers, the Polish state, which was revived after the First World War, took almost a leading place, as the winning countries (the USA, Great Britain and France) relied on Polish nationalism and traditionally complicated relations between Poland and Russia. In order to strengthen the pro-Western sympathies of the Western countries for the revived Poland, it was planned to transfer to the Poles a considerable part of the lands that were part of Russia before the First World War (mainly Belorussian and Ukrainian), which met with a fair indignation of both the Belorussian and Ukrainian peoples.

Д.В. Карев, А.Д. Дудько

Гродненский государственный
университет

УДК 94(476)''1919/1921''

Белоруссия в геополитическом контексте польско-советской войны 1919–1920 годов (историографические версии отечественного и зарубежного белорусоведения)

Ключевые слова: революция 1917 г. и Гражданская война; польско-советская война 1919 –1920 гг.; историографические и источниковедческие аспекты проблемы; социально-политический и идеологический контексты эпохи; возможности и проблемы реконструкции сбалансированной картины событий.

В статье на основе исследования белорусской традиции 20-х гг. XX – начала XXI вв. выявлены: эволюции историографических версий белорусской историографии в связи с изменением социально-политического и идеологического контекстов изучения польско-советской войны 1919 – 1920 гг. Обозначена степень изученности источниковой базы проблемы этого исторического события как основы для его научной реконструкции.

В короткий кровавый период польско-советской войны национальная белорусская элита опробовала на «реализуемость» первые национально-исторические проекты создания на базе белорусского этноса своего государства [15]. Она получила ощутимую, нередко циничную реакцию своих западных (Польша) и восточных (большевистская Россия) соседей. Этот период в истории белорусов, украинцев, поляков и россиян оставил свой заметный след не только в профессиональных историографических традициях, но и в этнокультурных стереотипах этих народов на весь XX в. Судя по тому, что за этот период к началу XXI столетия по проблеме исследований появилось более тысячи публикаций (статей, монографий, сборников документов, материалов остро дискуссионных круглых столов и конференций), актуальность ее не исчезла и в наши дни.

В процессе историографического анализа традиций проблемы в исторической науке Беларуси одним из первых возникает вопрос об основных этапах, пройденных в ее изучении, и о факторах, которые обусловили эволюцию историографических версий и оценок. Нам представляется, что в своих подходах, оценках и изучении проблемы польско-советской войны 1919 – 1920 гг. белорусская историография прошла четыре основных этапа. Они были тесно связаны с

господствующими в эти годы социально-политическими и идеологическими контекстами. Это период: Гражданской войны; советский период истории; время развала СССР и становления новых суверенных государств в пространстве СНГ рубежа 80-х – начала 90-х гг. XX в.; вторая половина 90-х гг. XX – начало XXI вв.

Очутившись между польским молотом и наковальной большевистской советской России, белорусские национальные деятели после провала проекта БНР пытались в условиях 1919 – 1920 гг. хотя бы частично реализовать идею рождения белорусского государства путем дипломатических переговоров, создания кратковременных политических комбинаций то с Польшей (А. Луцкевич), то с Литвой (Я. Лесик), то с РСФСР (А. Червяков, Д. Жилунович, белорусская группа «национал-коммунистов») [22]. Но и с одной, и с другой стороны были цинично использованы как марионеточное орудие в великодержавных геополитических комбинациях своих более сильных и организованных соседей. В этот период зародилась историографическая традиция первого периода, представителями которого явились активные участники белорусского национального движения 1917 – 1920 гг. – инициаторы проекта создания белорусской государственности: А. Луцкевич [23], А. Цвикевич [26], Я. Лесик [19], М. Довнар-Запольский [10], В. Игнатовский [4], Ф. Турук [25], К. Езовитов [12], И. Воронко [7].

На трактовку ими событий Гражданской войны в целом и польско-советской в частности наложили печать политические взгляды этих представителей белорусской политической элиты различных идеологических ориентаций. На формирование их исторического сознания в 1918–1921 гг. наибольшее влияние оказали два идеологических течения эпохи. Первое из них представляла та группа белорусской неонароднической интеллигенции, которая не приняла большевистский режим и советскую власть (А. Луцкевич, А. Цвикевич, К. Езовитов, И. Воронко, Я. Лесик). Они вырабатывали историческую аргументацию в целях доказательства правомерности политических проектов лидеров белорусской национальной демократии.

Их перу принадлежат те работы 1919–1924 гг., в которых авторы отстаивают идеи органичности создания в 1918 г. БНР. Брошюры А. Цвикевича, И. Воронко, М. Довнар-Запольского, К. Езовитова пропагандировали необходимость создания белорусского государства [16], поэтому вполне естественно, что те силы, которые с прагматичным цинизмом рассматривали решение «белорусского вопроса» с позиции своих геополитических интересов в годы польско-советской войны, рассматривались ими как «двойное зло» для Беларуси. Как увидим далее,

эта позиция и в белорусской эмигрантской историографии второй половины XX в.

Другая часть белорусской интеллигенции, сотрудничавшая с белорусской властью, активно участвовала в формировании нового исторического сознания белорусов в структуре белорусского национального комиссариата 1918–1919 гг. (А. Червяков, А. Устилович, В. Скоринка, Д. Жилунович, Е. Канчер и др.). Белнацком, как специальный орган в структуре госаппарата РСФСР, сыграл существенную роль в определении форм и характера белорусско-российского сотрудничества в годы польско-советской войны, в идейно-политической консолидации леворадикальной части белорусской интеллигенции на позициях советской власти и поддержки большевистского режима. В годы нэпа эта группа оказала существенное влияние на проведение политики «белорусизации» [16].

Очерки В. Ластовского (Вильно), А. Луцкевича (Париж), А. Цвикевича (Берлин), Я. Воронка (Ковно), вышедшие в 1918–1919 гг., познакомили европейское политическое сообщество с историей и состоянием «белорусского вопроса» в период Гражданской войны и интервенции. Они явились попыткой постановки белорусской темы перед государствами Антанты в связи с проведением Парижской мирной конференции. Значительное внимание в этих работах уделялось взаимоотношениям с Польшей, захватившей в 1919 г. большую часть территории Беларуси. К. Езовитов, Я. Воронко, А. Цвикевич оценили такую политику Польши как колониальную [2, с. 331–332]. Характерно, что при всех разногласиях по проблемам политического будущего Беларуси и та часть белорусской, просоветски настроенной элиты, которая поддержала большевистскую Россию, однозначно оценила политику Польши по отношению к Беларуси как оккупантскую [25, с. 54–62].

В 20-е гг. XX в. в БССР обозначились два доминирующих подхода трактовки событий Гражданской войны в целом и польско-советской войны в частности. Первый был представлен «национал-коммунистами» и их попутчиками из левоэсеровского лагеря (Д. Жилунович, Я. Дыла, В. Игнатовский, Я. Лесик, А. Смолич, А. Бурбис, Ф. Турук). В работах этих авторов негативно оценивалась роль Польши в польско-советской войне и ее политика в «белорусском вопросе». В оценках сотрудников белорусского Истпарта (С. Агурский, С. Поташ и др.) ошутимо просматривались идеологические традиции бывших бундовцев, «обратившихся в коммунисты» после победы большевиков.

Литература этого периода создавалась преимущественно в жанре историко-политической публицистики с заметными элементами

мемуарного жанра. Субъективизм авторов в ней, активных участников описанных событий, оставил заметный след в трактовке событий эпохи. Специальных работ, написанных в традициях исследовательского нарратива, создано не было. Явная политическая избирательность и тенденциозность были характерны и для первых документальных публикаций тех лет.

В 30-е гг. XX в. разгром «нац-демов», а вслед за ними их оппонентов из «пробундовского лагеря» (сотрудников Белистпарта), объявленных «троцкистско-зиновьевскими пособниками», преобразовали трактовку Гражданской и польско-советской войн в иллюстрированный придаток пропагандистской литературы вплоть до 60-х гг. XX в. [29, с. 221–227]. В связи с вхождением архивного ведомства в структуру НКВД и МВД СССР (1938–1958 гг.) была подорвана возможность проведения исследований событий 1919–1921 гг. на полноценной архивной источниковой базе. Для юбилейных изданий тех лет, посвященных круглым датам Октябрьской революции и Гражданской войны на территории бывшей Российской империи были характерны: тенденциозность, обусловленная идеологической цензурой и ситуационной конъюнктурой; избирательная купюрность в изданиях документальных сборников и низкая профессиональная культура археографической подготовки.

На долгие годы на полки «спецхрана» легли мемуары и публицистика «врагов народа», репрессированных в 1929–1938 гг., работы деятелей белорусской эмиграции. Исследование проблемы «де факто» лишилось своего источникового фундамента [16, с. 45–48, 54–55]. К типичным образцам «продукции» тех лет относилась работа научного сотрудника Белистпарта А. И. Зюзькова, опубликованная под красноречивым названием «Крывавы шлях беларускай нацдэмакратыі», изданная 7000-м тиражом Белгосиздатом [14]. Характерной для тех лет явилась книга И. Лочмеля «Нарыс гісторыі барацьбы беларускага народу супраць польскіх паноў» [17]. Не избежал влияния господствующего социально-политического заказа трактовки белорусско-польских отношений 1919–1921 гг. В.И. Пичета, который вернулся в середине 30-х гг. XX в. из «мест не столь отдаленных» в Вятке [21].

Колоссальные потери источников по истории Гражданской и польско-советской войн понесли архивы Беларуси в 1939–1945 гг. Поэтому доминирующее направление археографических публикаций, возобновленных с конца 50-х гг. XX в., опирались на неполноценные выборки из архивов СССР. К тому же они были пропущены через хорошо отлаженные фильтры идеологической цензуры. Публикации, подготовленные на профессиональном уровне, стали появляться только

с конца 60-х гг. XX в. К ним можно, прежде всего, отнести двухтомник «Борьба за советскую власть в Белоруссии. 1918–1920» (1-й том вышел в 1968 г., 2-й – в 1971 г.) [3]. В подготовке сборника принимали участие сотрудники Института истории партии при ЦК КПБ, Архивного Управления и ЦГАОР БССР, ЦГАСА, из фондов которого и была взята большая часть документов. Являясь составной частью общесоюзной серии «Из истории гражданской войны в СССР», сборник включал 873 документа, большинство из которых впервые вводились в научный оборот и содержали информацию военно-оперативного характера.

Характерно, что в эти же годы публикаторскую активность проявляют и деятели белорусской послевоенной эмиграции из рядов бывших коллаборантов. В 1960 г. из этой среды вышла публикация «За дзяржаўную незалежнасць Беларусі. Дакументы і матэрыялы, сабраныя і падрыхтаваныя для публікацыі І. Касяком, прагледжаныя і апрабаваныя да друку камісіяй БЦР пад кіраўніцтвам прафесара Р. Астроўскага» (Лондан, 1960). Первый раздел этого издания охватывал период с октября 1917 г. по октябрь 1925 г. Он был, по мнению М.Ф. Шумейко, едва ли не первой попыткой документального освещения проблемы национально-государственного строительства в Белоруссии с «определенных позиций» [29, с. 293].

Отдельные аспекты, затрагивающие проблематику польско-советской войны 1919–1921 гг., были подняты в ряде публикаций белорусских историков и археографов в 90-е гг. XX – начале XXI вв. Они касались главным образом роли политических партий и политических деятелей, игравших значительную роль в исторических событиях той эпохи. В 1997 г. вышел из печати подготовленный Э. М. Савицким сборник «Бунд Беларусі. 1897–1921: дакументы і матэрыялы» [5]. Работа над ним велась Госкомархивом Беларусі совместно с МГИАИ РГГУ, Еврейским научным институтом ИВО и Еврейской теологической семинарией (США). В том же году под редакцией директора БелНИИДАД В.Н. Михнюка в серии «Возвращенные из небытия» были опубликованы материалы следственного дела А. И. Луцкевича [1]. В 1999 г. в той же серии увидела свет и автобиография Б. И. Тарашкевича [6]. Эта археографическая традиция была поддержана подготовкой и изданием с конца 90-х гг. XX в. уникальной серийной публикации «Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў», первый том которой включал более 100 документов из архивов Беларусі и Литвы периода 1917 – 1921-х гг. [13]. Введение в научный оборот значительного массива новых оригинальных источников существенно расширило возможности историков Гражданской войны и интервенции на

территории Беларуси для формирования новых версий этой эпохи, трактовки в этом контексте событий польско-советской войны.

Нам уже приходилось отмечать ранее, что в 90-х гг. XX – начале XXI вв. произошел коренной перелом в подходах и оценках событий 1918–1921 гг. в белорусской историографии. Он был связан с теми геополитическими изменениями, которые произошли на постсоветском пространстве после развала СССР: выход на первый план в 90-х гг. XX в. этноцентричных направлений в белорусской историографии; принципиальные разногласия между белорусскими историками разных поколений в оценках одних и тех же событий; доступность архивных фондов, снятых с режима спецхрана; учет историками РБ историографических версий белорусоведов зарубежья и др. Понятно, что эти значимые факторы породили широкий разброс мнений в оценках событий и деятелей периода польско-советской войны (роль РСФСР и Польши в этих событиях; характер внешнеполитического фактора; роль политических элит и др.).

Примерами этноцентричных версий, отражающих взгляды историографической традиции белорусской эсеровской историографии 1919–1921 гг., могут служить многочисленные работы А.Е. Тараса, ориентированные на массовую читательскую аудиторию [24]. Среди изданий, инициируемых А.Е. Тарасом в серии «Неизвестные войны», отметим книгу профессионального историка-медиевиста, откликнувшегося на злобу дня, А.П. Грицкевича «Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Советской Россией и Польшей за Белоруссию» [9]. Главный вывод автора сводится к мысли о том, что Рижский мирный договор как итог войны сформировал рубеж «между странами буржуазной демократии и тоталитарной Россией» [9, с. 467]. Корни этноцентричного подхода в трактовке взаимоотношений Беларуси, России и Польши уходят в «теорию двух зол» (России и Польши), сформированную еще в конце XIX в. молодым М.В. Довнар-Запольским. Данный подход и сегодня доминирует в белорусской зарубежной историографии конца XX – начала XXI вв. Такое представление складывается после знакомства с работой Ю. Веселковского, посвященной истории Беларуси начала XX в. [8], солидной публикацией известного белорусского историка Польши Е. Мироновича [20], статьями и монографиями О. Латышонка, К. Гомулки и Е. Глаговской.

В работе Ю. Веселковского, ориентированной на массового читателя зарубежной белорусской диаспоры, пожалуй, в наибольшей степени отразились элементы исследовательского начала. При создании этой монографии автор опирался на небольшой, но достаточно

репрезентативный круг историографических традиций: Беларуси (работы Я. Воронка, В. Захарки, Е. Канчара, А. Зюзькова, Н. Каменской, В. Круталевича, А. Станкевича, А. Луцкевича, И. Ковкеля, Н. Сташкевича, И. Любочко, Н. Вакара); Польши (работы А. Чубинского, А. Бергман, А. Дируги, А. Дзевановского, Т. Комарницкого, М. Космана, Я. Левандовского, В. Лютославского, В. Побуг-Малиновского, Б. Стрижковского, Р. Уместовского, П. Вандыча, В. Виельгорского и др.); Великобритании и США (исследования А. Адамса, Дж. Бейли, С. Бонсала, Дж. Бредли, Э. Карра, А. Коббана, Н. Дейвиса, Дж. Деграса, Х. Франкеля, М. Пайпса, З. Земана и др.). Эти очень разноликие по политической подоснове и историографическим интерпретациям работы предполагали у Ю. Веселковского наличие как минимум двух необходимых качеств: критического самостоятельного подхода к используемой информации и привлечение хотя бы минимальной источниковой базы из археографической традиции XX в. Эти два качества автор проявил в достаточной степени [17, с. 65–66]. Изученная и проанализированная им информация подводила к основополагающим выводам, которые позволили автору оценить политику Польши под руководством Ю. Пилсудского и большевистской России как политику «империалистического экспансионизма», а деятельность западных держав (Германии, стран Антанты и США) – как цинично-прагматичную, корыстную и недалекую. Политику, которая определила ситуацию, породившую Вторую мировую войну [8, с. 138–143, 171–175, 214–228, 242–249, 277–287, 344–356]. При всей жесткости итоговых формул Ю. Веселковского нельзя не признать, что приводимая им система фактов, на наш взгляд, подтверждает в значительной степени их правоту.

Такой подход и трактовка кардинально расходятся не только с историографической традицией историков БССР, но и версиями официальной историографии РБ, представленной в современных учебниках истории вузов. В значительной мере близко к позиции Ю. Веселковского в трактовке событий польско-советской войны «поколение сороколетних» историков Беларуси: Н.Н. Мезги [19] и А.Н. Чернякевича [27; 28].

Однако на сегодня в белорусской историографии отсутствует сбалансированное, синтезное исследование, посвященное истории польско-советской войны, исследование, которое было бы вписано в социальный контекст белорусской истории 1919–1921 гг. Значительный рост публикаций, связанных с юбилейными датами (1918, 1919, 1921 гг. – рождение БНР, БССР, заключение Рижского мирного договора), не снимает необходимости исследования ряда важнейших аспектов в истории Беларуси.

Наиболее значимые из них к 2019 г.:

- в белорусской исторической науке отсутствует системное исследование историографического плана, анализирующее *качество* историографических версий проблемы;
- нет аналогичной работы, посвященной источниковедческим ракурсам источниковых комплексов событий этой эпохи;
- крайне слабо и поверхностно затронуты историографическим и источниковедческим анализом основные работы ведущих исследователей ЕС и США по рассматриваемой проблеме.

Как следствие такой ситуации – страдает качество самих исторических реконструкций, которое базируется на неполном и далеко не всегда достоверном фундаменте.

Литература

1. Антон Луцкевич: материалы следственного дела НКВД БССР. Минск: БелНИИДАД, 1997. 204 с.
2. Белазааровіч В.А. Гістарыяграфія гісторыі Беларусі. Гродна: ГрДУ ім. Я. Купалы, 2006. 346 с.
3. Борьба за советскую власть в Белоруссии. 1918–1920: сборник документов. Т. 1–2. Минск: Беларусь, 1967 – 1971. 602 с. + 631 с.
4. Брыгадзін П.І. Усевалад Ігнатоўскі: палітычны дзеяч, вучоны. Мінск: Полымя, 1998. 96 с.
5. Бунд в Беларусі. 1897 – 1921: дакументы і матэрыялы / пад ред. Э. І. Савіцкага. Мінск: БелНИИДАД, 1997. 607 с.
6. Валахановіч А.І., Міхнюк В.М. Сповідзь у надзеі застацца жывым: Аўтабіяграфія Б. Тарашкевіча. Мінск: БелНДІДАС, 1999. 200 с.
7. Варонка Я. Беларускі рух ад 1917 да 1920 году. Кароткі агляд. Выд. 2-е. Коўна, 1920. 34 с.
8. Весалякоўскі Ю. Беларусь у Першай Сусветнай вайне. Беласток – Лендан: [б. в.], 1996. 361 с.
9. Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2010. 496 с.
10. Даўнар-Запольскі М.В. Асновы дзяржаўнасці Беларусі. Гродна, 1919. 42 с.
11. Дудько А.Д. История Беларуси в работах Ю. Веселковского // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 1: Гісторыя і археалогія. Філасофія. Паліталогія. 2017. Т. 9. № 3. С. 60–73.
12. Езовитов К. Белорусы и поляки. Документы и факты из истории оккупации Беларуси поляками в 1918–1919 гг. Ковно, 1919. 124 с.
13. Знешняя палітыка Беларусі: зборнік дакументаў і матэрыялаў. Т. 1: 1917–1922 гг. / склад.: У. М. Міхнюк [і інш.]. Мінск: БелНДІДАС, 1997. 398 с.
14. Зюзькоў А.І. Крывавы шлях беларускай нацэмакратыі. Мінск: Белдзяржвыд, 1931. 86 с.
15. Карев Д.В., Дудько А.Д. Белоруссия в 1914–1921 гг. судьбоносное время // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем. Вып. 2. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2017. С. 59–68.

16. Карев Д.В. Белорусская историография и формирование исторического сознания белорусов в 1914–1945 гг. (основные тенденции развития в геополитическом контексте эпохи). Гродно: ЮрСаПринт, 2016. 112 с.
17. Лочмель І.Ф. Барацьба беларускага народу супраць польскіх паноў. Мінск: Белдзяржвыд, 1940. 115 с.
18. Ляхоўскі У. Беларуская справа падчас польскай акупацыі 1919–1920 // Спадчына. 1994. № 6. С. 50–87.
19. Мезга Н.Н. Советско-польские отношения в советской и польской историографии 1918–1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Минск: БГУ, 2016. 46 с.
20. Мірановіч Я. Навейшая гісторыя Беларусі. Беласток: OrtDruk, 1999. 270 с.
21. Пичета В.И. Основные моменты исторического развития Западной Украины и Западной Белоруссии. М.: Госэкиз, 1940. 136 с.
22. Скалабан В.В. Издательская деятельность белорусского национального комиссариата // История книги, книжного дела и библиографии в Беларуси. Минск: БГУКИ, 1986. С. 26–48.
23. Собственноручные показания А.И. Луцкевича 30 октября 1939 г. // Неман. 1995. № 1. С. 128–166.
24. Тарас А. Краткий курс истории Беларуси IX–XXI вв. Минск: Харвест, 2013. 544 с.
25. Турук Ф. Белорусское движение: очерк истории национального и революционного движения белорусов. М.: Госиздат, 1921. 142 с.
26. Цвікевіч А.А. Адраджэнне Беларусі і Польшча. Менск – Вільня – Берлін, 1921. 47 с.
27. Чернякевич А.Н. Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны (февраль 1919 – март 1921 года): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Минск: БГУ, 2001. 18 с.
28. Чернякевич А.Н. БНР. Триумф побежденных. Минск: А.Н. Янушкевич, 2018. 302 с.
29. Шумейко М.Ф. Археография: курс лекций. Минск: БГУ, 2005. 431 с.

D.V. Karev, A.D. Dud'ko

Yanka Kupala State University of Grodno

**Belarus in the geopolitical context of the polish-soviet war 1919–1920
(historiographic versions of national and foreign belarusian studies)**

Key words: revolution of 1917 and civil war; Polish-Soviet war of 1919–1920; historiographic and source study aspects of the problem; socio-political and ideological contexts of the epoch; possibilities and problems of reconstructing a balanced picture of historical events.

In the article basing upon the study of the Belarusian tradition of the 20s of XX – beg. XXI centuries the following issues have been revealed: the evolution of historiographic versions of Belarusian historiography in connection with changes in socio-political and ideological contexts of studying the Polish-Soviet war of 1919–1920s. The extent to which the source base of the problem of this historical event as the basis for its scientific reconstruction has been indicated.

Историко-археологический музей-заповедник «Калос Лимен»

УДК 930 (477) «20»: 355.48 ((470+571)+438) «1919/1921»

Польско-советская война 1919–1921 годов в оценке современной украинской историографии

Ключевые слова: *польско-советская война 1919–1921 гг.; ЗУНР; УНР; II Речь Посполитая; Директория; Симон Петлюра; Юзеф Пилсудский; украино-польский союз; Варшавский договор 1920 г.*

В статье освещается оценка польско-советской войны 1919–1921 гг. в контексте ее изучения в современном украинском историографическом дискурсе. Уделяется значительное внимание анализу украино-польских отношений 1919–1921 гг. как одного из важных аспектов военно-политического противостояния Советской России и II Речи Посполитой. Рассматривается роль персон Симона Петлюры и Юзефа Пилсудского как инициаторов создания украино-польского союза в борьбе против большевистской России и руководителей украинского и польского национально-освободительных движений XX в. в работах современной украинской исторической науки.

Политические события 1917–1921 гг. в украинской историографии вошли в историю под названием «Украинской национальной революции» («Української національної революції») или «национально-освободительные соревнования» («національно-визвольні змагання»). В украинской исторической науке оценка событий 1919–1921 гг. совершенно противоположна мнению российских и белорусских коллег. Несмотря на тот факт, что Польша угрожала территориальной целостности Украины (аннексия земель Восточной Галиции, суверенной ЗУНР) активным вмешательством поляков в украинский революционный процесс и Гражданскую войну, во взглядах украинской историографии Советская и Белая Россия являлись гораздо более опасным врагом, чем II Речь Посполитая [8, с. 73–81; 9, с. 173–178; 11, с. 462–535; 13, с. 27–29; 18; 19; 20, с. 353–386; 20; 21; 22]. В этих реалиях большое значение имеет анализ личностей С.В. Петлюры, Ю. Пилсудского, которые заключили военно-политический союз, действующий до октября 1920 г. Несмотря на политические, этнонациональные и административно-территориальные различия, военно-политический союз между УНР и Польшей являлся вполне логическим путем, так как оба государства были созданы на руинах Российской империи. Польско-советский конфликт 1919–1921 гг. был тесно связан с украинскими этническими землями, а также с украинским национальным движением; по мнению

украинских историографов, союз со II Речью Посполитой являлся последним шансом в борьбе за независимость Украины и создание Украинской державы. Немаловажным обстоятельством является именование военной кампании 1920 г. в украинских исследованиях «польско-советской», а не «советско-польской» войной, что до начала 2000-х гг. господствовало в историографических трудах. Следует, однако, заметить, что с середины 2000-х гг. в украинской историографии проявляется тенденция к использованию термина «польско-украинско-советская война» [4; 9, с. 73–81; 26, с. 295–336; 35; 36; 37; 38], дабы подчеркнуть «украинский аспект» польско-советской войны 1919–1921 гг.: на территории Украины военные действия велись не только польскими и советскими войсками, но и украинскими, действующими до октября 1920 г. в качестве равноправных участников украино-польского военно-политического альянса. При этом украинские ученые справедливо называют Польшу государством-агрессором, которое, впрочем, будучи связано с Украиной военно-политическим союзом, противодействовало плану В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и других лидеров большевистской России по распространению коммунистических идей в Центральной и Восточной Европе. Отметим, кроме того, что политический кризис 2013–2014 гг. на Украине, напряженные российско-украинские отношения заставили украинскую науку пересмотреть и переосмыслить подходы к изучению польской войны 1920 г., а вместе с тем и российскую, и белорусскую научные версии происходящих событий.

В этой статье мы проанализируем ряд основных работ, разбирающих причины, ход и значение польской кампании 1920 г. для украинской исторической науки; выявим и систематизируем главные научные центры и школы исследования данной проблематики; определим значение польско-советской войны 1919–1921 гг. для украинской национальной революции в контексте национально-освободительной борьбы украинских политических кругов за создание независимого соборного государства.

Ценными источниками при анализе ключевых аспектов проблемы польско-советской войны 1919–1921 гг. выступают мемуарные источники (В.К. Винниченко [2, с. 407–504], А. И. Удовиченко [57, с. 152–190], И.П. Мазепы [25, с. 5–56], С. Шелухина [58]), военных и политических лидеров Директории Украинской Народной Республики (УНР). Ряд других, представляющих не менее значимый интерес для научной общественности, находится в архивохранилищах Украины, Российской Федерации, Республики Беларусь, Великобритании, Франции, США, Канады. В первую очередь это материалы личной

переписки, дипломатическая корреспонденция, воспоминания, дневники, военно-исторические труды.

В научно-исследовательском поле современной украинской исторической науки сформировался ряд научных школ, занимающихся различными аспектами украинской национальной революции, в том числе и польской кампанией 1920 г. – киевская [6, с. 314; 14, с. 306–310; 16; 17; 23, с. 289–291; 26, с. 295–336; 27; 28; 29, с. 514–515; 30, с. 392–394; 32; 33; 34, с. 268–275; 35; 36; 37; 38; 39 с. 51–76; 45, с. 438–439; 46; 47; 48; 49; 50; 51; 52; 53; 54; 55; 56; 60; 61], львовская [3, с. 91–102; 4; 7, с. 97, 601–602; 9, с. 173–178; 10; 18; 19; 20; 21; 22], одесская [40, с.; 41, с.; 42, с.; 43, с.; 44], харьковская [31, с. 325–327], донецкая [5, с. 420–426], волынско-острожская [15], диаспорная (Канада) [1; 24]. Значительное внимание уделяется вопросам международно-политической обстановки, социально-экономическим проблемам, военной истории, этнопсихологии и ментальности истории Украины периода польско-советской войны 1919–1921 гг. в современной украинской национальной историографии. Заметим, что в контексте изучения истории «национально-освободительной борьбы украинского народа в начале XX в.» выходит целый ряд научных монографий, коллективных изданий, научных энциклопедий, учебных и справочных пособий, в которых, однако, польско-советская война 1919–1921 гг. представлена лишь эпизодически и фрагментарно, и то анализируется лишь на территории украинских этнических земель. Смежные процессы на белорусских, российских и литовских территориях интересуют украинских историков в меньшей степени, чем их зарубежных коллег.

Работы В.Ф. Солдатенко представляют собой комплексные научные труды со значительным использованием архивного и историографического материала (в том числе недоступного ранее историкам) [46 – 53]. Он глубоко анализирует развитие исторических процессов на Украине в переломную эпоху украинской национальной революции 1917–1921 гг. В процессе изучения украинского революционного процесса В.Ф. Солдатенко значительное внимание уделяет аспектам событий 1917–1921 гг., в ходе которых происходили Февральская и Октябрьская революции (в российской историографии сейчас именуются так называемой «Великой Российской революцией 1917–1922 гг.», в украинской исторической науке события Октября 1917 г. – не иначе как «Октябрьский переворот»). Ученый раскрывает взаимосвязь, взаимное влияние социальных и национально-освободительных процессов, которые с 1990-х гг. в украинской историографии начали изучаться как самостоятельные, отдельные объекты, что радикальным образом меняло целостность картины

происходящих событий, в том числе касающихся и польско-советской войны 1919–1921 гг. [48, с. 138; 52, с. 49, 184, 260, 317–320, 338–343, 421–442, 44–456, 486–490]. Благодаря В.Ф. Солдатенко значительное внимание в украинской исторической науке стало уделяться персоналиям украинской национально-освободительной революции 1917–1921 гг., в частности В.К. Винниченко [49–52], С.В. Петлюре [49] как лидерам Директории УНР, и причинам, по которым стал возможен острый внутренний политический кризис среди украинских национальных кругов, во время напряженного противостояния вооруженных сил УНР и ЗУНР агрессии Польши, Румынии, Антанты, Советской России, Белой гвардии. По мнению ученого, конфронтация в середине правительства Директории, которое унаследовала лишь малую часть от бывшего политического курса Украинской Центральной Рады и ускорила заключение Варшавского договора УНР с Польшей. В.Ф. Солдатенко подчеркивает: «Власть Директории оказалась недолгой, распространялась на ограниченную территорию Украины, которая все далее уменьшалась. ...Непримиримые ее противники (С. Петлюра и его сторонники) лихорадочно искали политический выход в новых контактах с иностранными силами – сначала с Антантой, затем с поляками. Однако советской власти, которая с каждым днем все более укреплялась, удалось разбить и поляков, и поддержанную Антантой армию Врангеля, подавив повстанческо-атаманское движение. В конце 1920 г. национально-освободительные силы были настолько подорваны, что не имели больше возможности бороться за украинское дело, отстаивать украинскую идею» [51, с. 24–25].

В.А. Савченко в ряде своих исследований, посвященных изучению анархо-синдикалистского движения в период украинской национальной революции и Гражданской войны 1917–1921 гг. [41–44], отмечает, что зимой – весной 1920 г. в связи с напряженной ситуацией с продовольствием, хозяйственной разрухой, голодом, финансовым кризисом, политикой «военного коммунизма» и насильственной продразверстки для большевиков сложилась неблагоприятная ситуация. Массовое крестьянское повстанческое движение фактически парализовало советский тыл на украинской земле [42, с. 255–380; 43, с. 57–115]. Благодаря этому фактору наступление, предпринятое украинскими и польскими войсками в апреле – мае 1920 г., считает исследователь, добилось значительных успехов. Украинским войскам следовало бы обратиться за помощью к повстанцам, как полагал автор. Отметим, что полностью подавить массовое антисоветское повстанческое движение большевикам Украины удалось с помощью частей милиции, ЧОНА, Красной армии лишь к лету 1921 г., когда

заработала инициированная В.И. Лениным (Ульяновым) новая экономическая политика. Перу В.А. Савченко также принадлежит биография украинского политика, лидера Директории УНР Симона Васильевича Петлюры. По мнению ученого, главный атаман армии УНР смог на переговорах с Польшей выторговать выгодные условия, необходимые для существования УНР и борьбы против Советской России [40, с. 343–370], к тому же переговоры с Речью Посполитой проходили в весьма непростых условиях. В.А. Савченко подчеркивает: «Пилсудский мечтал о буферном, марионеточном украинском государстве, которое будет помогать Польше в защите от России. Причем поход «на Восток» он предлагал начать немедленно, заявляя, что «большевиков необходимо разгромить, пока они не окрепли. Украина – вот их слабое место». К наступлению подталкивали и сведения о том, что ленинское правительство решило содействовать антипольскому восстанию в Галичине» [40, с. 346].

Варшавский договор 1920 г. зафиксировал уступки польского правительства Ю. Пилсудского С. Петлюре, что можно считать частичной дипломатической победой украинской дипломатии. Согласно договору польское правительство Юзефа Пилсудского отказалось от намерений расширить территорию Польши к границам Речи Посполитой в 1772 г. и признало УНР. Польше отходили Восточная Галичина и пять уездов Волыни, то есть территория принадлежала Австро-Венгерской и Российской империям. В конце концов альянс Петлюра – Скоропадский распался из-за того, как указывает В.А. Савченко, что Польша, нанеся поражение Красной армии под Варшавой, не имела больше сил для проведения новых наступательных операций и начала сепаратные (по отношению к УНР) переговоры с Советской Россией. Их итогом стало Рижское перемирие 12 октября 1920 г., а в марте 1921 г. – Рижский мир, который зафиксировал «установление границы, которая просуществовала до 1920 г.» [30, с. 394].

Ряд глубоких научных работ, посвященных украинскому взгляду на события польской кампании 1919–1921 гг., написал киевский военный историк А.О. Руккас [35–39]. Используя обширный архивный материал, главным образом из польских и украинских архивов, он описывает участие вооруженных сил Украины в операциях 1920 г. Исследователь выделяет два аспекта польской войны 1920 г.: 1) во-первых, события трактуются им как польско-украинско-советский конфликт, а не польско-советский, как ранее в работах советской, российской и частично украинской историографии; 2) во-вторых, он считает: благодаря активной помощи польских союзников вооруженные силы УНР значительно усилились, что свидетельствовало о формировании ряда

новых боевых формирований, частей, воинских подразделений и учреждений (в частности жандармерия, организация охраны тыла, этапные части, полевая охрана, Каменецкая пешая юношеская школа, военно-морской флот, отдельный корпус пограничной охраны, казаческие формирования в составе армии УНР, ряд отдельных совместных украино-польских частей); 3) в-третьих, ученый делает важный детальный военно-исторический обзор событий, польско-украинско-советской войны 1920 г., описывая, в частности, малоизученную оборону 29–31 августа 1920 г. 6-й стрелковой дивизии армии УНР под командованием генерал-хорунжего М.Д. Безручко, польского 31-го полка Каневских стрелцов, трёх бронепоездов польской армии (менее 4 тыс. человек) против Первой конной армии Буденного численностью менее 8 тыс. бойцов. Другие не менее важные аспекты участия украинцев в польско-советской войне 1920 г. раскрыты в трудах под редакцией Я. Дашкевича [10], В. Смолия [11], В. Павлова [12], А.Г. Папакина [30, с. 392–394], В. Петровского, Л. Радченко, В. Семененко [31, с. 325–327], Е. Пинака, Н. Чмыря [32], О.П. Реента, И.А. Коляды [34, с. 268–275], В.А. Савченко [40, 340–371; 41, с. 313–342], И. Срибняка [54], Я. Тинченко [55; 56] и других украинских военных историков, международников и публицистов.

Перу Д.Б. Яневского принадлежат ряд историко-публицистических работ [59–61], посвященных истории украинской государственности. Несмотря на критику оппонентов, недостаток архивных материалов, работы Д.Б. Яневского представляют немалый интерес для исследователей, поскольку, изучая феномен украинской государственности, автор уделяет значительное внимание таким аспектам, как личность С.В. Петлюры и установление его диктатуры в УНР зимой 1919 – весной 1920 гг. [61, 799–802], международно-политическая ситуация, которая сложилась вокруг украинских земель к началу Польской кампании 1920 г., развитие украино-польских отношений в контексте противостояния притязаний Советской России на наследство бывшей Российской империи [61, с. 722–878]. По мнению Д.Б. Яневского, у С.В. Петлюры не было пространства для дипломатических маневров в дискуссии с польским руководством зимой 1919 – весной 1920 гг. [61, с. 804–809, 847–852] Оккупировав Восточную Галичину при полной поддержке Англии и Франции, ведущих держав Антанты и победительниц в Первой мировой войне, Польша диктовала украинцам условия для заключения военно-политического союза [61, с. 738–743, 765–776]. Явным выигрышем С.В. Петлюры в переговорах с Ю. Пилсудским было то, что он Варшавским пактом легализировал международно-политический статус УНР как равноправного участника

военной кампании Польши против СССР. Большого С.В. Петлюра добиться при явной военной, финансовой и экономической помощи западных союзников Польше он не мог. Кроме того, руководство Антанты не забыло, что правительство УНР в феврале 1918 г. заключило сепаратный Брест-Литовский мирный договор с Германией и странами Четвертного союза. Ценой этого договора было дипломатическое признание УНР воюющей стороной, однако в глазах Антанты такое соглашение превращало украинских державников в сепаратистов, борющихся не столько против российских большевиков, сколько за собственное признание. Польша, являющаяся опорой Антанты в Центральной и Восточной Европе, такие прерогативы имела и поэтому смогла укрепить свои насильственные захваты соглашением с украинским руководством.

Свой взгляд на интерпретацию событий 1919–1920 гг. представляют украинские диаспорные историки. В. Верига, выдающийся украинский диаспорный историк, журналист, общественный деятель, посвятил двухтомное произведение одному из наиболее важных и противоречивых событий украинской истории – борьбе за создание украинской государственности от Первой мировой войны до 1923 г., когда, вследствие поражения Украинской национальной революции этнические украинские земли оказались разделены между Польшей, Румынией, СССР, Чехословакией. В центре внимания историка В. Вериги – выдающиеся личности национально-демократического лагеря и коммунистического лагеря Украины и России. Значительный акцент в работе автора уделен аспекту внешней политики Советской России и западных государства относительно Украины в 1917–1923 гг. (в интересующем нас втором томе фундаментального исследования), причин поражения украинской государственности и феномену украинской соборности, которая была перенесена за границу, и уже политические эмигранты продолжили борьбу за восстановление независимости Украины, учтя ошибки и недочеты национальных революционеров 1917–1923 гг. По мнению В. Вериги, инициатором украино-польского сближения был Ю. Пилсудский, который в глазах Запада пытался представить себя ярким пропагандистом и инициатором борьбы за национально-политическое освобождение народов бывшей Российской и Германской империй (Литвы, Белоруссии, Украины) [1, с. 196]. В то же время Польский национальный комитет (ПНК) во главе с Р. Дмовским и И. Падеревским стремился к проведению аннексионистской политики путем поглощения украинских, литовских и белорусских этнических земель, стремясь к восстановлению границ 1772 г., то есть возвращение тех территорий, которые Польша потеряла в результате

«польских разделов». Напряженные переговоры продолжались с мая 1919 г. (когда поляки усилили натиск на ЗУНР, введя в бой резервную 80-тысячную армию генерала Ю. Галлера) до апреля 1920 г., когда в результате безысходной политической ситуации С.В. Петлюра согласился на заключение военно-политического союза между УНР и II Речью Посполитой [1, с. 200–203]. Война 1920 г., согласно гипотезе В. Вериги, является превентивной, поскольку «в начале 1920 года большевики считали Польшу наисильнейшим противником. Чтобы замаскировать свои приготовления к нападению, большевики предложили мирные переговоры. Но поляки не спешили, тем более, что большевистские тенденции, в частности, сосредоточения войск на западной границе, не указывали на возможность прочного мира. В конце после заключения Варшавского договора и Военной конвенции 25 апреля 1920 польские войска и две украинские дивизии под историческим лозунгом “За вашу и нашу свободу” начали наступление на всем украинском фронте, от Днестра до Припяти» [1, с. 203]. Как В. Верига предполагает, большевики под командованием С. Буденного, потерпев неудачу подо Львовым, двинулись на помощь терпящим поражение армиям М.Н. Тухачевского под Варшавой. Новая задержка отрядов Буденного под Замостьем 29 и 30 августа 1920 г. дала возможность перешедшей в контрнаступление 5-й польской армии под командованием Ю. Пилсудского довершить разгром войск М.Н. Тухачевского. Причем в обороне Замостья одну из главных ролей сыграл 6-й сечевой отряд стрелковой дивизии армии УНР под командованием полковника М.Д. Безручко [1, с. 208]. Несмотря на удачу под Варшавой, поляки, суммирует В. Верига, окончательно предали общее дело военно-политического союза, пойдя на заключение перемирия с Советской Россией. Попытка развязать осенью 1920 г. – осенью 1921 г. восстание на территории, оказавшейся под большевистским контролем, привела к неудаче [1, с. 215–219]. Следовательно, украинцы, сыгравшие важную роль в отражении советского вторжения в Европу, как пишет В. Верига, сражались за интересы чужого государства, не заинтересованного в создании украинской государственности.

Профессор Торонтского университета П.-Р. Магочий отмечает [24, с. 486], что в ходе польско-советской войны поляки пытались найти поддержку среди украинцев, особенно во время масштабного контрнаступления на Восток. УНР оказалась окруженной с запада поляками, с севера и востока – большевиками и белогвардейцами. В октябре 1920 г., по его мнению, закончилась окончательно третья фаза украинской революции. Массовые крестьянские восстания, нападения мародеров привели к тому, что изолированное правительство

Украинской народной республики безрезультативно пыталось найти поддержку с галицкими собратьями в борьбе против иностранных захватчиков [24, с. 487]. Ситуация на украинских землях привела к тому, что только украинские большевики смогли захватить и удержать с помощью своих российских союзников власть. Таким образом, украинско-польский союз полностью не оправдал себя, по мнению П.-Р. Магочия, в борьбе против Советской России. В Польше победило мнение сторонников Р. Дмовского, а не Ю. Пилсудского, которые отвергали помощь со стороны националистических кругов Белоруссии и Украины, стремясь вернуться к ситуации 1772 г., когда Речь Посполитая владела территориями, расположенными вдоль правого берега Днепра.

Таким образом, современная украинская историография выделяет следующие аспекты в изучении событий польско-советской войны 1919–1921 гг., делая упор при этом на украинскую составляющую происходящего.

1. Польско-советский конфликт 1919–1921 гг. рассматривается украинской исторической наукой как последний этап украинской национальной революции 1917–1921 гг. в борьбе за создание независимого украинского государства против Советской и Белой России. По мнению украинских ученых, военные действия против Советской России были развязаны Польшей с целью противодействия коммунистической экспансии в Восточную Европу. Вместе с тем польские националистические круги указывали, что, ведя кампанию против большевиков, они не допустят возвращения Польши в сферу влияния России по состоянию на 1914 г. При этом отметим, что украинская историческая наука выделяет Украинскую народную республику (УНР) в качестве самостоятельной военной силы, а не вспомогательной, какой она представлена в ряде советских, польских и российских научных трудов.

2. Польшу интересовали обширные украинские, литовские и белорусские земли. При этом, получив независимость на фоне окончания Первой мировой войны и распада мировых империй Центральной и Восточной Европы (Российской, Австро-Венгерской, Германской, Османской), поляки цинично использовали существенный военный потенциал не для сохранения независимости, а для превращения собственного государства в новую империю, ставшую благодаря поддержке Франции бастионом против Германии и России, какой бы режим ни пришел к власти там. На 1919 г. существовали два украинских государственных образования – УНР (Надднепрянская Украина) и ЗУНР (западноукраинские земли, исключая Закарпатье, Буковину и Северную Бессарабию), связанные тесным военно-политическим и экономическим

альянсом (так называемый акт «Злуки» («Воссоединения»)) с 1919 г. В борьбе за независимость Украины УНР и ЗУНР противостояли совсем другому противнику: для первых таковыми являлись большевики, российские белогвардейцы, украинские «зеленые» (повстанцы-анархисты, так называемые «махновцы», «григорьевцы» и др.), для вторых – Польская республика, выдвинувшая претензия на украинские этнические земли не только бывшей Австро-Венгрии (Галицию и Лодомерию), но и Российской империи (вплоть до Правобережной Украины в границах 1772 г.). Галичане в борьбе с польской агрессией вступали в спорадические союзы как с Белой гвардией, так и с большевиками (так называемая ЧУГА (Червона Українська Галицька Армія), в то время как надднепрянцы полностью игнорировали возможность примирения либо союза с Советской Россией или российским белогвардейским движением (по крайней мере, до появления в Крыму барона П.Н. Врангеля, отказавшегося от концепций «единой и неделимой России» А.В. Колчака и А.И. Деникина ради создания единого антибольшевистского фронта). Этот аспект отсутствия единства в выборе противника, как и союзника, и послужил причиной фактического распада союза Западной и Надднепрянской Украины (акт символической «Злуки» 1919 г. («Воссоединения»)). Варшавский договор 1920 г. между Директорией УНР и II Речью Посполитой привел к тому, что политический проект западных украинцев потерпел фиаско (С. Петлюра признал статус-кво западноукраинских земель в составе Польши). По состоянию на апрель 1920 г. большевики контролировали территорию значительной части Надднепрянской Украины вместе с Киевом, вынудив УНР эвакуировать свои части за р. Збруч. ЗУНР же прекратила свое фактическое существование еще летом 1919 г., когда польские части усилили натиск за счет прибывших частей из Франции и Великобритании («голубая армия» Ю. Галлера). После окончания польской кампании 1920 г. вместо того, чтобы соблюдать условия Варшавского соглашения 1920 г. о поддержке суверенитета УНР в борьбе против большевистской России, польская сторона после «чуда на Висле» пошла на сепаратные переговоры, по мнению украинской стороны, и таким образом нарушила заключенные договоренности. Украинские вооруженные силы (УГА и армия УНР) оказались разоруженными и интернированными на территории Западной Украины и Восточной Польши, но не прекратили вооруженную антисоветскую борьбу, совершив до 1921 г. несколько рейдов на советскую часть Украины с целью развязывания партизанской борьбы. Эта миссия потерпела неудачу.

3. Аннексировав ЗУНР вследствие польско-украинского конфликта 1918–1919 гг., польский лидер Ю. Пилсудский пошел на заключение военно-политического союза с Украиной (УНР) и Белоруссией (БНР). Для С. Петлюры, ставшего к тому времени фактически единым диктатором Директории УНР, это был реальный шанс спасти наследие украинской национальной революции и, заручившись поддержкой мощного союзника, вернуть статус-кво, каким украинские национальные круги обладали на момент германской интервенции к середине апреля 1918 г. Пожертвовав Западной Украиной со Львовом, главный атаман Армии УНР, продлил существование украинского суверенитета еще на год, контролируя незначительную территорию, отвоеванную вследствие успешных совместных наступательных операций польско-украинских войск («Киевский поход» 1920 г.). Польша же, заключив союз с УНР, смогла юридически легитимизовать свои территориальные захваты, оправдывая их «борьбой с большевизмом». При этом не все украинские исследователи соглашались с тем, что заключение украино-польского союза 1920 г. являлось целиком продуманным и логичным шагом в борьбе за независимость Украины (львовская историографическая школа подчеркивает категорическое осуждение руководством ЗУНР Варшавского договора 1920 г. ценой легитимации оккупации Восточной Галичины Польшей и борьбу против польской, румынской и советской аннексии правительства Е. Петрушевича в эмиграции).

4. Польское вторжение 1920 г. не способствовало росту антибольшевистской борьбы на украинских землях. Крестьянские восстания стихийно продолжались еще до 1922 г., однако повстанческие лидеры не стремились оказать поддержку польским войскам (сработала психология неприятия польского владычества на украинских землях в XIV–XVIII вв.). Однако, как подчеркивают украинские историки, шанс создания коалиции Польша – Украина – Беларусь – Белая Россия (врангелевские войска в Крыму) существовал. В конце лета 1920 г. врангелевские силы провели ряд успешных наступательных операций в Надднепрянщине и на Донбассе, создав угрозу тыла Красной армии на территории Украины.

5. В научных, публицистических и научно-популярных работах украинской исторической науки акцентируется внимание на таких малоизвестных (по сравнению с российской исторической мыслью) фактах, как Варшавское соглашение, украино-польский военно-политический альянс (две конвенции 21 и 24 апреля 1920 г.) и совместные наступательные и оборонительные действия украинских и польских войск в период борьбы за территорию Украины (апрель – август 1920 г.). Значительная роль уделяется личности С.В.

Петлюры как выдающегося политического, военного, административного и национального лидера и руководителя последнего этапа украинской национальной революции 1917–1921 гг. Безусловно, архивные источники, личная переписка, дневники, неопубликованные свидетельства и прочие источники, находящиеся на территории Украины, Франции, Польши, Чехии, Канады, являются ценными для понимания событий 1917–1921 гг., особенно тесно связанных с событиями польско-советской войны.

Литература

1. Верига В. Визвольні змагання в Україні 1914–1923 рр.: у 2 т. Львів: В-во Отців Василіан «Місіонер», 1998. Т. 2. 504 с.
2. Винниченко В. Відродження нації. Київ-Відень: Політична література України, 1990. Ч. 3. 542 с.
3. Голубко В. Варшавська угода 1920 року її перспективи у візії західноукраїнських політиків // Україна модерна. Київ-Львів, 2002. Число 7. С. 91–102.
4. Голубко В. Українсько-польсько-радянська війна 1920 р. і Східна Галичина. URL: <http://ena.lp.edu.ua:8080/bitstream/ntb/9197/1/02.pdf> (дата обращения: 30.07.2019).
5. Губарев В. К. История Украины: справочник школьника и студента. Донецк: ООО ПКФ «БАО», 2004. 656 с.
6. Гриценко А.П. Декларація дипломатичної місії УНР у Варшаві від 2 грудня 1919 // Енциклопедія історії України: у 10 т. Київ: Наук. думка, 2004. Т. 2. С. 314.
7. Довідник з історії України (А–Я): посібн. для серед. загальноосв. навч. закл. / за заг. ред. І. Підкови, Р. Шуста. Київ, 2001. 2-ге вид., доопр. і доповн. 1136 с.
8. Зінкевич Р.Д. Предісторія підписання Варшавського договору 1920 р.: С. Петлюра та Ю. Пілсудський // Вісник Національного університету «Львівська політехніка»: збірник наукових праць. Львів, 2013. № 752. С. 73–81.
9. Зінкевич Р.Д. Українсько-польсько-радянська війна 1920 року: С. Петлюра і Ю. Пілсудський // Вісник Національного університету «Львівська політехніка»: збірник наукових праць. Львів, 2017. № 3(43). С. 173–178. URL: <http://molodyvcheny.in.ua/files/journal/2017/3/42.pdf> (дата обращения: 30.07.2019).
10. Історія українського війська (1917–1995) / від ред. Я. Дашкевич. Львів: Світ, 1996. 840 с.
11. Історія українського козацтва: нариси: у 2 т. / під ред. В.А. Смолія. Київ: Києво-Могилянська академія, 2011. Т. 2. 2-е вид. 724 с.
12. Історія українського війська / від ред. В. Павлов. Харків: Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля, 2016. 416 с.
13. Ковальчук М. Невідома війна 1919 року: Українсько-білогвардійське збройне протистояння. Київ: Темпора, 2006. 576 с.
14. Котляр М., Кульчицький С. Довідник з історії України. Київ: Україна, 1996. 463 с.
15. Кралюк П. Варшавський договір 1920 року: українська оцінка // Дзеркало тижня: інформаційно-аналітичний тижневик. Київ, 2016. № 35. С. 15.

16. Лазарева А. Україна на Паризькій мирній конференції 1919-го: проти течії. URL: <https://tyzhden.ua/History/226899> (дата обращения: 30.07.2019).
17. Липовецький С. Полонені й забуті. URL: <https://tyzhden.ua/History/228978> (дата обращения: 30.07.2019).
18. Литвин М.Р., Науменко К.Є. Історія галицького стрілецтва. Львів, 1990. 200 с.
19. Литвин М.Р., Науменко К.Є. Українські Січові Стрільці. Київ, 1992. 48 с.
20. Литвин М. Українсько-польська війна 1918–1919 рр. Львів: Інститут українознавства НАНУ, 1998. 488 с.
21. Литвин М.Р., Науменко К.Є. Військова еліта Галичини. Львів: Інститут українознавства ім. І. Крип'якевича НАН України, 2004. 376 с.
22. Литвин М.Р. Проект «Україна». Галичина в Українській революції 1917–1921 рр. Харків: Фоліо, 2015. 379 с.
23. Матвієнко В.М. Варшавський договір УНР з Річчю Посполитою 1920 // Українська дипломатична енциклопедія: у 2 т. Київ: Знання України, 2004. Т. 1. С. 289–291.
24. Магочій П.-Р. Україна: історія її земель та народів: пер. з англ. Ужгород: Вид-во В. Падяка, 2012. 794 с.
25. Мазепа І. Україна в огні й бурі революції 1917–1921. Мюнхен: Прометей, 1943. Ч. 3. 223 с.
26. Михайлова О. Польсько-український союз 1920 р. Військово-господарча співпраця на території Правобережної України (кінець квітня – середина червня) // Проблеми вивчення історії Української революції 1917–1921 років. Київ, 2011. Вип. 6. С. 295–336.
27. Нариси історії української революції 1917–1921 років: у 2 кн. / під ред. В.Ф. Верстюка [та ін.]. Київ: Наукова думка, 2011. Кн. 1. 386 с.
28. Нариси історії української революції 1917–1921 років: у 2 кн. / під ред. В.Ф. Верстюка [та ін.]. Київ: Наукова думка, 2012. Кн. 2. 460 с.
29. Новий довідник: Історія України / упор. С. Крупчан [та ін.]. Київ: ТОВ «КАЗКА», 2005. 736 с.
30. Папакін А.Г. Польсько-радянська війна 1919–1920, радянсько-польська війна 1919–1920 // Енциклопедія історії України: у 10 т. Київ: Наук. думка, 2011. Т. 8. С. 392–394.
31. Петровський В.В., Радченко Л.О., Семененко В.І. Історія України: неупереджений погляд: Факти. Міфи. Коментарі. Харків: Видавничий дім ШКОЛА, 2007. 589 с.
32. Пінак Є., Чмир М. Військо Української революції 1917–1921 років. Харків: Книжковий клуб «Клуб Сімейного Дозвілля», 2017. 432 с.
33. Подобєд П. Списи в руку! Шаблі геть! URL: <https://tyzhden.ua/History/231827> (дата обращения: 30.07.2019).
34. Реєнт О.П., Коляда І.А. Україна між світовими війнами (1914–1939). Події. Люди. Документи: Нариси історії: навч. посіб. Київ: Школа, 2004. 544 с.
35. Руккас А.О. Разом з польським військом: Армія Української Народної Республіки 1920 р.: (структура, організація, чисельність та уніформа. Ніжин: Лисенко М.М., 2013. 464 с.
36. Руккас А. Організація та функціонування артилерійської служби в армії УНР у 1920 р. // Українська революція 1917–1921 рр.: погляд із сьогодення:

- [збірник матеріалів міжнар. наук. конф. 25 квіт. 2012 р.]. Київ: Український ін-т національної пам'яті, 2013. С. 369–380.
37. Руккас А. Військо й незалежність // Український тиждень. Київ, 2013. № 8 (276). С. 44–47.
 38. Руккас А. Відновлення Окремого корпусу кордонної охорони Української Народної Республіки восени 1920 р. // Вісник Київського національного університету імені Тараса Шевченка. Київ, 2015. Вип. 4 (127). С. 32–36.
 39. Руккас А. 1920 рік: Польща і Україна у боротьбі проти спільного ворога – радянської Росії // Етнічна історія народів Європи: збірник наукових праць. Київ, 2016. Вип. 50. С. 51–76.
 40. Савченко В.А. Симон Петлюра. Харків: Фолио, 2006. 415 с.
 41. Савченко В.А. Дванадцять війн за Україну. Харків: Фолио, 2008. 415 с.
 42. Савченко В.А. Махно. Харків: Фолио, 2008. 416 с.
 43. Савченко В.А. Нестор Махно. Харків: ТОВ «ПЕТ», 2013. 128 с.
 44. Савченко В. Проект «Україна». Махновська трудова федерація (1917–1921 рр.). Харків: Фолио, 2018. 304 с.
 45. Симоненко Р.Г. Варшавський договір 1920 р. // Енциклопедія історії України: у 10 т. Київ: Наук. думка, 2003. Т. 1. С. 438–439.
 46. Солдатенко В.Ф. Українська революція: Концепція та історіографія. Київ: Книга Пам'яті України, Просвіта, 1997. 416 с.
 47. Солдатенко В.Ф. Українська революція. Історичний нарис: Монографія. Київ: Либідь, 1999. 976 с.
 48. Солдатенко В.Ф. Незламний. Життя і смерть Миколи Скрипника. Київ: Пошуково-видавниче агентство «Книга пам'яті України», 2002. 352 с.
 49. Солдатенко В.Ф. Винниченко і Петлюра: політичні портрети революційної доби. Київ: Світогляд, 2007. 621 с.
 50. Солдатенко В.Ф. Володимир Винниченко: на перехресті соціальних і національних прагнень. Київ: Світогляд, 2005. 324 с.
 51. Солдатенко В.Ф. Україна в революційну добу: Іст. есе-хроніки: у 4 т. Харків: Прапор, 2008. Т. 1. 560 с.
 52. Солдатенко В.Ф. Проект «Україна». 1917–1920 рр. Постаті. Кіровоград: Імекс-ЛТД, 2013. 511 с.
 53. Солдатенко В.Ф. У вирі революцій і громадянської війни (актуальні аспекти вивчення 1917–1920 рр. в Україні). Київ: Парламентське видавництво, 2012. 270 с.
 54. Срібняк І.В. Обеззброєна, але нескорена: Інтернована Армія УНР у таборах Польщі і Румунії (1921–1924 рр.). Київ: Видавництво імені Олени Теліги, 1997. 128 с.
 55. Тинченко Я. Офіцерський корпус Армії Української Народної Республіки (1917–1921): Наукове видання. Київ: Темпора, 2011. Кн. 2. 424 с.
 56. Тинченко Я. Білоруська Народна Республіка: як це було в сусідів у 1917–1920 роках. URL: <https://tyzhden.ua/History/136328> (дата обращения: 30.07.2019).
 57. Удовиченко О.І. Україна у війні за державність: Історія організації і бойових дій Українських Збройних Сил 1917–1921. Київ: Україна 1995. 206 с.
 58. Шелухин С. Варшавський Договір між Поляками й С. Петлюрою 21 квітня 1920 року. Прага: Нова Україна, 1926. 40 с.
 59. Яневський Д.Б. Загублена історія втраченої держави. Харків: Фолио, 2009. 256 с.

60. Яневський Д.Б. Проект «Україна», або Крах Симона Петлюри. Харків: Фоліо, 2010. 314 с.
61. Яневський Д.Б. Проект «Україна». Грушевський. Скоропадський. Петлюра. Харків: Прапор, 2012. 921 с.

V. A. Ivanov

Historical and Archaeological Museum Reserve «Kalos Limen»

Polish-Soviet war of 1919–1921 in the evaluation of modern Ukrainian historiography

Key words: *Polish-Soviet war of 1919–1921; UNR; II Rzecz Pospolita; Directory; Simon Petlyura; Jozef Pilsudski; Ukrainian-Polish Union; Warsaw Pact of 1920.*

The article highlights the assessment of the Polish-Soviet war of 1919–1921 in the context of its study in modern Ukrainian historiographic discourse. Considerable attention is paid to the analysis of the Ukrainian-Polish relations of 1919–1921, as one of the important aspects of the military-political confrontation between Soviet Russia and the second Polish-Lithuanian Commonwealth. The views on Simon Petliura and Josef Pilsudski as the leaders of the Ukrainian and Polish national liberation movements, as well as on their roles in the creation of the Ukrainian-Polish union against the Bolshevik Russia in the works of modern Ukrainian historical science are analyzed.

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина

УДК 94 (476) «1918/1939» + 930.25 (476.1)(091)

Документальные материалы периода польско-советской войны 1919–1920 гг. в архивах Республики Беларусь (Брест, Гродно, Минск, Молодечно)

Ключевые слова: *польско-советская война 1919–1920 гг.; архивы Республики Беларусь; польские власти; социально-экономическое положение населения; последствия войны.*

Предметом исследования являются документы периода польско-советской войны 1919–1920 гг., которые хранятся на территории Республики Беларусь в Государственном архиве Брестской области, Государственном архиве Гродненской области, Национальном архиве Республики Беларусь, Зональном государственном архиве в г. Молодечно Минской области и некоторых других архивных учреждениях. В них представлены материалы о создании на занятых польскими властями западнобелорусских землях структуры органов административного управления – Гражданского управления восточных земель (поветовых комиссаров; начальников районов; поветовых коммунальных союзов), органов управления, местного самоуправления (поветовых старост, городских магистратов и др.), полиции. Особый интерес представляют документы о демографической ситуации (о численности населения), о состоянии экономики поветов, городского хозяйства, социальной сферы (санитарно-эпидемиологической ситуации, образования и др.). Для изучения последствий польско-советской войны важными источниками могут быть материалы оценочных комиссий по учету ущерба, причиненного в годы Первой мировой войны. Ценными источниками являются также документы о репатриации польских и советских военнопленных (переписка, списки и др.).

Для изучения истории польско-советской войны 1919–1920 гг. на современном этапе полезными могут быть документальные материалы, хранящиеся в государственных архивных учреждениях Республики Беларусь. Особый интерес представляют архивохранилища центральной и западной частей Беларуси, где сосредоточен основной массив указанных источников. 11 февраля 1940 г. было принято постановление правительства БССР о создании архивных отделов при управлениях НКВД западных областей республики и областных архивов. Среди созданных в начале 1940 г. архивов был и **Государственный архив Брестской области в Бресте** (далее – ГАБр). Несмотря на некоторые потери материалов во время германской нацистской оккупации 1941–1944 гг., в послевоенные десятилетия была проведена научно-

техническая обработка, систематизация уцелевших документов. В 1954–1966 гг. в ГАБр были переданы документы из Баранович и Пинска, хранившиеся в архивах упраздненных Барановичской и Пинской областей [4, с. 8–9]. Некоторая часть материалов ГАБр поступила в открытый доступ в ходе рассекречивания во время хрущевской «оттепели», перестройки и в постсоветский период.

Из общей численности (1,1 млн ед. хр.) в ГАБр имеется значительный массив документов 1919–1939 гг., когда западнобелорусские земли были заняты польскими войсками в 1919–1920 гг. и вошли в состав Польского государства в 1921–1939 гг. согласно Рижскому мирному договору – всего 401 699 ед. хр. (по состоянию на 2013 г.) [3, с. 267; 11, с. 372]. Территорией происхождения этих материалов ГАБр является бывшее Полесское воеводство и Барановичский повет Новогрудского воеводства (в настоящее время эти земли находятся преимущественно в пределах Брестской области Республики Беларусь). Из общего объёма документы периода польско-советской войны составляют небольшую часть – как в отдельных тематических фондах, которые охватывают хронологические рамки 1919–1921 гг., так и в составе других фондов. В 16 фондах местных органов польской государственной власти (воеводского управления, поветовых староств и др.) содержатся документальные материалы, которые охватывают как территорию всего Полесского воеводства, так и 8 его поветов (Брестского, Дрогичинского, Кобринского, Коссовского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского, Столинского), а также Барановичского повета. Наиболее объёмным является фонд 1 «Полесское воеводское управление» – 26 152 ед. хр. В фонде 2000 «Поветовые комендатуры государственной полиции Белостокского, Варшавского, Виленского, Волынского, Келецкого, Краковского, Лодзинского, Люблинского воеводств (127 ед. хр.) в 2004 г. были выявлены документы Келецкой поветовой комендатуры государственной полиции. Среди них находятся декларации интернированных украинцев, которые содержались в лагере Стшалково (Strzałkowo) Слупского повета 1924 г. [8, с. 202–204]. Кроме интернированных украинских подразделений, в этом польском лагере содержались пленные красноармейцы, часть из которых погибла из-за голода, инфекционных заболеваний, жестокого обращения.

Для исследования состояния западнобелорусских земель после занятия их Красной Армией в 1919–1920 гг. необходимо проанализировать деятельность военно-революционных комитетов (военревкомов), временных чрезвычайных советских органов власти. В ГАБр имеется объединенный архивный фонд 495 «Уездные военно-

революционные комитеты Барановичского, Лунинецкого, Пинского, Пружанского уездов Минской губернии» (121 ед. хр.). Там хранятся циркуляры, приказы, инструкции Военревкома БССР, уездных военревкомов, данные земельных отделов волостных военревкомов о наличии домашнего скота, об учете и регистрации садов и огородов, акты обследования и передачи бывших помещичьих имений и др. Среди оригинальных документов – приказ заведующего финансовым отделом Барановичского уездного военревкома об изъятии из обращения польских марок (10 августа 1920 г.), приказ Барановичского уездного военного комиссара о добровольной явке гражданского населения для вступления в ряды Красной Армии (12 августа 1920 г.), приказ председателя Военревкома БССР о добровольной сдаче имущества помещиков в народные имения (13 августа 1920 г.), приказ председателя Пружанского уездного военревкома о наведении порядка в городе (18 августа 1920 г.), приказ начальника пружанского гарнизона об аресте лиц, распространяющих провокационные антисоветские слухи (20 августа 1920 г.) и др.

Согласно распоряжению Генерального комиссара восточных земель Польши от 7 июня 1919 г. был создан Брестский округ, в его составе – поветы (включали поветы Российской империи, существовавшие до Первой мировой войны), которые управлялись поветовыми комиссарами. Брест-Литовский поветовый комиссар организовывал снабжение населения продовольствием, обеспечивал общественную безопасность, занимался налаживанием социально-экономической жизни на территории повета. В фонде 403 «Брест-Литовский поветовый комиссар Гражданского управления восточных земель (1919 г.)» хранится всего 8 ед. хр. за 1919 г. – заявления граждан о выдаче им патентов на открытие торговых заведений, ведомости на выдачу зарплаты служащим казенной инспекции. Там же имеются личные дела служащих технической секции Гражданского управления восточных земель, списки служащих железной дороги, гмин Брестского повета [8, с. 190]. Скудность материалов фонда объясняется как сложной военно-политической обстановкой, так и кратковременностью существования института поветовых комиссаров – во второй половине 1919 г. вместо них начали создаваться органы польской власти первой инстанции – поветовые староства [6, с. 179].

Созданные поветы первоначально (в 1919–1922 гг.) были разделены на районы (3–6 районов в повете) – согласно распоряжению Генерального комиссара восточных земель от 5 ноября 1919 г. Начальник района подчинялся поветовому старосте, контролировал деятельность правлений гмин (в каждом районе их насчитывалось до 6), общественную

безопасность, снабжение населения продовольствием, выполнение трудовой повинности и др. В ГАБр имеется фонд 2295 «Начальники районов Пинского повета Брестского округа (с 04.02.1921 г. – Полесского воеводства), 1919–1922 гг.» – 49 ед. хр. В описи 1 «Дела постоянного хранения за 1919–1922 гг.» данного фонда находятся циркуляры, распоряжения, указания, приказы Гражданского управления восточных земель, польского Министерства внутренних дел, Пинского поветового комиссара и поветового староства, коменданта поветовой полиции, рапорты начальников районов и войтов об общественно-политическом движении в гминах, протоколы съезда начальников районов, заседаний гминных рад и правлений, крестьянских собраний, сведения о потерях жителей гмин во время Первой мировой войны, статистические сведения о численности населения православных приходов и церквей, количестве земли, скота и др. Там же имеются списки членов гминных рад и правлений, войтов, солтысов, судей, учителей, владельцев предприятий, жителей гмин, населенных пунктов, школ, дорог, мостов [8, с. 186]. Однако документы данного фонда имеют ограниченную географию – в основном отражают деятельность правлений гмин Пинского повета.

Во время польско-советской войны на западнобелорусских землях возникали польские административные органы. Согласно постановлению польского правительства от 28 августа 1919 г. создавались поветовые администрации (староства) во главе со старостами. Поветовому старосте подчинялись руководители гмин, городского самоуправления. В компетенцию старосты входили все дела государственной администрации, которые не относились к компетенции других польских государственных структур и органов самоуправления в пределах повета: государственная безопасность, общественные объединения, военно-мобилизационные проблемы, дела вероисповеданий, социальной опеки, охраны труда, надзора за прессой и др.

Среди многочисленных документов фонда 5 «Брестское городское управление (1919–1933 г. – Брестский магистрат)» – всего там насчитывается 11 049 ед. хр. – имеются и материалы 1927–1931, 1932–1933, 1934–1939 гг., которые содержат сведения о потерях г. Бреста в годы Первой мировой войны, польско-советской войны, о деятельности американской миссии в г. Бресте в 1919–1923 гг. Документы его технического отдела за 1919–1939 гг. (опись 3 – 3224 ед. хр.) включают дела о праве владения недвижимостью, принадлежавшей гражданам (по алфавиту фамилий владельцев недвижимого имущества с указанием названий улиц, номеров домов в городе) [8, с. 70–71].

Ещё при отступлении царской российской армии в августе 1915 г. и во время оккупации кайзеровской Германией в 1915–1919 гг. городской жилой фонд Бреста понёс громадные потери: из 3670 строений было уничтожено 2500, из 1700 изб – 1500 [1, с. 55]. С приходом в феврале 1919 г. польских властей начали проводиться неотложные санитарные и противоэпидемиологические мероприятия. Самым ранним документом Брестского магистрата, хранящимся в ГАБр, является распоряжение от 18 февраля 1919 г. о назначении санитарных инспекторов в городе [1, с. 231]. 19 марта 1919 г. было издано распоряжение Брестского магистрата об обязательном посещении жителями города бани. Как сообщалось в объявлении, ввиду того, что распространяется сыпной тиф и заразные болезни, обязательно нужно ходить в баню. Каждый житель обязан иметь при себе документ, что был в бане 2 раза в месяц. Для самых бедных жителей баня была бесплатной в отведенные дни. «Если кто не будет ходить в баню, то будет оштрафован и принудительно отправлен в баню» [1, с. 138].

Сведения биографического характера можно искать в фонде 93 «Брестская поветовая комендатура государственной полиции Полесской окружной комендатуры (с 1924 г. – Полесской воеводской комендатуры) государственной полиции Министерства внутренних дел Польши, г. Брест Брестского округа (с 04.02.1921 г. – Полесского воеводства), 1919–1939 гг.». В этом фонде имеются личные дела, анкеты, учетные карточки и списки эмигрантов, интернированных лиц, бывших военнослужащих формирований С. Петлюры, Ст. Булак-Балаховича и др. [8, с. 198–199].

Для исследования последствий польско-советской войны важными источниками могут быть материалы оценочных комиссий по учету ущерба, причиненного населению в годы Первой мировой войны. Данные комиссии создавались в соответствии с законом польского правительства от 10 мая 1919 г. и циркуляром отдела ликвидации военного ущерба при Генеральном комиссариате восточных земель от 26 июля 1919 г. Их целью являлись установление и оценка ущерба, нанесенного во время Первой мировой и польско-советской войн. В ГАБр хранятся документы соответствующих комиссий Брестского и Пинского поветов, их городских центров. Так, среди документов оценочной комиссии по учету ущерба, причиненного населению г. Бреста и Брестского повета (фонд 54, 7415 ед. хр.), большую часть составляют дела постоянного хранения за 1920–1921 гг. (опись 1) об установлении ущерба, нанесенного военными действиями в 1914–1920 гг. имуществу жителей (по населенным пунктам в алфавитном порядке фамилий), школам и др. В описи 2 данного фонда хранятся дела о возмещении вреда, причиненного гражданам в годы Первой мировой

войны [8, с. 123]. Имеются соответствующие документы по Пинску и Пинскому повету – фонд 2125 «Оценочная комиссия по учету ущерба, причиненного в годы Первой мировой войны населению г. Пинска и Пинского повята (1919–1939 гг.)» (9066 ед. хр.). В описи 1 представлены документы об установлении ущерба, нанесенного военными действиями 1914–1920 гг. имуществу жителей (по населенным пунктам в алфавитном порядке фамилий), церковей [8, с. 123].

На основании распоряжения польского правительства от 17 ноября 1921 г. были созданы поветовые бюро (1921–1924 гг.) по восстановлению хозяйств, разрушенных в годы Первой мировой войны – в Бресте, Пинске, Лунинце, которые подчинялись окружной дирекции по восстановлению хозяйств в Полесском и Люблинском воеводствах. Через бюро оказывалась помощь в восстановлении школ, предприятий, жилья, хозяйственных построек, уничтоженных или поврежденных в ходе боевых действий Первой мировой и польско-советской войн. Бюро контролировали ход восстановления данных объектов, осуществляли технический надзор за строительством и восстановлением зданий, содействовали получению кредитов на восстановление. В ГАБр имеются фонды соответствующих поветовых бюро по восстановлению хозяйств, разрушенных в годы Первой мировой войны: Брестского (фонд 371, 46 ед. хр.), Лунинецкого (фонд 2429, 19 ед. хр.), Пинского (фонд 2428, 132 ед. хр.).

После завершения Первой мировой и польско-советской войн были созданы смешанные польско-советские комиссии по делам репатриации. В приграничных зонах создавались сборные пункты для репатриантов. Для приёма репатриантов из Советской России (среди них были не только беженцы, но и польские военнопленные) в г. Барановичи было создано отделение Варшавского распределительного эвакуационного пункта польской делегации по делам репатриации (его документы представлены в фонде 723, 281 ед. хр.). В данном фонде находятся списки беженцев Первой мировой войны, которые возвращались в Польшу из разных губерний, городов: из Москвы, Петрограда, Самары, Саратова, Казани, Иркутска, Красноярска, Перми, Томска, Тюмени, Кустаная (теперь – Костанай), Семипалатинска (теперь – Семей) и др. [8, с. 116].

После окончания польско-советской войны управление польскими войсками на западнобелорусских землях было передано командованию генеральных округов. 1 августа 1921 г. было учреждено командование генерального округа в Бресте, с 15 ноября 1921 г. – командование корпуса округа № 9. Среди достаточно разнообразных документальных материалов фонда 67 «Командование корпуса округа № 9, г. Брест» (4836 ед. хр.) можно найти переписку о репатриации польских и советских

военнопленных и др. Экспозитура Второго отдела Генерального штаба польской армии проявляла пристальный интерес к прибывающим репатриантам, особенно польским военнопленным. Кроме биографических сведений, в отдельной анкете содержался целый перечень вопросов разведывательного характера: кто и где проводил коммунистическую пропаганду, где и какие штабы, военные склады, как одеты и снабжены в Красной армии, какие встречались военные транспорты, их маршруты, условия поездки по железной дороге, какие настроения в войсках и среди населения в Советской России и др. Интересным документом является свидетельство памятной награды для подпоручика М. Венцовского, посвященной «литовско-белорусскому фронту 1919–1920 гг.» (т.е. сформированной в августе-сентябре 1919 г. литовско-белорусской дивизии, подконтрольной Польше) [8, с. 185].

В отличие от ГАБр, в созданном в 1944 г. **Государственном архиве Гродненской области (ГАГр)** хранится значительно меньше документов периода вхождения западнобелорусских земель в состав Польши (1919–1939 гг.) – около 25 тыс. ед. хр. Фрагментарными там являются материалы польско-советской войны.

В фонде 551 «Новогрудское воеводское управление Министерства внутренних дел Польши (1920–1939 гг.)» находятся материалы за 1920 г. – документы административного отдела: протокол съезда судей Минского окружного суда от 2–3 февраля 1920 г. и др. В фонде 546 «Клецкое городское управление Новогрудского воеводства, г. Клецк (1919–1939 гг.)» (86 ед. хр.) имеются распоряжения Генерального комиссара восточных земель [8, с. 260–263, 250–251].

Среди немногочисленных документов (11 ед. хр.) фонда 348 «Сувалковский окружной суд, г. Сувалки (1920–1921 гг.)» хранятся инструкции польского Министерства юстиции и распоряжения окружного суда о проведении эвакуации в связи с наступлением Красной Армии в 1920 г., протоколы судебных комиссий по установлению потерь, понесенных от литовцев и от советских войск (1920–1921 гг.) и др. [8, с. 284]. Также сохранились дела о деятельности комендатуры полиции прифронтовых и этапных территорий (ноябрь 1920 г. – март 1921 г.) – в фонде 17 «Гродненская поветовая комендатура государственной полиции комендатуры государственной полиции Белостокского округа, г. Гродно (1920–1939 гг.)» [8, с. 298–300].

В ГАГр имеются также материалы советских уездных военревкомов 1920 г. В фонде 689 «Гродненский уездный военно-революционный комитет, г. Гродно» (78 ед. хр.) хранятся протоколы заседаний волостных ревкомов, общих собраний граждан, списки отделов и подотделов ревкома, армейских формирований, различных

советских государственных, общественных организаций и др. Среди документов – приказ № 14 советского коменданта г. Гродно от 16 августа 1920 г. о правилах поведения военнослужащих в городе. Несмотря на предыдущий приказ № 12 от 7 августа 1920 г., в городе и его окрестностях продолжалась беспорядочная («бесцельная») стрельба, которая вызывала тревогу и страх у населения. Поэтому красноармейцам запрещалось без необходимости стрелять в городе под угрозой ареста и предания суду ревтрибунала. Им также было строго запрещено жечь костры возле железнодорожной станции, вблизи строений и мостов, занимать без ордеров номера в гостиницах, комнаты в частных квартирах, бесцельно шататься по улицам без увольнительных записок. «Ввиду поступивших жалоб граждан г. Гродно о самочинных потравках лугов, садов и огородов, объявляю, что все замеченные в подобных деяниях будут предаваться суду ревтрибунала» [7].

Среди документов Волковысского уездного ревкома (ф. 690, 23 ед. хр.) находятся его приказы, распоряжения, а также протоколы заседаний, доклады уездных инспекторов, проект создания и списки членов пожарной дружины в Волковыске и др. 27 августа был издан приказ уездного совнархоза о регистрации швейных, сапожных и портняжных машин, а 14 сентября 1920 г. появился приказ местного отдела труда о регистрации трудоспособного населения.

В материалах Новогрудского уездного военревкома (ф. 778, 73 ед. хр.) присутствуют приказы Военревкома БССР, Минского губернского ревкома, акты приёмки и описи имущества имений, переписка с волостными ревкомом и др. Обращаем внимание на следующие документы Новогрудского уездного военревкома: на протокол заседания его чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемией в Новогрудском уезде (9 августа 1920 г.), приказы о регистрации рабочих лошадей (11 августа 1920 г.), помощи семьям красноармейцев, организации музея и народной библиотеки в доме А. Мицкевича (16 сентября 1920 г.).

Документы военревкомов по Слонимскому уезду представлены в нескольких фондах ГАГр. В фонде 800 «Слонимский уездный военно-революционный комитет, г. Слоним» (18 ед. хр.) располагаются приказы уездного ревкома, протоколы совещаний отдела здравоохранения и заседаний чрезвычайной комиссии по борьбе с эпидемией, доклады, отчеты отдела здравоохранения и др. Среди материалов волостного военревкома д. Старая Весь Слонимского уезда (ф. 803, 13 ед. хр.) наряду с приказами, воззваниями Военревкома БССР и Слонимского уездного военревкома, протоколами общих собраний жителей волости по выборам сельских комитетов и т.п. отметим приказ № 1 Слонимского уездного отдела социального обеспечения о неотложной переписи

продовольствия, инвентаря и иного имущества (10 августа 1920 г.), документы Слонимского уездного отдела народного образования – приказ о регистрации культурных и художественных ценностей, воззвание о ликвидации неграмотности населения (11 августа 1920 г.), объявление о регистрации детей 4–8-летнего возраста (14 августа 1920 г.) и др. В единственном деле фонда 968, посвященного волостному военревкому в д. Костровичи Слонимского уезда, есть предписание Слонимской особой продкомиссии данному волостному военревкому об изъятии скота (14 сентября 1920 г.).

Истоки истории **Зонального государственного архива в г. Молодечно (ЗГАМ)** Минской области связаны с созданием в феврале 1940 г. Государственного архива Вилейской области. В связи с переименованием Вилейской области в созданную Молодечненскую область в сентябре 1944 г. архив был переименован в Государственный архив Молодечненской области и переехал в Молодечно. В январе 1960 г. архив был преобразован в филиал Государственного архива Минской области в г. Молодечно. В 1996 г. архив переименован в ЗГАМ [5; 2, с. 32].

Материалы ЗГАМ периода 1919–1939 гг. сгруппированы в 149 фондов, насчитывающих 47 898 ед. хр. (по состоянию на 2014 г.) [2, с. 35]. Территория происхождения документов этих фондов – Браславский, Вилейский, Виленско-Трокский, Дисненский, Дуниловичский, Молодечненский, Ошмянский, Поставский, Свенцянский поветы Виленского воеводства и Воложинский повет Новогрудского воеводства. Многочисленными и лучше сохранившимися являются документальные материалы местных польских органов государственной власти (24 фонда, 17 380 ед. хр.). Из них выделяется фонд 438 «Виленское воеводское управление» (6846 ед. хр.), где можно найти источники о восстановлении после Первой мировой и польско-советской войн и др.

В фонде 436 «Браславское поветовое староство» (2717 ед. хр.) имеются циркуляры, указания, постановления, распоряжения и инструкции Гражданского управления и Генерального комиссара восточных земель, документы об установлении ущерба, нанесенного в Первую мировую и польско-советскую войну, о мерах по оказанию помощи пострадавшему населению, о компенсации военных потерь, возврате потерянного во время войны имущества и др. [9, с. 25–27]. Фонд 437 «Дисненское поветовое староство» (4354 ед. хр.) содержит список семей погибших военнослужащих польской армии [9, с. 28–30]. Разнообразные ценные материалы имеются в фонде 4 «Ошмянское поветовое староство» (1784 ед. хр.). Комиссии по учету военных потерь, государственные бюро восстановления насчитывают 8486 ед. хр. Там

находятся многочисленные материалы по учету урона, нанесенного крестьянским и другим хозяйствам во время Первой мировой и польско-советской войн, оказании помощи населению, компенсации урону и др.

Фонд 350 «Комиссия по регистрации военных потерь в Ошмянском повете» (1919–1923 гг.) включает циркуляры, распоряжения и объявления Гражданского управления восточных земель, протоколы заседаний поветовой комиссии, переписку с Центральной комиссией по регистрации военных потерь Польши, отчеты о регистрации урона, нанесенного хозяйствам и жителям Ошмянского повета в ходе боевых действий, заявления граждан о компенсации урона и получении ссуды и др. [9, с. 206–207].

Часть источников периода польско-советской войны имеется в **Национальном архиве Республики Беларусь (НАРБ)**, который был создан в 1927 г. как Центральный архив Октябрьской революции БССР, в мае 1993 г. переименован в Белорусский государственный архив, а после преобразования в июне 1995 г. получил нынешнее название. По состоянию на январь 2019 г. в НАРБ в 1262 фондах хранится 1,1 млн. ед. хр. Среди них имеются документы о развертывании социалистических мероприятий на белорусских землях, о проведении советской пропаганды среди населения, об открытии школ, библиотек и др. Также есть документы органов власти и польских учреждений 1919–1920 гг. В фонде 368 «Временный Белорусский национальный комитет, г. Минск» (59 ед. хр.) среди прочего хранится переписка по вопросу введения польского языка в школах (1919–1920 гг.) [9, с. 265]. В документах Белорусского национального комитета в Вильно (ф. 879, 46 ед. хр.) находятся распоряжения Генерального комиссара восточных земель о проведении выборов в органы самоуправления [9, с. 265–266]. В фонде 878 «Центральная Рада Виленщины и Гродненщины, г. Вильно» (25 ед. хр.) содержатся материалы о разоружении 1-го польского корпуса, о белорусских национальных воинских формированиях, личные дела, анкеты, списки граждан, учеников школ, слушателей учительских курсов и др. [9, с. 267]. Среди материалов фонда 604 «Белорусская центральная школьная рада Минщины, г. Минск» (17 ед. хр.) имеются выписки из протоколов заседаний Гродненской школьной рады, переписка со школьными инспекторами, устав Белорусской центральной школьной рады Минщины, ходатайства учителей к польским властям о преподавании на польском языке в школах и др. [9, с. 117]. Некоторые необходимые материалы можно найти в имеющихся в архиве тематических перечнях: документов по истории народного образования на белорусских землях за 1917–1920 гг., документов по истории Западной Беларуси (1919–1939 гг.).

Фрагментарный характер имеют источники, хранящиеся в Белорусском государственном архиве-музее литературы и искусства (БГАМЛИ), Центральной библиотеке НАН Беларуси в Минске – преимущественно в фондах известных белорусских общественных деятелей, писателей, художников, ученых, в коллекциях из собраний Виленского белорусского музея (1921–1945 гг.) и др. В частности, в БГАМЛИ хранятся отрывки публикации А. Деруги (1971 г.), содержащие архивные документы Гражданского управления восточными землями 1919–1920 гг.

В дополнение к приведенному обзору следует упомянуть, что в качестве дидактических пособий по источникам польско-советской войны будут полезны архивные справочники, изданные указанными архивными учреждениями Республики Беларусь. Нами в сотрудничестве с белорусскими и польскими историками, архивистами разработана база данных «Польша – Беларусь: общее историческое наследие» на белорусском и польском языках, которая содержит информацию о польских органах власти, учреждениях и организациях 1919–1939 гг., хранящуюся в архивах Беларуси. База данных, тома 1–2 архивного справочника [8; 9] доступны на сайте Главной дирекции государственных архивов Польши [10].

В целом документальные материалы периода польско-советской войны, хранящиеся в государственных архивах Республики Беларусь, отражают преимущественно социально-экономическую ситуацию, политику польских властей на занятой территории, последствия боевых действий для населения белорусских земель, а также кратковременные социалистические преобразования советских властей.

Литература

1. Брест в 1919–1939 гг.: документы и материалы / сост.: А.Г. Карапузова (отв. сост.) [и др.]; редкол.: Е.С. Розенблат (гл. ред.) [и др.]. Брест: Альтернатива, 2009. 306 с.
2. Вабишчэвіч А.М. Дакументы Занальнага дзяржаўнага архіва ў г. Маладзечна як крыніцы па гісторыі заходнебеларускага рэгіёну ў 1918–1939 гг. // Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Сер. 2: Гісторыя. Эканоміка. Права. 2015. № 2. С. 32–39. URL: http://www.brsu.by/sites/default/files/seryya_2._-_no_2._-_2015.pdf (дата обращения: 4.10.2019).
3. Вабищевич А. Документы Государственного архива Брестской области как источники по истории Польши периода между Первой и Второй мировыми войнами // Wrocławskie studia wschodnie. № 17. Wrocław: Wydawnictwo Uniwersytetu Wrocławskiego, 2013. S. 265–273.
4. Государственный архив Брестской области. Путеводитель по фондам 1919–1939 / сост.: А.В.Теребунь [и др.]; редкол.: А.Г. Карапузова (гл. ред.) [и др.]. Брест: Альтернатива, 2010. 130 с.

5. Зональный государственный архив в г. Молодечно: путеводитель 1919–1941, 1944–2007 / Департамент по архивам и делопроизводству Министерства юстиции Республики Беларусь; сост.: М.П. Кириленко [и др.]. Молодечно: ОДО «Новопринт», 2014. 339 с.
6. Органы местного управления и самоуправления на территории Беларуси (IX век – 30-е годы XX века): пособие / Э.М. Савицкий [и др.]; под общ. ред. С.Н. Ходина. Минск: БГУ, 2019. 205 с.
7. Приказ № 14 коменданта г. Гродно о правилах поведения военнослужащих в городе. URL: <https://archives.gov.by/index.php?id=290695> (дата обращения: 6.10.2019).
8. Polska-Białoruś. Wspólne dziedzictwo historyczne. Przewodnik po materiałach archiwalnych 1918–1939. T. 1: Archiwum Państwowe Obwodu Brzeskiego, Archiwum Państwowe Obwodu Grodzieńskiego / oprac. i red. naukowa: A.Wabiszczewicz [i in.]. Warszawa: AMALKER, 2013. 361 s.
9. Polska-Białoruś – wspólne dziedzictwo historyczne: przewodnik po materiałach archiwalnych 1918–1939. T. 2: Rejonowe Archiwum Państwowe w Mołodecznie, Archiwum Narodowe Republiki Białorusi, Białoruskie Państwowe Archiwum-Muzeum Literatury i Sztuki, Centralna Biblioteka Naukowa im. Jakuba Kołosa / oprac. i red. nauk. A.Wabiszczewicz [i in.]. Warszawa: Stowarzyszenie Archiwistów Polskich, 2014. 304 s.
10. Polska-Białoruś: wspólne-dziedzictwo historyczne. URL: <http://archiwalna.archiwa.gov.pl/wspolne-dziedzictwo/> (дата обращения: 7.10.2019).
11. Wabiszczewicz, A. Stan zachowania i charakterystyka materiałów dokumentalnych II Rzeczypospolitej w Archiwum Państwowym Obwodu Brzeskiego // Archeion. T. CXVI. Warszawa, 2015. S. 370–384.

A.N. Vabishchevich
Brest State A.S. Pushkin University
**Documentary materials of the period of the Polish-Soviet war
 1919–1920 in the archives of the Republic of Belarus
 (Brest, Grodno, Minsk, Molodechno)**

Key words: Polish-Soviet war of 1919–1920; archives of the Republic of Belarus; Polish authorities; socio-economic situation of the population; consequences of the war.

The author of the article reviewed the documents of the period of the Polish-Soviet war of 1919–1920, which are stored in the archives of the Republic of Belarus – in Brest, Grodno, Minsk, Molodechno. The archive funds contain documents on the creation by the Polish authorities on the occupied territory of Western Belarus of their governing bodies – the Civil Administration of the eastern lands (district commissars; district heads; district communal unions), governing bodies, local government (district elders, city magistrates, etc.), the police. The archives also contain documents on the demographic situation (population size), on the state of the economy, urban economy, social sphere (education, sanitary and epidemiological situation), and others. Materials of assessment commissions for accounting for damage caused during the First World and Polish-Soviet years wars make it possible to determine the devastating consequences of hostilities for the Belarusian population. Among the archival documents there are materials on the repatriation of

Polish and Soviet prisoners of war (correspondence, lists, etc.). It is proposed to use for research the results of the Polish-Belarusian project “Poland-Belarus: a shared historical heritage”, which contains supporting information on the Polish authorities, institutions and organizations of 1919–1939 that are stored in the archives of the Republic of Belarus.

СЕКЦИЯ № 1
ВОСТОЧНЫЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ Ю. ПИЛСУДСКОГО
И ЗАПАДНЫХ ДЕРЖАВ (ЛИТВА, БЕЛОРУССИЯ, УКРАИНА,
РОССИЯ):
ОТ КОНЦЕПЦИИ К ВОЕННЫМ ДЕЙСТВИЯМ

Ю.А. Борисёнок

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

УДК 94(476)«19»(075.8)

«Белорусскую политику пусть черти поберут»: отказ Ю. Пилсудского от практической реализации федеративной концепции в 1920 году*

Ключевые слова: *федеративная концепция; польско-советская война; Ю. Пилсудский; возрождение польского государства; история Беларуси; история Польши.*

В статье применительно к белорусскому вопросу анализируются исторические судьбы федеративной концепции, разработанной польскими социалистами, в рядах которых выделялись Л. Василевский и Ю. Пилсудский, в 1890-х гг., и попытки модернизировать её в условиях восстановления польской государственности после 1918 г. Теория федерализма оказалась непригодной для реальных политических условий, и уже в первые месяцы существования независимой Польши её место заняла прагматичная тактика. При этом в 1890-е гг. у Пилсудского уже сформировались устойчивые представления о белорусах и их исторических перспективах как о «белорусской фикции», которые затем чётко проявятся в первые годы после обретения независимости в конце 1918 г. С традиционным европейским федерализмом и характерными для него принципами добровольности и равноправия эти воззрения уже тогда не имели ничего общего, не появятся этих черт и во взглядах польских федералистов в конце 1910-х гг. В 1918–1920 гг. Пилсудский умело лавировал в вопросах восточных границ, часто прямо не высказывая поддержки федералистским планам своих соратников, но к моменту подписания Рижского мира он категорично отказался от концепции федерализма, предоставив тем самым большевикам широкие возможности для проведения в 1920-х гг. масштабной национальной политики на белорусском направлении, имевшей объективно антипольский характер и прагматично рассчитанной на симпатии населения Западной Беларуси.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках госзадания по теме «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе», проект № 33.1419.2017/ПЧ.

Федеративная концепция будущего государственного устройства земель, составлявших до 1772 г. I Речь Посполитую, разрабатывалась видными представителями польского социалистического движения начиная с 1890-х гг., представляя собой прагматичную и актуальную для своего времени реакцию на неясность перспектив будущих обширных территорий, на которых поляки составляли к началу XX в. безусловное этническое меньшинство при преобладании белорусского, украинского, литовского крестьянского большинства. Большинство историков полагает, что Рижский мир 1921 г. и последующая жёсткость политики межвоенных польских властей сделали невозможной реализацию на практике внешне привлекательных федеративных проектов. На наш взгляд, отказ от воплощения в жизнь подобных планов наступил уже в 1920 г. и был твёрдым решением и осознанным ещё с 1890-х гг. выбором временного начальника государства Юзефа Пилсудского.

Неудачная судьба федеративной концепции, впрочем, сочетается с тем, что и в современном польском самосознании элементы этих воззрений находят понимание и поддержку. Так, например, Тадеуш Гавин, ныне варшавский историк и публицист, редактор более чем 600-страничного тома «Поляки в Беларуси с конца XIX до начала XXI века» (2017), а в 1990–2000 гг. первый председатель Союза поляков в Беларуси, в интервью белорусской редакции «Радио Свобода» в конце сентября 2019 г. не только попытался объяснить, почему белорусы не должны негативно реагировать на термин «кресы», но и присоединился к близкому федеративной концепции толкованию самого феномена нынешних белорусских поляков: «Нужно учитывать, что белорусские поляки – это люди местного происхождения. Для них Польша всегда, скажем так, была идеологической родиной, а реальной родиной всегда была белорусская земля» [4]. Комментарий этот актуален и при обращении к событиям столетней давности, причем и создатель в теории перспективной для белорусов федеративной концепции Леон Василевский (1870 – 1936) с корнями по отцовской линии из Витебской губернии, и создатель независимого польского государства и первый маршал Польши Юзеф Пилсудский (1867 – 1935), как и многие другие польские политики того времени, имели самое прямое отношение к «людям местного происхождения».

Именно такие люди уже в конце позапрошлого века прагматично приспособили популярные в европейском политическом пространстве федералистские идеи под свою политическую тактику, соединявшую социалистические идеи с традиционными польскими национальными требованиями. Это только в программе Польской социалистической

партии (ППС) всё было внешне чисто и гладко: речь шла о «полном равноправии национальностей, входивших в состав Речи Посполитой, на принципе добровольной федерации» [16, s. 9].

По мнению современного польского историка Анджея Фришке, «Рижский договор был компромиссом, который одновременно хоронил концепции лагеря Пилсудского, вырабатывавшиеся с конца 90-х годов XIX века» [10, s. 90]. Но стоит отметить, что уже в те самые 1890-е гг. у Пилсудского уже сформировались устойчивые представления о белорусах и их исторических перспективах как о «белорусской фикции», которые затем чётко проявятся в первые годы после обретения независимости в конце 1918 г. С традиционным европейским федерализмом и характерными для него принципами добровольности и равноправия эти воззрения уже тогда не имели ничего общего, не появится этих черт и во взглядах польских федералистов в конце 1910-х гг.

Вот что «товарищ Виктор» (таково было партийное прозвище молодого Пилсудского) замечал в письме Василевскому от 19 ноября 1899 г. о белорусах, давая директивы по национальному вопросу по поводу изменений в тексте партийной брошюры «Под общим игмом»: («) О белорусах достаточно сказать пару слов – отметить неопределённость их национальных чувств, немного о преследовании их языка и религии» [24, s. 132].

То же письмо показывает, что 31-летний в ту пору социалист Пилсудский высказывал идеи, близкие тем, что приходили в голову большевикам в 1919 г. при создании Литбела: «1) Как видите, я объединяю здесь Литву и Беларусь в один раздел по следующим причинам. Одинаковость административно-юридических и исторических условий принудила бы нас к повторению. Та же одинаковость господствует и в этнографическом составе, и в социальных отношениях, естественно – за исключением того, что в одном случае фон литовский, в другом – белорусский. Такое соединение тем более правильно, что, говоря о Беларуси, нужно будет иметь в виду прежде всего и преимущественно её католические либо до недавнего времени униатские части, т.е. те части, на которые мы можем серьёзно рассчитывать в будущем» [24, s. 132].

Как видим, с упразднённой в 1839 г. Брестской унией и её последствиями Пилсудский был знаком шапочно, считая, что где-то на белорусских землях есть чисто православные регионы; между тем до конца 1830-х гг. собственно православных на белорусских землях было не более 6–7%, основную массу православного населения составили в итоге бывшие униаты. Зато Пилсудский и люди его круга, будучи по

первому «политическому образованию» социалистами, с интересом заглядывали в статью Фридриха Энгельса «Демократический панславизм» (1849) [6, с. 290–294], критикующую славянскую программу Михаила Бакунина и чётко разделяющую европейские народы на «исторические» и «неисторические» [2, с. 132–134], и в своих реальных действиях по отношению к «кресам» они пошли именно по пути Энгельса. В 1904 г. в мемориале, адресованном японскому МИД, Пилсудский причислил белорусов именно к неисторическим народам вместе с литовцами и латышами [3, с. 23]. Это было, кстати, ещё лестное определение – в статье «Наше положение в Литве» «человек местного происхождения» утверждал, что «о белорусах как о народе пока говорить нельзя» [19, s. 32].

Имеются существенные погрешности в отображении реальной ситуации и в теоретических трудах Василевского, написанных до Первой мировой войны. Амбициозный разработчик федеративной концепции, министр иностранных дел II Речи Посполитой с 17 ноября 1918 по 16 января 1919 г., отец известной советской писательницы-коммунистки Ванды Василевской (в 1944 г. имевшей определенное отношение к изменению западных границ БССР) и тесть приметного в сталинские годы украинского литератора Александра Корнейчука, он по причине наличия столь неполиткорректных по нынешним временам родственников редко попадает в сферу внимания современных польских историков; не написано пока и его обстоятельной биографии. Издав в 1912 г. книгу о Литве и Беларуси [23], а в 1915-м отметившись немецкоязычной брошюрой о «так называемой Беларуси» [22], Василевский, похоже, не терял надежды хоть как-то применить свои взгляды на практике в 1920-е гг., но отметился лишь очередными опубликованными работами [25] и призывами осуществить в отношении белорусов политику «государственной ассимиляции». В итоге творческое и идейное наследие польского социалиста по части «кресов» получилось объемным, оно требует отдельного подробного рассмотрения (Украина как исследовательская проблема этому автору была явно ближе), но судьба провозвестника федерализма оказалась в итоге близкой к участи Михаила Каткова. Тому, как известно, император Александр II в 1871 г. прямо запретил высказываться по польскому вопросу в печати, Василевский же со своим наследием так и остался в области теории, на страницах периодических изданий и книг. Практической реализации, о которой мечтает каждый уважающий себя создатель теории, в случае Василевского не последовало. Характерно, что с российской стороны в начале XX в. крупного теоретика национальной проблемы на пространстве восточного славянства так и не

нашлось, эту роль параллельно своим строго научным исследованиям в итоге, не заявляя о том публично, играл академик Евфимий Карский. Его коллега с польской стороны, известный и плодовитый этнолог-самоучка Михал Федеровский (1853–1923), автор многотомного труда «Белорусский народ на литовской земле», по части научных заслуг в разработке белорусской проблемы может быть поставлен рядом с профессором русского Варшавского университета, но ключевое отличие между двумя учёными в том, что идеи Карского были использованы в процессе реализации этнополитических механизмов модернизации, а наследие Федеровского и Василевского востребовано не было.

Сравнивая в своих написанных до 1914 г. текстах литовское и белорусское движения, Василевский отмечал: «1) отсутствие белорусской литературы; 2) небольшое количество школ с белорусским языком обучения; 3) слабость созданных политических организаций; 4) отсутствие контактов и поддержки общества для существующих политических организаций» [3, с. 23]. Политическая практика 1918–1920 гг. показала, что эти наблюдения теоретика были по-прежнему актуальны при решении белорусских проблем. Заметим, до 1915 г. белорусских школ на белорусских землях не было вообще, в отличие от белорусской литературы, претерпевшей заметное развитие в начале XX в.; тезисы же о «слабости» и «отсутствии» в отношении белорусских политических структур облегчали сторонникам Пилсудского и читателям Василевского игнорирование реальных требований реальных белорусских деятелей.

Требования эти были откровенно неприемлемы для всего польского политического класса, от социалистов до консерваторов. Примером тому приводимое белорусским историком Андреем Чернякевичем и выявленное в Центральном военном архиве в Варшаве очень убедительное высказывание географа и министра БНР Аркадия Смолича (1891 – 1938), сделанное в январе 1919 г.: «Хотя я считаю, что большевики приносят нашему краю больше вреда, нежели пользы, хотя они стремятся к ещё более сильной привязке нас к Москве, чем мы бы этого хотели, но если они доведут его до естественных границ – возникнет объединённая Беларусь, которая хотя бы несколько месяцев проживёт теперь общей жизнью, Беларусь с Вильно, Белостоком, Брянском и Гомелем – то мы должны подхватить эту идею, признать её соответствующей национальным требованиям и попросту встать в ряды защитников этого порядка и сражаться за это хотя бы и со всем миром» [9, с. 81]. Такой Беларуси польские федералисты белорусским политикам предоставить не могли, а вот советские геополитические стратеги 1920-х гг. готовы были разве что изъять из этой картины Брянск.

В этой связи характерны давние историографические споры о том, имели ли идеи федерализма поддержку среди несоветских белорусских политиков и были ли они сколько-нибудь эффективны в качестве пропаганды. В 2017 г. А. Чернякевич [Там же], солидаризируясь с выводами польской исследовательницы Кристины Гомулки, критикует сделанный ещё в 1962 г. вывод польского историка Юзефа Левандовского (1923 – 2007) о том, что за Польшу тем или иным образом высказывалось большинство белорусов [12, s. 210]. Обращает внимание и на то, что такие деятели белорусского движения, как Александр Бурбис или Мариан Фальский, одновременно были членами ППС [Там же]. Представляется, что критика тезиса Ю. Левандовского справедлива, но стоит сделать поправку на то, что на подобную оценку наверняка повлияли взгляды научного руководителя Левандовского, известного историка и политика, председателя Государственного совета ПНР в 1972–1985 гг. Генрика Яблоньского (1909 – 2003). Не стоит забывать, что в межвоенный период и вплоть до 1948 г. Яблоньский был членом ППС и взгляды товарища по партии Василевского ему были отнюдь не чужды; причислять же антисоветски настроенных белорусских деятелей в начале 1960-х гг. к сторонникам польской власти никак не возбранялось.

В 2007 г. известный специалист в области белорусских проблем из Белостока Евгений Миронович вслед за польским историком Иоанной Геровской-Каллаур писал о том, что «федералистические лозунги в отношении белорусов оказались эффективным пропагандистским средством. Создавая иллюзии независимости, удалось оттянуть часть деятелей от пророссийских тенденций» [16, s. 11–12]. Стоит заметить, что белорусские деятели и без концепции федерализма вполне естественно оттягивались и от просоветских тенденций, и от ориентации на Белое движение, стойко державшееся линии на «единую и неделимую Россию»; провозглашение же БНР в марте 1918 г. и стремление белорусских деятелей к независимости, по понятным геополитическим причинам часто оборачивавшееся иллюзиями, с проектом федерации польски также связано не было.

Исследование К. Гомулки показало среди прочего, что с провозглашением независимости Польши самыми искренними сторонниками федерализма среди польских деятелей были даже не социалисты и не «романтический сторонник федерации» премьер и пианист с мировым именем Игнатий Падеревский [10, s. 73], а помещики с «кресов», которым было что терять при неизбежном сужении границ возрождённого государства по сравнению с заветными рубежами 1772 г. К примеру, в январе 1919 г. бывший член Государственного совета и

будущий министр юстиции и генеральный прокурор Александр Мейштович (1864 – 1943), а в марте 1919-го граф Леон Лубеньский (1861 – 1944) выступили с мотивированными предложениями о сохранении за новой Польшей восточной границы 1772 года, которые сводились к охране собственности и отбрасыванию России на восток [3, с. 35]. Последний аргумент с 1890-х гг. был весьма существенным и в федеративных размышлениях Василевского и Пилсудского.

Граф Лубеньский также объявил себя федералистом, но белорусские границы в его предложениях охватывали восточную часть Гродненской, Минскую, Могилёвскую и Витебскую губернии, всего около 110 тыс. кв. км и 3 млн жителей. Тогда же, в 1919 г., известный белорусский историк Митрофан Довнар-Запольский в брошюре, изданной на средства министерства белорусских дел Литвы, выдвинул проект литовско-белорусского федеративного государства; собственно белорусское государство, включавшее Вильно, должно охватывать территорию примерно 258 тыс. кв. км и с населением около 15 млн человек, из них около 12 млн белорусов [3, с. 42–43].

Понятно, что при таких разногласиях территориального характера никто из белорусских деятелей не мог стать искренним приверженцем федералистских теорий польских политиков, а конструкции последних в конечном итоге всё так же, как и до 1914 г., носили умозрительный характер, будучи едва ли пригодны даже в целях пропаганды и встречая жёсткий отпор во внутripольских спорах, в том числе со стороны эндеков. Не менее жёсткие установки литовских и украинских национальных деятелей повлекли за собой утрату сколько-нибудь серьёзных надежд на возрождение границ ушедшей в историю в XVIII столетии Речи Посполитой. При этом уже весной 1918-го, более чем за полгода до послевоенного восстановления польской государственности, Василевский чётко обрисовал отсутствие каких-либо перспектив у литовцев. В своей статье для еженедельника «Культура Польши», опубликованной 17 марта 1918 г., скептически оценивая возможности создания зависимого от Германии литовского государства с включением в него «белорусских и польских земель», он указывал: «Литовцы ведь никогда не были господствующим элементом, литовский язык не был официальным. Политически Литва была государством белорусским, позднее польским, поэтому белорусщина, позже латынь и польский язык были официальными языками в Литве. Слабое численно (до 2 миллионов) литовское племя совершенно лишено всяческой ассимиляционной силы» [11].

Чуть ранее, в изданной в 1917 г. брошюре «О восточной границе польского государства», Василевский видел потребность «некоего

союза» с Беларусью, предполагалось и проведение польско-белорусской границы «вдоль столкновения католического элемента с православным» [21, с. 104–111, 186].

9 марта 1919 г. Василевский, уже успевший побывать министром иностранных дел возрождающейся Польши, отправился в Париж, где был кооптирован в числе семи представителей начальника государства в состав польской делегации на Парижской мирной конференции. 18 марта 1921 г. он был одним из пяти представителей Польши, подписавших Рижский договор, а затем именно он стал председателем пограничной комиссии, занимавшейся практическим проведением рижской границы до конца 1922 г.

Уже в первые месяцы существования независимой Польши место федеративной теории заняла прагматичная тактика. По мнению А. Фришке, «Пилсудский и Василевский склонялись к федерации, но с большой осторожностью, обращая внимание на силу национальных, государствообразующих стремлений и их отношение к Польше» [10, с. 74]. То есть хорошего отношения к Польше для достижения сколько-нибудь значимых национальных целей было явно недостаточно, в чём и убедились на своём исключительно горьком опыте пытавшиеся порой после 1918 г. разыгрывать польскую карту белорусские деятели.

Пилсудский умело лавировал в вопросах восточных границ, часто прямо не высказывая поддержки федералистским планам своих соратников. Временный начальник государства выражался обтекаемо, например, выдвигая идею о Большой Польше Пилсудского в противовес Маленькой Польше эндеков, «националистической и отталкивающей от себя восточных соседей, которые должны были льнуть к "Большой Польше" и сосредотачиваться при ней как естественной защитнице от российской опасности» [10, с. 87].

При таком подходе федерализм уже сугубо инструментален, это по сути своей пиар-продукт, на который в итоге не купились даже самые покладистые из белорусских политиков при всей сложности их ситуации 1919–1920 гг. Но ведь, по верному замечанию К. Гомулки, Пилсудский «инструментально трактовал белорусов» [3, с. 23] и в начале XX в., и ничего принципиально нового в его взглядах на белорусский вопрос после 1918 г. так и не появилось.

По ходу непростых усилий варшавских властей по проведению восточной границы новорождённого государства выяснилось, что принципиальная нерешаемость литовского варианта планов восстановления ВКЛ дополнялась проблемами и на белорусском направлении. Пилсудский своих принципиальных позиций при этом не менял и в условиях, когда значительная часть белорусских земель с

Минском с лета 1919 г. находилась под властью Польши, представленной Гражданским управлением восточных земель (ГУВЗ). Характерно письмо начальника государства главе этого управления, помещику из имения Подпинск под Пинском Ежи Осмоловскому (1872 – 1952) от 21 ноября 1919 г., содержащее впечатления от встречи Пилсудского с главой одного из белорусских правительств Антоном Луцкевичем и откровенный ответ на вопрос о политическом будущем Беларуси: «Для того, чтобы между мной и представителями белорусского национального движения установился надлежащий контакт и чтобы эти последние могли надеяться на мою поддержку, необходимо полное признание Польского государства, подчинение польской власти и прекращение говорения о независимости Беларуси. Независимость Беларуси – это блеф, по крайней мере ныне [...] По моему мнению, задача Польши заключается не только в освобождении Беларуси от политического господства большевистской, царской или демократической России – это без разницы, но и от влияний русской культуры» [13, с. 69]. Подобно великому князю Николаю Николаевичу, обещавшему в августе 1914 г. непременно решить польский вопрос, но сразу же после войны, Пилсудский в том же письме неопределённо обещал решить и белорусский вопрос, но после урегулирования куда более важных литовских и украинских проблем. А вот на просьбу виленских белорусов создать белорусские воинские части при посредничестве Белорусской военной комиссии первый маршал Польши откликнулся живо. Так федеративный пиар-проект дополнился наполеоновским мотивом: Пилсудский собирался использовать белорусов точно так же, как и Бонапарт в 1812 г. – как пушечное мясо, с туманными и не исполненными в итоге обещаниями во всех остальных сферах.

Именно в таком виде пребывали белорусские проблемы и в ключевом для будущего восстановленной Польши 1920 г. В начале 1920-х гг. в окружении Юзефа Пилсудского за создание «искусственной белорусской конструкции» сколько-нибудь серьёзно ратовал лишь отвечавший за белорусские дела молодой сотрудник II отдела польского генштаба (разведка и контрразведка) Сильвестр Воевудский. Понимания у Пилсудского и других представителей польской политической элиты он не нашёл. Информированный мемуарист, помещик Ковенской губернии и заместитель Осмоловского по ГУВЗ Михал Станислав Коссаковский (1883–1962) возмущённо писал о том, что изрёк этот энтузиаст «на вопрос о том, что делать с тем населением Минщины, которое считает себя поляками. «Нужно сделать из них белорусов», – ответил Воевудский» [5, с. 349]. Отказавшись от маргинальной, но существовавшей в польском идейном пространстве заложенной ещё в

начале XIX в. Зорианом Доленгой-Ходаковским традиции серьёзного отношения к восточнославянским проблемам, польские политики в итоге проиграли важнейший спор за рубежи славянства воспринявшим его идеи большевикам.

Существенным фактором отрицания на практике (на словах обычно говорилось иное) самостоятельности и состоятельности белорусского языка и тем более национального проекта белорусов становилась близость Пилсудского и его ближайшего соратника, создателя «Срединной Литвы» Люциана Желиговского (1865–1947) к белорусской этнической массе. Известно, что торжественный приезд Пилсудского в Минск в сентябре 1919 г. сопровождался эффектными жестами: «начальник государства» называл себя сыном белорусской земли и даже говорил по-белорусски, заявляя: «Само население определит формы своего политического бытия. Пока я буду командовать польской армией, я гарантирую вам провозглашенную свободу. Я верю и надеюсь, что эта земля, как особая единица, займет подобающее ей место во всемирном списке государственных народов» [1, с. 45–46]. Будущий народный поэт Беларуси Янка Купала написал по случаю прибытия Пилсудского восторженные стихи с теми самыми эпитетами, которыми он позднее прославлял товарища Сталина (одного этого было достаточно, чтобы НКВД поэта причислил бы к «польским шпионам»). «Освободитель Вильно» в октябре 1920 г. Желиговский прекрасно владел «простой мовой» и охотно поддерживал разговоры о близости к белорусам, что создавало временную видимость его и Пилсудского симпатий к федералистским идеям.

Подобная видимость взглядов начальника государства в рамках исключительно пропагандистского ракурса создавалась и во второй половине, и в первой половине 1920 г., но в реальности отношение Пилсудского к белорусам так и не вышло за пределы аксиоматичных установок конца 1890-х гг., когда он ещё был известен как «товарищ Виктор». Теоретик федерализма Василевский же пытался, что называется, колебаться в строгих рамках «генеральной линии партии». Белорусский вопрос, с точки зрения Василевского, в 1920 г. ярко отразился в переговорах с несоветскими белорусскими политиками до начала активных боевых действий с Красной армией. 20 марта 1920 г. Василевский, Воевудский и будущий президент Польши в эмиграции, а тогда представитель ГУВЗ Владислав Рачкевич согласились выполнить часть требований белорусов, в том числе введение белорусского языка в школьное преподавание в Минской губернии, организацию учительских курсов; одновременно была отвергнута белорусизация на территориях западнее Минщины [10, с. 82–83]. Главная цель общения с белорусами

была вполне понятна и легко осуществима: достижение благосклонности в приближающейся жёсткой конфронтации с советской властью, но настроения широких слоёв белорусского крестьянства эти переговорщики вряд ли учитывали.

Но даже в таких условиях обещания из Варшавы были более чем скромны, тогда как от большевиков специальная комиссия под руководством тогдашнего министра иностранных дел и будущего посла в Москве Станислава Патека (1866–1944) с участием Василевского требовала отойти за те самые границы 1772 г. и официально отречься от этих земель и признать независимость возникших там национальных государств и их фактически существующие правительства. Польша же соглашалась всего лишь на установление отношений на этом пространстве на основе «свободно выраженной их воли» [18, s. 537–538]. На заседании польского правительства 8 марта 1920 г. премьер-министр Леопольд Скульский (1877–1940) без всяких переговоров с белорусами ограничил эту выраженную волю автономией Минщины, одновременно заявив о непосредственном включении Виленщины и Гродненщины [7, s. 92–94].

Неудивительно, что итог попыток активировать федеративную карту в реальной польской политике 1920 г. был далёким от идеалов, которые долгие годы вынашивал ученик профессора Т.Г. Масарика в Карловом университете в Праге и внимательный читатель текстов на белорусском и украинском языках Василевский, в том числе и потому, что «проект оставления в Польше всей Западной Беларуси и строительства белорусского Пьемонта на Минщине не мог быть принят белорусами» [10, s. 90].

По мнению А. Фришке, «в дальнейшем, однако, такой Пьемонт не возникал, а белорусы отмечали уменьшение числа белорусских школ, тяготы реквизиций, неблагоприятные условия для развития просветительских и общественных организаций, полностью лишённых дотаций. Тем временем белорусский простой народ был объектом мощной агитации большевиков, которые могли воспользоваться обещанием наделения крестьян панской землёй и равноправия языка» [10, s. 87]. Именно в 1920 г. на территории Западной Беларуси польские власти закрыли большинство белорусских школ, открытых ещё при германской оккупации, в том числе прогимназию в Гродно [20, s. 258], наглядные пособия перетащили в польские школы, а белорусских учителей подвергли физическому воздействию.

При этом удивительно, что польский историк Ежи Боженцкий в 2012 г. пытался реанимировать федеративную логику и обосновать логичность оставления Минска на польской территории, подчёркивая,

что «получение столицы Беларуси ведь позволило бы Пилсудскому предпринять попытку воскрешения всей концепции, а этого Советы жаждали любой ценой избежать» [7, s. 200]. Автор явно перепутал современный двухмиллионный Минск с губернским центром столетней давности, чьи столичные амбиции были неочевидны и для большевиков вплоть до конца 1930-х гг.

Характерно, что Василевский, пытаясь в Риге вести переговоры с советской стороной о Минске, одновременно, как свидетельствовал секретарь польской делегации на этих переговорах Александр Ладось (1891–1963), считал дело федерации уже проигранным. Ладось в 1937 г. в своей статье о Василевском писал, что тот «перед лицом очевидной невозможности претворения федеративной программы в полном объёме [...] хотел, чтобы в Польше и с опорой на неё существовали центры самостоятельных украинского и белорусского национальных движений. Он опасался, что если такие центры возникнут по другую сторону границы, они будут представлять значительную притягательную силу для тех частей польских земель, которые будут располагать значительными массивами украинского и белорусского населения и вызовут на них сопротивление, стремящееся к соединению с центрами движения, оставленными при России» [14, s. 237].

Но такое понимание очевидных опасностей Василевским не стало в 1920 г. основой для реальной политики. На практике же все польские разговоры о федерализме и тем более о причислении белорусов к «государственным народам» разбивались о геополитическую реальность. Польский историк Пётр Вандыч (1923–2017) резонно заключил, что Пилсудский никогда не был ни идейным федералистом, ни убеждённым украинофилом, руководствуясь при этом исключительно польскими геополитическими интересами [26, s. 30–34]. Известный специалист из Кракова Анджей Новак не менее логично задаётся вопросом: «А можно ли обвинять польского Начальника государства в том, что он руководствуется исключительно польскими национальными интересами?» [17, s. 239]. В современных условиях, в 2009 г., свой приговор федеративной концепции огласил даже известный польский либерал Адам Михник: «Я не являюсь – и никогда не был – сторонником идеологии эндеков. Я считаю ее отравой польской культурной идентичности. Но при этом я полагаю, что тогдашний прогноз националистов-эндеков был в перспективе верным: многонациональное, федеративное государство в этой части Европы не было хорошей идеей. Ни польское, ни литовское общество не были к этому готовы – и одни, и другие хотели независимого национального государства. Толерантность для "другого" была в обоих обществах укоренена слабо» [15].

Польские же власти в своей белорусской политике (прежде всего в школьном вопросе) в межвоенный период независимо от политической ориентации строго придерживались именно государственного интереса, и проекты белорусизации на землях Западной Белоруссии были невозможны здесь в принципе. Принятые под нажимом Лиги наций законодательные акты о правах нацменьшинств и статья VII Рижского договора соблюдались в Польше примерно так же, как права сербов в современном Косово.

И в таких условиях отказ Пилсудского от федеративной концепции даже как инструмента пропаганды на фоне мирных переговоров в Риге был совершенно естественным развитием событий. Согласно М.С. Коссаковскому, уже 4 ноября 1920 г. на представительном совещании польских чиновников в Вильно было выработано твёрдое мнение о том, что «Беларусь существует только за пределами польского государства» [5, с. 363]. А в 1921-м, по словам того же мемуариста, Пилсудский изрёк: «Белорусскую политику пусть черти поберут» [5, с. 372].

Первый маршал Польши как в воду глядел: смышлёные «большевистские черти» во главе с самим товарищем Сталиным, как и предвидел Василевский, прочно оседлали белорусскую политику и превратили её (наряду с украинской) прежде всего в действенное орудие борьбы с беспокойным польским соседом. Отметим, что при решении белорусских проблем, в том числе и территориальных вопросов, во главу угла ставились не этнографические и даже не социально-экономические аргументы, а принцип политической целесообразности.

Обнаружение руководством РКП(б) у белорусов национального самосознания вызывалось отнюдь не этнографическими причинами и соображениями «дружбы народов». Именно к марту 1923 г., когда рижская граница была официально признана Советом послов Антанты, в Москве окончательно убедились в том, что Польша не собирается ни учитывать национальные права белорусов (и украинцев) на своей территории, ни проводить на практике так стройно выглядевшую на бумаге теорию федерализма. Польский историк Ян Яцек Брусский в 2013 г. справедливо отмечает, что «польская программа, известная под названием федеративной концепции, потерпела поражение... Фиаско этого проекта подчёркивал пункт Рижского договора, говорящий о польско-советской пограничной линии как о «границе между Польшей с одной и Украиной и Белоруссией с другой стороны». Эта формула «была равнозначна признанию того, что отныне решение украинского и белорусского вопроса находится в советских руках» [8, s. 306–307].

Літэратура

1. Астрога В., Скалабан В. Пілсудзкі ў Менску // Спадчына. 1998. № 4.
2. Борисёнок Ю.А. Михаил Бакунин и «польская интрига». М.: РОССПЭН, 2001. 304 с.
3. Гамулка К. Паміж Польшчай і Расіяй: Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918–1922). Вільня: ЕГУ, 2008. 256 с.
4. Гурневіч Дз. Годзе называць беларускіх палякаў «спялянізаванымі беларусамі», — Тадэвуш Гавін. URL: <https://www.svaboda.org/a/30189730.html> (дата абрашчэння: 29.09.2019).
5. Кароткі нарыс беларускага пытання. Мінск: І.П. Логвінаў, 2009. 396 с.
6. Маркэ К., Энгельс Ф. Соч. Т. 6. С. 290–294.
7. Borzęcki J. Pokój ryski 1921 roku i kształtowanie się międzywojennej Europy Wschodniej. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, 2012. 429 s.
8. Bruski J.J. Porządek ryski i czynniki jego destabilizacji. Kwestia ukraińska i białoruska w stosunkach polsko-sowieckich 1921–1926 // Zapomniany pokój. Traktat ryski Interpretacje i kontrowersje 90 lat później / pod red. S. Dębskiego. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013.
9. Czerniakiewicz A. Państwo polskie w ideologii organizacji białoruskich w latach 1918–1921 // Polacy na Białorusi od końca XIX do początku XXI wieku. Wybrane problemy stosunków polsko-białoruskich, red. T. Gawin. Warszawa, 2017.
10. Friszke A. Jeden z «niepokornych» Leon Wasilewski // Wasilewski L. Piłsudski jakim go znałem. Warszawa: Muzeum Historii Polski, 2013. 270 s.
11. Kultura Polski. 1918. 17 marca. № 11.
12. Lewandowski J. Federalizm: Litwa i Białoruś w polityce obozu belwederskiego: XI 1918 – IV 1920, Warszawa: Państwowe Wydawnictwo Naukowe, 1962. 269 s.
13. Listy Józefa Piłsudskiego, oprac. K. Świtalski // Niepodległość. 1962. T. VII.
14. Ładoś A. Wasilewski w rokowaniach ryskich // Niepodległość. 1937. T. XVI. S. 237.
15. Michnik A. Tomas Venclova – wielki Cosmopo-Lithuanus i Wilno wielu narodów // Gazeta Wyborcza. 2009. 12 kwietnia.
16. Mironowicz E. Białorusini i Ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowskiego. Wyd. Uniw. Trans Humana. Białystok, 2007. 286 s.
17. Nowak A. Od imperium do imperium. Spójrzzenia na historię Europy Wschodniej. Kraków: Arcana, 2004. 399 s.
18. Nowak A. Polska i trzy Rosje. Studium polityki wschodniej Józefa Piłsudskiego (do kwietnia 1920 roku). Kraków: Arcana, 2001. 644 s.
19. Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. 2. Warszawa: Instytut Józefa Piłsudskiego, 1937. 300 s.
20. Snapkouski U. Białoruś, wojna polsko-sowiecka oraz pokój ryski // Zapomniany pokój. Traktat ryski. Interpretacje i kontrowersje 90 lat później / pod red. S. Dębskiego. Warszawa: Centrum Polsko-Rosyjskiego Dialogu i Porozumienia, 2013.
21. Stoczewska B. Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Kraków, 1998. 397 s.
22. Wasilewski L. Die nationalen und kulturellen Verhältnisse im sogenannten Westrussland. [Б.и.], 1915.

23. Wasilewski L. Litwa i Białoruś. Przeszłość. – Teraźniejszość. – Tendencje rozwojowe. Kraków: Spółka nakładowa Książka, 1912. 369 s.
24. Wasilewski L. Piłsudski jakim go znałem. Warszawa: Muzeum Historii Polski, 2013. 270 s.
25. Wasilewski L. Litwa i Białoruś: zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych. Warszawa; Kraków: Wydawnictwo J. Mortkowicza, 1925. 361 s.
26. Wandycz P.S. Wojna polsko-bolszewicka 1919–1920 w ocenach historyków. Warszawa: Agencja Wydawnicza MakPrint, 2003. 71 s.

Y.A. Borisenok

Moscow State University

«Let the devil take Belarusian politics»: J. Pilsudski's refusal from the practical implementation of the federal concept in 1920

Key words: federal concept; Polish-Soviet war; J. Pilsudski; revival of the Polish state; history of Belarus; history of Poland.

In relation to the Belarusian question, the article analyzes the historical fate of the federal concept developed by the Polish socialists, in the ranks of which L. Wasilewski and J. Pilsudski stood out in the 1890s, and attempts to modernize it in the conditions of the restoration of Polish statehood after 1918. The theory of federalism turned out to be unsuitable for real political conditions, and already in the first months of the existence of independent Poland, pragmatic tactics took its place. At the same time, in the 1890s, Pilsudsky had already formed stable ideas about Belarusians and their historical prospects as a «Belarusian fiction», which would then clearly appear in the first years after independence in late 1918. With traditional European federalism and its principles of voluntariness and equality, these views already had nothing in common, and these features will not appear in the views of Polish federalists in the late 1910s. In 1918-1920, Pilsudski skillfully maneuvered on issues of the eastern borders, often not directly expressing support for the federal plans of his comrades-in-arms, but by the time of signing the Peace of Riga he categorically abandoned the concept of federalism, thereby providing the Bolsheviks with ample opportunities for holding large-scale events in the 1920s national policy in the Belarusian direction, which was objectively anti-Polish in nature and pragmatically calculated on the sympathy of the population of Western Belarus.

Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (СЗИУ РАНХиГС) (Санкт-Петербург, Россия)

УДК 355.483(470) (476)(438)«1919»

Реализация восточного вектора внешней политики Ю. Пилсудского на территории Беларуси в рамках начального периода польско-советской войны 1919–1920 годов

Ключевые слова: *Советская Белоруссия; польско-советская война; Ю. Пилсудский; восточные кресы.*

В статье кратко освещаются предпосылки и причины, приведшие к польско-советской войне 1919–1920 гг., стратегические планы представителей польского руководства по вопросам, связанным с вариантами решения судьбы бывших восточных земель Речи Посполитой, или так называемых «восточных кресов» («федералистский» проект Ю. Пилсудского и «унитарный» проект Р. Дмовского), а также историческое значение образования независимой Советской Белоруссии 1 января 1919 г., которая впоследствии стала основой для образования нового белорусского государства, название которого претерпевало изменения в различные исторические периоды – в виде ССРБ, БССР, а затем – Республики Беларусь. Помимо иных событий этого времени, образование Советской Белоруссии привело к обострению противостояния геополитических интересов Польши и России на пространстве бывшей Российской империи, а впоследствии – к вооружённым столкновениям польской армии и РККА в январе 1919 г. Наряду с кратким описанием хода военных действий противоборствующих сторон (преимущественно в рамках событий 1919 г.), проанализирована роль неофициальных советско-польских переговоров, проводившихся в 1919 г. уполномоченными представителями РСФСР и Польши на белорусской территории по вопросам мирного урегулирования, в срыве планов армии Деникина в 1919 г., которые в немалой степени способствовали его последующему поражению в Гражданской войне в России.

Польско-советская война 1919–1920 гг. является достаточно уникальным историческим событием, значение и последствия которого привлекают внимание историков и политиков. Дело в том, что ни советская, ни польская стороны данного военного конфликта никогда формально не объявляли друг другу войну. При этом, в условиях отсутствия дипломатических отношений между РСФСР и Польшей, как накануне, так и в ходе всего периода военной конфронтации

противоборствующих сторон в 1919–1920 гг. осуществлялось периодическое официальное и неофициальное взаимодействие в форме различного рода консультаций и переговоров представителей и уполномоченных делегаций обеих сторон с целью найти пути прекращения конфронтации и способы мирного решения спорных вопросов в двухсторонних отношениях. Главенствующая проблематика в этих процессах касалась прежде всего вопросов, связанных с легитимизацией границ между двумя вновь образованными государствами – РСФСР и Польшей.

Следует отметить, что проблематика легитимизации границ на протяжении многих столетий в значительной степени влияла на двухсторонние российско-польские отношения, которые были достаточно непростыми. После Люблинской унии 1569 г., когда в состав вновь образованного польского государства – Речи Посполитой было инкорпорировано Великое княжество Литовское, помимо проблемы, имеющей отношение к территориальному разграничению между русским и польским государствами, добавились новые проблемы, осложнявшие двухсторонние отношения. К их числу прежде всего относились:

- расширение употребления польского языка на инкорпорированных территориях бывшего независимого Великого княжества Литовского (полонизация);

- расширение влияния католицизма с целью превращения его в доминирующую конфессию для коренного местного православного белорусского и украинского народов (латинизация).

Противоречия между русским и польским государствами в XVI–XVII веках переросли в открытое соперничество за сферы влияния на территории, которые в конечном результате так называемых «трех разделов Речи Посполитой» (1772, 1792 и 1795 гг.), до 1918 г. перешли в состав России, а ныне входят в состав независимых Беларуси и Украины.

С момента крупнейшего исторического события XX века – Октябрьской революции в России возобновился сложный процесс территориального размежевания и формирования новых независимых государств в Восточной Европе.

29 августа 1918 г. декретом СНК РСФСР был оформлен отказ РСФСР от всех договоров и актов бывшей Российской империи, касающихся разделов Польши, т.е. за польским народом было признано неотъемлемое право на самоопределение и восстановление независимого и единого польского государства. После поражения Германии в войне в ноябре 1918 г. декретом ВЦИК от 13 ноября 1918 г. Брестский мирный договор наряду со всеми сопутствующими ему дополнительными

соглашениями от 27 августа 1918 г. был аннулирован. В тексте данного декрета, в частности, устанавливалось:

«Трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа, освобожденные германской революцией от гнета грабительского договора, продиктованного германской военщиной, призваны ныне сами решать свою судьбу» [8].

Вышеуказанные обстоятельства дали мощный импульс для возобновления восточного вектора внешней политики Польши, сумевшей в ноябре 1918 г. после окончания Первой мировой войны восстановить свою государственность.

С момента восстановления независимости Польши 11 ноября 1918 г. вопрос об установлении и юридическом оформлении её границ приобрел для нее первостепенное значение.

Среди высшего польского руководства существовали определенные расхождения во взглядах на то, какой именно статус должны иметь восточные территории ранее существовавшей Речи Посполитой в составе вновь образованного Польского государства.

Юзеф Пилсудский (1867–1935), бывший социалист и один из лидеров Польской социалистической партии, активно противостоявший царскому самодержавию, занимавший с 14 ноября 1918 по 9 декабря 1922 г. должность начальника государства Польского, придерживался федеративной концепции. Считая Россию своим главным противником, он стремился возродить обновленное Польское государство в виде федерации союзных народов: Польши, Литвы, Украины и Беларуси – с целью решения двух взаимосвязанных задач. С одной стороны, самой важной задачей было воздвигнуть «успешный барьер» между странами Запада и бывшей имперской Россией (независимо от исхода противостояния в Гражданской войне в России «красных» или «белых»). Вторая задача, которую выдвинул Пилсудский, тесно увязана с первой: признавалось необходимым создать на демократических основах это государство из смешанных национальных сообществ [9, с.189].

Концепцию Пилсудского в целом разделял и поддерживал Игнаций Падеревский (1860–1941), выдающийся польский пианист и композитор, занимавший с 18 января по 27 ноября 1919 г. должность премьер-министра Польши, а с 16 января по 9 декабря 1919 г. также должность министра иностранных дел Польши.

С другой стороны, программе Пилсудского его политический противник Роман Дмовский (1864–1939), лидер Национально-демократической партии Польши и польского национального комитета (1914–1919), бывший депутат II и III Государственной думы России

(1907–1909), рассматривавший Германию в качестве основной угрозы для Польши, противопоставлял свою «программу инкорпорации», т.е. образования унитарного польского государства, сформированного по национальному принципу на территории, где поляки составляли большинство населения. При этом допускалась передача части территории России в целях предотвращения нежелательной ассимиляции польского населения непольским населением восточных окраин исторической Речи Посполитой, существовавшей в границах 1772 г.

Безусловно, следует признать, что Пилсудский никогда не ставил своей задачей заниматься теоретизированием – он всегда рассматривал свою концепцию как некий инструментальный для достижения вполне конкретной политической цели – обеспечения государственной безопасности Польши на наиболее небезопасном для нее восточном направлении [Там же].

В подтверждение данного утверждения целесообразно привести один из политических тезисов Пилсудского:

«Замкнутая в пределах границ времён шестнадцатого века, отрезанная от Черного и Балтийского морей, лишённая земельных и ископаемых богатств Юга и Юго-Востока, Россия могла бы легко перейти в состояние второсортной державы, неспособной серьёзно угрожать новообретённой независимости Польши. Польша же, как самое большое и сильное из новых государств, могла бы легко обеспечить себе сферу влияния, которая простиралась бы от Финляндии до Кавказских гор» [5, с. 116]. Поэтому, наряду с данной концепцией, Пилсудский выдвигал и концепцию «междуморья» (польск. Międzymorze), которая предусматривала более широкий конфедеративный союз под непосредственным руководством Польши от Балтики до Чёрного моря, в который наряду с Польшей, Украиной, Беларусью и Литвой могли бы войти Латвия, Эстония, Венгрия, Румыния, Югославия, Чехословакия и Финляндия. То есть речь шла о своеобразном «санитарном кордоне», который был призван оградить Европу от Советской России.

Несмотря на различия двух вышеуказанных польских концепций, в конечном счете у них была одна общая позиция: все восточные территории, или «восточные кресы» (Kresy Wschodnie), ранее входившие в состав государства до «трех разделов Польши» XVIII в., включающие и белорусские территории, должны быть возвращены под польский контроль (разница была лишь в формах такого контроля). В конечном счете подтверждалась приверженность идее восстановления исторических границ Речи Посполитой 1772 г., а уже это обстоятельство использовалось для решения задач, в том числе достижения геополитического доминирования в Восточной Европе в целом.

Аннулирование 11 ноября 1918 г. Брестского мирного договора от 3 марта 1918 г. (сторонами которого были, в числе прочих, РСФСР и Германия), в свою очередь, позволяло Советской России возобновить политическое влияние и заниматься «советизацией» в отношении целого ряда территорий (которые ранее входили в Российскую империю и с которых стали выводиться временно находившиеся там после заключения Брестского мирного договора подразделения вооруженных сил Германии и Австро-Венгрии), к западу от границы, которая была установлена по линии Рига – Двинск – Друя – Дрисвяты – Михалишки – Дзевилишки – Докудов – р. Неман – р. Зельвинка – Пружаны – Видомль [4, с.17].

Постепенный вывод немецких войск осенью 1918 г. с ранее оккупированных Германией территорий сопровождался последовательным занятием освобождаемых территорий подразделениями РККА, что создавало предпосылки для возникновения конфликта с Польшей, восстановившей свою независимость 11 ноября 1918 г. и стремившейся всеми усилиями распространить свою государственность в исторических границах Речи Посполитой 1772 г.

В связи с этим представляется важным упомянуть о выводах, сделанных главкомом РККА И.И. Вацетисом в своем январском докладе 1919 г. «О стратегическом положении республики и качестве резервов», связанных с теми обстоятельствами, что на фронте Западной армии РСФСР фактически реализовывался процесс вооруженного продвижения к прежним границам России, по мере чего могут быть не исключены претензии Польши, поскольку ряд территорий бывшего Царства Польского был уже занят подразделениями РККА. Вместе с тем И.И. Вацетис выступал за продолжение продвижения РККА в западном направлении, поскольку, по его мнению, представлялось стратегически выгодным, чтобы спорные области перешли в распоряжение РСФСР до урегулирования сложившейся ситуации дипломатическим или военным путем [7].

Проблему неопределенности в межгосударственных отношениях между Советской Россией и Польшей в 1918 г. в силу различных причин не удавалось решить дипломатическим путем. Все неоднократно направляемые предложения РСФСР в 1918 г. об установлении дипломатических отношений были под различными предлогами отвергнуты Польшей [4].

Учитывая это, к концу 1918 г. руководство РСФСР приняло решение поддержать идею создания независимого белорусского государства, находящегося между Польшей и Советской Россией и тем самым призванного выполнять роль своего рода «буфера». При этом

следует отметить, что вследствие эффективности подобной идеи она была репродуцирована позже, в 1919 г., при создании Литовско-Белорусской ССР (ЛитБел), а затем Дальневосточной республики (ДВР) в 1920–1922 гг. – буферного государства, расположенного между Советской Россией и Японией.

25 декабря 1918 г. в ходе проведенного совещания наркома по делам национальностей РСФСР Иосифа Сталина с секретарем Белорусского национального комиссариата (Белнацкома) при правительстве РСФСР Д.Ф. Жилуновичем и партийным функционером РКП(б) А.М. Мясниковым (Мясникяном) было озвучено решение ЦК РКП(б) поддержать создание независимой Советской Белоруссии. 1 января 1919 г. в Смоленске было провозглашено создание Временного рабоче-крестьянского советского правительства Белоруссии. Кроме того, был обнародован манифест о провозглашении Советской Социалистической Республики Белоруссия (ССРБ). Данные события совпали по времени с активизацией польских войск, которые 2 января 1919 г. взяли под свой контроль Вильно, откуда ранее были выведены подразделения немецкой армии. В этот же день произошел и трагический инцидент, связанный с гибелью на территории Польши большинства членов делегации Красного Креста РСФСР во главе с председателем Верховного революционного трибунала Брониславом Весоловским (1870–1919), которая находилась в Польше с переговорной миссией. Это, в свою очередь, привело к значительному ухудшению двухсторонних отношений между РСФСР и Польшей. При этом спустя несколько дней, 4 января 1919 г., в Вильно произошли первые столкновения регулярных частей Красной армии и Войска Польского, т.е. фактически это было началом польско-советской войны 1919–1920 гг. Военные столкновения РККА с польской армией продолжились в январе 1919 г., когда в результате занятия частями Западной армии РККА территории, примыкающей к линии Белосток – Черемха – Брест – Ковель – Ровно (т.е. тех белорусских земель, которые являлись объектом геополитических интересов Польши), произошло военное столкновение «...между войсками Советской России и Польши 28 января 1919 под Волковыском, примерно в 20 км от нынешней польско-белорусской границы» [10, с. 146].

Несмотря на то, что с момента начала вооруженных столкновений в январе 1919 г. до весны 1920 г. ни одной операции стратегического масштаба не была проведена на Западном фронте РСФСР (границы которого находились на территории к западу от Днепра и к югу от Западной Двины) [3, с. 188], данный фронт имел важное стратегическое значение: от того, насколько представлялось возможным

стабилизировать обстановку на Западном фронте и передислоцировать боееспособные воинские формирования РККА, зависел во многом исход стратегических операций на иных фронтах Гражданской войны в России (1918–1922), прежде всего на Восточном и Южном. Именно там в 1918–1919 гг. решалось, кто победит в Гражданской войне.

Ход военных действий на Западном фронте РСФСР в 1919 г., результатом которых стало отступление к концу 1919 г. подразделений РККА до линии, приблизительно проходящей по Западной Двине (западнее Витебска) – Березине (восточнее Борисова и Бобруйска) и от Глуска по реке Птичь до ее впадения в реку Припять [8, с. 149], показал, что реализация данной идеи представляется возможной лишь при достижении договоренностей с противоборствующей стороной, т.е. с Польшей.

В свою очередь, чтобы достичь успеха в реализации своих геополитических целей, польское правительство в 1919 г. вело активные переговоры с недавно образовавшимися независимыми государствами Восточной Европы (в первую очередь с Литвой). У этих переговоров были разные задачи. Их целью было зондирование позиций государств по поводу геополитической цели Польши, связанной с судьбой восточных территорий ранее существовавшей Речи Посполитой, т.е. территорий бывшего Великого княжества Литовского.

Весной 1919 г., после занятия польскими войсками Вильно, Пилсудский поручил Михалу Пиусу Ромеру (1880–1945), видному общественно-политическому деятелю Литвы (поддерживавшему как федеративные планы Пилсудского, так и идеи белорусского и литовского национализма), провести с представителями литовского правительства необходимые переговоры по определению возможной формы государственного союза Литвы с Польшей [9, с. 192].

Что касается вопросов белорусской государственности, то Пилсудский был склонен решать их лишь после того, как «сплетениями федеративного узла станут Киев и Вильно» [9, с. 200], т.е. после того, как будут решены вопросы участия Литвы и Украины в его федеративном проекте.

В то же время с момента установления официальных отношений Польши с странами Антанты указанные страны стали проявлять внимание к проблематике восточного вектора внешней политики Пилсудского. Это выразилось прежде всего в том, чтобы оказывать давление на Пилсудского в целях его поддержки своими военными действиями военных операций А.И. Деникина (1872–1947), уроженца Варшавской губернии, русского генерала, одного из лидеров Белого движения в России [9, с. 204].

Несмотря на «польскость» происхождения Деникина (его матерью была Елизавета Фёдоровна (Эльжбета Францисковна) Вжесиньская (1843–1916)), Пилсудский вполне четко осознавал, что идеи Деникина о восстановлении российской государственности и его приверженность территориальной целостности России являлись непреодолимыми препятствиями для любого плодотворного сотрудничества между военными силами Юга России (ВСЮР) и Польшей. Поэтому, в частности, предлагаемый Деникиным план скоординированного польского наступления на Мозырь, находившийся под контролем РККА, с последующим выходом к верховьям Днепра был отвергнут Пилсудским [Там же]. Борьба против Советской России вовсе не подразумевала для Пилсудского оказания содействия любым планам восстановления единой российской государственности и прежних границ.

Напротив, в 1919 г. Польша, с учетом и иных военно-политических факторов (состояние экономики и внутривойсковая ситуация в стране, определенная нестабильность на западных границах и др.), активизировала свои усилия по проведению летом и осенью 1919 г. на белорусской территории неофициальных переговоров с уполномоченным представителем РСФСР, видным деятелем польского и российского коммунистического движения Юлианом Мархлевским (1866–1925) под эгидой российского общества Красного Креста (РОКК).

Суть переданных в то время Мархлевскому предложений Пилсудского, наряду с иными пунктами, заключалась в том, что подразумевалась некая готовность Польши в обозримой ближайшей перспективе продемонстрировать отсутствие планов у польских войск наступать далее линии Сарны – Ковель – река Птичь (в Беларуси) – Бобруйск – Березина – Западная Двина – Двинск [2, с. 171].

Это, в свою очередь, обеспечило руководству РСФСР возможность принять решение о передислокации большей части подразделений РККА на Южный фронт для нанесения решающего удара по армии генерала Деникина. Тем самым планы взятия Деникиным Москвы в декабре 1919 г. были сорваны, а ВСЮР вскоре перестали представлять угрозу для РККА.

При отсутствии на данный момент документально подтвержденных свидетельств, доказывающих наличие каких-либо подписанных в то время соглашений или протоколов по этому вопросу, представляется возможным использовать косвенные подтверждения состоявшейся договоренности РСФСР и Польши: снижение интенсивности боевых действий на Западном фронте РСФСР осенью 1919 г., негативно повлиявшее на исход сражений на Южном фронте осенью и зимой 1919 г.

В этой связи прежде всего следует упомянуть монографию бывшего русского генерала, военного историка Э.Г. ф. Валя (1878–1949) «Как Пилсудский погубил Деникина», в которой автор упоминает о «тайном соглашении» между РСФСР и Польшей [1, с. 56].

Американский историк, профессор польского происхождения П.С. Вандич в своей монографии «Советско-польские отношения 1917–1921 гг.» (*Polish-Soviet Relations 1917–1921*) свидетельствует об изменении позиции стран Антанты и делает вывод о том, что «... Варшава не показала заинтересованности в организации антибольшевистского крестового похода. Помогать белым означало подвергать опасности собственную восточную программу, а отношение Антанты показывало, что русские интересы получают приоритет над польскими требованиями» [11, с. 126].

В заключение следует отметить, что опытный и прагматичный польский политик – руководитель Польши Ю. Пилсудский – вполне адекватно представлял себе те обстоятельства, которые сложились впоследствии, по итогам завершения польско-советской войны 1919–1920 гг. Ведь единственным очевидным позитивным результатом этой войны для Польши явилось сохранение ее независимости и срыв попыток ее «советизировать». В то же время мечта Пилсудского о создании новой процветающей федеративной Польше в расширенных границах оказалась нереализованной. Несмотря на то, что новые восточные рубежи Польши включили западные территории Беларуси и Украины, в конечном счете эти приобретения сыграли роль своеобразного «троянского коня». В этой связи целесообразно привести вывод, сделанный российским историком С.Н. Полтораком: «... в самих итогах этой войны для Польши, была заложена основа трагедии 1939–1945 годов» [6, с. 217].

Литература

1. Валь Э.Г. Как Пилсудский погубил Деникин. Таллин: Издание автора, 1938. 116 с.
2. Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР: борьба между Россией и Польшей за Белоруссию 1918–1920 / под общ. ред. А.Е. Тараса. Минск: Харвест, 2010. 494 с.
3. Какурин Н.Е. Как сражалась революция. Т. 1: 1917–1918. М.: Политиздат, 1990. 272 с.
4. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны: Военно-политическое противостояние, 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. 460 с.
5. Пайпс Р. Русская революция: в 3 кн. Кн. 3: Россия под большевиками, 1918–1924. М., 2005. 696 с.
6. Полторака С. Н. Победоносное поражение: Размышления о советско-польской войне 1920 г. в канун ее 75-летия. СПб.: ТОО «Терция», 1994. 268 с.

7. РГВА. Ф. 6. Оп. 4. Д. 49. Л. 49–57.
8. Собрание Узаконений. 1918. № 95. Ст. 947.
9. Суля У. Юзаф Пілсудскі. Мінск: А. М. Янушкевіч, 2018. 354 с.
10. Яжборовская И.С., Парсаданова В.С Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М.: Academia, 2005. 404с.
11. Wandycz P.S. Polish-Soviet Relations 1917–1921. Cambridge, 1969. 403 p.

D.Y. Savchenko

*North-Western Institute of Management –
Branch of RANERA, Saint-Petersburg, Russia*

The implementation of the eastern vector of the foreign policy of J. Pilsudsky on the territory of Belarus within the framework of the initial period of the Soviet-Polish war of 1919–1920

Key words: Soviet Belarus; Soviet-Polish war; J. Pilsudsky; eastern armchairs.

The article briefly highlights the prerequisites and causes that have led to the Soviet-Polish war of 1919–1920, the strategic plans of representatives of the Polish leadership on issues related to options for deciding the fate of those former eastern lands of the Commonwealth or the so-called «Eastern Kresy» (the so-called "federalist" project of J. Pilsudsky and the «unitary» project of R. Dmowski), and historical significance of the formation of independent Soviet Belarus on January 1, 1919, which later became the basis for the formation of a new Belarusian state whose name has undergone changes in various historical periods of time – in the form of the SSRB, the BSSR, and then the Republic of Belarus. In addition to other events of this time, the formation of Soviet Belarus, among other things, have led to an exacerbation of confrontation between the geopolitical interests of Poland and Russia on the area of the former Russian Empire, and later to armed clashes of the Polish Army and the Red Army (RKKA) in January 1919. Along with a brief description of the course of hostilities of the warring parties (mainly in the framework of the events of 1919), the role of the so-called unofficial Soviet-Polish negotiations held in 1919 by authorized representatives of the RSFSR and Poland on the Belarusian territory on the issues of peaceful settlement, in the disruption of the plans of Denikin's army in 1919, which to a large extent contributed to his subsequent defeat in the civil war in Russia.

Дебаты в британском парламенте в связи с польско-советской войной

Ключевые слова: *польско-советская война; Великобритания; парламент; Польша; Советская Россия; оппозиция.*

В парламенте Великобритании рассматривались наиболее важные международные соглашения и договоры, принимались законы, касающиеся войны и мира. В материалах парламентских заседаний внешнеполитические вопросы находили отражение лишь в отдельные периоды, когда приобретали особое значение для Соединённого Королевства. В статье на основе анализа материалов заседаний британского парламента показано, что активные военные действия между Польшей и Советской Россией в 1920 г. подняли вопрос о вмешательстве Великобритании в ход событий в Восточной Европе, что не могло не обратить на себя внимание членов парламента. Преимущественно вопросы, связанные с польско-советскими отношениями, ставили на повестку дня депутаты от оппозиции. Обращалось внимание на такие аспекты, как влияние польско-советского конфликта на становление англо-советских торговых отношений, о пределах обязательств Великобритании в регионе, о позиции кабинета в вопросах войны и мира между Польшей и Советской Россией и пр. Активизация членов парламента, особенно в августе 1920 г., вынуждала британский кабинет учитывать его позицию при выработке политики в отношении польско-советской войны.

Взаимосвязь между ходом польско-советского противостояния и политикой великих держав после Первой мировой войны неоднократно становилась предметом исторических исследований, при этом оценки этой связи очень разнообразны. В советской историографии утвердился тезис об организации «международным империализмом» нового наступления на Советскую Россию с использованием Польши и Врангеля [48; 50; 52]. Правда, если данные о военной помощи Польше со стороны Франции и США приводились, то роль Великобритании замалчивалась. Западноевропейские авторы отрицают идею «третьего похода Антанты» [7, s. 496], а в работах отдельных польских историков присутствуют даже обвинения британского премьер-министра в «русофильстве» [16, p. 528–531].

В современной российской исторической науке при осмыслении событий польско-советской войны встречаются диаметрально противоположные оценки. В учебной вузовской литературе формулируется тезис о разносторонней поддержке Великобританией

Польши, с одной стороны [51, с. 90], а с другой – присутствует указание на то, что эта война препятствовала ходу англо-советских переговоров и Великобритания была вынуждена обратиться к вопросу о собственных действиях в регионе только в обстоятельствах угрозы выхода Красной армии за «линию Керзона» [49, с. 294]. В современной белорусской историографии также отмечается участие стран Антанты в подготовке Польшей войны против Советской России, при этом подчёркивается роль Франции и США [46, с. 70–72; 53, с. 182–186].

В современных западноевропейских исторических исследованиях можно найти примеры более беспристрастной оценки. Так, М-Ж. Пауэлл в своей работе объективно показывает, что отношение Д. Ллойд Джорджа к Польше не было дружелюбным, кроме того ему было крайне сложно убедить народ в необходимости оказать даже ограниченную помощь Польше. Оценивая британскую политику в отношении польско-советского конфликта, исследователь пишет, что Британия делала так мало, как могла, но считала, боясь большевиков, что допустить их победу опасно [38, р. 132, 142].

Как видим, в историографических оценках политики Великобритании в отношении польско-советской войны и по сей день отсутствует однообразие. Кроме того, ряд аспектов этой политики, на наш взгляд, ещё не получили должного освещения в русскоязычной историографии. В частности, цель данной статьи – выявить и охарактеризовать содержание дебатов британского парламента в связи с польско-советской войной в 1920 г. Представляется, что реализация этой цели позволит глубже осмыслить позицию Великобритании в польско-советской войне, так как именно в те годы, как показывают современные английские исследователи, наметилась тенденция к постепенному росту возможностей членов парламента Великобритании участвовать в обсуждении вопросов внешней политики и усилению роли парламента как форума для публичных дискуссий на внешнеполитические темы [14, р. 2–4]. Итоги упрочения этой тенденции мы можем наблюдать в современном Соединённом Королевстве, когда внешнеполитические шаги правительства блокируются парламентом и приводят к отставке премьер-министра Т. Мэй и смене состава кабинета.

Сразу отметим, что в статье будут рассматриваться прения в палате общин, так как роль палаты лордов была значительно ослаблена после реформы 1911 г., ключевых решений она принимать фактически не могла. Соответственно, основной блок источников – материалы дебатов палаты общин за 1920 г.

К началу 1920 г. польско-советские отношения воспринимались в Великобритании как состояние войны. Единственное официальное

решение в отношении ситуации в регионе потенциального польско-советского пограничья, в принятии которого участвовала Великобритания, – декабрьская декларация союзных держав 1919 г., в которой очерчивалась линия гарантированных восточных границ Польши (позже вошедшая в историю как «линия Керзона». – *Е.Д.*). При этом было известно о передаче Польше 22 декабря 1919 г. советским правительством официального мирного предложения, а также о том, что в первых числах января 1920 г. польские войска взяли Двинск (сейчас Даугавпилс. – *Е.Д.*). Эти события не прошли незамеченными в парламенте, они были восприняты как оккупация поляками территории России. Так, политик лейбористского толка Дж. Веджвуд 19 февраля поднял вопрос об обязательствах Великобритании в отношении Польши, под которыми понималось оказание поддержки любого вида, если войска большевиков попытаются вернуть эти территории. Лейбористы также спрашивали, пыталось ли английское правительство предотвратить нападение на Двинск или наоборот, поддерживало Польшу поставками. На том же заседании член британской социалистической партии С.Дж. Мэлон поднял вопрос об усилиях Великобритании по установлению мира между Советской Россией и Польшей, на это британский премьер ответил, что вопрос войны и мир Польша должна решить сама [26]. Этим «февральская атака» левых парламентариев на правительство не окончилась. Уже через четыре дня Э. Бонар Лоу – лидер палаты общин (член кабинета Великобритании, ответственный за работу правительства в палате общин. – *Е.Д.*) – вынужден был отвечать на вопросы о наличии обязательств по военной поддержке польского правительства в продвижении его армии по российской территории. Ответ был отрицательным [37].

Указанные ответы представителей кабинета в палате общин в полной мере отражали содержание бесед Д. Ллойд Джорджа с министром иностранных дел Польши Станиславом Патеком 15 и 26 января в Лондоне. В ходе них британский премьер отказался от всякой ответственности в случае польского наступления и сообщил, что британское правительство явно не советует Польше войну, вместе с тем оно не выступит гарантом мира между ней и Советской Россией. По вопросу принадлежности территорий британский премьер сослался на принципы, выработанные мирной конференцией в Париже, и заявил, что Великобритания не сможет помочь Польше, если причиной срыва мира станет её попытка удержать большие территории [7, р. 140; 9, р. 803–805].

Следующий блок вопросов от депутатов палаты общин, связанных с событиями польско-советской войны, в феврале 1920 г. касался решений в отношении России, принятых межсоюзнической

конференцией в Лондоне. Она проходила с 12 февраля по 10 апреля 1920 г. К её началу Д. Ллойд Джордж представил своё видение политики в отношении России в палате общин. В своей речи 10 февраля он заявил, что ни один из видов наступления на Россию – ни собственными силами союзников, ни посредством приграничных государств – сейчас невыполним. Вместе с тем он отметил, что сама Россия наступать на Польшу не будет, так как у неё нет ни ресурсов, ни мотивов [8].

Итоги принятых решений представил уже Э. Бонар Лоу. Он указал, что союзные правительства договорились о следующих выводах: «Если бы сообщества, граничащие с Советской Россией и признанные де факто Союзниками независимыми или автономными, обратились к ним за советом о том, как им следует относиться к Советской России, Союзные правительства ответили бы, что они не могут взять на себя ответственность за то, чтобы советовать им продолжать войну, которая может нанести ущерб их собственным интересам... Если же Советская Россия нападет на них внутри их собственных законных границ, Союзники окажут им всяческую поддержку.

Союзники не могут вступить в дипломатические отношения с Советским правительством ввиду их прошлого опыта, пока они не придут к убеждению, что большевистские ужасы закончились и что правительство Москвы готово привести свои методы и дипломатию в соответствие с методами и дипломатией всех цивилизованных правительств... Торговля между Россией и остальной Европой, столь необходимая для улучшения экономических условий не только в России, но и в остальном мире, будет поощряться в максимально возможной степени» [44]. При этом на вопрос о законных границах новых государств он ответить не смог, что спровоцировало уже на следующий день уточняющие вопросы о том, давались ли какие-то гарантии поддержки Польше в случае нападения на неё «Русской республики», а также о том, уведомлена ли Польша, что, если она откажется от мирных предложений России, это будет «на её собственный страх и риск». Заметим, что ответа не последовало, кроме отсылки к уже сказанному [25].

Под «мирными предложениями России» в последнем случае, видимо, следует понимать ноту советского правительства от 28 января 1920 г., получение которой Польша подтвердила и уведомила об этом Великобританию [47, с. 355]. Вопрос о том, известно ли об ответе Польши на мирные предложения советского правительства, последовал уже 11 марта. Тогда же прозвучал и ряд других вопросов, что касались границ, в пределах которых Польше была гарантирована поддержка союзников, и информации о том, не выходят ли польские территориальные требования за их пределы. На них последовал

уклончивый ответ премьер-министра о том, что переговоры ещё не начались и судить о требованиях рано, а также тезис о том, что восточные границы Польши были оговорены в декабрьской декларации лишь предварительно [30].

Ввиду явного неприятия как британским премьером, так и частью парламентариев военной активности Польши в отношении Советской России польское правительство отстаивало чисто оборонительный характер январского наступления в районе Двинска [36, р. 11]. Оборонительный характер мог бы стать оправданием действий Польши, это было очевидно для консерваторов. Это, видимо, подтолкнуло виконта Керзона поднять в связи с польским наступлением вопрос о его цели: оборонительная или наступательная? Так как отношения Польши и Советской России рассматривались как состояние войны, а Польша являлась союзной страной, У. Черчилль, которому поручили ответить на вопрос, уклонился от ответа, объясняя это военной необходимостью. Этот диалог, если он и задумывался как попытка оправдать польское продвижение на восток в начале 1920 г., оказался неубедительным. Гораздо чаще звучали почти обвинительные темы в вопросах депутатов от оппозиции, не связана ли военная миссия союзников с военными действиями Польши в районе Двинска и наступлением на Житомир. На это они получили однозначно отрицательный ответ от У. Черчилля [35].

Депутаты ставили вопрос о давлении на так называемые «пограничные» государства со стороны Великобритании с целью поощрения их к заключению мира с Советской Россией. Позиция правительства, обозначенная в ответах, сводилась к стремлению минимизировать ответственность за события в регионе. Такая позиция вызывала критические замечания. В частности, Р. Сесил выражал скепсис по поводу способности островного государства придерживаться отстранённой позиции в этом вопросе. Уточняющие вопросы показывают, что именно вызывало беспокойство членов парламента: предел обязательств Великобритании по защите граничащих с Советской Россией государств в случае продолжения войны [10].

Члены парламента, лейбористы, проявляли постоянный интерес (26 февраля, 29 марта, 12 апреля, 22 апреля) к мирным переговорам между Польшей и Советской Россией: так на протяжении февраля уточняли, переданы ли союзникам условия, содержащиеся в ответе Польши на мирные предложения Советской России, и признает ли Великобритания мирный договор между этими странами в случае его подписания [24], при этом критику вызывало стремление Великобритании отдать на откуп Польше и Советской России выработку условий мирного договора [31]. Полковник Дж. Веджвуд фактически высказал подозрение, что

«некоторые из союзников» (Франция. – *Е.Д.*) могут оказывать давление на Польшу, чтобы та не заключала мирный договор с Советской Россией. В такой ситуации заявленная отстранённость Великобритании, то есть отсутствие противодействия подобному давлению, негативно оценивалась лейбористами [23].

Решение Парижской конференции по вопросу о польско-советской границе неоднократно упоминалось депутатами-лейбористами в связи с польским наступлением весной 1920 г. Ещё 1 марта Дж. Кенворси поднял вопрос о решении Парижской конференции по поводу границ Польши и Советской России, необходимости консультироваться с советской стороной по этому вопросу или же придерживаться предварительного решения союзников в Париже [27]. Также лейбористами ставился вопрос о необходимости указать полякам, что их восточная граница была установлена в Париже и военные действия её не изменят. В ответ Э. Бонар Лоу объяснял занятие территорий на востоке Польши ходом военных действий, войной с Россией [4]. Территориальный вопрос поднимался и в другом аспекте. Депутаты уточняли у премьера, консультировалась ли Польша с Великобританией перед тем, как отправить ответ на мирные предложения Советской России, на что получили от него довольно расплывчатый ответ. Эта же ситуация была ими использована для того, чтобы завуалированно упрекнуть премьера в принятии на себя части полномочий Форин-офис, то есть высказывалось предположение, что он лично следит за польско-советскими переговорами, не оставив это полностью внешнеполитическому ведомству [29]. В начале лета лейбористы продолжали уточнять справедливость территориальных претензий Польши в отношении Советской России, подчёркивая их этническую необоснованность. При этом настойчиво уточнялась позиция кабинета по отношению к территориальным претензиям, выходявшим за пределы линии 8 декабря 1919 г. [11].

Если со стороны левой оппозиции поступали вопросы, отличающиеся неприязненным отношением к политике Польши, то ряд депутатов, например избранный как независимый кандидат Н. Биллинг и консерватор Л. Лайл, 4 марта задали премьер-министру ряд вопросов, показывающих негативное отношение к потенциальному признанию правительства Советской России [1].

Значительный всплеск парламентской активности в вопросе польско-советских отношений пришёлся на весну 1920 г. и стал результатом апрельского наступления Польши и последующих событий. В частности, с начала мая 1920 г. депутаты активно интересовались ходом событий польского военного наступления (4 мая), тем, есть ли

официальная информация о польском наступлении в Подолии, не стоит ли Лиге Наций вмешаться [17]. Оппозиция критиковала бездействие правительства, спрашивала, обеспечивало ли правительство поддержку полякам в их наступлении или оказывало давление, чтобы Польша пошла на заключение мира. В качестве ответа со стороны кабинета поступали отсылки к решениям конференции в Лондоне [3].

С 8 мая до 6 июня заседаний палаты общин не было. За это время произошли значительные события в Восточной Европе, за которыми, очевидно, довольно пристально следили члены парламента, так как уже 7 июня польская тема озвучивалась в палате общин.

Для депутатов-консерваторов проблема польско-советской войны была прежде всего проблемой, тесно связанной с вопросом о возобновлении торговли с Россией. Об этой связи чётко заявил депутат С. Хор: «Я сам не верю, что можно сколько-нибудь масштабно возобновить торговые отношения с Россией, пока не будет демобилизована Красная армия. Я сразу же признаю, что вы не можете ожидать демобилизации Красной армии до тех пор, пока не будет демобилизована польская армия, и я хотел бы, чтобы distinguished gentleman (премьер-министр. – *Е.Д.*) воспользовался возможностью, чтобы посмотреть, не сможет ли он демобилизовать обе эти армии, поскольку я убежден, что только таким образом мы сможем добиться мира в Европе, и только таким образом, действительно имея мир в Европе, мы сможем избежать голода, который, безусловно, угрожает миру в ближайшие год или два. Позвольте мне также скромно предположить, что в любых переговорах такого рода должны участвовать не только представители Великобритании, но и представители всех союзников».

Свою позицию по польско-советской войне на том же заседании 7 июня (в это время идёт активное наступление советских войск в Украине. – *Е.Д.*) обозначил и премьер-министр. На вопрос, почему не дать полякам победить, он ответил: «Если вы говорите, что собираетесь сокрушить большевизм, потому что это зло, вложите в него свою силу и свою мужественность. Мы потеряли сотни тысяч жизней. Готовы ли мы потерять еще сотни тысяч? У нас есть £8,000,000,000 долга, и мы собираемся добавить еще £3,000,000,000 или £4,000,000,000? Если вы не готовы к этому, то какой смысл так говорить?... Я думаю, что им (полякам. – *Е.Д.*) дали плохой совет. Я искренне надеюсь, что мое понимание ситуации неверно, но есть ли здесь кто-нибудь, кто может это утверждать» [21].

Критика политики Польши была явным лейтмотивом выступлений лейбористов по вопросам польско-советских отношений. Так, 17 июня

депутат-социалист С.Дж. Мэлон заявил о варварском разграблении Киева поляками и о необходимости прекратить поддерживать Польшу [15]. В начале июля 1920 г. лейбористы продолжали критику польского правительства в связи с его наступлением на востоке, а также критику своего правительства за отсутствие чётко выраженной позиции осуждения этого наступления. Дж. Веджвуд выказывал подозрения в поощрении или как минимум поддержке польских действий со стороны военного ведомства, хоть и не приводил доказательств [19].

В преддверии международной конференции в Спа Р. Сесил ставил вопрос о приглашении на конференцию Польши, при этом независимый либерал Дж. Кенворси не преминул отметить, что это будет нечестно, если не будет приглашена и Россия [42].

Очень бурную реакцию вызвала отправка телеграммы 11 июля по итогам заседаний конференции в Спа советскому правительству. Вопрос о ней одновременно задали и лидер либеральной оппозиции Дж. Торн, и лейборист Дж. Веджвуд. Первый из них делал акцент на условиях возобновления торговли с Россией. Их уточнения, как и условий перемирия между Польшей и Россией, требовали и депутаты-консерваторы (Дж. Греттон). Э. Бонар Лоу не связывал продолжение торговых переговоров с принятием Советской Россией британских предложений, но уточнять эти предложения не стал, сославшись на отсутствие точных данных, на договорённость с союзными государствами не публиковать условия до рассмотрения их сторонами конфликта. Лейбористы же стремились заострить особое внимание на том обстоятельстве, что правительство Великобритании угрожало послать вооружённые силы в случае непринятия Россией предложенных условий. При этом жёсткую критику вызывал и тот факт, что правительство не отправило сторонам предложения о перемирии весной, когда началось наступление Польши, и тот, что подобное решение (об угрозе войной) принимается без ведома парламента. Дж. Веджвуд даже внёс предложение отложить роспуск палаты, так как «очень желательно, чтобы мы обсудили этот вопрос, потому что, как я понимаю, польские войска должны отступить в пределах польских границ, а мы не совсем знаем, что такое польские границы. В любом случае, я надеюсь, что ни один британский солдат не будет послан, чтобы удерживать Восточную Галицию в пределах польских границ». Однако предложение поддержано не было [45].

Лишь 14 июля Э. Бонар Лоу ознакомил палату общин с телеграммой от 11 июля. Она вызвала очень бурную реакцию членов палаты. Либералы (Г. Асквит) выясняли, согласована ли она с союзниками, лейбористы же вновь настаивали на предвзятости

Великобритании, так как она активно пыталась вступить в посредничество в польско-советском конфликте только в условиях побед РККА, то есть защищала Польшу. Негодование парламентариев вызвал тот факт, что решение об отправке телеграммы и переговорах с Советской Россией принималось без консультаций с палатами [39].

С 17 июля по 8 августа заседаний палаты общин не было (кроме одного – 21 числа). Ко времени возобновления заседаний положение на польско-советском фронте обострилось: войска РККА двигались к Варшаве. 9 августа обстановка в парламенте максимально накалилась. Оппозиционные депутаты – лейбористы и либералы – настойчиво и в разных формах выказывали опасения, что правительство без ведома парламента ввяжется в военные действия против Советской России. Вновь звучало требование отложить роспуск палаты, но вновь не было одобрено [5].

Утром 10 августа лейбористы опять атаковали представителей правительства упреками, что оно срывает польско-советские переговоры, посоветовав Польше не наделять своих делегатов полномочиями для ведения мирных переговоров.

Несомненно, основным событием заседаний парламента должно было стать выступление премьер-министра по вопросу о ходе переговоров между Польшей и Россией. Необходимость выступления была связана с тем, что 17 августа палата должна была разойтись на плановые каникулы и премьер-министр хотел получить её одобрение для тех шагов, которые кабинету придётся предпринять «при определённых непредвиденных обстоятельствах» в Центральной Европе [2].

В своей речи премьер охарактеризовал польское наступление как «неоправданное», начатое вопреки предупреждениям союзников. Но при этом отметил, что, какова бы ни была ошибка, наказание не должно быть чрезмерным, не должно привести к уничтожению нации. Премьер сделал акцент на том, что независимая Польша является существенной частью европейского миропорядка, чем он пытался оправдать вмешательство союзников в форме отправки телеграммы из Спа. Д. Ллойд Джордж фактически говорил о том, что поляки виноваты в начале военного конфликта, но и советская сторона не проявила искреннего стремления к его завершению, когда стала добиваться успехов. Ллойд Джордж отметил, что была отправлена телеграмма Польше с рекомендацией продолжать попытки переговоров и заключения перемирия, если независимость Польши в этнических пределах не подвергается угрозе. Он указал, что если Советская Россия проявит агрессивные намерения, будет срывать или откладывать переговоры, предъявит условия, которые будут означать практическую аннексию другой страны, то это воспримут

как её превращение в агрессивное империалистическое государство, что «будет угрозой для свободы и независимости во всём мире». В такой ситуации английский премьер указал на два момента: во-первых, если Польша должна будет защищать свою независимость, она обязана принять совет и руководство союзников; во-вторых, союзные войска не могут быть отправлены в Польшу. Правда, премьер-министр оставлял шансы на мирное развитие событий, указывая, что в России больше здравомыслящих людей, возможно, они будут преобладать и в правительстве.

За речью премьер-министра последовали выступления депутатов. Г. Асквит во всём обвинил Польшу. Он указал, что Советская Россия уже провела переговоры о мире с несколькими граничащими с ней государствами, не посягая на их независимость.

Р. Сесил, известный как сторонник Лиги Наций, указал, что посягательство на независимость Польши разрушает основы Версальского договора, то есть основы международных отношений. Потому вопрос Польши решать надо через Лигу Наций, в Великобритании же – вернуть его в сферу деятельности Форин-офис, обращаясь к премьеру лишь в самых важных вопросах.

Депутат-социалист С. Дж. Мэлон заметил, что к интервенции в Великобритании склоняются консерваторы, которые боятся социализма, а также люди, вложившие деньги в российские предприятия, которые опасаются их потерять при большевиках.

Независимый кандидат Н. Биллинг указал на нехватку точной информации о событиях, которые обсуждаются. Он отметил, что озвучиваются лишь предположения, и выдвинул своё: «Является ли большевистское правление просто прикрытием для того, что окажется в сущности империалистическим движением?». О недостаточной информированности публики об иностранных делах говорил и консерватор Дж. Херст.

Лейбористы использовали обсуждение для критики правительства: выказывали подозрение, что Польше помогала Франция и надо выяснить, не помогала ли тайно и Великобритания; выступили против роспуска парламента до тех пор, пока не будет урегулирован вопрос; указывали, что обозначенные премьером действия (экономическая блокада и помощь Польше) будут обозначать войну; даже призвали признать Советскую Россию и начать с ней торговать, угрожали, что в случае оказания помощи Польше против Советской России народ Англии будет этому сопротивляться.

Многие из выступавших либералов и лейбористов считали, что палата не должна расходиться на каникулы, стоит подождать, когда

станут известны условия перемирия, чтобы принять решение о вмешательстве.

Во время прений один из депутатов-лейбористов указал, что условия, выдвинутые Советской Россией, были опубликованы в газете «Дейли Геральд» и правительство должно дать им свою оценку. После этого советские условия озвучил премьер-министр [43].

Премьер указал, что эти условия были переданы Польше, Франции и, «возможно», Италии, и отказался давать их оценку, чтобы не влиять на ход переговоров. Но отметил: «Мы передали наше предварительное впечатление польскому правительству. Пойти на большее, я думаю, было бы несправедливо». Позицию лейбористов подытожил Веджвуд: «Мы только хотим, чтобы был заключен мир и чтобы палата общин имела право голоса в установлении мира, решая, являются ли эти условия разумными или нет» [40].

Здесь стоит отметить, что страниц, посвящённых вопросам русской и польской политики, в протоколах парламентских дебатов за 11 и 16 августа на официальном сайте Хензард (Hansard) нет. В качестве источника выступают в данном случае напечатанные в газете «Таймс» отчёты о заседаниях. Из них видно, что лейбористы и консерваторы продолжили атаку на правительство по указанным вопросам. Так, 11 августа лейборист О. Томас задавал вопросы Э. Бонар Лоу с намёком на то, что Великобритания ничего не сделала, чтобы предотвратить агрессию Польши, и не соблюдает в отношении польско-советского конфликта международную практику отношения к агрессору (Польше. – *Е.Д.*) [13].

16 августа в палате общин виконт Дж. Керзон поставил перед премьер-министром вопрос о том, определен ли срок нахождения в Лондоне советской делегации. Ллойд Джордж ответили, что делегация останется для ведения торговых переговоров, если будет достигнуто польско-советское соглашение или если условия, выдвинутые русским правительством, не «несовместимы с независимостью Польши» [12]. Как видим, премьер-министр упорно отстаивал курс на ведение англо-советских торговых переговоров даже в условиях острого советско-польского конфликта.

Полковник Дж. Веджвуд поинтересовался, советовал ли Верховный совет (союзные державы) Польше принять советские условия мира. Д. Ллойд Джордж ответил, что Верховный совет не рассматривал эти условия, он не созывался после передачи их Каменевым британскому правительству [12].

На заседании 16 августа поднимался и «польский вопрос». Вопрос ставился в связи с тем, что подходил срок планового перерыва в

заседаниях парламента и необходимо было обосновать его возможность в условиях польско-советского конфликта и озвучить обстоятельства, которые могут вызвать экстренный созыв парламента. Лидер палаты предложил отправить парламента на каникулы, но сохранить за собой право экстренно собрать его в обход традиционной долгой процедуры в случае необходимости, которая может быть вызвана развитием польско-советского конфликта. Э. Бонар Лоу акцентировал внимание на трёх пунктах политики Великобритании в отношении польско-советского конфликта: никакие враждебные действия не будут предприняты в отношении России, если только не возникнет угроза независимости Польши и её границ; Англия и Франция не станут вмешиваться во внутренние дела России, если Россия не будет вмешиваться во внутренние дела других стран; если польское и советское правительства договорятся об условиях мира, каковы бы они ни были, Англия не вмешивается. Э. Бонар Лоу отметил: единственное, что было сделано – после получения премьер-министром советских условий мира Польше сообщили, что такие условия не являются поводом для вмешательства Великобритании в польско-советский конфликт. Это же сообщили союзникам, и Италия Англию тотчас поддержала. Только если советская сторона выставит другие условия, несовместимые с независимостью Польши, возникнет необходимость пересмотра британской политики и созыва парламента. Однако на просьбу полковника Дж. Веджвуда огласить условия, выдвинутые советской стороной, Э. Бонар Лоу ответил фактически отказом.

Г. Асквит поддержал предложение Э. Бонар Лоу. Он одобрил действия правительства в отношении советских мирных предложений, т.е. уведомление Польши о позиции Великобритании. Указал, что Великобритании не следует вслед за Францией заявлять о признании Врангеля и оказывать ему материальную помощь. Подчеркнул, что главная ценность – мир и прекращение столкновений на востоке Европы.

В тот же день выступил Д. Ллойд Джордж, давая ответы всем членам палаты, которые участвовали в прениях. Эти ответы позволяют выделить основные спорные вопросы британской политики в отношении польско-советской войны, которые волновали членов парламента. В частности, он указал, что передавать вопрос польско-советских отношений в Лигу Наций бессмысленно, так как Лига действует, лишь если есть единогласие, а его достигнуть не удастся, начнётся процесс бесконечных рассуждений и споров. Потому Верховный совет эффективнее. Он также указал, что Советская Россия против вмешательства Лиги.

Премьер-министр отрицал наличие тайных встреч и секретных решений Верховного совета, указывал, что обо всем отчитывается перед парламентом, также появляются сообщения в прессе. Д. Ллойд Джордж подчеркнул необходимость проявлять гибкость в любых переговорах. Указал, что в политике по отношению к Польше правительство Великобритании всегда стремилось к миру, что может подтвердить публикация переписки. Однако публиковать её сейчас нежелательно, так как это может повлиять на развитие конфликта. Правительство сочло необходимым уведомить Польшу о пределах обязательств Великобритании по отношению к ней до того, как поляки отправятся на переговоры в Минск, чтобы «потом не жаловались». Он обозначил позицию Великобритании как вполне чёткую и последовательную: если Польша начнёт захватывать территории за пределами её границ, она не может рассчитывать на поддержку общественного мнения Великобритании. Если бы она это мнение учла, избежала бы катастрофы [12].

После окончания дебатов парламент разошёлся на плановые каникулы до 19 октября 1920 г.

Почти сразу после возвращения с каникул, 21 октября, на вопрос либерала С. Энтуисла о публикации документов англо-польской переписки был получен ответ, что на текущий момент, когда идут переговоры о мире, это нецелесообразно, может лишь обострить противоречия [28]. После подписания 12 октября 1920 г. прелиминарного мира между Польшей, Советской Россией и Украиной перед премьер-министром Д. Ллойд Джорджем в палате общин 25 октября одним из его оппонентов, либералом Дж. Кенворси, был поставлен вопрос о признании и гарантии Великобританией восточных границ Польши в том виде, «как они очерчены в Русско-польском договоре в Риге». При этом последний показал себя явным противником такого варианта, задав тон дальнейшим обращениям членов палаты к указанному вопросу [22].

Ходом переговоров интересовались члены палаты на протяжении всего конца 1920 г. [41; 32; 33; 34]. При этом ответы были очень сдержанные и сводились к тому, что Великобритания наблюдает за переговорами, без предоставления детальной информации [18].

Как видим, на протяжении 1920 г. в палате общин неоднократно поднимались вопросы, касавшиеся развития польско-советского конфликта, прежде всего политики Великобритании в нём, вынуждавшие правительство, в том числе премьер-министра Д. Ллойд Джорджа, отчитываться о своих действиях перед палатой. Основные вопросы поступали в адрес кабинета от депутатов оппозиции, большинство из них принадлежали к партиям независимых либералов (Дж. Кенворси,

Дж. Саймон, Дж. Торн), лейбористов (Дж. Веджвуд, О. Томас) и социалистов (С.Дж. Мэлон). Проявляли активность и консерваторы (Керзон, Л. Лайл, С. Хор, Дж. Греттон, Дж. Хёрст), причём в вопросах последних очевидно неприязненное отношение к Советской России и в то же время – акцент на влиянии войны на экономические интересы островной державы. Общей для всех выступавших была критика политики кабинета, точнее, политики премьер-министра, которого упрекали, по сути, в узурпировании полномочий Форин-офис и пренебрежении позицией парламента. Также можно отметить слабую информированность большинства депутатов о сути событий в Восточной Европе, что признавали многие выступавшие 10 августа. Это подтверждается и тем фактом, что по рассматриваемой проблеме высказывались каждый раз практически одни и те же люди. Многие из ораторов входили в Союз демократического контроля – организацию, созданную в 1914 г. радикально настроенными членами либеральной партии, после войны присоединившимися к лейбористам, и выступавшую за расширение полномочий парламентариев в области принятия решений, касающихся международных отношений. Помимо этих специально интересовавшихся международными делами депутатов остальные вели себя достаточно пассивно. Такая пассивность вдобавок к присутствию в парламенте абсолютного большинства депутатов от проправительственной коалиции [51, с. 103] позволила правительству, а точнее премьер-министру, достаточно успешно отстаивать собственную политическую линию в польско-советском конфликте 1920 г. перед парламентариями.

Литература

1. Anti bolshevik newspapers (state murdered). HC Deb (далее HC Deb. – *Е.Д.*) 04 March 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/mar/04/anti-bolshevik-newspapers-state-murdered> (дата обращения: 15.01.2019).
2. Armistice negotiations. HC Deb 10 August 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/aug/10/armistice-negotiations> (дата обращения: 11.02.2019).
3. Attack on Russia. HC Deb 06 May 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/may/06/attack-on-russia> (дата обращения: 15.05.2019).
4. Boundaries (supreme council). HC Deb 06 May 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/may/06/boundaries-supreme-council> (дата обращения: 10.07.2019).
5. British policy. HC Deb 09 August 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/aug/09/british-policy-1> (дата обращения: 19.07.2019).
6. Davies N. *Boże igrzysko*. Historia Polski: w 2 t. Kraków: Znak, 1992. Т. 2. 906 с.

7. Davies N. Lloyd George and Poland, 1919–20 // *Journal of Contemporary History*. 1971. Vol. 6, №. 3 P. 132–154. URL: <http://www.jstor.org/stable/259884> (дата обращения: 15.07.2019).
8. Debate on the address // *HC Deb* 10 February 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/feb/10/debate-on-the-address> (дата обращения: 13.08.2019).
9. Documents on British Foreign Policy. 1st Ser. / ed. by E.L. Woodward [and others]. London: His Majesty's stationary office, 1949. Vol. 3. 910 p.
10. Finland and Poland. *HC Deb* 16 February 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/feb/16/finland-and-poland> (дата обращения: 22.07.2019).
11. Frontiers. *HC Deb* 08 June 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jun/08/frontiers> (дата обращения: 18.03.2019).
12. House of Commons. Monday, Aug. 16 // *The Times*. Aug. 17. 1920. P. 15–16.
13. House of Commons. Wednesday, Aug. 11 // *The Times*. Aug. 12. 1920. P. 14.
14. Ihalainen P. The British Parliament and Foreign Policy in the 20th Century: Towards Increasing Parliamentarisation? // *Parliamentary History*. 2016. Vol. 35. Pt. 1. P. 1–14.
15. Kieff. *HC Deb* 17 June 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jun/17/kieff> (дата обращения: 30.07.2019).
16. Komarnicki J. Rebirth of the Polish republic. A study in the diplomatic history of Europe, 1914–1920. Melbourne-London-Toronto: William Heinemann LTP, 1957. 776 p.
17. Military advance. *HC Deb* 03 May 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/may/03/military-advance> (дата обращения: 25.07.2019).
18. Military operations. *HC Deb* 07 December 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/dec/07/military-operations> (дата обращения: 12.07.2019).
19. Military operations. *HC Deb* 08 July 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jul/08/military-operations> (дата обращения: 10.07.2019).
20. Military representative (Great Britain). *HC Deb* 08 July 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jul/08/military-representative-great-britain> (дата обращения: 09.05.2019).
21. Motion for adjournment. *HC Deb* 07 June 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jun/07/motion-for-adjournment> (дата обращения: 15.10.2019).
22. Poland (eastern frontiers). *HC Deb* 25 October 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/oct/25/poland-eastern-frontiers> (дата обращения: 15.07.2019).
23. Poland (peace negotiations). *HC Deb* 12 April 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/apr/12/poland-peace-negotiations> (дата обращения: 17.08.2019).
24. Poland (peace negotiations). *HC Deb* 26 February 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/feb/26/poland-peace-negotiations> (дата обращения: 19.06.2019).
25. Poland. *HC Deb* 25 February 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/feb/25/poland> (дата обращения: 13.06.2019).

26. Poland. HC Deb 19 February 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/feb/19/poland> (дата обращения: 07.07.2019).
27. Poland and Czecho-Slovakia. HC Deb 01 March 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/mar/01/poland-and-czecho-slovakia> (дата обращения: 12.05.2019).
28. Poland and Soviet Russia. HC Deb 21 October 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1920/oct/21/poland-and-soviet-russia> (дата обращения: 09.07.2019).
29. Poland. HC Deb 08 March 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/mar/08/poland> (дата обращения: 10.08.2019).
30. Poland. HC Deb 11 March 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/mar/11/poland> (дата обращения: 20.07.2019)
31. Poland. HC Deb 29 March 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/mar/29/poland> (дата обращения: 18.07.2019).
32. Polish attacks. HC Deb 22 November 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/nov/22/polish-attacks> (дата обращения: 12.07.2019).
33. Peace negotiations. HC Deb 29 November 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/nov/29/peace-negotiations> (дата обращения: 15.08.2019).
34. Attacks on Poland. HC Deb 30 November 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/nov/30/attacks-on-poland> (дата обращения: 19.07.2019).
35. Polish force. HC Deb 16 February 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/feb/16/polish-force> (дата обращения: 20.07.2019).
36. Polish front active // The Times. 1920. 26 Jan. URL: <http://archive.timesonline.co.uk/>. (дата обращения: 03.09.2008).
37. Polish military action // HC Deb 23 February 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/feb/23/polish-military-action> (дата обращения: 15.06.2019).
38. Powell M-J. The battleground of high politics. A comparative studies of British and French policies towards Poland and the Baltic states 1917–1939. Sussex: The Book Guild Ltd, 2003.
39. Proposal for armistice. HC Deb 14 July 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jul/14/proposal-for-armistice> (дата обращения: 01.07.2019).
40. Russian Terms for Armistice and Preliminaries for Peace // HC Deb 10 August 1920. URL: https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/aug/10/russian-terms-for-armistice-and#column_354 (дата обращения: 05.07.2019).
41. Soviet Russia and Poland. HC Deb 11 November 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/written-answers/1920/nov/11/soviet-russia-and-poland> (дата обращения: 20.07.2019).
42. Spa conference. HC Deb 05 July 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jul/05/spa-conference> (дата обращения: 12.07.2019).
43. Statement by prime minister. HC Deb 10 August 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/aug/10/statement-by-prime-minister> (дата обращения: 15.06.2019).

44. Supreme council's conclusions. HC Deb 24 February 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/feb/24/supreme-councils-conclusions> (дата обращения: 18.05.2019).
45. Trade relations, Russia and Poland (armistice proposal). HC Deb 12 July 1920. URL: <https://api.parliament.uk/historic-hansard/commons/1920/jul/12/trade-relations-russia-and-poland> (дата обращения: 15.05.2019).
46. Гісторыя Беларусі: у 6 т. Мінск: Экаперспектыва, 2006. Т. 5. 613 с.
47. Документы внешней политики СССР: в 23 т. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1958. Т. 2. 803 с.
48. Зуев Ф. Международный империализм – организатор нападения панской Польши на Советскую Россию 1919–1920. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1954. 232 с.
49. Капитонова Н.К. История внешней политики Великобритании. М.: Международные отношения, 2016. 840 с.
50. Лемин И.М. Внешняя политика Великобритании от Версаля до Локарно 1919–1925. М.: ОГИЗ, 1947. 488 с.
51. Остапенко Г.С. Новейшая история Великобритании: XX – начало XXI века. М.: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2012. 472 с.
52. Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма (1918–1939). М.: Изд-во Ин-та международных отношений, 1962. 412 с.
53. Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін пасляваеннага ўладкавання Еўропы і перыяду савецка-польскай вайны (1918–1921 гг.). Мінск: УП Экаперспектыва, 2003. 400 с.

A. Dubrouka

Francisk Skorina Gomel State University

British Parliament Debates in Connection with the Polish-Soviet War

Key words: Polish-Soviet war; Great Britain; Parliament; Poland; Soviet Russia; opposition.

British Parliament considered the most important international agreements and treaties, adopted laws relating to war and peace. In the materials of the parliamentary meetings, foreign policy issues were reflected only in certain periods, when it acquired special importance for the United Kingdom. Based on the analysis of the materials of British Parliament meetings, the article shows that the active hostilities between Poland and Soviet Russia in 1920 raised the issue of British intervention in the course of events in Eastern Europe, which could not but attract the attention of members of Parliament. Issues related to the Polish-Soviet relations were mainly put on the agenda by opposition deputies. Attention was drawn to aspects such as the influence of the Polish-Soviet conflict on the development of Anglo-Soviet trade relations, the limits of the obligations of Great Britain in the region, about the position of the Cabinet and the military in matters of war and peace between Poland and Soviet Russia, etc. Activation of members of Parliament, especially in August, 1920, forced the British Cabinet to consider its position in the formulation of policy towards the Polish-Soviet war.

Прибалтика в сфере польских внешнеполитических интересов на рубеже 1910–1920-х годов

Ключевые слова: польская внешняя политика; Ю. Пилсудский; федерализм; проблема Вильно; польско-прибалтийские отношения; Балтийский союз.

В статье рассматривается политика восстановившей свой суверенитет после окончания Первой мировой войны Польши в отношении стран Балтии. Для польского руководства первостепенную важность на прибалтийском направлении имела Литва. Польша претендовала на часть литовской территории с Вильно, где проживало значительное число польского населения. Этот проект ей удалось в конечном итоге реализовать. Вильно несколько раз переходил из рук в руки. В октябре 1920 г. в итоге Виленский округ был оккупирован и затем, в январе 1922 г., аннексирован Польшей. Латвия интересовала Варшаву как политический партнер. Своё влияние в этой стране она продвигала не в последнюю очередь через структуры римско-католической церкви. Особенно это касалось Восточной Латвии (Латгале), с преимущественно католическим населением. В январе 1920 г. Польша оказала непосредственную военную помощь Латвии в вытеснении частей Красной армии из Латгале. Эстония рассматривалась в Польше также как потенциальный военно-политический союзник, возможно по более обширной коалиции. Проект Балтийского союза, в который вошли бы пограничные с Россией лимитрофы, от Польши до Финляндии, рассматривался на Западе, но в силу различных причин не был реализован. Также не был ратифицирован союзный договор между Польшей и Финляндией, о котором велись переговоры в 1922 г.

Как известно, Польша смогла возродить свою государственность в ноябре 1918 г. благодаря распаду Российской империи и поражению Германии и Австро-Венгрии в Первой мировой войне. Однако лидеры второй Речи Посполитой не удовлетворились простым восстановлением независимости в национальных границах, стремясь как можно шире раздвинуть пределы своего вновь обретенного государства, прежде всего в восточном направлении. Начальник государства (Naczelnik Państwa) Юзеф Пилсудский и его окружение (в частности, избранный в январе 1919 г. на должность министра-президента известный пианист и композитор Игнаций Падеревский и будущий министр иностранных дел Евстахий Сапега) проявляли интерес в первую очередь к территориям Литвы, Белоруссии и Украины, входившим в состав Речи Посполитой до её разделов во второй половине XVIII в. Эти замыслы нашли выражение

в так называемом федеративном проекте, который польское руководство разрабатывало уже с конца 1918 – начала 1919 гг.

Одновременно существовал также и северо-восточный, или прибалтийский, вектор польской внешней политики. Польская внешняя политика на рубеже 1910–1920-х гг. была нацелена в том числе на развитие отношений с так называемыми «окраинными государствами», которые также обрели суверенитет в связи с распадом Российской империи, – странами Балтии и Финляндией. При этом позиция Польши по отношению к различным странам этого региона имела свои особенности. Литва как бывшая часть Речи Посполитой была объектом непосредственных польских притязаний. В первую очередь эти притязания касались Южной Литвы – части бывшей Виленской губернии, включая город Вильно (Вильнюс). На этой территории этнические поляки составляли значительный процент местного населения. Сам Вильно тесно ассоциировался с польской историей и с традициями польской культуры, в частности с такими именами, как Тадеуш Костюшко, Адам Мицкевич и Эусебиуш Словацкий (профессор Виленского университета, отец выдающегося польского поэта Юлиуша Словацкого).

Польско-литовские отношения с самого начала были неоднозначными. Лидеры литовского национального движения стремились к восстановлению суверенитета своей страны, хотя некоторые из них считали допустимым установление неких особых отношений с Польшей. В частности, Аугустинас Вольдемарас, один из учредителей Партии прогресса литовской нации, ещё в 1917 г. не исключал тесного союза с Польшей. Став в ноябре 1918 г. главой первого кабинета министров Литвы, а затем с последних чисел того же года министром иностранных дел в правительстве П. Давидайтиса, он выказывал готовность к переговорам с Польшей. Ю. Пилсудский в конце 1918 – начале 1919 гг. установил контакты с различными литовскими кругами в Вильно, Ковно (Каунасе), Париже и Швейцарии [4, s. 44–46]. Основой сотрудничества могли послужить в том числе общие интересы в борьбе с «красной опасностью», поскольку Советская Россия считалась источником угрозы для всего региона. Однако сближение на этой почве так и не состоялось, так как сторонам не удалось преодолеть существовавшие между ними разногласия и достичь компромисса.

Поляки почти сразу после восстановления суверенитета стремились установить свой контроль над Вильно (Вильнюсом). В канун нового 1919 г. польские силы самообороны предприняли операцию по вытеснению из города ещё остававшихся в нём частей эвакуированных немецких войск, поскольку существовало опасение, что немцы могут

открыть фронт красным. После нескольких мелких стычек было достигнуто соглашение, и в начале января 1919 г. эвакуация немецких войск из города была завершена. Однако 3 января на Вильно начали наступать части Красной армии, а внутри самого города поднялись пробольшевицкие силы. Во время наступления красных литовское руководство вело себя пассивно и не смогло организовать сопротивление. Только местное польское население проявило активность в противостоянии красным, а польское ополчение удерживало город до 6 января, когда ей пришлось отступить под натиском превосходящих сил противника. В середине февраля того же года имели место бои между польскими и советскими войсками к югу от Вильно [5, s. 58].

27 февраля 1919 г. было провозглашено образование Литовско-Белорусской Советской Социалистической Республики (Литбел). В её состав вошли Виленская, Ковенская, Минская губернии, части Гродненской и Сувалкской губерний. История этого государственного образования, однако, оказалась недолгой. К середине весны 1919 г. польская сторона сумела получить военный перевес, и 19 апреля Вильно был снова занят поляками. Через два дня был оглашен призыв Ю. Пилсудского «К жителям бывшего Великого княжества Литовского» («Do mieszkańców byłego Wielkiego Księstwa Litewskiego»), в котором «начальник государства» объявлял о формировании в Вильно гражданского правления, составленного «из местных людей, сынов этой земли», и о проведении свободных выборов. Город не был подчинен прямому польскому военному правлению, в нём была установлена гражданская власть под руководством местного поляка и убеждённого федералиста Ежи Осмоловского [9, s. 123–129]. Державы-победительницы благоприятно отнеслись к польской операции по занятию Вильно и к манифесту Ю. Пилсудского. В польском сейме, однако, не все соглашались с политикой руководства. Правые, в частности, обвиняли федералистов в чрезмерных уступках и настаивали на непосредственном и безусловном включении Вильно в состав Польского государства [6, S. 72].

Литовское правительство, в условиях перехода бывшей столицы Великого княжества из рук в руки различных сил (немцев, поляков, красных, снова поляков), вынуждено было обосноваться в Каунасе (Ковно). Среди польских политических сил не было полного единства в отношении литовского вопроса. В целом признавались те или иные права Литвы в её этнографических пределах, в которые включались бывшая Ковенская губерния, часть Виленской губернии на северо-запад от линии Троки (Тракай) – Свенцяны (Швенчёнис) – Ежёросы, часть Сувалкской губернии к северу от р. Сейн и часть Восточной Пруссии. Объем этих

прав мыслился по-разному – от автономии под польским суверенитетом до полной независимости. В качестве примера можно привести высказывание одного из ведущих польских политиков Романа Дмовского, который возглавлял польскую делегацию на Парижской мирной конференции. В своей изданной в середине 1920-х гг. работе «Польская политика и строительство государства» («*Polityka polska i odbudowanie państwa*») он писал: «Мы признавали отдельно необходимой политическую организацию Литвы, обеспечивающую её национальное развитие, однако структурно связанную с Польским государством. Такое разрешение литовского вопроса было единственно разумным с точки зрения интересов как литовских, так и польских» [14, s. 24]. Значение выражения «структурно связанная» («*konstrukcyjnie złączona*») было не вполне ясным и давало простор для интерпретаций.

На протяжении 1919 г. польско-литовские отношения оставались сложными. Основным камнем преткновения оставался Вильно. Литовские политики настаивали на том, что только этот город может быть столицей их государства, пребывание своего правительства в Каунасе они считали временным. 22 апреля Литва заявила Польше протест по поводу занятия Вильно польскими войсками (в первый раз литовская Тариба протестовала против действий поляков ещё 4 января) [12, s. 78]. Польская сторона готова была пойти на некоторые территориальные уступки. В частности, ещё 12 февраля поляки выступили с предложением провести плебисцит на спорных территориях под надзором мирной конференции. Однако принадлежность Вильно Польше для представителей всех польских политических сил была неоспоримой. С начала 1919 г. до середины весны дипломатические отношения между двумя государствами находились фактически в замороженном состоянии. Попытки достичь неких политических договорённостей (визит литовской делегации по главе с Юргисом Шаулисом в Варшаву в середине апреля, пребывание польской делегации во главе со Станиславом Станишевским в Каунасе с конца мая по 12 июня) реальных результатов не дали [12, s. 78–79]. Уверения польской стороны, что занятие Вильно было актом, направленным против большевиков, а не против литовцев, последних не удовлетворили. Поляки предлагали, в случае установления союзнических отношений двух государств, признать независимость Литвы. Литовцы, в свою очередь, предварительным условием такого сближения называли вывод польских войск из Вильно. В Варшаве, с другой стороны, недоверие по отношению к Литве было связано, помимо прочего, с сомнениями в наличии у Литвы полного суверенитета и подозрением, что литовское руководство могло оставаться под немецким влиянием. Надо заметить,

что во время немецкой оккупации Литвы в период Первой мировой войны Тариба действительно тесно сотрудничала с немецкими оккупационными властями. Вывод немецких войск с территории Литвы к середине 1919 г. завершён не был, а в рядах литовской армии, по слухам, служило немало немецких добровольцев [13, s. 56–68]. Так что, возможно, подобного рода подозрения не были совершенно беспочвенными.

По мере продвижения польских войск к концу апреля 1919 г. в районе одной из станций на линии Вильно – Ковно польские и литовские формирования впервые вступили в непосредственный контакт. Вооружённых столкновений на этот раз не произошло, однако для обеих сторон была очевидна необходимость установления демаркационной линии, чтобы избежать их в дальнейшем. Переговоры по этому вопросу между военными представителями обеих сторон имели место 20–21 мая. Достичь взаимоприемлемых условий, однако, не удалось. В Варшаве даже замыслили произвести государственный переворот в Ковенской Литве, используя в качестве «пятой колонны» проживавших на её территории этнических поляков, в особенности служивших в литовской армии и государственных учреждениях. Попытка переворота, назначенного на ночь с 28 на 29 августа, однако, успеха не имела. Вопрос польско-литовской демаркационной линии привлёк внимание Парижской мирной конференции. Свой проект, в частности, предлагал маршал Ф. Фош. В конечном итоге решение по демаркации временной восточной границы Польши было принято Верховным советом союзных держав 8 декабря 1919 г. Для Польши это решение в территориальном плане выглядело благоприятным, однако оно имело временный характер, окончательное решение пограничного вопроса оставалось открытым [11, s. 78–80].

Значительно более благоприятно развивались отношения Польши с другими балтийскими государствами – Латвией и Эстонией, а также с Финляндией. С этими странами у Польши не существовало серьёзных противоречий. Отсутствие общей границы делало невозможным возникновение каких-либо территориальных разногласий (общая граница с Латвией появилась у Польши позднее, в 1921 г., в результате заключения польско-советского мирного договора, передавшего в состав Польши часть белорусских земель). В то же время существовала взаимная заинтересованность в развитии политических и экономических взаимоотношений. Наконец, Латвия и Эстония в большей степени, чем Литва, опасались советской экспансии (в частности, город Рига и значительная часть Латвии находились под контролем красных до конца

мая 1919 г.), что заставляло их искать военной поддержки извне, потенциальным источником которой могла быть Польша.

Особенно активно польские политики работали в направлении развития отношений с Латвией. Это вполне объяснимо с учётом исторических связей. Восточная Латвия – Латгале – до разделов Речи Посполитой входила в её состав, там проживало некоторое число этнических поляков. Кроме того, значительное количество жителей Латвии (примерно четверть всего населения, в первую очередь как раз в Латгале) исповедовали римско-католическую религию, в связи с чем Ватикан имел в Латвии свои интересы, которые он стремился продвигать именно через Польшу как оплот католичества в Центральной Европе. Ещё в сентябре 1918 г. папская курия восстановила католический епископат в Риге, а епископом был назначен А. Спрингович, сторонник польской ориентации. Латвийские католические ксёндзы, не согласные с пропольской позицией руководства епископата, к 1920 г. были удалены со своих постов. Наконец, в Варшаве, ввиду довольно близких связей Латвии с Литвой, рассматривали Латвию как возможного посредника при нормализации польско-литовских отношений.

Специальный посланник Ю. Пилсудского Леон Василевский, присутствовавший с марта 1919 г. на мирной конференции в Париже, по поручению «начальника государства» старался наладить контакты с латвийскими представителями. При общении с ними в апреле он развивал планы развития союзнических отношений между Польшей и Латвией. В этом же направлении работал министр-президент И. Падеревский, который в конце июня предложил латвийским представителям в Париже проект заключения военного союза между Польшей, Латвией и Литвой [12, s. 84–85]. С латвийской стороны заинтересованность во внешней поддержке была связана с не только с борьбой против красных, но и с «немецким вопросом». Поскольку собственных сил у временного правительства Латвии Карлиса Ульманиса было явно недостаточно, для борьбы с красными пришлось использовать помощь недавних оккупантов – немецкой «Железной дивизии» генерала Р. фон дер Гольца, которая была привлечена к борьбе с красными в качестве наёмной силы, а также местного немецкого ополчения (ландесвера). Немцы, однако, не удовлетворялись ролью простых наёмников и спровоцировали конфликт с правительством К. Ульманиса, даже отстранили его от власти. В конце мая немцы заняли Ригу, после чего к северу от города вошли в открытое столкновение с латышскими частями, сохранявшими верность временному правительству, и поддерживавшими их эстонцами. Конфликт был улажен при посредничестве англичан, временное правительство смогло

вернуться в Ригу. Осенью, однако, немецкие части, отошедшие на юг и перешедшие под знамёна г. н. Западно-русской армии П. Р. Бермондта (Авалова), снова попытались из района Елгавы (Митавы) развернуть наступление на Ригу [1, с. 195–196].

В Варшаве на события в Латвии реагировали с известным беспокойством. Несмотря на поражение Германии в мировой войне, немецкую угрозу там также не считали несущественной. «Газета Польска» писала в середине сентября: «У нас не будет никаких конфликтующих интересов с этими (т.е. балтийскими. – В.М.) государствами, но у нас есть одна общая и серьёзная задача – совместно противостоять России и немецким тенденциям, направленным на создание на северном побережье Балтики плацдарма против Польши». И в странах Балтии, и в Польше были распространены нелепые, но упорные слухи о неких немецко-большевистских связях. Ю. Пилсудский не исключал польского военного вмешательства в события в Латвии, считая, однако, необходимым одобрение этой акции со стороны союзников. В письме И. Падеревскому от 29 сентября 1919 г. он писал о своём желании, «чтобы мандат на очищение Литвы и Латвии от немцев был предоставлен Польше». Западные державы поначалу также рассматривали возможность использования польских войск против частей П. Р. Бермондта, но затем отказались от такого замысла. К тому же для выдвижения польских войск на театр военных действий требовалось согласие Литвы на их прохождение через литовскую территорию, которое вполне ожидаемо не было дано [12, с. 86]. В конечном итоге латвийские правительственные войска сумели сами, при поддержке огня кораблей английской эскадры, отбить наступление немцев. К концу 1919 г. эвакуация немецких войск из Прибалтики была наконец завершена.

Хотя на данном этапе польско-латвийское военное сотрудничество не сложилось, отношения между двумя государствами продолжали развиваться. Важным событием в ходе этого процесса был визит в Варшаву во второй половине октября 1919 г. министра иностранных дел Латвии Зигфрида Мейеровица, в ходе которого он встретился с И. Падеревским, а затем и с Ю. Пилсудским. «Начальник государства» обещал организовать поставку в Латвию оружия, снаряжения, а также финансовую поддержку. Было решено обмениваться постоянными дипломатическими представительствами. Помимо военно-политических, в отношениях между Польшей и Латвией присутствовали и торгово-экономические интересы. В частности, поляки, во многом ввиду того, что им на данном этапе не удалось получить Данциг (Гданьск), были заинтересованы в использовании латвийских портов на

Балтике – Риги, Лиепай (Либавы) и Вентспилса (Виндавы), а также спорного между Литвой и Латвией порта Паланга (Поланген) [6, S. 75–79].

В начале 1920 г. польско-латвийское военное сотрудничество, наконец, было реализовано на практике. К тому времени правительство К. Ульманиса контролировало не всю территорию Латвии: на востоке, в Латгале, ещё держались части 15-й армии красных. Советское правительство Латвии после потери Риги переместилось в Резекне (Режицу). В соответствии с обещанием Ю. Пилсудского при встрече с З. Мейеровицем оказать Латвии военную помощь 8 декабря 1919 г. оперативный штаб польской армии отдал приказ о подготовке совместной наступательной операции «Зима» для занятия Латгале. 30 декабря штабы латвийской и польской армий заключили соглашение, согласно которому начало наступления было назначено на 3 января 1920 г. В соответствии с оперативным планом первый удар был нацелен на Даугавпилс (Двинск). В совместной операции должны были принимать участие 30 тысяч польских и 10 тысяч латвийских солдат и офицеров. Общее командование осуществлял польский генерал Э. Рыдз-Смиглы [15, s. 98–101]. Наступление, как и было запланировано, началось 3 января. Ударом с юга польские войска прорвали фронт 15-й армии. Одновременно польско-латвийские части обошли Даугавпилс с северо-востока и вынудили советские войска под угрозой окружения оставить город. После этого наступление развернулось по всему фронту. В середине – второй половине января были заняты Пыталово (Абрене), Резекне и Лудза. Ещё раньше, 13 января, советское правительство Латвии объявило о прекращении деятельности в Латгале. Таким образом, Польша оказала непосредственную военную помощь правительству Латвии в борьбе с красными (за несколько месяцев до 25 апреля 1920 г., которое в отечественной историографии традиционно считается начальной датой польско-советской войны) [8, pp. 259–260].

После завершения военной операции в Восточной Латвии в польско-латвийских отношениях появились некоторые проблемы. Во время двусторонних переговоров, начавшихся в Варшаве 6 марта 1920 г., польская сторона начала ставить вопросы о необходимости компенсации со стороны Латвии за оказанную военную помощь. Л. Василевский, руководивший переговорами с польской стороны, с самого начала заявил, что при решении пограничного вопроса Польша будет исходить из границ до 1772 г., когда Восточная Латвия была частью Речи Посполитой. Также поляки настойчиво требовали от своих партнёров обеспечения прав польского меньшинства в Латвии. Далее польская сторона предложила заключить экономическое соглашение, которое

гарантировало бы Польше беспрепятственное использование латвийских портов и подходивших к ним железнодорожных линий [3, с. 24–30]. Латвийская делегация не была готова дать однозначно положительные ответы на все эти требования. Польские авансы относительно развития военного сотрудничества предусматривали соглашение, потенциально направленное против Советской России, Германии, а также Литвы. Антилитовская составляющая военного сотрудничества с Польшей, однако, для латвийского руководства не выглядела привлекательной.

У Латвии имелись нерешённые территориальные проблемы в отношениях с обоими соседями по Прибалтийскому региону. С Литвой, в частности, разногласия касались некоторых частей бывшей Курляндской губернии: уезда Иллуkste к юго-западу от Даугавпилса и порта Паланга. В Риге, однако, эти разногласия не считали существенными (более серьёзный характер имел конфликт с Эстонией из-за пограничного города Валка) и были настроены на компромисс (который вскоре и был достигнут: Паланга была оставлена за Литвой, а Иллуkste – за Латвией). В конечном итоге латвийская делегация на переговорах заявила о необходимости перерыва и отбыла в Ригу для дополнительных консультаций. Назад она не вернулась, и переговоры возобновлены не были. 22 марта латвийский генерал А. Балодис заявил, что армия готова взять на себя ответственность на линии разграничения с советскими войсками, и потребовал, чтобы польские войска, в соответствии с подписанным в декабре 1919 г. соглашением, были выведены из Восточной Латвии [6, S. 117–120].

На протяжении рассматриваемого периода развивались, хотя и не так интенсивно, также отношения между Польшей и Эстонией. Первые польско-эстонские контакты завязались ещё во второй половине 1918 г. в Париже. В марте 1919 г. с Л. Василевским встретился министр иностранных дел Эстонии Яан Поска. Последний был одним из самых убеждённых сторонников формирования широкого политического союза на антикоммунистической основе с участием ряда граничивших с Россией государств: стран Балтии, Польши, Украины и Румынии [14, s. 28–29]. Стремление эстонцев заручиться польской поддержкой было связано не только с поисками союзников против Советской России, но и с опасениями в отношении лидеров русского антибольшевистского движения, которые провозглашали лозунг «великой, единой, неделимой России» и не признавали независимость стран Балтии. На успехи Северо-Западной армии генерала Н.Н. Юденича в наступлении на Петроград осенью 1919 г. в Эстонии реагировали настороженно. 6 октября 1919 г. Польша де-факто признала независимость Эстонии. Упомянутый выше Л. Василевский 16 февраля 1920 г. был назначен послом Польши в

Эстонии (в Таллин, впрочем, он прибыл только в конце апреля) [10, s. 111].

Ещё одним потенциальным политическим партнёром для Польши, развитию отношений с которым в Варшаве придавали не последнее значение, была Финляндия. Как государство, наиболее сильное в военном отношении среди стран восточной части Балтики и наименее склонное к компромиссам с Советской Россией, Финляндия представлялась Польше наиболее ценным потенциальным союзником в борьбе с «большевистской угрозой», как и с возможными немецкими посягательствами. С финляндской точки зрения, как её выразил министр иностранных дел Рудольф Холсти, интерес представляло как раз совместное противостояние Советской России, тогда как в отношении объединения усилий против Германии желания высказано не было. Учитывались и взаимные интересы торгово-экономического характера. Польское руководство даже рассматривало вариант раздела Балтийского региона на сферы влияния Польши и Финляндии. 10 октября 1919 г. в Финляндию был направлен специальный представитель Ю. Пилсудского, инженер Александр Лютце-Бирк. В качестве представителя финляндского правительства в Польшу отправился профессор славянской филологии Й. Й. Миккола, который ещё с лета находился в Вильно в качестве полуофициального наблюдателя [6, S. 98–99].

Правительство Финляндии проявило некоторый интерес к сближению с Польшей, однако от определённых ответов на польские предложения, включая вопрос о сферах влияния, уклонялось. Фактором, несколько осложнившим развитие двусторонних отношений, было данное Финляндией в начале декабря 1919 г., без предварительной консультации с Польшей, де-факто признание независимости Белоруссии. В Варшаве на это отреагировали довольно остро. Потенциальный конфликт удалось устранить после того, как представитель МИД Финляндии расценил это признание как ошибочное. В дальнейшем финляндское правительство развивало свои отношения с Украиной, Белоруссией, Литвой и Латвией только после предварительных консультаций с Польшей [6, S. 107–108].

В январе 1920 г., по инициативе правительств Финляндии и Эстонии, была организована конференция пяти балтийских государств. Это было первое многостороннее официальное мероприятие с польским участием. Конференция начала свою работу в Хельсинки 15 января 1920 г. Польскую делегацию на ней составляли Л. Василевский и советник Станислав Прус-Богуславский, к которым на месте присоединился польский консул в Хельсинки Миколай Самсон-Химмельшерн.

Делегацию Финляндии возглавлял премьер Юхо Веннола, Эстонии – премьер Яан Тыннисон, Латвии – министр иностранных дел Зигфрид Мейеровиц и Литвы – управляющий политического отдела МИД доктор Довас Заунюс. Заседания конференции проходили в пяти комиссиях: политической, национальной, пограничной, военной и экономической. Польская делегация активно продвигала идею заключения «союза балтийских государств», которому стремилась придать как антисоветскую, так и антигерманскую направленность. Эстонская делегация также проявляла повышенный интерес к заключению военно-политической конвенции – соответствующий проект Я. Тыннисон представил уже 16 января [14, s. 53]. При этом параллельно Эстония стремилась нормализовать отношения с Советской Россией: 3 января было заключено перемирие, и в Тарту полным ходом шли советско-эстонские мирные переговоры (мирный договор был подписан 2 февраля). К поиску компромисса с РСФСР постепенно склонялись также Литва и Латвия. Всё это мало способствовало достижению взаимопонимания в ходе работы конференции.

Помимо прочего, Хельсинкская конференция стала ареной острых дипломатических конфликтов между польской и литовской делегациями. Глава литовской делегации Д. Заунюс обвинил поляков в агрессии и, более того, призвал признать Польшу злейшим врагом балтийских государств. Литовцы не только не хотели слышать о заключении какой-либо военной конвенции с участием Польши, но даже предложили делегациям Латвии и Эстонии заключить тройственный союз против Польши. Эстонская и латвийская стороны отклонили это предложение. В этой связи каунасская газета «Лиетува» (номер от 21 января) подвергла жёсткой критике правительство Латвии и латышскую прессу за якобы антилитовскую и пропольскую позицию [14, s. 54–55]. Работа конференции завершилась 22 января. Своей основной цели – заключения Балтийского союза – она в итоге не достигла. Были лишь выработаны «принципы, которые должны лечь в основу военной конвенции».

В дальнейшем, в феврале – марте 1920 г., Польша продолжала добиваться заключения союзных договоров с четырьмя государствами – Финляндией, Латвией, Украиной и Румынией. Эстония к тому времени уже заключила мирный договор с РСФСР, отношения с Литвой оставались враждебными. Соответствующие замыслы не были реализованы. О сложностях в отношениях с Латвией, возникших после завершения военной операции в Латгале, уже говорилось. На Украине царил хаос, положение правительства УНР было слишком шатким, чтобы воспринимать его как серьёзного партнёра. Переговоры с Румынией не дали результатов, а с выходом советских войск к р. Днестр румынское

руководство стало проявлять интерес к мирным предложениям со стороны Советской России. С 3 по 24 марта 1920 г. в Варшаве проходили двусторонние польско-финляндские переговоры. Польскую делегацию возглавлял министр иностранных дел Станислав Патек, финляндскую – особо уполномоченный МИД Эрик Эрстрём. В ходе переговоров наиболее весомыми оказались достижения хозяйственной комиссии. Были достигнуты важные соглашения, принято решение о выработке торгового договора и соглашения о судоходстве. Переговоры о военном соглашении имели интенсивный характер. Соответствующий проект был выработан, однако финляндская сторона проявляла определённую сдержанность, стремясь выторговать себе право на заключение сепаратного перемирия и мирного договора с Советской Россией [7, S. 110–113]. Позднее, в 1922 г., дело дошло, наконец, до составления конкретного военно-политического договора между Польшей и Финляндией, однако он так и не вступил в силу, так как финляндский парламент отказался его ратифицировать.

По итогам 1920 г. для Польши, помимо относительно удачного завершения войны с Советской Россией, большое значение имело решение «виленского вопроса». В ходе наступления Красной армии против польских войск на Западном фронте 14 июля 1920 г. 3-й кавалерийский корпус красных занял Вильно. В соответствии с советско-литовским мирным договором (подписанным в Москве двумя днями ранее) представители командования Красной армии 6 августа заключили договор с командованием литовской армии о передаче города Литве. 27 августа в Вильно вошли литовские войска. Однако в сентябре во время своего контрнаступления польские войска вновь вступили на территорию Литвы. При посредничестве западных держав, стремившихся предотвратить польско-литовский конфликт, 30 сентября в Сувалках между польскими и литовскими представителями начались переговоры, которые 7 октября завершились подписанием соглашения. В соответствии с его условиями была проведена демаркационная линия, которая оставила Вильно на территории, подконтрольной Литве [2, с. 343–344].

В Польше потеря Вильно вызвала резкое недовольство. Через месяц произошли события, известные в историографии как «мятеж» или «путч» генерала Желиговского: 8–9 октября 1920 г. польские части, составленные в основном из уроженцев Литвы, которыми командовал генерал Люциан Желиговский, также родом из Литвы (точнее из Лидского уезда Виленской губернии), якобы самовольно, без ведома верховного командования, нарушили соглашение и захватили Вильно. Однако даже польские авторы не отрицают, что это было сделано не

только с ведома, но и по непосредственной инициативе высшего руководства страны и лично Ю. Пилсудского. В частности, польский историк Гжегош Лукомский приводит воспоминания самого Л. Желиговского, хранящиеся в «Архиве новых документов» (Archiwum Akt Nowych) в Варшаве. Из них явствует, что 30 сентября Л. Желиговский был принят Ю. Пилсудским в его штабном вагоне, и во время аудиенции «начальник государства» лично возложил на Желиговского миссию по захвату Вильно. Это не был прямой приказ – по словам Желиговского, главнокомандующий сказал ему: «Я не могу приказывать – в таких делах нельзя приказывать – но обращаюсь к Вашей доброй воле как виленца», а в завершение разговора подытожил: «Если не займём Вильно, оно будет потеряно для нас навсегда» [12, s. 140].

Сама операция прошла быстро, её успеху способствовала поддержка наступавших частей генерала Желиговского со стороны польских военизированных формирований в самом Вильно. Литовские войска, сосредоточенные в городе и округе, не смогли оказать серьёзного сопротивления и отступили. При вступлении польских войск в Вильно местное польское население восторженно их приветствовало, реакция жителей других национальностей разнилась от безразличия до явной враждебности. 12 октября Л. Желиговский провозгласил образование нового квази-государства – «Срединная Литва» (Litwa Środkowa). Его территория составила около 10 тысяч км², с населением примерно в 530 тысяч человек. В их числе поляки составляли заметное большинство – 70,6%, удельный вес литовцев был равен 12,8%. В самом городе Вильно, по данным на февраль 1920 г., поляки составляли около 56% населения, евреи – 36%, татары – 3,1%, литовцы – 2,3%, белорусы – 1,38% [12, s. 145–155].

Акция генерала Желиговского вызвала осложнения в польско-латвийских отношениях. В Латвии с беспокойством следили за наступлением польских войск в Виленском округе, которые после занятия Вильно продвинулись в северном направлении в сторону Даугавпилса. В Риге опасались, что поляки попытаются по «виленскому образцу» решить и латгальскую проблему, тем более что имелись сведения о соответствующей агитации в Восточной Латвии местных польских землевладельцев. В начале ноября в Ригу была приглашена литовская военная делегация. В результате переговоров к 15 ноября было достигнуто соглашение о взаимной военной помощи на случай, если поляки предпримут движение соответственно либо на Каунас, либо на Даугавпилс. Латвийское командование сконцентрировало свои войска в районе Даугавпилса и у железнодорожной станции Мажейкяй

(Мажейки), через которую проходила ветка в сторону порта Лиепая [6, S. 148].

Западные державы фактически приняли польскую оккупацию Виленского округа как свершившийся факт. 29 ноября 1920 г., при участии комиссии военного контроля Лиги Наций, было подписано новое польско-литовское перемирие и проведена новая демаркационная линия, оставившая Виленский округ под польским контролем. В 1921 г. правительства западных держав пообещали решить виленский вопрос в пользу Литвы, если она согласится на федерацию с Польшей. Проект такого соглашения, представленный председателем Совета Лиги Наций П. Гимансом, обсуждался на конференции в Брюсселе и Женеве. Литва, однако, отказалась принять такое предложение [2, с. 344]. 8 января 1922 г. на территории «Срединной Литвы» был организован плебисцит по вопросу о её воссоединении с Польшей. В условиях бойкота плебисцита другими этническими группами местные поляки, составлявшие 65% населения, проголосовали за присоединение. На основании результатов этого голосования Виленский округ был присоединен к Польше (соответствующее постановление было принято польским сеймом 22 февраля 1922 г.), а в марте 1923 г. восточная граница Польши была признана великими державами [14, s. 141].

Если оценить в целом балтийскую политику Польши на рубеже 1910–1920-х гг., можно сделать вывод, что она имела лишь относительный успех. Создать широкий антисоветский и антигерманский фронт не удалось. Не были реализованы ни федеративный проект, ни план формирования Балтийского союза. Попытки заключения двусторонних военно-политических союзов также не увенчались успехом. С другой стороны, Польше удалось прибрать к рукам Виленский округ. Отношения со странами Балтийского региона, за исключением Литвы, в дальнейшем развивались относительно благоприятно. В начале 1920-х гг. Польша, по примеру других стран региона, отошла от жёсткой конфронтации с Советской Россией и перешла к поиску компромисса, который завершился подписанием Рижского мирного договора 18 марта 1921 г.

Литература

1. Иностранная военная интервенция в Прибалтике 1917–1920 гг. М., 1988.
2. История Литовской ССР (С древнейших времён до наших дней). Вильнюс, 1978.
3. Почс К.Й. Вопрос о польско-балтийском антисоветском союзе во внешней политике буржуазной Латвии, 1920–1925 гг. Рига, 1966.
4. Deruga A. *Polityka wschodnia Polski wobec ziem Litwy, Białorusi i Ukrainy (1918–1919)*. Warszawa, 1969.

5. Gostyńska W. Stosunki polsko-radzieckie 1918–1919. Warszawa, 1972.
6. Hovi K. Interessensphären im Baltikum. Finnland im Rahmen der Ostpolitik Polens 1919–1922. Helsinki, 1984.
7. Hovi K. Puolan ja Suomen esimerkkisuhde // Historiallinen Arkisto 81. Helsinki, 1984.
8. Latvijas atbrivošanas kara vēsture. Rīga, 1938.
9. Lewandowki J. Federalizm, Litwa i Białorus w polityce obozu Belwederskiego (listopad 1918 – kwiecień 1920). Warszawa, 1962.
10. Lewandowski J. Estonia. Warszawa, 2001.
11. Łossowski P. Stosunki polsko-litewskie w latach 1918–1919. Warszawa, 1966.
12. Łukomski G. Walka Rzeczy Pospolitej o kresy północno-wschodnie 1918–1920. Warszawa, 1994.
13. Łukomski G., Stolarski R. E. Walka o Wilno. Z dziejów Samoobrony Litwy i Białorusi 1918–1919. Warszawa, 1994.
14. Skrzypek A. Związek Bałtycki. Litwa, Łotwa, Estonia i Finlandia w polityce Polski i ZSRR w latach 1918–1925. Warszawa, 1972.
15. Wraszak M. Wojsko Polskie i operacje wojenne lat 1918–1921. Białystok, 1988.

V. I. Musaev

St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Science
**The Baltic Region in the Sphere of the Polish Foreign Policy Interests
 at the Turn of 1910s and 1920s.**

Key words: *Polish foreign policy; J. Piłsudski; Federation project; the issue of Vilnius; Polish-Baltic relations; the Baltic union.*

The article deals with the policies of Poland, which had restored its statehood after the end of the World War one, towards the Baltic countries. Among the latter Lithuania was of the first-hand importance for the Polish leadership. Poland claimed a part of the Lithuanian territory, including the city of Vilnius (Wilno), with a large share of the ethnic Polish population. The Polish leader Józef Piłsudski and his supporters cherished plans of a federation which would unite Poland, Lithuania, White Russia and Ukraine. These plans were not implemented, but the Poles managed to seize Vilnius. In summer 1920 the Red forces took the city and passed it over to the Lithuanians. Finally, the district of Vilnius was occupied by the Poles in October 1920 and then in January 1922 annexed by Poland. As for Latvia and Estonia, as well as Finland, they interested the Polish government as political partners and potential allies within the Baltic union. Negotiations on the Baltic union, with participation of the representatives of five countries, were held in Helsinki in January 1920, but to no avail. Special interest was shown by the Poles for Latvia, with its Polish-speaking minority and with a substantial share of the Roman Catholics. In January 1920 Poland rendered direct assistance to Latvia in fighting the Red Army units in Eastern Latvia (Latgale). But subsequently Polish-Latvian relations changed for the worse, due to Polish claims after compensation for military assistance.

Московский мирный договор 1920 года: причины и последствия

Ключевые слова: *Московский мирный договор; Советская Россия; Литва; Польша; польско-советская война; Франция; вильнюсский вопрос; международные отношения.*

На основе опубликованных и неопубликованных архивных источников рассматривается советско-литовский договор 1920 г., сыгравший важную роль для дальнейшего укрепления позиций Советской России в Балтийском регионе. Проанализированы причины подписания Московского мирного договора 1920 г., которые были обусловлены положением двух государств в новой системе региональных отношений. Раскрыта роль Московского мирного договора 1920 г. в контексте советско-польской войны. Особое внимание уделено позиции главного союзника Польши – Франции, которая косвенно повлияла на принятие Литвой решения относительно заключения мирного договора с Советской Россией и поведение в советско-польском конфликте. Показаны обеспокоенность и стремление Парижа предотвратить вступление Литвы в войну с Польшей во время подготовки и подписания советско-литовского мирного договора. Подчеркнуто сложное международное положение обеих стран. Определено значение подписания Московского мирного договора 1920 г. для обеих сторон. Советская Россия признала независимость Литвы, получила гарантии нейтралитета со стороны Литвы в советско-польском конфликте, а войска Красной армии могли беспрепятственно передвигаться по литовской территории. Мирным договором была определена российско-литовская граница, в результате Вильнюсский край и Вильнюс отошли Литве.

После революции 1917 г. события в разных регионах Российской империи развивались стремительно, вовлекая в эти процессы представителей разных политических взглядов, социальных слоев, вероисповеданий, национальностей. После распада Российской империи и прихода к власти большевиков страну охватила Гражданская война, сопряженная с иностранной интервенцией и конфликтами на национальных окраинах. Одним из сложных и кровопролитных конфликтов была польско-советская война, разгоревшаяся на западных рубежах. Регион, еще недавно бывший сферой влияния России, стал сферой ожесточенного противоборства разных государств.

Несмотря на то, что проблематика польско-советской войны достаточно хорошо изучена, она сохраняет свою актуальность до сих пор, а последствия тех событий и сегодня влияют на напряженность в

российско-польских отношениях. Появление новых публикаций, архивные документы, ставшие доступными, позволяют более полно и точно оценить различные аспекты того периода. Одним из таких аспектов является мирный договор между Советской Россией и Литвой 1920 г., заключенный на фоне польско-советской войны и имевший важное геополитическое значение для Балтийского региона. Несмотря на значимость первых советско-литовских контактов, мирному договору с Литвой 1920 г. как в русскоязычной, так и в литовской историографии уделяется гораздо меньше внимания по сравнению с последующим советско-литовским взаимодействием.

В большинстве российских и белорусских исследований Московский мирный договор рассматривается в контексте либо польско-литовского конфликта [10; 11], либо в контексте анализа истории Литвы [1; 4], либо при анализе внешнеполитических аспектов межвоенного периода Советской России, Литвы и Польши [2; 8; 12; 17]. Особое внимание советско-литовскому взаимодействию в 1920 г. уделила российский историк М.А. Манкевич [9]. Роль литовского вопроса и проблема государственной принадлежности Виленского края в период польско-советской войны рассматривается в работе М.С. Павловой «Литва в политике Варшавы и Москвы» [15].

Литовские исследователи останавливаются на проблеме более детально. Так, в работе Ч. Лауринавичюса подробно рассматриваются литовско-советские контакты и политика литовского правительства в 1920 г. Литовский профессор исследует последствия подписания Московского мирного договора как противоречивые [28]. Отдельное внимание советско-литовским контактам 1920-х гг. и, в частности, лидеру литовской делегации С. Розенбаумасу уделяет в своих работах известный литовский историк А. Каспарявичюса [25; 26; 27]. Тем не менее, несмотря на существенное количество исследований, посвященных взаимодействию Советской России и Литвы в межвоенный период, не все аспекты советско-литовского сотрудничества в 1920 г. получили должное освещение. Следует отметить и тот факт, что большинство работ литовских исследователей опубликованы на литовском языке и в силу этого недоступны русскоязычному читателю.

В представленной статье на основе архивных документов и опубликованных исследований предпринята попытка дополнить материалы по Московскому мирному договору 1920 г. и более полно раскрыть позиции Польши и ее союзницы – Франции, которая, преследуя свои интересы в Балтийском регионе, пыталась оказывать давление как на Польшу, так и на Литву.

1919 г. был довольно сложным и для Советской России, и для Литвы. В условиях отсутствия собственной полноценной армии и конфликта с Польшей Литва оказалась, с одной стороны, перед угрозой польской оккупации, с другой – большевистской. По верному замечанию литовского государственного деятеля А. Вольдемараса, какой бы выбор ни сделала Литва в тот момент, она оказывалась между Сциллой и Харибдой [35, р. 9]. Несмотря на провозглашение независимости 16 февраля 1918 г., к 1920 г. Литва так и не была признана мировым сообществом. Более того, ее притязания на собственные территории, включая Вильнюс, были проигнорированы на Версальской конференции. Непрочное международное положение дополняла тяжелая экономическая и социальная ситуация внутри страны.

В не менее сложных условиях была и Советская Россия. Гражданская война и иностранная интервенция, курс на мировую революцию подорвали и без того слабую экономику страны. Чтобы стабилизировать ситуацию на западных рубежах, России необходимо было заключить соглашения с балтийскими республиками.

Стремление советской стороны к взаимодействию с Литвой было продиктовано рядом причин. Во-первых, для России Литва являлась важным геополитическим плацдармом и своеобразным мостом, «воротами» в Европу [34, р. 8]; во-вторых, соглашение с Литвой позволяло разорвать «санитарный кордон» и решало проблему международной изоляции Советской России; в-третьих, Литва могла бы если не стать для РСФСР союзником против Польши, то хотя бы формально сохранять нейтралитет в советско-польском конфликте; кроме того, территория литовского государства являлась удобным плацдармом для пропаганды идеи «мировой революции» на Западе.

У Литвы также были причины сотрудничать с Москвой: она нуждалась в юридических гарантиях признания независимости, в первую очередь со стороны соседних государств – Польши и Советской России, которые представляли главную опасность для ее суверенитета. Кроме того, ей были необходимы поддержка в споре с Польшей относительно принадлежности Вильнюсского края и урегулирование вооруженного конфликта с большевиками.

Еще в 1919 г. Москва предложила Литве начать мирные переговоры, однако литовское правительство выразило свое согласие лишь в конце марта 1920 г. Такое промедление было связано с желанием литовской стороны признать ее полную независимость «в этнографических границах, т. е. заключающей в себе в общих чертах Виленскую, Ковенскую, Гродненскую и Сувалкскую губернии со столицей Вильной» [3, с. 450; 6, с. 1] до начала переговорного процесса.

Советская сторона в ноте от 8 апреля 1920 г. отклонила условия, выдвинутые литовским правительством, сославшись на необходимость «юридического выражения» такого «политического акта» [3, с. 450; 5, с. 1]. Нарком иностранных дел РСФСР Г.В. Чичерин заверил литовскую сторону, что после ознакомления с «этнологическими данными, касающимися этого вопроса» советское правительство «без колебаний примет эти заключения», и это может быть сделано только на предстоящей конференции [Там же]. Правительство большевиков небезосновательно опасалось, что после признания независимости Литовской республики отдельным актом она может отказаться от переговоров, добившись своей главной цели.

Подготовка к переговорам заняла больше месяца, продемонстрировав нехватку доверия у обеих сторон. В записке о генезисе и последствиях литовско-русского договора от 28 сентября 1926 г., сохранившейся в архиве французского дипломата и политического деятеля Анатоля де Монзи, с 1924 по 1927 гг. возглавлявшего комиссию по делам России, начало советско-литовских переговоров 1920 г. расценивалось как поспешное решение: «Литва, поглощенная идеей возврата Вильно и всецело занятая достижением этой цели при любых обстоятельствах... поспешила в апреле принять предложения Чичерина, надеясь получить признание территорий, которые она требовала и, кроме того, подтвердить владение Мемелем, который союзники признали за ней» [23, р. 2]¹. Однако нельзя согласиться с тем, что решение было поспешным. Литовское руководство прекрасно осознавало, что Варшава не желает видеть Литву в качестве независимого государства и стремится завладеть Виленским краем. По верному утверждению литовского профессора А. Каспарявичюса, «проблема Вильнюса, возникшая в 1919–1920 гг. в крайне иррациональной форме и в скором времени переросшая в хроническую фазу, да и в целом литовско-польские отношения тоже способствовали пророссийскому геополитическому настрою литовского истеблишмента» [7, с. 262].

Тем временем не только Польша и Советская Россия осознавали выгодное геополитическое положение Литвы и стремились сделать ее сферой своего влияния. Так, страны Антанты рассматривали ее как важную составляющую «водораздела» между Германией и Советской Россией, с помощью которого они надеялись ослабить их внешнеполитическое влияние. Франция побуждала Польшу заключить союз с Литвой, считая его основой для создания Прибалтийского блока против большевистской и немецкой угрозы. Кроме того, Париж был

¹ Выражаю огромную благодарность Светлане Якимович, сотруднику Женевского института международных отношений и развития, за предоставленный документ.

заинтересован в возрождении великой Польши, которая могла бы заменить бывшую союзницу – Российскую империю, и еще на Версальской конференции 1919 г. поддержал польские притязания на литовские территории, включая Вильнюс. Германия продолжала оказывать влияние на экономическую и политическую ситуацию в Литве даже после вывода своих войск с литовской территории, для нее Литва оставалась частью «восточной политики». Новая система региональных отношений делала положение Литвы уязвимым и заставляла ее балансировать между интересами крупных игроков, стремившихся склонить Литву на свою сторону и сделать ее своим сателлитом. На тот момент Москва в глазах литовских руководителей представляла меньшую опасность, нежели Германия или Польша. «Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX в. ... был доминирующим ... Литовская политическая мысль, страдающая недоверием к Польше, искала выход из геополитического тупика: Берлин – Москва – Варшава – и чаще всего находила его в России» [7, с. 273]. Таким образом, несмотря на давление, которое оказывали на Литву более сильные игроки, она приняла волевое решение тактического характера, согласившись на переговоры с Москвой.

В течение последней недели апреля была сформирована литовская делегация. 27 апреля 1920 г. «Известия» опубликовали радиотелеграмму литовского посланника в Риге Д. Заунюса относительно состава делегации, которую возглавил Томас Нарушавичюс. Помимо делегатов, наделенных правом участия в официальных переговорах на уровне делегаций, литовская сторона направила в Москву своих экспертов, работников спецслужб, курьеров и обслуживающий персонал: около 30 человек.

Записи специального корреспондента, сопровождавшего литовскую делегацию в Москву, свидетельствуют об атмосфере, царившей по дороге в советскую столицу. «Настроение у всех хорошее. На станциях в Литве делегацию встречало население и сердечно провожало, желая счастливого пути» [30, л. 60]. Автор записей отмечает, что по прибытии в Ригу утром 2 мая их встретил представитель Литвы Д. Заунюс и персонал посольства. «На станции, пишет корреспондент, было много пассажиров и рижских граждан, все глаза были обращены на литовскую делегацию и поезд “экспресс”. Среди латышей слышались сожаления, что эти вагоны, отобранные у бермонтчиков, достались не им, а литовцам» [30, л. 60].

Литовских делегатов впечатлил прием, оказанный большевиками по прибытии в советскую столицу: «В Москве нам дали отдельный дом из 8 комнат и обставили таким комфортом, какого мы в Ковно не видели.

Все по приличному. Такого обеда, каким нас угостили, мы в Ковно никогда не ели. Все очень вежливо и благорасположено к нашему новому государству» [30, л. 73]. Несомненно, радушный прием и комфортная обстановка должны были сыграть свою роль в формировании благоприятного впечатления о Советской России у литовцев.

Формальное открытие советско-литовских переговоров состоялось 7 мая 1920 г. в Москве. Советскую делегацию возглавлял один из наиболее опытных дипломатов-переговорщиков – Адольф Иоффе. В состав делегации вошли Леонид Оболенский и Юлиан Мархлевский, а также эксперты – представители Генерального штаба: Рыльский, Шемякин и литовец Расикас.

На первом заседании стороны обменялись приветственными речами. В обращении к литовской делегации А. Иоффе подчеркнул факт отсутствия военных действий между Литвой и Советской Россией, позволяющий говорить не столько о мирных переговорах, сколько об «установлении договорных отношений между двумя ... народами» [13, с. 2]. Апеллируя к интересам Литвы, глава советской делегации обратил внимание на ее особую роль в отношениях между Европой и Россией, подчеркнув, что «через Литву должны будут вестись сношения России с Западной Европой, – что находится еще более в интересах Литвы, нежели в интересах России» [30, л. 30].

В ответной речи Т. Нарушавичюс выразил надежду на то, что «Р.С.Ф.С.Р., прежде чем перейти к нашей мирной работе, сочтет своим долгом исправить эту историческую несправедливость, учиненную царским империализмом литовскому народу, формальным отказом от суверенности России над Литвой» [Там же].

В ходе второго заседания, состоявшегося на следующий день, развернулись прения относительно формулировки признания независимости Литовского государства. Советская сторона настаивала на признании суверенитета Литвы на основе принципа свободного самоопределения народов и Декрета о мире в рамках мирного договора, тогда как литовская сторона требовала заключения отдельного акта о признании ее независимости.

Центральным вопросом последующих заседаний стала проблема территориальной принадлежности Гродненской (включая Белосток и Бельск) и Сувалкской губерний. Этот вопрос перевел переговоры в плоскость жарких споров. Обе делегации представили свои позиции относительно принадлежности территорий, ставших пограничными после распада Российской империи.

В результате прений стороны не смогли найти консенсус, и Иоффе выступил с предложением вести переговоры по территориальному

вопросу в особой смешанной комиссии. Решить спорный вопрос предполагалось следующим образом: «вопрос предварительно обсудят специальные комиссии, которые подготовят материал для заседания пленума» [30, л. 30 об.].

Следует отметить, что параллельно с основными переговорами стороны вели секретные относительно совместных военных действий против Польши, на чем настаивала Москва. Четвертое заседание состоялось только 21 мая, продемонстрировав существенное различие во взглядах обеих делегаций. Литовская сторона категорически отказалась проводить совместные военные действия с большевиками, и переговоры зашли в тупик. В результате 25 мая большая часть литовской делегации была отозвана министром иностранных дел А. Вольдемарасом в Каунас для консультаций. Продолжились лишь заседания смешанной комиссии по вопросам о границах.

Советско-литовское взаимодействие вызвало обеспокоенность со стороны главного союзника Польши – Франции. Еще осенью 1919 г. глава французской военной миссии в Ковно полковник Ребуль в своем рапорте об отношениях литовского правительства с большевиками уверенно утверждал: «Есть тенденция к заключению перемирия, но ни в коем случае не мир» [32, р. 329]. В январе 1920 г. Ребуль докладывал военному начальству в Париже: «Безусловно, тайные переговоры с большевиками существуют, но я не могу указать ни цель, ни значимость, так как до сих пор не смог получить точную информацию об их существовании» [33, р. 618]. Весной 1920 г., когда стало понятно, что советско-литовские контакты развиваются, перед французской дипломатией встала новая задача: не допустить военный союз большевиков с литовцами и попытаться заставить Польшу заключить союз с Литвой.

Ребулю настойчиво рекомендовали «призвать правительство Литвы поддерживать свои войска в нынешнем положении и воздерживаться от вмешательства в конфликт против Польши» [18, р. 161–162]. Франция была всерьез обеспокоена, что Литва вступит в войну с Польшей, и старалась предотвратить это любыми способами.

Москва, в свою очередь, опасалась, что затягивание переговоров может привести к польско-литовскому соглашению. Эти опасения были не напрасными. Так, глава французской военной миссии в Каунасе полковник Ребуль писал военному министру Франции: «Литовцы будут сотрудничать с поляками, если те признают независимость Литвы в ее этнографических границах и выведут свои войска из литовских регионов, как только военные потребности позволят. Если польское правительство захочет немедленно пойти на уступки, можно будет быстро достичь

военного соглашения...» [21, р. 173]. Ему вторил маршал Петен: «Польско-литовская проблема должна быть решена немедленно. Польша должна понимать, что ее процветание ... зависит от союза с Литвой» [22, р. 84]. В такой ситуации советским руководителям нужно было принять верное решение и перехватить союзника, а значит – пойти на уступки литовской стороне.

Полковник Ребуль телеграфировал военному министру Франции, что «25 мая литовцы прервали переговоры с Москвой, чтобы не нападать на поляков с большевиками» [23, р. 65]. Он также предупреждал, что Германия, которой литовско-польское противостояние было выгодно, «наверняка приложит усилия, чтобы подтолкнуть литовцев к нападению» [Там же].

После отъезда литовских представителей мнения большевистских руководителей по поводу продолжения переговоров разошлись. Иоффе предлагал полностью разорвать отношения с литовской стороной, если «литовцы обнаружат непомерные финансовые аппетиты» [16, л. 182], в то время как Г.В. Чичерин в секретной записке В.И. Ленину от 22 мая 1920 г. указал на необходимость продолжения переговоров и призвал «тянуть с ними (литовцами. – *Л.С.*) как можно дольше», поскольку «политический эффект кажущегося сближения их с нами» важнее, чем «эвентуальная их военная помощь» [Там же]. Советская дипломатия стремилась максимально использовать переговоры с Литвой для решения собственных политических задач: «Этим рвется цепь окраинного кордона, – писал Чичерин, – часть окраинных государств становятся в позитуру наших друзей, уничтожается противоположение нам всех окраинных государств. Эта видимость литовской дружбы имеет для нас настолько крупное значение, что вполне стоит потратить немножко более дипломатических маневров товарища Иоффе, чтобы этого достигнуть. Поэтому мы решительно против скорого разрыва с Литвой и за то, чтобы насколько возможно будет, подольше продолжать переговоры» [Там же].

В середине мая 1920 г. во Францию по дипломатическим каналам стали поступать сведения о «скором заключении мира между Советской Россией и Литвой» [19, р. 141]. «Большевики готовы пойти на значительные уступки, которые консервативные газеты (литовские. – *Л.С.*) связывают с желанием как можно быстрее учредить в Ковно посольство, которое станет пропагандистским агентством для стран Центральной Европы», – телеграфировали французские дипломаты [Там же].

22 июня переговоры возобновились и проходили уже в новых условиях. Красная армия перешла в наступление, и Москве необходимо было укрепить свои позиции в Литве. Большевики готовы были пойти на

большие уступки, в первую очередь финансового характера. В Каунасе, после выборов в Учредительный сейм, сменилось правительство, что вызвало крайнюю озабоченность французов. Новый министр иностранных дел Ю. Пурицкис бы настроен достаточно лояльно по отношению к главному врагу Франции – Германии. Маршал Петен предупреждал французское правительство: «...завтра советские войска получают преимущество над поляками, никто не помешает литовцам, подкупленным немецким золотом, взяться за оружие с криками “на Вильно”...» [22, р. 85]. Французский маршал настаивал на том, что необходимо «поставить прочный эффективный барьер между Россией и Германией, иначе будущая ситуация будет более, чем серьезной. ...Грубая ошибка – позволить уступить Литву Германии» [Там же], – заключал он.

12 июля 1920 г. был подписан Московский мирный договор между Советской Россией и Литвой. В 1930 г. Ладас Наткевичюс, доктор права Парижского университета, подчеркивал, что этим договором «был частично закреплён правовой и территориальный статус» Литвы. Однако некоторые авторы, отмечал он, «хотя и не оспаривают законность Московского договора, признают его только гипотетически на том основании, что советское правительство в то время не было признано де-юре какой-либо великой державой» [31, р. 42]. Л. Наткевичюс делал вывод, что «Московский договор между Россией и Литвой, по отношению к союзникам, является делом между двумя сторонами; между ними он представляет собой акт, юридическая сила которого бесспорна – и не только гипотетически – но и в отношении передачи территории» [Там же].

Московский мирный договор 1920 г. стал первым соглашением между двумя государствами после распада Российской империи. Он включал в себя 19 статей. Первая статья договора признавала суверенитет и независимость Литовского государства. Во второй статье была подробно прописана российско-литовская граница, а также оговорены условия формирования польско-литовской и литовско-латвийской границ. Однако особое значение имело дополнение к этой статье, которое предоставляло Красной армии право свободного прохода через литовские территории: «Принимая во внимание факт войны между Россией и Польшей и оккупацию последнею части территории, согласно настоящего мирного договора являющейся территорией Литвы, и ввиду невозможности для Российских армий приостанавливать военные действия против Польши на Литовской границе, нижеподписавшиеся от имени Правительства Литовской Демократической Республики заявляют, что оно ни в коем случае не сочтет за нарушение настоящего

договора и недружелюбный в отношении Литвы акт – факт перехода Российскими войсками литовской границы и занятие ими части территорий, по настоящему договору составляющих территорию Литовского Государства, с тем, однако, условием, чтобы по миновании военно-стратегической надобности Российские войска были выведены из означенных территорий» [29, с. 103; 3, с. 41].

Договор определял вопросы гражданства и беженцев, содержал статьи о возврате Россией архивов, библиотек, судебных и правительственных дел и архивов, имущественных документов, эвакуированного имущества и пр. Кроме того, 12 статья договора освобождала Литву от ответственности «по долговым и всякого рода иным обязательствам», предоставляла «право рубки леса на площади сто тысяч десятин» и предполагала выплату литовскому правительству «трех миллионов рублей золотом в полуторамесячный срок» со дня ратификации договора [14]. Эта статья вызвала недовольство правительства А. Мильерана: «необходимо протестовать против упомянутого выше пункта. Литовское государство, образованное из части территорий бывшей империи, не имеет права отказываться от части задолженности России, которая обычно возлагается на нее пропорционально ее способностям и которая, в конечном итоге, будет определяться международным соглашением. Я не сомневаюсь в том, что литовское правительство даст вам удовлетворительные объяснения по этому вопросу...» [20, р. 255], – указывал А. Мильеран в секретной телеграмме.

В соответствии с международными нормами мирный договор подлежал ратификации со стороны представительных органов власти РСФСР и Литовской республики. Обмен ратификационными грамотами состоялся в Москве 14 октября 1920 г., практически спустя два дня после подписания перемирия с Польшей. Несмотря на оккупацию Польшей литовских территорий, признанных Москвой по договору 1920 г., советско-литовское соглашение имело далеко идущие последствия.

Таким образом, подписание Московского мирного договора 1920 г. имело важное значение для геополитической ситуации в Балтийском регионе. Во-первых, мирный договор с Литвой позволял Москве укрепить свои позиции в регионе, Литва снова оказалась в сфере российского влияния. Во-вторых, большевики получили гарантии от правительства Каунаса сохранять нейтралитет в советско-польском конфликте. По мирному договору Москва признала независимость Литовского государства, была определена российско-литовская граница, в результате Вильнюс и прилегающие к нему территории отходили Литве. Московский договор подорвал планы стран Антанты по

формированию «барьера» между Советской Россией и Германией. Варшава, отказавшись передать Вильнюсский край Литве, совершила стратегическую ошибку, которая привела к долгосрочному польско-литовскому конфликту.

Литература

1. Баторшина И.А., Манкевич М.А. Сравнительный анализ переходных процессов в Литовской республике в 1917–1922 и 1989–1991 // «Вестник МГОУ»: электронный журнал. 2013. № 4. С. 1–22.
2. Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР (1918–1920). Минск: Харвест. 2010. 494 с.
3. Документы внешней политики СССР. Т. III. М.: Госполитиздат, 1959. 701 с.
4. Дьякова Н. Литва между Россией и Западом – исторический контекст // Россия и новые государства Евразии. 2010. № 2. С. 57–72.
5. К мирным переговорам с Литвой. Перевод от 8-го апреля литовскому министру иностранных дел профессору Вольдемарасу // Известия. 1920. № 78. 14 апр. С. 1.
6. К мирным переговорам. Перевод радиотелеграммы литовского министра иностранных дел // Известия. 1920. № 73. 3 апр. С. 1.
7. Каспарявичюс А. Российский фактор в геополитической мысли литовского истеблишмента в первой половине XX века // Россия и Балтия. Памятные даты и историческая память. М.: ИВИ РАН, 2000. Вып. 7. С. 253–274.
8. Короткова Д.А. Белорусский аспект деятельности в советской дипломатии в 1920 г. // Славяноведение. 2012. № 3. С. 51–64.
9. Манкевич М.А. Взаимодействие Литвы и СССР в 1920 году: дискуссионные вопросы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2012. Вып. 12. С. 39–46.
10. Манкевич М.А. Вильнюсский вопрос в международных отношениях // Балтийский регион. 2012. № 2. С. 19–31.
11. Манкевич М.А. Лига Наций и проект плебисцита в Вильнюсском крае (1920–1921 годы) // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2011. Вып. 12. С. 59–63.
12. Мельтюхов М.И. Прибалтийский плацдарм в международной политике Москвы 1918–1939 гг. М.: Алгоритм, 2015. 608 с.
13. Мирные переговоры между Россией и Литвой. Заседание 1-е от 7 мая 1920 г. // Известия. 1920. № 99. 9 мая. С. 2.
14. Мирный договор между Россией и Литвой // Собрание Указаний и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. URL: <http://istmat.info/node/42839> (дата обращения: 17.08.2019).
15. Павлова М.С. Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М.: Аспект Пресс, 2016. 176 с.
16. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 159 (Г.В. Чичерин). Оп. 2. Д. 9. Взаимоотношения с Литвой и Латвией. Записки и телеграммы (1918–1925).

17. Ціхаміраў А.В. Беларусь у сістэме міжнародных адносін перыяду пасляваеннага ўладкавання Еўропы і польска-савецкай вайны (1918–1921 гг.). Мінск: Экапер-спектыва, 2003. 400 с.
18. Archives du Ministère français des Affaires étrangères (АМАЕ). Lituanie. Vol. 5. Télégramme. Attitude de la Lituanie à l'égard de la Pologne et de la Russie.
19. АМАЕ. Lituanie. Vol. 5. Télégramme.
20. АМАЕ. Lituanie. Vol. 5. Télégramme de Millerand. D'une stipulation du traité de paix entre la Lituanie et les Soviets. 23.07.1920.
21. АМАЕ. Lituanie. Vol. 5. Télégramme. Lithuaniens et bolcheviks.
22. АМАЕ. Lituanie. Vol. 58. Politique lituanienne. 20.06.1920.
23. АМАЕ. Lituanie. Vol. 58. Télégramme chiffrée.
24. Boris Souvarine Collection, IHEID, 4.1.2.BS 18/2. Note sur la genèse et les conséquences du traité lituano-russe du 28 septembre 1926.
25. Kasparavičius A. Kauno ir Maskvos «džentelmeniškias polonezas» Varšuvai (1926–1936) // Lietuvos diplomacija XX amžiuje (Tarptautinės mokslinės konferencijos pranešimai. LR URM, LII, VU TSPMI leidinys). Vilnius: Vaga, 1999. L. 92–118.
26. Kasparavičius A. Lietuvos kariuomenė Maskvos politinėse ir diplomatinėse spekuliacijose (1920–1936) // Lietuvos nepriklausomybei – 80 (Mokslinės konferencijos medžiaga. Teminis straipsnių rinkinys), Vilnius: Gen. J. Žemaičio LKA leidykla, 1999. L. 4–57.
27. Kasparavičius A. Šimšonas Rozenbaumas: vieno žydų patrioto diplomatinis eskizas // Iš Lietuvos diplomacijos istorijos (III). Kaunas: VDKM leidykla, 2000. L. 35–50.
28. Laurinavičius Č. Lietuvos – Sovietų Rusijos Taikos sutartis 1920 m. liepos 12 d. Vilnius: Valstybinis leidybos centras, 1992. L. 171–190.
29. Lietuvos centrinis valstybės archyvas (LCVA). Ф. 383. Оп. 7. Д. 77.
30. LCVA. Ф. 395. Министерство белорусских дел в Литве. Оп. 1. Д. 18.
31. Natkevičius L. Aspect politique et juridique du différend Polono-Lithuanien. Paris: Librairie de jurisprudence ancienne et moderne, 1930. 355 p.
32. Service historique de la Défense / Département de l'Armée de Terre (SHD/DAT). Fonds 17. Mission militaire française dans les pays baltes. Dossier 578. Correspondence avec Lituanie et la Finlandie. 32-ème rapport hebdomadaire. 29.10.1919.
33. SHD/DAT Fonds 17. Dos. 578. 45-ème rapport hebdomadaire. 21.01.1920.
34. Slutskaya L. Franco-Lithuanian Relations in the Context of Geopolitical Confrontation, 1918–1923 // History. 2017. T. 107, № 3.
35. Voldemar A. Les relations Russe-Polono-Lithuaniennes. Paris: Desmoineaux, 1920. 32 p.

L.V. Slutskaya

Belarusian State University

Moscow Peace Treaty 1920: reasons and meaning

Key words: Soviet Russia; Lithuania; Moscow Peace Treaty; Poland; Vilnius issue; Polish-Soviet War; France; International Relation.

Based on published and unpublished archival sources, the Soviet-Lithuanian Treaty of 1920 is considered, which played an important role in further strengthening the position of Soviet Russia in the Baltic region. The reasons for the signing of the Moscow Peace

Treaty of 1920, determined by the position of the two states in the new system of regional relations, are analyzed. The role of the Moscow Peace Treaty of 1920 is revealed in the context of the Soviet-Polish war. Particular attention is paid to the position of Poland's main ally, France, which indirectly influenced Lithuania's decision to conclude a peace treaty with Soviet Russia and behavior in the Soviet-Polish conflict. The concern and aspiration of Paris to prevent Lithuania from entering the war with Poland during the preparation and signing of the Soviet-Lithuanian peace treaty are shown. The difficult international situation of both countries was emphasized. The significance of the Moscow Peace Treaty of 1920 for both parties is defined. Soviet Russia strengthened its position in the Baltic region, received guarantees of neutrality from Lithuania in the Soviet-Polish conflict, and the Red Army could freely move around Lithuanian territory during the Soviet-Polish conflict. The peace treaty determined the Russian-Lithuanian border, as a result, Vilnius region and Vilnius departed to Lithuania.

Проблематика «восточных окраин» в оценках польского политика и публициста Владислава Студницкого (1918–1922 годы)

Ключевые слова: *«восточные окраины»; Владислав Студницкий; национальное движение; национальное самосознание; федерация.*

Работы известного политика и публициста В. Студницкого являются ярким образцом представлений польской элиты о своей «цивилизаторской» роли на так называемых «восточных окраинах». Еще в 1910 г. В. Студницкий в одном из своих сочинений отказывал белорусам в праве называться народом с собственной культурой. Концептуализация данной идеи прослеживается в более поздних трудах польского деятеля. Главный акцент в статье сделан на анализе вышедшей в 1919 г. работы В. Студницкого «К вопросу политического отношения Польши к ее восточным территориям». В ней приводятся исторические, экономические, идеологические аргументы против проектов образования федерации Польши, Литвы и Беларуси (в частности, против концепции В. Каменецкого). В статье представлен анализ трудов В. Студницкого в более широком контексте выработывавшихся польскими политическими и интеллектуальными элитами того времени концепций «восточных окраин», в том числе белорусского вопроса. Следует подчеркнуть, что многие представители федералистской концепции (в частности, Т. Голувко) в отношении белорусов стояли на тех же позициях, что и В. Студницкий, то есть считали белорусов «этнографической массой», способной существовать только в рамках польской государственности. Представления о культуртрегерской роли поляков на «восточных окраинах» господствовали в общественно-политической мысли Польши рассматриваемого периода.

Выходец из семьи «кресовой» шляхты, уроженец Динабурга Витебской губернии (сегодня – город Даугавпилс в Латвии) В. Студницкий начал свою политическую карьеру в конце XIX в. За участие в деятельности социалистической организации «Пролетариат» он был отправлен российскими властями в шестилетнюю ссылку в Восточную Сибирь, по возвращении из которой примкнул к Польской социалистической партии. Вскоре В. Студницкий разочаровался в социалистическом движении, но в то же время не принял пророссийскую позицию национал-демократов. В 1910 г. опубликовал книгу «Польское дело», в которой обосновал необходимость восстановления Польши при поддержке Германии и Австро-Венгрии. Являлся наиболее последовательным прогерманским политиком Польши 1910-х гг., был членом Временного государственного совета Польского королевства в

1916–1918 гг. (марионеточное государство, образованное в пределах оккупированной Германией и Австро-Венгрией российской территории Царства Польского). В. Студницкого справедливо считают одним из «отцов-основателей» возрожденной польской государственности (наравне с Ю. Пилсудским и Р. Дмовским).

Детальный интерес к проблематике «восточных окраин» и их населения В. Студницкий обозначил уже в работе «Польский вопрос» (1910 г.). Так, публицист фактически отказывал белорусам в праве на собственное национальное развитие: «Ни о каком белорусском народе не может быть и речи ввиду того, что народ – это понятие политическое, а белорусы никаких собственных традиций не имеют. О белорусской культуре невозможно говорить ввиду того, что нет у них культурного единства: это сфера перекрещивания польских и русских влияний. Мы видим белорусов-католиков, привязанных к традициям польских пеней в костелах, белорусов-православных, язык которых имеет много церковнославянских слов. [...] Язык их складывается из диалектов в зависимости от польских или русских влияний». В. Студницкий видел в белорусском населении лишь «этнографический материал, заполняющий пространства, не заполненные польским или русским влиянием», и считал белорусов потенциальным объектом успешной государственной и национальной ассимиляции поляками (при условии возрождения Польского государства): «Эти белорусы являются, согласно нашей концепции, поляками. Они пользуются или стремятся пользоваться польским языком в костелах, молятся по-польски, добиваются для своих детей польских школ. Это население, которое может быть полонизировано по языку в течение каких-нибудь 10 лет при условии его присоединения к польскому государству, может быть для нас потеряно, если на востоке будет создан очаг белорусского движения» [2, л. 54–55].

Последовавшие после окончания Первой мировой войны процессы национально-территориальной трансформации Европы побудили В. Студницкого более детально проанализировать проблематику «восточных окраин». В 1919 г. польский деятель опубликовал две работы с подробным обоснованием необходимости присоединения к Польше данных территорий. Брошюра «К вопросу политического отношения Польши к ее восточным территориям» представляла собой заочный спор со сторонниками образования федерации Польши и возрожденного Великого княжества Литовского (прежде всего, с В. Каменецким). Активный участник созданного в октябре 1918 г. в Варшаве Комитета по восточным делам В. Каменецкий предлагал проект создания трех кантонов. Польский кантон должен был охватывать Вильно и Гродненский, Лидский, Волковысский, Белостокский, Бельский,

Сокольский уезды. В Литовский кантон входили бы Ковно, также Шаули, Тельши, Тельзит, Расейны, Клайпеда и Либава. Белорусский кантон охватывал поветы Минской, Витебской и Могилевской губерний, населенные преимущественно православными. Таким образом, проект предусматривал раздел белорусского населения между двумя кантонами – польским и литовским. В. Каменецкий также рассматривал вариант создания пяти автономных единиц, объединенных в федерацию по образцу швейцарских кантонов, с сеймами в Ковно, Вильно, Белостоке, Минске и Пинске. Эта концепция была близка планам будущего польского премьер-министра И. Падеревского (изложены в меморандуме от 11 января 1917 г., врученном президенту США В. Вильсону), который считал возможным создание Соединенных Штатов Польши. Государственное образование должно было состоять из Галицко-Подольского королевства, а также королевств Польши, Литвы, Полесья и Волыни [4, с. 294–295].

В. Студницкий был категорическим противником федералистских концепций. По его мнению, федеративное государство не отвечало стратегическим интересам Польши ввиду того, что белорусское население со слабым национальным самосознанием «могло стать жертвой российской пропаганды» и, соответственно, «разрушило бы польский оборонительный вал на востоке» [8, с. 6]. Для обоснования идеи о том, что белорусы являются «неисторическим народом», В. Студницкий приводил обширную цитату из работы Л. Василевского (известный историк и политический деятель, сторонник государственной, а не национальной ассимиляции непольского населения). В тот момент Л. Василевский рассматривал проявления белорусской национальной идентичности как продукт целенаправленной деятельности немецких оккупационных властей, желавших ослабить польское влияние в регионе: «Белорусское население никогда не имело собственной государственности. Не имело ее в прошлом, также и сегодня не в состоянии создать, что показала практика последних лет. Немцы готовы были поощрять все национальные образования и создавать из них фикции государственных режимов. Только как огня боялись поляков из-за их культуры и хотели везде уничтожить польские влияния» [Там же]. В. Студницкий считал наивным предложение В. Каменецкого создать отдельные белорусские правительство и парламент. По мнению В. Студницкого, белорусы с неразвитым политическим сознанием были в состоянии воспринять лишь демагогические аграрные проекты российских социалистов: «Они жаждут захватить и разделить земли крупных собственников, однако не нехватка земли, а нехватка прогресса аграрной культуры является их главной проблемой. Земля, которую они

хотят отобрать у панов Войниловичей, Скирмунтов и других, для них является реальной ценностью. Паны Войниловичи, Скирмунты и другие хотели ослабить данную тенденцию, пытаясь содействовать созданию идеальной ценности, развитию белорусской национальности, опирающейся на государственно-правовую обособленность, однако хотя для белорусской акции должны были замаскироваться под белорусов, но оперировали ценностями, не имеющими значения для белорусского крестьянина, и не могли его расшевелить» [8, s. 7]. Слабое политическое самосознание белорусов, на взгляд В. Студницкого, делало невозможным их сопротивление «по национальным мотивам» польским войскам и администрации; «если они в тех или иных местностях оказывали сопротивление польским войскам, то только из-за хозяйственных причин» [8, s. 9].

Показательно, что представления В. Студницкого о крайне низком национальном развитии белорусского населения разделяли представители самых различных политических и идеологических лагерей Польши. Так, на собрании национальных демократов в декабре 1918 г. в Варшаве в здании Музея промышленности и сельского хозяйства прозвучало заявление о том, что «белорусы – это не народ, а только белый лист, на котором можно еще все записать» [1, с. 49]. Сторонник федерализма Т. Голувко в одной из своих работ (1919 г.) называл белорусов «этнографической массой», католическая часть которого склонялась к Польше, православная – к России. Поляки должны были сформировать белорусский народ, который в будущем создал бы собственное государство, состоящее в федеративной связи с Литвой, Польшей, Украиной и, возможно, с Эстонией и Латвией. Федерация должна была иметь антироссийскую направленность. По мнению Т. Голувко, белорусы не могли действовать самостоятельно. Самостоятельное существование белорусского народа обозначало бы его уничтожение на протяжении нескольких десятилетий [1, с. 51]. Особенно слабой и «пластичной» являлась идентичность жителей этноконтрастных групп. Полесский воевода С. Довнар-Вич в программе интеграции региона, предложенной правительству Польши в 1923 г., отмечал: «Наша деревня, как и все окрестности – писал один из полесских поляков – расположена на рубеже импровизированных границ Беларуси, Украины и Польши, следовательно один считает себя белорусом, второй – украинцем, третий – поляком, кто-то – снова русским. [...] В национальном чувстве как один, так и другой и вообще каждый полешук является нестойким элементом. Душа каждого полешука – это воск, из которого можно вылепить всё, что угодно. Хотите украинца, будет

украинец, хотите белоруса, будет белорус, даже литвина из него можно сделать» [6, s. 39].

Слабость всех федералистских концепций, на взгляд В. Студницкого, заключалась в стремлении их сторонников объединить в одном государстве народы, находившиеся на разных ступенях развития, а также навязать этим народам не свойственные им модели существования: «Слабость концепций профессоров В. Каменецкого и Ф. Буяка, в меньшей степени профессора С. Кутшебы заключается в том, что они Польшу, историческое государство, строят на этнографической основе. Литовцев – народ неисторический, который не оставил никаких исторических следов на значительной части княжества Литовского, ни на Витебщине, ни на Гродненщине, ни на Минщине, ни на значительной части Виленской губернии – хотят строить на исторической основе, так что все здание, как искусственное, рухнет при возведении, причем это строительство утопии, в которой нет реальных сил, ставящих в качестве цели реализацию этих концепций. Этого не хотят литовцы, не хотят поляки большого польского пояса, раскинувшегося от границ Королевства до Динабурга включительно, и к этому безразличны белорусы, которые остаются этнографическим материалом для Польши и для России, на своих западных территориях преобразуются в поляков, на восточных – в москалей» [8, s. 12]. Идея воссоздания Великого княжества Литовского, по мнению В. Студницкого, была мертворожденной: «Великое княжество Литовское не может состояться, потому что не будет иметь корня, на который могло бы опереться. Польский корень, способный к управлению краем, имел бы против себя блок под руководством евреев, а также сил, тяготеющих к России, литовских и белорусских националистов, которые, однако, не способны к позитивной работе, могли бы быть мобилизованы лишь для непризнания польского правительства» [8, s. 8].

Территория Польского государства, на взгляд В. Студницкого, должна была ограничиваться на востоке реками Днепр, Березина, Припять. Восточные территории по военно-стратегическим и экономическим соображениям должны были быть колонизированы польским населением: «Эти территории нельзя доверить даже государству, состоящему в унии с Польшей. Прежде всего потому, что стратегическая оборона находится в тесной связи с упорядочением хозяйственных и национальных отношений в этой провинции, а их может упорядочить для своей защиты только Польское государство. Эта стратегическая линия должна быть колонизирована польским населением, чтобы Польша имела опору и могла мобилизовать наиболее надежную часть населения. Этого нельзя достичь, если бы эта земля

вошла в состав Великого княжества Литовского, даже связанного реальной унией с Польшей» [8, s. 5]. По мнению публициста, лишь Польша могла обеспечить экономическое развитие «восточных окраин», выгодное для всех народов, их населявших [8, s. 12].

Экономическому обоснованию необходимости включения в состав Польши «восточных окраин» была посвящена работа В. Студницкого «Северо-восточные земли бывшей Речи Посполитой Польской» (1919 г.). Автор, оперируя статистическими данными, обосновывал идею об экономической отсталости региона. По мнению В. Студницкого, присоединение «восточных окраин» к Польше способствовало бы развитию всех сфер экономики этих земель. Главным фактором экономического развития края должна была стать его колонизация поляками, которые являлись носителями развитой хозяйственной культуры: «Мы должны понимать, что только колонизация землевладельцев, относящихся к высшей аграрной культуре, еще недостаточна, необходимо организовать перемещение сельскохозяйственной продукции путем создания густой коммуникационной сети, строительства новых железнодорожных магистралей, регуляции рек и строительства каналов, проведения масштабных мелиоративных работ, обеспечения землевладельцев искусственными удобрениями» [7, s. 23]. В случае присоединения земель к России, на взгляд политика, эти важнейшие для экономической жизни региона мероприятия не могли быть проведены. По мнению В. Студницкого, плотность населения в «восточных окраинах» была сопоставима с данным показателем в великорусских губерниях. Следовательно, для борьбы с малоземельем более подходила колонизация восточных регионов России. Автор работы считал, что российские власти сделают ставку на развитие промышленности в районе Донецкого бассейна, а белорусско-литовские губернии и далее останутся экономически отсталыми [7, s. 26].

По результатам Рижского мирного договора (1921 г.) к Польше отошли территории Западной Беларуси и Западной Украины (территориальные проекты В. Студницкого в полной мере реализованы не были). Открытым оставался вопрос о принадлежности Виленщины, где в октябре 1920 г. в результате акции генерала Л. Желиговского было создано пропольское марионеточное государственное образование «Срединная Литва». В 1922 г. В. Студницкий опубликовал две работы, посвященные истории литовского вопроса и проектам будущего обустройства края. В книге «Современное литовское государство и его отношение к полякам» автор сделал попытку детально проанализировать характер литовского национального движения. В. Студницкий

рассматривал данный аспект в более широкой перспективе различных национальных движений в Европе. В. Студницкий отмечал, что первоначально термин «литвин» рассматривался как политоним, использовавшийся для обозначения подданных Великого княжества Литовского, а этнический смысл приобрел значительно позже: «Термин "литвин" ранее использовался для обозначения принадлежности к данной провинции, которая по историческим причинам называлась "Литва", как и прусское государство по историческим причинам имело название, происходящее от названия литовского племени прусов. Поляков с бывшего княжества Литовского, даже таких, которые были выразителями величайшего польского патриотизма, потому что возглавляли польские восстания, как Т. Костюшко и Р. Траугутт, или величайшего польского поэта А. Мицкевича, поэзия которого олицетворяет величайший польский патриотизм, называли литвинами. Т. Костюшко был родом из Кобринского повета, Р. Траугутт – из Пружанского, А. Мицкевич – из Новогрудского. Из поветов, где с давних времен не было литовцев, где никогда не звучала литовская речь. Когда среди населения, пользующегося в быту литовским языком, начался процесс консолидации литовской национальности, когда единицы, выходцы из народных слоев, ставшие интеллигентами, начали сохранять литовский язык и даже пропагандировать его использование, одним словом, когда появились литвины, осознающие свою национальную особенность и желающие ее сохранить, термин "литвин" стал иметь этнографический смысл» [9, s. 4].

В. Студницкий указывал, что претензии литовских властей на Виленщину и часть Гродненщины не имели под собой весомых аргументов этнического характера, так как этнические литовцы составляли на этих территориях меньшинство. Молодое государство не претендовало и на земли всего бывшего Великого княжества Литовского, «а только на ту его часть, которую надеялось олитовить». Доводы литовских идеологов о том, что на территории Виленщины и севера Гродненщины проживали «литовцы по происхождению», потерявшие свою этническую идентичность, В. Студницкий считал неубедительными. При этом автор сравнивал данную ситуацию с национальными процессами, происходившими в других частях Европы: «Каждый народ произошел от разных племен, которые в процессе становления нации объединялись, трансформировались, создавали новые единицы, которые несли в себе элементы прошлого. Обратный процесс, распад нации и появление ее составных частей может наступить только в фатальных условиях разделения и подчинения. Представим, что Франция будет разделена между Англией, Германией и Италией, тогда под

влиянием контроля и недопущения французской культуры на ее территории могли бы возникнуть отдельные народы провансальцев на юге, бретонцев на северо-западе. Также и в результате разделения и подчинения Польши были заторможены ассимиляционные процессы, особенно в отношении слоев, у которых в силу их хозяйственного и общественного положения доступ к культуре был затруднен; следовательно, началось развитие отдельного украинского и литовского народов» [9, с. 6–7].

В. Студницкий утверждал, что литовское национальное движение во многом обязано своему развитию политике российских властей, которые с середины XIX в. целенаправленно поддерживали литовскую культуру как противовес польского влияния в крае. Автор приводил солидную аргументацию своей гипотезы. Так, в 1862 г. попечитель Виленского учебного округа А. Ширинский-Шихматов предлагал «усилить жмудскую национальность», которая культивировалась низшими слоями населения и была бы не враждебной в отношении властей. Чиновник призывал «постоянно убеждать крестьян, что они не поляки, а жмудины и литвины, и что Россия не желает их русифицировать, лишь приблизить их интересы к интересам государства» [9, с. 8]. В. Студницкий приводил несколько пространных цитат из материалов российской прессы второй половины XIX в., авторы которых отмечали выгоду развития литовской культуры под контролем властей. Интересно, что гипотезу В. Студницкого разделяет современный исследователь национальных отношений в Европе Т. Снайдер. В частности, ученые подчеркивают, что «российские власти пытались нейтрализовать в Литве польское влияние» и для этого поддерживали «литовское национальное движение, которое возникло на литовской языковой основе» [5, с. 57].

Согласно В. Студницкому, «литовский сепаратизм, спровоцированный антицивилизационной политикой российского правительства», был бы невозможен без активной работы так называемых «литвоманов». Этим термином автор обозначал «людей польской культуры, очень часто чисто польского происхождения, которые вместе с интеллигенцией и полуинтеллигенцией низкого происхождения начинают распространять сепаратизм в отношении Польши, пропагандировать отказ от языка польского в пользу литовского языка» [5, с. 15]. Движению «литвоманов», по мнению публициста, не удалось полностью искоренить пропольские настроения значительной части литовского населения. Об этом свидетельствовало довольно широкое участие литовцев в польских национальных восстаниях XIX в. [9, с. 14].

В работе В. Студницкого был приведен фрагмент отчета руководителя немецкого управления за период с 13 октября 1915 г. по 1 октября 1916 г., в котором идет речь о глубокой укорененности социально престижной польской культуры среди литовского населения и искусственности литовского национального движения: «Литвины являются крестьянами и рабочими, они спокойны, не симпатизируют России, не являются сторонниками великолитовской идеи и не будут ими в будущем, если это не будет искусственно подогрето (агитацией и прессой). Потому что литвин является набожным католиком, католическое духовенство имеет на него значительное влияние. Это духовенство за малым исключением ведет себя по отношению к немецкому управлению осторожно, но не враждебно, и готово оглашать с амвона распоряжения властей. Литовский крестьянин смотрит на землевладельца, говорящего по-польски, как на носителя более высокой культуры. Более богатый крестьянин учится говорить по-польски, чтобы иметь вид интеллигентного человека» [9, s. 16–17]. Далее В. Студницкий приводит рассуждения представителя немецкой оккупационной администрации об искусственности литовского языка (созвучные представлениям автора книги о природе белорусского языка): «Литовский литературный язык, едва возникший в последние десятилетия, является искусственным продуктом. Не существует единого общелитовского литературного языка, в то время как есть много различных диалектов, разница между которыми столь значительна, что восточные литвины не могут понять западных. Эти диалекты переполнены польскими, немецкими и еврейскими заимствованиями» [9, s. 17].

По мнению В. Студницкого, аппарат пропаганды молодого литовского государства работал на всю помощь, чтобы доказать глубокую национальную и социальную враждебность «литовского крестьянина» и «польского пана». Но при этом сама же литовская пресса (автор приводит отрывок из газеты «Laisve» («Свобода»)) признавала факт существования значительного числа «несознательных литовцев, которые до сего времени считают, что поляк и литовец – это одно и то же» [Там же].

В. Студницкий утверждал, что литовская культура находилась на более низкой ступени развития, чем польская культура. В качестве аргумента была приведена статистика книг, вышедших до 1910 г. (более 129 000 наименований книг на польском языке и 1200 наименований книг «примитивного содержания» на литовском языке) [9, s. 11]. По мнению публициста, лишь народы с развитой культурой могли построить государства, обеспечивавшие в их рамках гармоничное существование

менее развитых национальных меньшинств: «В настоящее время, когда Польша как независимое государство имеет государственный аппарат для укрепления национальной цивилизации, пять университетов и многократно возросшее число польских школ, когда потребность в польской книге выросла многократно и рядом с умственным прогрессом грядет возрождение экономики Польши, отрыв от польской нации в пользу литовской нации попросту невозможен. [...] Однако малые и начинающие народы, как литвины и латыши, имеют склонность к национальному ущемлению представителей высшей культуры для недопущения их ассимиляционного влияния. Польша может позволить свободную цивилизационную конкуренцию и предоставить, в рамках своего государства, условия свободного развития литвинам, белорусам, украинцам, латышам и т.п., ибо Польша не боится конкуренции с ними, в то время как те народности, даже в рамках своего государства, боятся свободной конкуренции с Польшей» [9, s. 16].

Рассуждения об оптимальных формах существования Виленской земли в составе Польши содержатся в еще одной работе В. Студницкого, вышедшей в 1922 г., – в книге «Виленская земля». Автор отмечал особую, «сакральную» роль данного региона для польского государства: «Из 387 000 км² польского государства 185 000 км² лежат за пределами так называемой границы Керзона. Это края, без которых невозможно представить развитие польской нации и независимое существование государства. Это края, где польскость укоренена веками и имеет ассимиляционную силу. Виленская земля составляет важнейшую часть Северо-Восточных земель и является наиболее польской. Вильно – это очаг цивилизации, излучающий свет на весь наш северо-восток, как Львов излучает свет на юго-восток» [10, s. 40].

В. Студницкий оставался верен своим представлениям о недопустимости создания федерации Польши и территорий бывшего Великого княжества Литовского. Тем не менее публицист считал, что после включения Виленщины в состав Польши регион должен был получить автономию. Ее компетенции должны были ограничиваться хозяйственной сферой (например, установление налогов и распоряжение всеми налоговыми поступлениями внутри автономии) [10, s. 41–52]. В апреле 1922 г. Виленский край вошел в состав Польши, в 1926 г. на территории края было сформировано Виленское воеводство, не имевшее статуса автономии.

В межвоенный период В. Студницкий продолжил активную политическую и публицистическую деятельность. Он являлся консультантом при Министерстве промышленности и торговли (1922–1926 гг.) и Министерстве иностранных дел (1928–1930 гг.), читал лекции

в Институте торговых и экономических наук в Вильно. В своих книгах и многочисленных публикациях в прессе В. Студницкий отстаивал идею антисоветского союза центральноевропейских государств под руководством Германии и Польши. Так, в передовой статье виленской консервативной газеты «Слово» от 18 мая 1932 г. публицист обвинил левых депутатов французского парламента в советофильстве, выступив за польско-франко-германское соглашение. Оценивая результаты прусских выборов, В. Студницкий писал: «... через два или три месяца решающим фактором в Германии будет А. Гитлер» [3, с. 241].

В годы Второй мировой войны В. Студницкий неоднократно обращался к германским оккупационным властям с просьбой смягчить политику в отношении поляков, прекратить массовые аресты и репрессии. В. Студницкий выступал с инициативой возрождения польской государственности и польской армии, которая вместе с вермахтом должна была сражаться против Советского Союза. Инициативы политика не вызвали одобрения у оккупантов; В. Студницкий на непродолжительное время даже оказался в тюремном заключении. После окончания войны последовало скитание по Европе. С 1946 г. до своей смерти в 1953 г. В. Студницкий проживал в Лондоне. В социалистической Польше все его книги были запрещены.

Таким образом, В. Студницкий являлся одним из наиболее последовательных сторонников идеи культуртрегерской роли поляков на «восточных окраинах». «Неисторические», «неразвитые» в культурном плане народы региона (в частности, белорусы и поляки), по мнению политика и публициста, могли существовать только в рамках польского государства и под опекой поляков. Подобные идеи господствовали в общественно-политической мысли Польши и во многом определили контуры национальной политики в крае в межвоенный период.

Литература

1. Гамулка К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918–1922 гг.). Вільня: Выдавецтва Еўрапейскага гуманітарнага універсітэта, 2008. 256 с.
2. Заметки об истории западнобелорусских земель с древнейших времен до 1939 г. Из собрания П.К. Пономаренко // Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 1466. Оп. 1. Д. 56. Л. 52–58.
3. Зубачевский В.А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века): геополитический аспект. М.: Политическая энциклопедия, 2019. 278 с.
4. Міхалюк Д. Беларуская Народная Рэспубліка 1918–1920 гг.: ля вытокаў беларускай дзяржаўнасці. Смаленск: Інбелкульт, 2015. 496 с.
5. Снайдер Т. Рэканструкцыя нацый: Польшча, Украіна, Літва і Беларусь, 1569–1999 гг. Мінск: Медысонт, 2010. 424 с.

6. Mironowicz E. Białorusini i ukraińcy w polityce obozu piłsudczykowski. Białystok: Trans Humana, 2007. 293 s.
7. Studnicki W. Północno-wschodnie ziemie dawnej Rzeczypospolitej Polskiej. Warszawa, 1919. 27 s.
8. Studnicki W. W sprawie stosunku politycznego Polski do jej ziem wschodnich. Warszawa, 1919. 14 s.
9. Studnicki W. Współczesne państwo Litewskie i stosunek jego do Polaków. Warszawa: Gebethner i Wolff; New York: The Pol. Book Importing Co, 1922. 110 s.
10. Studnicki W. Ziemia wileńska. Wilno: Nakładem i drukiem Ludwika Chomińskiego, 1922. 67 s.

O. G. Kazak

Minsk City Pedagogical College

The problems of the «eastern borderlands» in the assessments of the Polish politician and publicist Władysław Studnicki (1918–1922)

Key words: «eastern borderlands»; *Władysław Studnicki*; *national movements*; *national identity*; *federation*.

The works of the famous politician and publicist W. Studnicki are a shining example of the Polish elite representations about their «civilizational» role in the so-called «eastern borderlands». Still in 1910 W. Studnicki in one of his works refused to recognize Belarusians as a nation with their own culture. The conceptualization of this idea can be traced in the later works of the Polish politician. The main emphasis in the article is made on the analysis of the W. Studnicki work «On the question of the political attitude of Poland to its eastern territories» published in 1919. In this work are presented historical, economic, ideological arguments against the projects of the Federation of Poland, Lithuania and Belarus (in particular, against the concept of W. Kamenetsky). The analysis of the works of W. Studnicki is presented in the context of the concepts of the «eastern borderlands» and the Belarusian issue in particular, which were developed by the Polish political and intellectual elites of that time. It should be emphasized that many representatives of the federalist concept (in particular, T. Hołówko) with regard to Belarusians held the same positions of W. Studnicki, they considered that Belarusians is the “ethnographic mass” that could exist only within the framework of Polish statehood. The ideas about the Kulturträger role of the Poles in the «eastern borderlands» dominated in the socio-political thought of Poland in the period under review.

Восприятие польско-советской войны русской эмиграцией

Ключевые слова: *русская эмиграция; русское зарубежье; польско-советская война; история России; история Польши; Рижский мирный договор.*

В статье представлены несколько основных сюжетов, связанных с восприятием русской эмиграцией польско-советской войны. Во-первых, это выявление и изучение различных точек зрения, сложившихся в эмиграции по отношению к войне. Были рассмотрены три основные позиции: нейтралитет (или неопределенность), патриотизм и пораженчество. Во-вторых, это анализ причин, приведших к такому разнообразию восприятия. Главной из них стало отношение к национальному-государственному строительству, а точнее приятие (частичное или полное) или неприятие самоопределения лимитрофов и территориальных изменений границ будущей России. В-третьих, это исследование не только восприятия, но и его проявления в конкретных действиях эмиграции (письменные протесты, активизм, создание военных формирований, суицидальный эскапизм). В-четвертых, особое внимание уделяется рецепции эмиграцией перемирия и Рижского мирного договора, его условий и возможных последствий для России и русского зарубежья. Отмечается, что не всегда отношение к данным документам коррелировало с отношением к войне.

Прежде чем начать рассматривать проблему, вынесенную в заголовок, необходимо сделать одну оговорку. В годы войны русское пореволюционное зарубежье еще не сформировалось окончательно. Частично мы будем опираться именно на мнение людей, бывших эмигрантами на момент войны, однако многие представители будущего русского зарубежья находились в то время еще в России. Думается, что эту категорию также можно отнести к эмиграции при изучении их мнения о войне.

Летом 1919 г. Польша решила воспользоваться наступлением армий Колчака и Деникина и ослаблением Советского государства в связи с Гражданской войной. Поэтому можно сказать, что независимо от позиции белого генералитета относительно сотрудничества и содействия Ю. Пилсудскому их действия были ему на руку.

Совместные усилия двух армий могли привести к гибели молодой Советской республики. Но этому объединению не суждено было случиться, так как, хотя их ближайшие задачи – свержение большевиков – совпадали, конечные геополитические цели расходились кардинально. Большинство белых являлись сторонниками идеи «неделимости», видели

Россию в границах 1914 г., возможно с небольшими уступками (например, Привислинского края), в крайнем случае предполагали самоопределение Польши, но в «этнографических границах». В то же время польское правительство относило восточную границу страны гораздо дальше на восток. Это и было камнем преткновения, а следовательно, поводом для потенциального конфликта. Как указывает польский исследователь В. Станиславский, правительство адмирала Колчака еще в декабре 1918 г. заявляло, что план полного восстановления Польши неизбежно ведет к конфликту с русской национальной точкой зрения. Пожалуй, единственным, кто отступал от этих концепций, был Борис Савинков [32].

Каждая из трех сторон оказалась меж двух огней. Поляки, оттягивая на себя Красную армию, тем самым могли способствовать победе белых и восстановлению России в границах прежней империи или, по крайней мере, по линии Керзона, то есть вынуждены были бы отказаться от части уже завоеванных земель, что претило националистским планам Пилсудского. И наоборот, поражения белых усиливали натиск красных на польском фронте. Аналогичной (только с противоположными знаками и смыслами) была ситуация и для Белой армии. К августу 1919 г. польские войска контролировали всю территорию Белоруссии, но и Деникин в это время активно наступал, что не соответствовало интересам Польши. Антанта в данной ситуации выступала на стороне Белого движения, подготовив Декларацию о границе Восточной Польши, приемлемую для будущей небольшевицкой России (знаменитая линия Керзона). Попытки договориться ни к чему не привели.

Эти «бодания» белых и поляков были на руку Советской России, поскольку исключали организацию совместных действий противников и позволяли разбить их по очереди. Только такая тактика давала шансы на успех. Командарм М.Н. Тухачевский писал: «Если бы только Польское правительство сумело сговориться с Деникиным еще до его разгрома, если бы оно не боялось империалистического лозунга “Единая, неделимая великая Россия”, то наступление Деникина на Москву, поддержанное польским наступлением с запада, могло бы для нас кончиться гораздо хуже, и трудно даже предугадать конечные результаты. Но сложное сочетание капиталистических и национальных интересов не допустило этой коалиции, и Красной армии пришлось встретиться с ее врагами последовательно, чем значительно облегчилась ее задача» [33, с. 33–34].

По поводу этой ситуации несколько позже, в 1921 г., высказывался эмигрант-сменовеховец С.С. Чахотин. Он считал, что вряд ли лимитрофы заинтересованы в создании серьезной опасности для Советской власти и

ликвидации гражданской смуты в России: «Разве в момент успеха Деникина поляки не заключили внезапного перемирия с большевиками, чем и дали последним возможность всей массой обрушиться на Деникина и раздавить его?» [36, с.190].

Когда же Деникин потерпел поражение, а Антанта начала оказывать поддержку Польше в 1920 г., препятствий для военно-политического союза поляков с белыми не стало. Изменение ситуации привело к корректировке позиций сторон и, как следствие, к сотрудничеству. Когда Красная армия дошла до Варшавы в июле 1920 г., генерал Врангель начал наступление в Северной Таврии, захватив обширные территории, что отвлекло резервы большевиков, привело к разрыву Юго-Западного фронта фактически на три части и спорам в советском командовании, осложнившим переброску войск.

Как полагают некоторые авторы, если осенью 1919 г. политика Ю. Пилсудского привела к поражению белых в их попытках наступления на Москву, то летом 1920 г. наступление П.Н. Врангеля повлекло за собой поражение красных на варшавском направлении (см., например: [6]). Бывший царский генерал и военный теоретик А.А. Свечин писал: «В конечном счете Варшавскую операцию выиграл не Пилсудский, а Врангель» (цит. по: [6]).

Есть мнение, что польско-советская война воспринималась русскими людьми – и теми, кто воевал за красных, и теми, кто выступал на стороне белых, – именно как война с внешним противником. Другая точка зрения – что белые генералы целиком и полностью поддерживали поляков в их борьбе с большевиками. Уже наличие этих двух противоположных позиций дает нам повод сомневаться в их истинности. К тому же, как было отмечено ранее, точка зрения русского генералитета (и не только) могла изменяться под давлением обстоятельств, стратегических целей и тактических задач текущего момента. Разберемся в этом вопросе более детально.

О том, что для эмиграции вопрос был злободневным, свидетельствуют карикатуры и стихотворные фельетоны на тему войны в русской зарубежной периодике. Так, в период поражения поляков на первом этапе войны в эмигрантской газете «Сегодня» были размещены рисунок карикатуриста Civis'a (Цивинского) и стихотворение «Вопросы Пильсудского» Э. Брамса (под старым псевдонимом «Б. Яшин»):

Что день грядущий нам готовит?
Медаль на лбу иль в спину нож?
Кто в смутной Висле рыбу ловит,
Товарищ Троцкий или Фош?
Найду ли снова равновесье

Иль над собой поставлю крест?
Поеду ль чрез леса Полесья,
На спор о мире в польский Брест?
Придет ли помощь в час последний
Иль мне изменит мой кумир?
Или сидеть и ждать в передней,
Пока Чичерин даст мне мир?
Зачем я не увяз в болотах,
Зачем я не погиб в бою?
К чему в позорных, лживых нотах
Мне панихиду петь свою?
Сгнию ли на фронтах Варшавы,
В застенках Петерса сгнию ль?
Или вернет мне август славу,
Что вырвал сумрачный июль [25].

Русские газеты и журналы не только публиковали карикатуры собственных авторов, но и перепечатывали рисунки из зарубежной печати. Так, в русском сатирическом журнале «Бич» только за 1920 г. появилось девять карикатур на тему польско-советской войны. Интересно отметить, что на рисунках русских эмигрантов высмеивались поражения Красной армии, ее бегство из Варшавы, иногда отражалось примерное равенство сил. Из политических деятелей в сатирических произведениях, посвященных войне, фигурируют Л. Троцкий, А. Иоффе (карикатуры, посвященные Рижскому миру), И. Подаревский, С. Буденный, Ю. Пилсудский, П. Врангель.

Посол во Франции В.А. Маклаков в апреле 1920 г. писал Б.А. Бехметеву, что польский вопрос – самый важный вопрос, по которому среди русских нет единодушия и где будет нужна отчетливая, а не вялющая политика [30, с. 200].

В среде эмиграции можно выделить три основные позиции: не определившиеся (или занявшие нейтральную позицию), патриоты и пораженцы. В воспоминаниях подпоручика В.С. Гвоздева, участника Белого движения на юге России, очень четко зафиксированы эти настроения среди офицерства, служившего под началом Деникина. Вот что он пишет о времени вторжения Польши в РСФСР: «Польша, не объявляя войны, неожиданно двинула свои войска на восток против советского государства. И ее войска, легко преодолевая сопротивление Красной армии, уже через две недели захватили Киев и даже переправились через Днепр. Это привлекло всеобщее внимание. Заговорили о "собирателе" Пилсудском, который хотел владеть землями "от моря до моря" – от Данцига до Одессы, которые в границы новой

объединенной после векового раздела Польши хотел включить и Белоруссию, и Правобережную Украину. Среди наших офицеров встречались и такие, кто откровенно радовался успехам поляков, злорадствовал в адрес большевиков и их незадачливой армии. Иные молчали, не рискуя отдать свои симпатии ни той, ни другой стороне. У большинства же офицеров заговорили национальные чувства. Они болезненно восприняли поражение России, радовались, когда Советам удалось остановить наступление, а Первой конной армии обратить поляков в бегство...» [9].

Некоторые эмигранты не были уверены в том, что важнее и правильнее для них (и России) – победа или поражение Польши. Так, бывший министр иностранных дел С.Д. Сазонов, в то время состоявший на службе у Деникина, признавался, что у него сердце разрывается на части при мысли: «желать ли потерь полякам или большевикам» [15]. Не всегда нейтралитет, который держали те или иные деятели, обусловлен неуверенностью. Для некоторых это был вопрос политический и стратегический. Так, Б.А. Бахметев рекомендовал П.Н. Врангелю остаться в советско-польском конфликте безучастным и нейтральным [30, с. 302]. Генерал не последовал этому совету.

Часть эмигрантов заняла патриотическую позицию, исходя из государственных и национальных интересов России. Они понимали, что на тот момент на Родине не было другой власти, которая могла бы их отстаивать, в том числе и в польском вопросе.

Б.А. Бахметев в июле 1920 г. указывал, что Польша, воспользовавшись ситуацией для нападения на Россию, вызвала дезориентацию и подъем ложного патриотизма среди русского народа. Он не конкретизирует, кого конкретно имеет в виду под русским народом: тех, кто остался в Советской России или кто вел с ней борьбу в Белой армии и эмиграции.

Подобная позиция была характерна прежде всего для консерваторов [12, л. 18]. Вот как виделась она В.А. Маклакову: «Сохранить Россию как государство для меня всего важнее, сохранить единство России и ее международное положение есть мой патриотический долг. Всякое вмешательство иностранцев в русские дела, отторжение от России известных ее частей и т.д., все это вещи, которые претят моему национальному чувству» [30, с. 303].

События апреля – мая 1920 г. еще больше усилили тенденции к национальному сплочению. Это нашло отражение в письме генерала А.А. Брусилова начальнику Всероссийского главного штаба Н.И. Раттелю [20] и в его воззвании, подготовленном совместно с другими бывшими царскими генералами, «Ко всем бывшим офицерам, где бы они

ни находились» [21] с призывом во что бы то ни стало отстоять Россию и не допустить ее расхищения, иначе она может безвозвратно пропасть. Советская власть не могла не воспользоваться таким великолепным агитационно-пропагандистским материалом и опубликовала его в «Правде» и других советских газетах, разбрасывала в виде листовок на позициях войск Врангеля.

А.А. Брусилов писал в воспоминаниях о мотивах этих документов: «Я хотел что-нибудь предпринять, чтобы оградить Россию от Польши, вместе с тем возбудить в армии национальный дух, вернее, расшевелить национализм» [4, с. 270]. Он переживал, что белогвардейцы воевали фактически совместно с поляками: «Для меня было непостижимо, как русские, белые генералы ведут свои войска заодно с поляками, как они не понимали, что поляки, завладев нашими западными губерниями, не отдадут их обратно без новой войны и кровопролития. Как они недопонимают, что большевизм пройдет, что это временная, тяжелая болезнь, наносная муть. А поляки, желающие устроить свое царство по-своему, не задумаются обкромсать наши границы. Я думал, что пока большевики стерегут наши бывшие границы, пока Красная армия не пускает в бывшую Россию поляков, мне с ними по пути. Они сгинут, а Россия останется. Я думал, что меня поймут там, на юге. Но нет, не поняли!..» [4, с. 270–271]. Однако в Белой армии и в эмиграции не все верили в искренность слов генералов, оставшихся в России, полагая, что их купили или вынудили написать данные документы.

Логичным продолжением этих обращений стал декрет Совнаркома от 2 июня 1920 г. «Об освобождении от ответственности всех белогвардейских офицеров, которые помогут в войне с Польшей». Он гласил: «Все те бывшие офицеры, которые в той или другой форме окажут содействие скорейшей ликвидации остающихся еще в Крыму, на Кавказе и в Сибири белогвардейских отрядов и тем облегчат и ускорят победу рабоче-крестьянской России над шляхетской Польшей, будут освобождены от ответственности за те деяния, которые они совершили в составе белогвардейских армий» (цит. по: [35, с. 106]). Это возымело определенный эффект. Переход белых на сторону красных во время польско-советской войны можно называть активным проявлением патриотической позиции.

Представители русского зарубежья собирали агентурные данные, поступавшие из России, анализировали их, приходили к заключению, что «успехи на польском фронте, создавая угрозу выхода Красной армии к границам Германии, Чехословакии, Венгрии, должны были по расчетам большевиков еще больше упрочить политическое положение Советской России и облегчить большевикам их агитационно-пропагандистскую

деятельность в Западной Европе. И действительно, победы на польском фронте имели весьма крупное значение и своими дипломатическими успехами в Лондоне – большевики были обязаны больше Красной Армии, чем Каменеву и Красину» [13, л. 22–23].

Ряд эмигрантских газет, а также посол в США Бахметев отмечали определенную взаимосвязь советско-английских отношений с ситуацией на польском фронте. Последний полагал, что в тот момент всякая внешняя война была выгодна большевикам, особенно если Европа ставит воюющих в условия, когда приходится защищать Россию как таковую, и напротив, бездействие убийственно для большевиков, так как заставляет вернуться к внутренним проблемам. Он не был уверен в возможности заключения мира в ближайшее время, но в то же время осознавал, что, если большевики пойдут на перемирие, «Европа должна понять, что причиной этому является не добрая воля большевиков, а их боязнь растущего национального сознания. В этом случае условия перемирия должны отделить большевиков от националистов и поставить большевизм объективно в такие условия, которые способствовали бы наискорейшему его разложению» [30, с. 220]. Что касается Польши, то в этой ситуации Европе следовало, по его мнению, гарантировать неприкосновенность границ с Запада: «Перемирие с большевиками должно обезопасить их от красных вторжений, а мудрая позиция Врангеля указывает пути для будущего» [30, с. 221]. В случае если большевики не согласятся на перемирие, писал он, им грозят военной помощью Польше. Бахметев скептически относился к этому, поскольку такая позиция являлась бы фактическим объявлением Западом войны России и только усилила бы единство национальных элементов с большевиками и привела бы Красную армию к новым победам [30, с. 221].

Что касается русского национального движения, то наиболее правильной Бахметеву представлялась следующая позиция: «Мы всегда были и продолжаем быть против переговоров с большевиками. Однако переговоры эти – факт, который мы бессильны изменить. С ним надо считаться и использовать в наивысшей мере. В случае, если большевики пойдут на перемирие, я думаю, не следовало бы противиться тому, чтобы одним из пунктов соглашения явилась разграничительная черта на Юге» [30, с. 221]. В этой ситуации, в отличие от многих других деятелей эмиграции, он опасался лишь одного: что большевики не пойдут на мировую. Собственно говоря, так и произошло в тот момент, но дипломат не учел другого фактора – польского национального движения, которое, по сути, и изменило ситуацию.

Обсуждались эмиграцией и разногласия среди советских

политических деятелей по вопросу войны и дальнейших внешнеполитических целей. «Правые (Чичерин, Луначарский, Карахан, Горький, Каменев, Красин и др.) указывали, что разгром Польши, противоречащий лозунгу самоопределения народов, провозглашенному Советской властью, вызовет новые нападки на советскую власть и усилит агитацию против большевизма не только со стороны буржуазии и Европы, но и со стороны умеренных социалистов. В самой же Польше Россия получит лишь новый ненадежный район, т.к. поляки в массе своей еще не изжили национального шовинизма. Луначарский предупреждал также, что увлечение наступлением может привести к серьезной интервенции и активной поддержке Южно-Русского правительства». Судя по всему, указывалось далее в вышеупомянутых аналитических материалах, СНК это не принял во внимание и продолжил военные действия, ограничившись западными границами Польши, то есть намереваясь не подталкивать революцию в Германии, а добиться дипломатических уступок со стороны Антанты, экономических связей с Европой, а может быть, и официального признания [13, л. 23–24].

Интересен вывод В.А. Маклакова в ноябре 1920 г., касавшийся взаимоотношений с лимитрофами, в том числе с Польшей: «Словом, совершается как будто бы объединение прежней России большевистскими руками, что в некоторых политических слоях вызывает сочувствие к большевизму» [30, с. 281–282]. И если здесь еще есть слово «как будто», то в декабре 1920 г. он прямо пишет: «В настоящее время национальная русская программа во внешней политике осуществляется именно большевиками» [30, с. 299]. Возможно, рассуждает он, это политический маневр, но доказательства налицо: «Они протестовали против удержания Бессарабии Румынией и грозят Румынии войной; они объявят Польше войну, очевидно, на почве Рижского договора. Они сейчас захватили уже в свои руки и Азербайджан, и Армению, завтра захватят и Грузию. Наконец, их сближение с Литвой стоит на очереди, и я не удивлюсь, если то же произойдет и с Прибалтикой. Большевики сейчас осуществляют единство России; вот факт, который всем бросается в глаза» [30, с. 299].

Как видно из источников, не только эмигранты, но даже белогвардейцы, находившиеся в то время на территории России и понимавшие, что победа Советов приведет к переброске Красной армии на Юг, нередко выказывали национальную общность, по сути, со своим противником – большевиками. Е.Д. Борщукова считает: «Это дает основание утверждать, что в период Гражданской войны имели место случаи, когда над классовым противоборством, над классовой ненавистью возвышалось более сильное чувство – чувство любви к

соотечественникам, чувство сопереживания с ними, что, по существу, представляет собой одну из сторон патриотизма» [3, с. 48].

Были и те, для кого в приоритете было именно поражение большевиков, в том числе с возможными уступками Польше, диапазон которых был достаточно широким: от культурной, языковой или даже административной «автономии» польских земель до признания независимости Польши. Современный польский автор В. Станиславский пишет, что сторонниками независимости были главным образом кадеты. Они в принципе были согласны с территориальными переменами и уменьшением Российского государства в его границах, но предупреждали, что такого рода решения могут быть приняты лишь Учредительным собранием или другим представительством российского общества. Правда, оговаривается он, уступки эти не соответствовали польским чаяниям и ограничивались территорией бывшего Царства Польского. «Ни одна политическая группировка русской эмиграции (за исключением сторонников Савинкова) не смирялась с потерей земель “Междуморья”, населенных “русскими племенами”...» [31].

Последние (савинковцы) не просто отстаивали данную точку зрения, но выступали за военное сотрудничество с Польшей, создание военных формирований для ее защиты. Мы не будем подробно писать о русских военных формированиях, выступавших в войне на стороне Польши, так как этот вопрос уже достаточно полно, на наш взгляд, освещен в современной литературе (см., например: [1, с. 27–29]). Нам важно отметить их наличие, поскольку это не просто некая точка зрения на польско-советскую войну, а активная позиция, реализованная на практике.

Одним из сторонников поддержки Польши и идеологом движения савинковцев был Д. Философов, который писал в это время: «У нас один враг – большевики!» [16, с. 9]. Надо отметить, что он, так же как и Д. Мережковский с З. Гиппиус, эмигрировал в Варшаву, по свидетельству очевидца Э. Войнилловича, с девизом: «Россия в одиночку восстать и возродиться не сможет. Мы нуждаемся в новых варягах, и этими варягами должны быть поляки, они должны бить большевиков, победить Москву, Россию организовать и осуществить федерацию славянских народов. Если Польша не осуществит историческую миссию сейчас, никогда этот момент не повторится, и России придется упасть в объятия Германии, которая затем вместе с Россией раздавит и Польшу» [34, с. 305–306]. Киевская операция в апреле 1920 г. вызвала у всех троих большой энтузиазм. Д. Мережковский писал: «С польскими знаменами должно соединиться русское; русское войско с польским... Если есть начало русского войска в Польше, – хоть бы малое, то пусть оно не будет

тайным. Пусть оно будет явным. И пусть благословит Польша русское знамя: за нашу и вашу свободу. Пусть скажет Польша русскому войску: на вашего и нашего врага – с Богом» [19].

Осенью 1920 г. Д. Мережковский написал статью «Смысл войны», в которой анализировал развитие событий и сложившуюся ситуацию. Главной ошибкой, по его мнению, был неясный политический, национальный и всемирный смысл войны – с кем Польша воюет: с большевиками или с Россией. И продолжал: «Для нас русских, ответ был лучезарно-ясен. Если большевики злейшие враги, убийцы России, то война с ними – война не с Россией». Однако, исходя из указанного нами выше, надо оговориться, что не для всех русских этот ответ был так ясен, как для Мережковского и других пораженцев. Он ждал, что в скором времени польское общество определится с выбором: «Оставаться на призрачной границе этнографической Польши, "линии Керзона" и заключить мир с Советским правительством; или переступить за эту границу, вести войну до конца свержения Советского правительства и мира с освобожденной Россией». Он предупреждал, что при заключении мира надо избегать двусмысленности. «Если смысл войны ясен, то ответ прост. Большевики – враги России; мир с ними – с нею война; с нею мир – война с ними» [19].

Одним из ярких представителей пораженчества был Б. Савинков. Он писал: «Польский орел “нам, русским патриотам”, почти так же близок, как русский» [17]. Как считал его польский соратник К. Вендзягольский, его целью было «показать, что борьба молодой Польской республики с большевизмом – это борьба за судьбу и свободу Европы, а может быть, и демократии всего мира. Указание на оборонную войну давало Савинкову возможность говорить о проблеме русско-польского согласия как об историческом вопросе, чрезвычайно важном и неотвратимом ввиду большевицкой агрессии» [8, с. 152].

Наиболее емко позицию пораженцев отражает «Программа Русского Политического Комитета в Варшаве». В ней указано, что политический смысл русской революции заключается не только в падении самодержавия, но и в утверждении принципа самоопределения народов во всей его полноте. Только этим принципом может быть разрешен спор России и Польши: «Пока Россия и Польша не откажутся от того, что они завоевали мечом, от границ 1914 и границ 1772 г.г., и пока все спорные области не будут подвергнуты честному плебисциту, до тех пор не будет достигнуто славянское единение, до тех пор ни Польша не будет сильною, ни Россия истинно свободной, т.е. не насилующей и не насилуемой» [22].

Большинство представителей русской эмиграции не принимали

позиции «полонофильства» савинковцев. В.А. Маклаков, стараясь разобраться в вопросе, охарактеризовал ее следующим образом: «... для нас нет худшего врага, чем большевизм, и мы против большевиков пойдём с кем угодно, не только с чертом, но и с Румынией и поляками; дадим кому угодно независимость, потом все это образуется, но сейчас будем их бить всеми мерами, всеми способами, ничего не щадя...» [30, с. 302–303]. Идея контрбольшевистского реванша с помощью Польши не покидала Б. Савинкова еще несколько лет. В 1922 г. он и Н. Чайковский от имени Народного союза защиты Родины и свободы написали ноту на имя Уинстона Черчилля, в которой в числе прочего указывали, что необходимо заключить военное соглашение с Польшей и Финляндией против большевиков, привлечь к этой борьбе армию Деникина [11, л. 1–3].

Еще одной формой протеста против большевистского продвижения в Польшу стал суицидальный эскапизм. Есть в русской эмиграции своя легенда: в воспоминаниях Свитыча и Моисеева говорится о самоубийстве капитана Николая Ивановича Дроздовского при известии о вторжении Красной армии в пределы Польши [31].

Особого изучения заслуживает отношение эмиграции к перемирию 12 октября и последовавшему за ним Рижскому мирному договору. 13 октября 1920 г. представитель швейцарского отделения Русского общества Лиги Наций, бывший российский посланник в этой стране И.Н. Ефремов подал записку на имя IV Миланского конгресса унии с протестом против будущего подписания Рижского договора. Он писал, что русские люди никогда не признают законными международные соглашения, заключенные силами, захватившими Россию, которые удерживают ее лишь благодаря террору. Но дело было не только в том, что договор подписан советской властью, не признаваемой эмигрантами: «Русская Ассамблея выражает в то же время сожаление, что Польша, член Лиги Наций, считается с властью, которая не принимается в обществе цивилизованных людей. Польша использовала эту ситуацию, чтобы присвоить себе земли, заселенные в основном русскими людьми» [14, л. 1–1 об.].

После окончания основных военных действий и подписания перемирия, но еще до заключения мирного договора, в ноябре 1920 г., В.А. Маклаков высказывал мысль о возможности продолжения большевиками войны с Польшей, отмечая, что их шансы очень возросли. Хотя допускал, что Советы могут выбрать румынское направление для возвращения в Бессарабию [30, с. 281–282].

Несмотря на то, что после подписания перемирия Д.В. Философов с восторгом отзывался о гении Пилсудского, предводителя нации и

польского народа [24], для него, Савинкова, Мережковского и Гиппиус мирные переговоры стали ударом, а сам документ – разочарованием. И тому был целый ряд причин: во-первых, они надеялись на полную победу Польши в войне, которая приведет к дальнейшей смене власти в России, во-вторых, как уже указывалось ранее, для них мир с большевиками означал войну с национальной Россией, в-третьих, по условиям договора они не могли продолжать свою активную антисоветскую деятельность в Польше и вынуждены были покинуть ее.

Меньшевики выступали за дипломатическое признание Советской России, предотвращение интервенции и восстановление экономических связей с другими странами. В признании советского правительства, РСФСР они видели «важный дипломатический акт и отказ от вмешательства в дела России, а отнюдь не моральное признание этого правительства. Поэтому РСДРП не возражала против Рижского мира, несмотря на резкие обвинения со стороны других демократических групп, особенно кадетов, в том, что этим партией поддерживается политика расчленения России» [5, с. 141–142].

Вопрос об отторжении иностранными державами отдельных частей российских государственных территорий рассматривался на Парижском совещании членов Учредительного собрания в 1921 г. Исполнительная комиссия уделила значительное внимание критическому анализу советско-польского договора [18, с. 18–19]. На страницах периодической печати представители русского зарубежья высказывали надежду, что на предстоящих международных конференциях будет отмечен временный характер установленных границ и они не будут закреплены юридически (см., например: [23]).

И.Н. Ефремов считал, что верить в искренность мирных намерений большевиков на переговорах нельзя, поскольку их цель – мировая революция. Описывая войну, он отмечал: «Военная опасность познала в Польше национальное чувство и патриотизм; перемирие их ослабит и пропаганда станет успешнее. Красная Армия, удалившись от своей базы, стала слабой; польская, придя в свою этнографическую территорию, стала сильнее. Большевики умело используют ошибки противников... Победы Врангеля во время польского отступления доказывают, что Красная Армия далеко не так сильна, как кажется на польском фронте и вероятно быстрое отступление поляков зависит более от разложения польской армии...» [10, л. 5–6]. Он полагал, что перемирие Советов с Польшей будет неискренним, большевистская пропаганда в этой стране продолжится: «Троцкий недаром сказал, что Польша должна быть не барьером, а мостом для движения коммунистической революции на Западе. Пропаганда эта настолько успешна, что по имеющимся

сведениям польская армия действительно очень деморализована и оказывала слабое сопротивление Красной Армии» [10, л. 8] (оговоримся, что написано это было в самом конце июля 1920 г.). Возвращался к вопросу советско-польских отношений и Рижского договора он и позже, в 1923 г., в беседе с чешским посланником Флидером. Когда тот спросил его, что он думает о наличии национального и патриотического чувства у советских правителей, Ефремов ответил, что «Советы лишь играют на этом чувстве, пока это им выгодно, но предают интересы России, как только видят в таком предательстве свою выгоду. Так было при заключении мира с Польшей» [10, л. 14–15].

Накануне Рижской мирной конференции, на которой РСФСР представлял А.А. Иоффе, Э. Брамс опубликовал в рижской эмигрантской газете «Сегодня» стихотворный фельетон под названием «Пока Иоффе едет в Ригу...», где наглядно отражаются представления эмиграции о целях и интересах советских и зарубежных политических деятелей:

Пока советскую конницу
Под Львовом будит Буденный,
Пока белый за красным гонится,
Не догнав его до сих пор...
Пока Ленин спешит к катастрофе,
Разрушая последние троны....
Пока миротворец Иоффе,
Едет в Ригу на мирные споры...
В это время Ллойд-Джордж в Люцерне
Кричит о попранном праве,
Кричит о советской скверне
И шлет протесты в Москву;
А Троцкий мечтает о Польше
Он еще не забыл о Варшаве,
Он думает взять еще больше,
Чтоб увидеть рай наяву:
Чтоб увидеть в древних Афинах
Воровского в белой тоге;
Чтоб мог честнейшей Литвинов
В колеснице въехать в Рим;
Чтоб Вильгельм пошел в Советы;
Вильсон открыл чрезвычайку;
Чтоб Маркс возмечтал о погроме
И назвал его «красная новь»;
Чтоб Бурцев пошел в притоны

И набрал там разбойничью шайку,
И под плачь матерей и под стоны,
Проливал буржуйскую кровь... [26]

По мнению большинства эмигрантов, признание территориальных границ по Рижскому договору было государственной изменой, в лучшем случае оно считалось следствием наивности и безответственности [7]. Вот что писал простой русский студент, учившийся в Познани: «Рижский мир мы восприняли как то, что нас оставили с носом» [32]. Польский исследователь В. Станиславский указывает: «Рижский же договор был в глазах эмиграции как бы дважды неправомочным: во-первых, он закреплял переход земель, принадлежавших России, под власть иностранной державы (Польши); во-вторых, власти Польши подписали его с “узурпаторами”. Если подпись большевиков под договором рассматривалась как еще одна “государственная измена”, то Польше в этом политическом преступлении выпала роль соучастника, притом действовавшего умышленно, если принять во внимание укорененный среди русских миф о польском “Drang nach Osten”» [31]. Поэтому эмиграция выступала за пересмотр Рижского договора. Как считает вышеупомянутый автор, «радикальные круги эмиграции могли подорвать холодные, но приличные польско-советские отношения, поэтому намерения и действия такого рода рассматривались властями Польши как угрожающие польским государственным интересам». А поскольку «такого рода потенциально опасного “ревизионизма” (в отношении Рижского договора) и/или “радикализма” (в отношении СССР) придерживается подавляющее большинство “белых эмигрантов” в Польше, власти относились к ним в целом недоброжелательно» – они ограничивались в ряде прав и свобод (передвижения, создания политических партий). Отношение к ним, в свою очередь, влияло на аполитичные массы, которым польское правительство не оказывало помощи, в отличие от большинства европейских стран. Над русскими установили усиленный контроль, за ними шла слежка [31].

Осознавала эмиграция и то, что подписание Рижского договора приведет к переброске сил красных и существенно ухудшит положение белых. Вот еще один пример творчества эмигрантов, посвященный мирному договору и его возможным последствиям.

Иоффе

Ты хочешь знать, зачем теперь
Я заключаю мир – поверь,
Что это только передышка.
Пройдет зима, к концу зимы
Еще сильнее станем мы –

Тогда поляку будет крышка.
Подпишем в Риге договор
И обратим наш светлый взор
Туда, где Врангель скрылся в бесте.
Что договор – бумаги лист,
То знает каждый коммунист
С тех пор, как мир подписан в Бресте [2].

Как видно из фельетона, эмиграция понимала всю возможную тяжесть последствий для белого дела, кроме того, предполагала, что это лишь временная передышка и уловка, а позже война будет продолжена. Аналогичную мысль высказывал и В.А. Маклаков: «Долгое время нам казалось, что готовность большевиков подписывать какой угодно договор о расчленении России лишит их права говорить о национализме и патриотизме ... однако очень скоро оказалось, что все те договоры, которые большевики подписывают, их ни в чем не стесняют; все скоро поняли, что хотя это очень плохо характеризует их с моральной стороны, что в договорных отношениях с ними надежда на святость данного слова есть сущая ложь, но что если они проиграли со стороны моральной, то они столько же выиграли со стороны национальной и политической» [30, с. 302].

На временный характер договора и продолжение войны в скором времени надеялась и правая русская оппозиция. В ее понимании нападение РСФСР на Польшу должно было вызвать реакцию Германии и неминуемо привести к военному вмешательству западных держав в российские дела. Такого развития событий очень опасался Б.А. Бахметев. Он считал, что это стало бы концом национальной России на много десятилетий. Однако Кронштадтское восстание и народное движение в России в значительной степени подорвали возможность вооруженного нападения большевиков на Польшу, что избавило как Европу, так в конечном счете и Россию от весьма больших осложнений [30, с. 326–327].

Подводя итог, отметим, что в своем отношении к польско-советской войне русская эмиграция разделилась на несколько лагерей: патриоты, пораженцы и не определившиеся или занявшие нейтральную позицию. Причем, если можно так выразиться, степень патриотизма и пораженчества также была разной. Выбор был связан, прежде всего, с позицией эмиграции и ее отношением к национально-территориальным границам будущей России и судьбе лимитрофов. Вторым фактором являлось отношение к большевикам, а точнее к советской внешней политике. Но этот фактор влиял в меньшей степени, так как большинство представителей русского зарубежья были уверены

в краткосрочности нового политического режима. Интересно отметить, что отношение к Рижскому договору не всегда напрямую коррелировало с той позицией, которую эмигранты занимали в отношении войны.

Литература

1. Алексеева Д.Ю. Б.В. Савинков и русские вооруженные формирования в Польше в 1920–1921 гг.: дис... канд. ист. наук. СПб., 2002.
2. Бич. 1920. № 11.
3. Борщукова Е.Д. Патриотизм в понимании противников власти Советов. По материалам альманаха «Белая армия. Белое дело» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 89. С. 43–50.
4. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2004. 446 с.
5. Волин С. Меншевизм в первые годы НЭПа // Меншевики после Октябрьской революции: сб. ст. и воспоминаний. Venson, 1990. С. 103–174.
6. Волынец А. Советско-польская война 1920 года // Русская планета. URL: <https://rusplt.ru/society/education/world/sovetskopolskaya-voyna-1920-goda-18762.html>.
7. Воля России. 1925. № 1.
8. Вендзягольский К. Савинков // Новый журнал. 1963. № 72. С. 168–197.
9. Гвоздев В.С. Трудное начало (Воспоминания) // Белая армия. Белое дело. 2008. № 16.
10. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5760. Оп. 1. Д. 50.
11. ГАРФ. Ф. 5872. Оп. 1. Д. 22.
12. ГАРФ. Ф. 5893. Оп. 1. Д. 68.
13. ГАРФ. Ф. 6215. Оп. 1. Д. 7. Л. 22–23.
14. ГАРФ. Ф. 7436. Оп. 1. Д. 5.
15. Два генерала (к психологии ГВ) // Голос минувшего на чужой стороне. 1926. № I/XIV. С. 189–199.
16. Dymitri Filosofow. Pisma wybrane // Wybor i opracowanie: P. Mitzner. T. 2: Rosjanin w Polsce (1920–1936). Warszawa, 2015. 510 s.
17. За свободу. 1921. 1 января.
18. Кошкидько В.Г., И.В. Чубыкин. Парижское совещание членов Учредительного собрания 1921 г. (на материалах Пражской коллекции ГАРФ) // Зарубежная Россия. 1917–1939 гг. СПб., 2000. С. 16–20.
19. Мережковский Д.С. Смысл войны // За год: сборник статей и материалов. Варшава, 1921. URL: <http://www.mochola.org/russiaabroad/smyslvoiny.htm>.
20. Правда. 1920. 7 мая.
21. Правда. 1920. 30 мая.
22. Программа Русского Политического Комитета в Варшаве. URL: http://www.mochola.org/russiaabroad/rpkpl_prog_2.htm.
23. Руль. 1921. 1 февраля.
24. Свобода. 1920. 14 октября.
25. Сегодня. 1920. 25 июля.
26. Сегодня. 1920. 12 сентября.
27. Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша: русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925). 2-е изд., М., 2013. 368 с.

28. Симонова Т.М. Белые формирования в Польше («отряд русских беженцев») в 1919–1921 гг. // Новая и новейшая история. 2012. № 4. С. 39–57.
29. Симонова Т.М. Несостоявшиеся победы: русские формирования в Польше (1919–1924) // Россия XXI. 2012. № 2. С. 24–53
30. «Совершенно лично и доверительно!»: Б.А. Бахметев – В.А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. В 3 т. М., 2001. Т. 1. 568 с.
31. Станиславский В. Жизнь на обочине. Русская эмиграция на землях Второй Речи Посполитой // Новая Польша, 2006. № 7–8(77). С. 91–96. URL <http://a-pesni.org/grvojna/bel-emigr/a-ziznnaob.php>.
32. Станиславский В. Русская эмиграция в Варшаве // Новая Польша. 2002. № 5(31). С. 17–22. URL: <http://a-pesni.org/grvojna/bel-emigr/a-wawa.php>.
33. Тухачевский М.Н. Поход за Вислу. М., 1923. С. 33–34.
34. Хжонц П. Несбывшиеся двадцать лет. Польские годы Дмитрия Философова // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2016. № 6. С. 304–313.
35. Цветков В. Как Врангель и Ленин чуть не объявили войну Англии // Родина. 2011. № 2. С. 103–107.
36. Чахотин С.С. В Каноссу // Политическая история русской эмиграции. 1920–1940 гг. Документы и материалы. М., 1999. С. 190–195.

A.V. Uriadova

P.G. Demidov Yaroslavl State University

The Perception of the Soviet-Polish war by Russian emigration

Key words: Russian emigration; Russia abroad; Soviet-Polish war; Russian history; history of Poland; Riga Peace Treaty.

The article presents several major lines related to the perception of the Russian emigration of the Soviet-Polish war. Firstly, this is the identification and study of various points of view that have developed in exile towards to the war. Three main positions were identified: neutrality (or uncertainty), patriotism and defeatism. Secondly, it is an analysis of the reasons that led to such a variety of perceptions. The main one was the attitude to national-state building, or rather, the acceptance (partial or full) or rejection of the self-determination of the Limitrophs and territorial changes in the borders of future Russia. Thirdly, this study is not only about perception, but also its manifestation in specific actions of emigration (written protests, activism, the creation of military units, suicidal escapism). Fourthly, special attention is paid to the reception by emigration of the truce and the Riga Peace Treaty, its conditions and possible future consequences for Russia and the Russian emigrants. It is noted that the attitude to these documents was not always correlated with the attitude to the war.

СЕКЦИЯ № 2

«ГЕРОИ, НА ВАРШАВУ!»: СОВЕТСКИЙ ПОХОД НА ЗАПАД

Н.Н. Мезга

Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины

УДК94:327.5(470+438)«1920»:94(476)«1920»

Поход Красной армии на Варшаву летом 1920 года и Беларусь

Ключевые слова: польско-советская война; Советская Россия; Польша; БНР; второе провозглашение ССРБ; мировая революция; поход Красной армии на Варшаву; польско-белорусские переговоры.

В статье показано, что возобновление активных военных действий на советско-польском фронте весной 1920 г. привело к активизации политики как Советской России, так и Польши на белорусском направлении. После перехода польской армии в наступление на Украине советское руководство было занято поисками антипольских союзников и в связи с этим пошло на контакты с правительством БНР В. Ластовского. В статье доказывается, что в условиях успешного наступления Красной армии летом 1920 г. интерес к сотрудничеству с БНР у Москвы исчез. Кроме того, данное сотрудничество невозможно было совместить и с заключением мирного договора РСФСР с Литвой, поскольку он предусматривал передачу последней белорусских территорий. Обосновано положение, согласно которому по мере продвижения Красной армии к Варшаве белорусская политика большевистского руководства определялась прежде всего стремлением превратить территорию Беларуси в плацдарм для распространения на запад социалистической революции. Чтобы получить более широкую поддержку той части населения Беларуси, которая уже укрепилась в желании создать собственное государство, большевики пошли на второе провозглашение ССРБ. Однако в силу поражения Красной армии под Варшавой Советская Беларусь не смогла сохраниться в границах, которые были определены в момент ее провозглашения. В ходе переговоров в Риге советская делегация шла на территориальные уступки за счет Беларуси. При характеристике политики Польши по отношению Беларуси в статье сформулирован вывод об отсутствии у польских правящих кругов намерения оказать реальное содействие созданию Белорусского государства. Весной 1920 г. польское правительство сделало отдельные шаги в направлении сотрудничества с белорусским национальным движением. Однако на большее, чем создание белорусской национально-культурной автономии, поляки не соглашались. Во время переговоров в Риге они окончательно

перешли на позиции инкорпорации, что вело к разделу белорусских земель по Рижскому договору.

Весной 1920 г. Советская Россия и Польша готовились к возобновлению активных военных действий. Данное обстоятельство подталкивало оба государства к поиску союзников. И Москва, и Варшава были не против использовать в своих интересах белорусское национальное движение, а также заручиться поддержкой населения Беларуси, учитывая, что ее территория являлась важным участком театра военных действий польско-советской войны. Правительство Советской России принимало во внимание, что в белорусском национальном движении имеется сильное антипольское направление, руководящим центром которого стало правительство В. Ластовского. Белорусские социалисты-революционеры к тому времени уже зарекомендовали себя как сила, способная создать мощное партизанское движение в тылу польских войск на территории Беларуси. 8 марта Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о необходимости развития партизанского движения в польском тылу [17]. И в этом вопросе можно было найти точки соприкосновения с белорусскими национальными силами. Кроме того, через налаживание контактов с белорусским движением правительство В. Ленина рассчитывало лишить Польшу возможности выступать перед международным сообществом в роли протектора по отношению к национальным движениям на окраинах России, что давало возможность дискредитировать польскую политику в глазах Запада [15, л. 65].

При этом шансы добиться поддержки со стороны белорусских деятелей у руководства Советской России имелись достаточно большие. И связано это с той политикой, которую проводили польские власти по отношению к Беларуси. А. Луцкевич во время встречи с Ю. Пилсудским 3 января 1920 г. объяснял раскол Рады Белорусской Народной Республики (БНР) 13 декабря 1919 г., когда ее большинство выступило против сотрудничества с Польшей, тем, что позитивное отношение к Польше не дает никаких реальных «результатов для белорусского государственного дела» [2, с. 4]. Правительство В. Ластовского на международной арене достаточно активно демонстрировало антипольскую направленность своей политики. 10 апреля 1920 г. от имени Рады БНР Совету послов Антанты в Париже (копии – министрам иностранных дел Советской России и Польши) была направлена телеграмма, в которой доводилось до сведения руководителей стран Антанты, что польское правительство отклоняет участие представителей БНР в мирных переговорах между Польшей и Советской Россией. Оно обвинялось в том, что хочет предъявить претензии на границы 1772 г. и, соответственно, включить в польские границы Беларусь. Далее Народная

Рада БНР заявляла, что белорусский народ не потерпит аннексии своей территории с чьей бы то ни было стороны, а Антанта, «допустив присоединение Беларуси к Польше, сделает историческую ошибку и еще раз осветит пламенем войны горизонт Европы» [14, л. 128]. Таким образом, сложились объективные предпосылки для контактов между представителями Советской России и белорусского национального движения на антипольской основе.

Линию на использование белорусского движения в интересах борьбы с Польшей активно отстаивал нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин. В январе 1920 г. он дал распоряжение председателю ревкома ЛитБел ССР В. Мицкевичу-Капсукасу активизировать контакты с той частью белорусского национального движения, которая ближе к Советской России, чем к Польше [19, с. 154]. 26 февраля советский нарком иностранных дел направил еще одну телеграмму В. Мицкевичу-Капсукасу, в которой указал на наличие в белорусском национальном движении течения, борющегося против угнетения Польши. Ставилась задача связаться с этой частью белорусских деятелей и «дать возможность их голосу дойти до широких масс на Западе» [2, с. 29]. Преодолевая сопротивление ЦК Компартии Литвы и Беларуси, Г. Чичерин добился установления контактов с представителями Рады БНР в занятом поляками Минске, о чем 26 февраля проинформировал В. Ленина и получил в этом вопросе его поддержку [10, с. 325–326]. Среди белорусских политических сил наибольшую готовность к сотрудничеству с большевиками выражали социалисты-революционеры. 1 апреля в Смоленск прибыла одна из лидеров белорусских эсеров П. Бадунова. Здесь она провела переговоры с членом реввоенсовета Западного фронта А. Червяковым, в ходе которых пыталась выяснить отношение большевиков к БНР в связи с намечавшимися советско-польскими мирными переговорами. Однако большевистские функционеры, находившиеся в Смоленске, не смогли дать ответ на этот вопрос. Поэтому П. Бадунова отправилась в Москву, где у нее состоялись беседы с И. Сталиным и Н. Крестинским [10, с. 327]. Находясь в Москве с 6 марта по 8 апреля, она представила в ЦК РКП(б) доклад о положении на Беларуси. Фактически переговоры завершились подтверждением военного сотрудничества между большевиками и белорусскими эсерами. В мае на совещании Народной Рады БНР при обсуждении итогов переговоров П. Бадуновой в Москве было принято решение в дальнейшем переговоры с правительством РСФСР вести только на основе признания полной государственной независимости и суверенитета БНР в этнических белорусских границах [11, с. 31–33].

В апреле 1920 г. контакты между Народной Радой БНР и российским советским правительством начались и через Ревель. Ее представитель в столице Эстонии получил полномочия на ведение переговоров с правительством В. Ленина. Белорусская сторона рассчитывала добиться согласия Москвы на проведение двусторонней мирной конференции, чтобы на ней обсудить принципы взаимоотношений между БНР и РСФСР, а также вопрос противодействия «империалистическим устремлениям Польши» [10, с. 327–328]. 25 апреля Народная Рада БНР направила ноту Г. Чичерину, в которой заявляла о своем искреннем желании установить добрососедские отношения с Советской Россией, предлагала советскому российскому правительству признать БНР в ее этнических границах и приступить к мирным переговорам [2, с. 50]. Уже 26 апреля была получена ответная телеграмма от советского наркома иностранных дел на адрес военно-дипломатической миссии БНР в Ревеле. В ней Г. Чичерин подчеркивал приверженность Советской России принципу права наций на самоопределение, отмечал репрессии польских властей по отношению к белорусскому национальному движению. Он просил сообщить, какое именно белорусское правительство представляет миссия в Ревеле и каково отношение этого правительства к польским оккупационным властям [2, с. 52].

4 мая Политбюро ЦК РКП(б) заслушало доклад члена реввоенсовета Западного фронта, который высоко оценил развертывание партизанского движения на территории Беларуси против польской оккупации, но в то же время отметил рост стремления к независимости среди «мелкобуржуазных элементов оккупированной части Литвы и Беларуси» [20, с. 22]. После этого обсуждения 5 мая Г. Чичерин направляет письмо на имя секретаря миссии БНР в Ревеле И. Черепука, в котором ставит вопросы относительно территории, которую контролирует правительство В. Ластовского, и интересуется, какую оно может оказать помощь в военных действиях против Польши [10, с. 329]. В этих словах выражена суть интереса Советской России к налаживанию контактов с правительством БНР: возможность его участия в борьбе против Польши. Желанием использовать белорусское национальное движение в войне с поляками было продиктовано и решение Политбюро ЦК РКП(б) от 25 мая вызвать для переговоров в Москву представителя «белорусского буржуазного правительства» [18]. Мотивы, исходя из которых советское руководство приняло это решение, достаточно красноречиво изложены в письме Г. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б) от 24 мая. Нарком иностранных дел писал: «Нам следует быть чрезвычайно осторожными по отношению к белорусскому так

называемому правительству, потому что оно имеет возможность в европейском масштабе создать нам дипломатические неприятности. <...> Необходимо было бы с целью привлечения белорусов на нашу сторону и с целью противодействия польскому правительству перетянуть их на свою сторону путем подачек, позволить белорусскому представителю в Ревеле приехать к нам для переговоров, причем установить короткий срок... Следует, однако, сделать нечто большее: следует начать действительную политику предоставления белорусам возможности национального развития, э. з. создания сети белорусских школ и признания белорусских обществ <...> мы считаем в высшей степени своевременным и желательным восстановить при наркомнаце белорусский комиссариат» [8, с. 174].

На уже упомянутом выше совещании деятелей БНР было решено принять предложение большевиков, но переговоры вести на платформе признания Советской Россией независимости БНР. Причем П. Бадунова, исходя из опыта своих контактов в Москве, перспективы переговоров оценивала пессимистически. 24 июня 1920 г. в Москву выехала делегация БНР во главе с В. Захаркой. Он встретился с Г. Чичериным и передал ему меморандум, который содержал требование признать независимость БНР и содействовать возрождению белорусского народа в политических, экономических и национально-культурных отношениях [8, с. 181]. Однако переговоры завершились для белорусских деятелей безрезультатно, так как в условиях успешного наступления Красной армии летом 1920 г. руководство РСФСР утратило заинтересованность в таком слабом союзнике, как БНР.

К тому же в этот период фактическим союзником Советской России в войне против Польши стала Литва. С весны 1920 г. шли советско-литовские переговоры. В их ходе литовская сторона выдвинула большие претензии на белорусские территории и руководитель советской делегации А. Иоффе вел речь даже о возможном разрыве с литовцами, если они не снимут своих требований. Но Г. Чичерин выступил решительно против срыва переговоров с Литвой, мотивируя это необходимостью создать впечатление сближения с ней. 22 мая он направил письмо В. Ленину, в котором указал на приемлемость территориальных уступок Литве ради ее возможного военного выступления против Польши. Нарком иностранных дел отмечал, что «часть окраинных государств становится в позитивную позицию наших друзей, у Польши отнимается позиция окраинного представителя, уничтожается противопоставление нам всех окраинных государств. Эта видимость литовской дружбы имеет для нас настолько крупное значение, что вполне стоит потратить немного больше дипломатических маневров товарища

Иоффе, чтобы этого достичь» [8, с. 181]. Таким образом, Москва свои переговоры с литовцами полностью подчинила интересам ведения войны с Польшей, желанию иметь Литву своим союзником. Ради этого правительство В. Ленина готово было уступить литовцам белорусские земли, что и было зафиксировано в советско-литовском договоре от 12 июля 1920 г.

В начале августа правительство БНР убедилось в бесперспективности переговоров в Москве. Член советской дипломатической миссии в Риге И. Лоренц сообщал о визите в представительство «заместителя белорусского консула Казачкина». Тот просил передать в Москву телеграмму руководителю белорусской делегации В. Захарке с требованием немедленно выехать из Москвы в Ригу [2, с. 97]. Советская Россия использовала переговоры с БНР для активизации партизанской борьбы на оккупированной поляками территории и разыграла белорусскую карту для давления на Литву во время переговоров с ней. Литовское правительство, видя происходившие контакты между представителями РСФСР и БНР и опасаясь советско-белорусского соглашения, сняло часть территориальных требований. В связи с советско-литовским соглашением правительство В. Ластовского 22 июля выступило со специальным заявлением. Оно содержало протест против подписанного Советской Россией и Литвой 12 июля договора. В заявлении отмечалось, что этот договор никогда не будет признан белорусским народом и что белорусский народ будет сражаться против него всеми доступными средствами [13, л. 62–64].

Весной 1920 г. польское правительство также посчитало целесообразным активизировать контакты с белорусскими деятелями. К этому времени Ю. Пилсудский отказался от идеи создания Белорусско-Литовского государства в рамках реализации концепции федерации. В начале 1920 г. он следующим образом сформулировал свою позицию по белорусскому вопросу: «Беларусь в данный момент совсем не готова, и в данный момент слишком острое выступление с белорусским вопросом было бы компроматацией других, более серьезных вопросов. Следует ждать соответствующей конъюнктуры, пока что создав в Польше белорусский Пьемонт» [21, с. 216]. 8 марта состоялось заседание польского правительства, на котором по согласованию с Ю. Пилсудским было принято решение отказаться от создания союзного Польше Белорусского государства. Предполагалось Гродненщину и Виленщину непосредственно включить в состав Польши, а на территории Минского округа планировалось сделать уступки белорусам в деле самоуправления

и развития культуры [12, с. 151–152]. Таким образом, польская политика предполагала лишь создание белорусской культурно-национальной автономии на территории Восточной Беларуси.

В марте 1920 г. в Минске прошли переговоры между польской делегацией во главе с близким к Ю. Пилсудскому Л. Василевским и представителями Наивысшей Белорусской Рады, представлявшей пропольскую часть белорусского национального движения. Л. Василевский следующим образом характеризует позицию Ю. Пилсудского по белорусскому вопросу в тот момент: «Комендант соглашался на значительные культурно-финансовые концессии для белорусов, но исключал трактовку представителей белорусской интеллигенции в Минске как “правительства”». Цель же контактов с белорусами для маршала заключалась в том, чтобы добиться их поддержки против большевиков [21, с. 218]. Результатом переговоров стало подписание 24 марта соглашения между Польшей и Наивысшей Белорусской Радой. Согласно ему, белорусы получили гарантии национально-культурного развития и финансовую поддержку со стороны Польши, а взамен поддержали требование Польши к России отказаться от территорий к западу от границы 1772 г. Поляки отклонили все политические требования белорусов. Но и обещания польской стороны, зафиксированные в соглашении, на практике не были выполнены [20, с. 22]. Ю. Пилсудский, объясняя пассивность Польши в вопросе создания Белорусского государства, ссылался на позицию Антанты, которая, по его словам, выступает против создания новых государств на российских окраинах [1, с. 349–350]. Но главная причина отказа от концепции федерации заключалась в том, что она не встретила значительной поддержки ни в Литве, ни в Беларуси. Весной 1920 г. белорусский вопрос потерял для Ю. Пилсудского свою значимость на фоне его стремления создать союзное Польше Украинское государство.

Летом 1920 г. в условиях неудач Войска Польского и успешного наступления Красной армии на короткое время в польских политических кругах возродилась идея сотрудничества с белорусским национальным движением. В июне начальник государства и премьер-министр Польши Л. Скульский выступили с заявлениями в пользу создания независимой Беларуси [10, с. 330, 335]. Вице-премьер Дашиньский 1 августа 1920 г. в качестве условий, на которых Польша готова была пойти на перемирие с Советской Россией, назвал, в частности, «право на самоопределение для народностей, которые находятся между Польшей и Россией» [3, с. 116]. Но эти заявления представляли собой лишь временный тактический ход

в условиях военных неудач Польши и отражали стремление ее правящих кругов получить поддержку белорусского национального движения в сложившейся ситуации.

В условиях, когда Красная армия вела успешное наступление на запад, для большевиков снова актуализировалась задача распространения социалистической революции на страны Европы. Беларусь в силу своего географического положения превращалась в важный плацдарм и коридор для продвижения революции на запад. Именно через ее территорию летом 1920 г. двигались на Варшаву войска Западного фронта, которые кроме военной задачи разгрома Польши должны были решить и политическую задачу по распространению революции. В условиях продвижения Красной армии по территории Беларуси для большевистского руководства важной становилась задача обеспечить поддержку советским войскам со стороны местного населения, а также мобилизовать максимум людских и материальных ресурсов, необходимых для дальнейшей экспансии в Европу. При этом лидеры Советской России осознавали, что среди части белорусского населения получила распространение идея создания собственного национального государства. Выше уже говорилось об обсуждении белорусского вопроса на заседании Политбюро ЦК РКП(б) 4 мая 1920 г., в ходе которого был отмечен рост стремления к независимости среди «мелкобуржуазных элементов» Беларуси [20, с. 22]. Напрашивался логический вывод: для завоевания популярности среди белорусов следует пойти им навстречу в деле национального развития и государственного строительства. По сути, именно об этом писал Г. Чичерин в Политбюро ЦК РКП(б) 24 мая, когда предлагал открыть сеть белорусских школ и восстановить при наркомнаце белорусский комиссариат [2, с. 58]. Фактически на повестку дня возвращался вопрос о белорусской государственности на советской основе. Москва начала предпринимать практические шаги в этом направлении. Еще 25 мая Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о создании Белорусского ревкома, который должен был возглавить А. Червяков [18]. Характерно, что на этом же заседании было решено начать переговоры с правительством В. Ластовского. Представляется, что его существование также было фактором, подталкивавшим большевиков к повторному провозглашению Советской Беларуси. Пока на фронте успех сопутствовал полякам, большевики искали поддержки белорусов, предпринимая шаги в разных направлениях. Когда же Красная армия перешла в наступление, от идеи сотрудничества с БНР отказались, да и процесс воссоздания ССРБ притормозился. Вместо Белорусского

ревкома 7 июля начал действовать Минский ревком во главе с тем же А. Червяковым.

Однако ситуация очень быстро менялась, и буквально в ближайшие дни процесс нового провозглашения ССРБ ускорился. Это было связано с тем, что в середине июля большевики окончательно утвердили курс на экспорт революции в Европу с помощью штыков Красной армии. Проходивший тогда же Пленум ЦК РКП(б) принял решение отклонить мирное посредничество Антанты и продолжить наступление Красной армии на Варшаву. В связи с этим решением Беларусь и должна была выступить в роли плацдарма и коридора для распространения на запад социалистической революции. 14 июля И. Смилга, который в тот момент являлся не только членом реввоенсовета Западного фронта, но и руководителем партийной организации Литвы и Беларуси, направил записку В. Ленину. В ней предлагалось провозгласить Белорусскую республику пока де-юре [16, с. 141]. Эта позиция совпадала с настроениями большевистского руководства в целом. Тот же июльский Пленум ЦК РКП(б), определивший курс на экспорт социалистической революции, принял решение о создании Белорусского ревкома. Причем в решениях Пленума очень четко определена цель этого шага: «...подчинив на ближайший период времени вопросы организации правительственной власти в границах Беларуси военным потребностям на фронте» [9, с. 305]. Кроме того, восстановление Советской Беларуси имело для большевиков важное политическое значение. Красная армия в глазах польского и других народов, на земли которых она могла вступить, должна была стать освободителем угнетенных наций, как это произошло с белорусами, получившими свою государственность, а не носителем российского империализма в новых условиях. В случае советизации Польши Советская Россия могла отклонить обвинения в ее поглощении, так как между этими двумя государствами находилась еще и формально независимая Советская Беларусь. Провозглашение ССРБ было связано и с отказом правительства В. Ленина от сохранения ЛитБел ССР, свидетельством чего стало подписание договора от 12 июля 1920 г. между Советской Россией и буржуазной Литвой.

Стремление большевиков завоевать популярность среди народов Европы для распространения социалистической революции должно было повлиять на определение границ повторно провозглашенной ССРБ. Территориальный вопрос советское правительство теперь увязывало с подталкиванием революции в Польше. 15 июля В. Ленин в одном из своих писем предлагал заявить «чрезвычайно торжественно, что обеспечиваем польским рабочим и крестьянам границу восточнее той, которую дает Керзон и Антанта» [9, с. 303]. В тезисах Пленума ЦК

РКП(б) от 16 июля 1920 г. говорилось: «РСФСР пойдет в отношении мира тем шире навстречу всем интересам и потребностям Польши, чем быстрее и более решительно трудящиеся массы Польши установят у себя такой порядок, который освободит их от роли инструмента французских, английских и др. капиталистов и создаст основы для действительно братских отношений между Раб.-Крест. Польшей, Россией и Украиной» [16, с. 142]. Таким образом, территориальные уступки за счет Беларуси должны были сделать польское общество более лояльным по отношению к Красной армии и тем социалистическим преобразованиям, которые она несла на польские земли.

Готовность руководства Советской России в условиях продвижения Красной Армии к Варшаве снова провозгласить ССРБ вовсе не означала согласия предоставить Беларуси реальный государственный суверенитет. Как раз в 1920 г. нарком по делам национальностей И. Сталин, разъясняя позицию большевиков относительно отделения от России ее окраин, писал: «Мы против отделения окраин от России, потому что отделение означает империалистическую кабалу для окраин, ослабление революционного могущества России, укрепление позиций империализма. ... Именно поэтому коммунисты, борясь за отделение колоний Антанты, не могут вместе с тем не бороться против отделения окраин от России. Очевидно, вопрос об отделении решается в зависимости от конкретных международных условий, в зависимости от интересов революции» [8, с. 104]. Положение, согласно которому вопрос о целесообразности реализации тем или иным народом права на самоопределение ставился в зависимость от интересов революции, на тот момент присутствовало и в программных документах большевистской партии и советского государства. Примером может служить «Декларация прав народов России», обнародованная правительством В. Ленина 2 (15 ноября) 1917 г. Она объявляла право всех народов России на самоопределение. Однако советское российское правительство, как следует из текста «Декларации...», вовсе не собиралось допустить распада бывшей Российской империи на национальные государства. В данном документе подчеркивалось, что право на самоопределение рассматривается как инструмент завоевания доверия рабочих разных национальностей для достижения их единства в рамках Российского государства [5, с. 40]. В резолюции по национальному вопросу III Всероссийского съезда советов отмечалось, что национальная политика советского правительства будет содействовать превращению бывшей Российской империи в «братский

союз свободно объединившихся Советских Республик России» [6, с. 94]. Выше уже упоминались решение июльского 1920 г. Пленума ЦК РКП(б) и высказывание В. Ленина относительно будущей польско-советской границы, из которых видно, что большевики при решении этого вопроса абсолютно не принимали в расчет суверенитет Белорусского государства и собирались провести границу, исходя из интересов мировой революции. Сама эта революция сделала бы вопрос о границах неактуальным в принципе, как и вопрос о суверенитете национальных государств.

Вопрос о границах и суверенитете вновь провозглашаемой ССРБ стал предметом окончательного раздора между большевиками и белорусскими эсерами, той силой в белорусском национальном движении, которая пыталась сотрудничать с советским российским правительством. Для подготовки повторного провозглашения ССРБ была создана комиссия, в состав которой вошли и белорусские эсеры. В вопросе о границах ССРБ представители белорусских эсеров настаивали на том, чтобы в акте о провозглашении ССРБ был четко обозначен принцип этнического самоопределения Беларуси. Это означало возвращение в состав Советской Беларуси территорий, которые были переданы РСФСР в начале 1919 г. По этому вопросу эсеры принципиально разошлись с представителями коммунистов. В. Кнорин заявил, что Смоленская, Могилевская и Витебская губернии не могут отойти к Беларуси, так как там живут русские люди и нет белорусов. После этого эсеры отказались подписать декларацию о провозглашении ССРБ и войти в состав военревкома Белорусской республики [4, с. 423].

31 июля 1920 г. состоялось повторное провозглашение ССРБ. В декларации Белорусского ВРК провозглашался равноправный характер отношений между ССРБ и РСФСР, но при этом отмечалось, что Советская Беларусь будет согласовывать дипломатические выступления с Советской Россией, а также передаст в ее распоряжение свои вооруженные силы [20, с. 23]. Как видим, при повторном провозглашении ССРБ изначально предполагалось ограничение ее суверенитета, и Москва оставляла за собой право распоряжаться белорусскими территориями.

Данные установки со всей очевидностью проявились в ходе мирных переговоров между Советской Россией и Польшей в Минске и Риге. Как известно, ССРБ не была представлена на этих переговорах. 10 сентября ВРК ССРБ выдал мандат на ведение переговоров с Польшей правительству РСФСР. При этом советская сторона для достижения

соглашения изначально готова была идти на большие территориальные уступки Польше за счет Беларуси, особенно с учетом провала похода Красной армии на Варшаву. Еще на начальном этапе переговоров прибывший в Минск К. Радек заявил, что с границей проблем не будет при условии признания Польшей Советской Украины [22, с. 51]. Курс на достижение соглашения с Польшей на основе территориальных уступок был окончательно закреплен в заявлении ВЦИК от 23 сентября 1920 г. В нем говорилось о готовности советской стороны идти на значительные территориальные уступки при условии подписания мира в ближайшее время [7, с. 400–401]. Несколько позже в выступлении на сессии ВЦИК по вопросу ратификации прелиминарного договора с Польшей Г. Чичерин дал следующую характеристику советской позиции на переговорах: «Мы предложили Польше территориальные приращения за отказ Польши от политики буферизма» [2, с. 213–214].

Данная позиция Советской России нашла понимание с польской стороны. После провала Киевского похода, результатом чего стало появление Красной армии под стенами Варшавы, позиции сторонников федералистской концепции были серьезно ослаблены. 11 сентября на заседании Совета обороны государства глава польской делегации Я. Домбский заявил, что на минском этапе переговоров поляки соглашались на существование советской формы государственности на Украине и не ставили вопрос о независимости Беларуси. В решениях, принятых Советом обороны государства, будущая граница рассматривалась как западная граница России и выражалась готовность признать УССР в обмен на согласие Москвы на территориальные требования Польши [7, с. 387–388]. Это означало отказ от политики федерализма и, соответственно, поддержки создания Белорусского государства. Охарактеризованные выше подходы Советской России и Польши нашли отражение в подписанном 12 октября прелиминарном мирном договоре.

Таким образом, начало новой фазы военных действий на польско-советском фронте весной 1920 г. активизировало политику Польши и Советской России на белорусском направлении. Оба названных государства искали поддержки своих военных усилий со стороны белорусского национального движения. Для этого Москва установила контакты с антипольски настроенным правительством В. Ластовского, а Варшава пошла на подписание соглашения с пропольской Наивысшей Белорусской Радой. Однако со стороны как польского, так и советского правительства речь не шла о поддержке стремления белорусских национальных сил к образованию собственного суверенного

государства. В условиях успешного наступления Красной армии на Варшаву большевики потеряли интерес к сотрудничеству с белорусским национальным движением, но учитывали в своей политике рост среди белорусов настроений в пользу создания своего государства. Стремлением завоевать симпатии этой части населения и превратить Беларусь в надежный плацдарм для распространения на запад социалистической революции было продиктовано повторное провозглашение ССРБ. Фактически поход Красной армии на Варшаву и ожидание большевиками в этой связи мировой революции способствовали восстановлению белорусской государственности в советской форме. Но это государственное образование имело ограниченный суверенитет, а его территория была далека от этнических границ Беларуси. Данное положение было закреплено в ходе советско-польских мирных переговоров и в прелиминарном договоре. Крах попыток реализовать федералистскую концепцию, результатом чего стало вторжение Красной армии в этническую Польшу, способствовал тому, что в Риге Польша вела переговоры на основе идей инкорпорации, что означало отказ от поддержки создания белорусского государства.

Литература

1. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.). Зборнік дакументаў і матэрыялаў. У 4 т. Мінск: Юніпак, 2008. Т. 1, ч. 1. 540 с.
2. Беларусь у палітыцы суседніх і заходніх дзяржаў (1914–1991 гг.). Зборнік дакументаў і матэрыялаў. У 4 т. Мінск: Юніпак, 2008. Т. 1, ч. 2. 394 с.
3. Гамулка К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фармаванняў (1918–1922). Вільня: Выд-ва Еўрапейскага гуманітарнага ўніверсітэта, 2008. 256 с.
4. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст.: у 2 кн. Мінск: Беларуская навука, 2011. Кн. 1. 584 с.
5. Декреты Советской власти: в 18 т. М.: Изд-во полит. лит-ры, 1957. Т. 1. 625 с.
6. Документы внешней политики СССР. В 24 т. М.: Государственное издательство политической литературы, 1959. Т. 1. 772 с.
7. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. В 14 т. М.: Наука, 1965. Т. 3. 609 с.
8. Короткова Д.А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2015. 28 с.
9. Краснов В., Дайнес В. Неизвестный Троцкий. Красный Бонапарт. Документы. Мнения. Размышления. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2000. 510 с.
10. Лазько Р. Беларуская-савецкія перагаворы 1920 г. // *Białoruś w XX stuleciu w kręgu kultury i polityki*. Toruń: Wydawnictwo naukowe UNK, 2007. S 325–337.
11. Лебедзева В. Пакліканая свабодай: нарыс жыцця і дзейнасці Палуты Бадуновой. Гомель: На правах рукапісу, 2018. 80 с.
12. Матвеев Г.Ф. Юзеф Пилсудский и польская государственность // Российские и славянские исследования. Вып. 5. Минск: БГУ, 2010. С. 131–158.

13. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 325. Оп. 1. Д. 98.
14. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 99.
15. НАРБ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 110.
16. Польско-советская война 1919–1920 гг. (Ранее не опубликованные документы и материалы): в 2 ч. М.: ИСИБ, 1994. Ч. 1. 202 с.
17. Протокол заседания политического бюро ЦК РКП(б) от 8 марта 1920 г. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=57175;tab=img> (дата обращения: 01.03.2018).
18. Протокол заседания политического бюро ЦК РКП(б) 25 мая 1920 г. URL: <http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=57469;tab=img> (дата обращения: 10.04.2019).
19. Рижский мир в судьбах белорусского народа. 1921–1953. В 2 кн. Минск: Белорусская наука, 2014. Кн. 1. 593 с.
20. Снапкоўскі У.Е. Шлях скрозь стагоддзе: беларуска-польскія адносіны 1918–2017 гг. Мінск, 2017. 287 с.
21. Wasilewski L. Józef Piłsudski. Jakim Go znałem. Warszawa: Wyd. «Rój», 1935. 235 s.
22. Wojdyło W. Traktat w Rydze w koncepcjach obozu narodowego ze szczególnym uwzględnieniem roli Stanisława Grabskiego // Traktat Ryski 1921 roku po 75 latach. Toruń: Wydawnictwo naukowe UNK, 1998. S. 47–61.

M.M. Miazga

Francisk Skorina Gomel State University

The Red Army campaign to Warsaw in the summer of 1920 and Belarus

Key words: Polish-Soviet war; Soviet Russia; Poland; BNR; second proclamation of SSRB; world revolution; Red Army campaign to Warsaw; Polish-Belarusian negotiations.

The article shows that the resumption of active hostilities on the Soviet-Polish front in the spring of 1920 led to the activation of the policy of both Soviet Russia and Poland in the Belarusian direction. After the transition of the Polish army to the offensive in Ukraine, the Soviet leadership was busy looking for anti-Polish allies and in this regard went to contacts with V. Lastovsky government of the BNR. The article proves that in the conditions of the successful offensive of the Red Army in the summer of 1920, Moscow's interest in cooperation with the BNR disappeared. In addition, this cooperation could not be combined with the conclusion of the peace Treaty of the RSFSR with Lithuania, as it provided for the transfer to the letter of Belarusian territories. The article substantiates the position that as the Red Army moved to Warsaw, the Belarusian policy of the Bolshevik leadership was determined primarily by the desire to turn the territory of Belarus into a springboard for the spread of the socialist revolution to the West. In order to get wider support of the part of the population of Belarus, which has already strengthened its desire to create its own state, the Bolsheviks went to the second proclamation of the SSRB. However, due to the defeat of the red Army near Warsaw, Soviet Belarus could not remain within the borders that were determined at the time of its Declaration. During the negotiations in Riga, the Soviet delegation made territorial concessions at the expense of Belarus. In characterizing the policy of Poland towards Belarus in the article the conclusion about the absence of the intention of providing real assistance in the Belarusian

state creation in Polish ruling circles. In the spring of 1920, the Polish government made some steps towards cooperation with the Belarusian national movement. However, the poles did not agree to more than the creation of the Belarusian national and cultural autonomy. During the negotiations in Riga, they finally moved to the position of incorporation, which led to the division of the Belarusian lands under the Riga Treaty.

Перипетии судьбы красноармейцев при пленении поляками

Ключевые слова: *II Женевская (1906) и IV Гаагская (1907) конвенции о пленных; польско-советская война 1919–1920 гг.; пленные красноармейцы.*

Мировое сообщество, приняв в 1906 г. II Женевскую, а на следующий год IV Гаагскую конвенции, обновило выработанные во второй половине XIX в. стандарты отношения к пленным комбатантам (военнослужащим) противника. Предусмотренные ими нормы обязывали только добровольно присоединившиеся к ним государств. О важности конвенций свидетельствуют поправки, согласованные воюющими сторонами на встречах в Берне в 1917–1918 гг. Польша и РСФСР в 1919–1920 гг. участниками этих конвенций формально не были. Но их военные, особенно командный состав, имевший за плечами опыт Первой мировой войны, были знакомы с нормами обращения с военнопленными. Изучение отношения поляков к пленным военнослужащим Красной армии во время кампании 1920 г. выявило ряд вопиющих нарушений ими положений обеих конвенций. В их числе – неоказание медицинской помощи раненым и оставление их на поле боя, расстрелы, «присвоение» пленных отдельными лицами и подразделениями, принудительное включение в «дикие» рабочие команды без оплаты их труда.

Война между Польшей и Советской Россией в 1919–1920 гг., несмотря на прошедшие с ее начала 100 лет, до сих пор не относится к событиям, для которых существуют достаточно устоявшиеся оценки. Например, все еще дискутируется вопрос о том, к какому типу войн ее следует отнести: к классическим, т.е. таким, которые ведутся прежде всего и главным образом за территории, или же идеологическим, наиболее чистыми примерами которых являются гражданские войны. В историографии, особенно в советской, ее пытались представить как войну с сильным идеологическим компонентом («третий поход Антанты»). Однако углубленные научные исследования этот подход убедительно опровергают. Достаточно вспомнить советские мирные предложения, сделанные Польше в январе 1920 г. Кроме конкретного обозначения возможных территориальных уступок Польше в Белоруссии и на Украине, в них ничего другого нет. Или тайные польско-советские переговоры октября-декабря 1919 г. в Микашевичах под прикрытием краснокрестных, результаты которых позволили советскому

командованию перебросить десятки тысяч красноармейцев с западного на деникинский фронт.

Этой войне не повезло и с названием. В ее ходе в Польше и РСФСР ее чаще всего называли польско-русской / русско-польской, что верно определяет главных участников. Украина (и советская, и петлюровская) выходит на сцену лишь в 1920 г. Белоруссия, являвшаяся основным полем боя, вообще не фигурировала в качестве участницы войны вплоть до начала минского этапа мирных переговоров в августе 1920 г. Но затем, по мере выработки советской концепции истории Гражданской войны, ее стали называть польско-советской / советско-польской, тем самым подчеркивая идеологический компонент. Это название использовала и историография ПНР. Но историкам III Речи Посполитой оно показалось недостаточно идеологизированным. Поэтому сейчас о ней даже профессиональные историки обычно пишут как о польско-большевистской войне, чего до 1939 г. даже публицисты предпочитали не делать, понимая некорректность такого названия.

Далеко не удовлетворительно и знание многих конкретных аспектов истории той войны. Например, такого, как причины неудачи завершающей фазы Варшавской наступательной операции Красной армии. Кого только в этом не винули: М.Н. Тухачевского, И.В. Сталина, С.С. Каменева и т.д. И лишь в последние десятилетия стало известно, что не гений Ю. Пилсудского спас молодую Польскую республику от, казалось бы, неминуемого краха, а взлом поляками шифра, которым пользовался для связи со своими армиями, действовавшими под Варшавой, командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский, чей штаб располагался в Минске. Именно поэтому ударная группа под командованием первого маршала Польши Ю.К. Пилсудского так легко, не встречая сопротивления, прошла по тылам советских войск, штурмовавших Варшаву.

Вплоть до 1990-х гг. даже историки имели крайне слабое представление о такой болезненной проблеме, как судьбы советских и польских военнопленных той войны. Ситуация стала меняться после появления работ польского историка З. Карпуса [20] и российской исследовательницы И.В. Михутиной [4]. Возникшая между ними научная дискуссия стремительно переросла в публичную, со взаимными обвинениями в политизированности позиций, стремлении исказить действительность, а с польской стороны – и в намерении россиян оправдать катынскую трагедию. Ситуацию не сумел до конца разрядить даже выход в 2004 г. монументального сборника документов, в большинстве своем извлеченных из польских архивов, «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.» [2]. Но на польский язык он не был

переведен, из-за очередного охлаждения российско-польских отношений даже не состоялась планировавшаяся презентация книги в Варшаве. На основании этого сборника и других материалов в 2010 г. была подготовлена монография «Польский плен» [3], переведенная российской стороной на польский язык [22] и распространенная в Польше.

В целом на настоящий момент тема плена раскрыта достаточно полно, что не значит, что ее можно закрывать. Мне даже известно, где можно искать новые документы, которые хотя и не изменят кардинально имеющуюся картину, но могут ее дополнить новыми важными деталями. Это архивы Международного комитета Красного Креста в Женеве, национальных комитетов Красного креста США и Великобритании, американской организации христианской молодежи, ФСБ РФ. Далекое не полностью изучены польские архивы.

В польской и российской историографии достаточно четко обозначились два подхода к изучению темы. Польские исследователи ограничиваются главным образом тем периодом в истории пребывания красноармейцев в плену, когда ими занимались соответствующие подразделения военного министерства Польши: прежде всего отдел по делам пленных, медико-санитарная служба, в меньшей степени интендантство. После подписания мирного договора пленные перешли в ведение Министерства иностранных дел, которое занималось вопросами репатриации пленных через Столбцы в Белоруссии и Здолбунов на Украине. После официального завершения репатриации в октябре 1921 г. остававшиеся в Польше пленные были перепоручены опеке Министерства внутренних дел.

Российский подход отличается тем, что изучается весь период плена, начиная с момента, когда военнослужащий Красной армии в силу тех или иных обстоятельств обезоруживается и оказывается в распоряжении польского главного командования, осуществляющего верховную власть в прифронтовой полосе. Именно здесь пленные ставились на первичный учет, накапливались на сборных пунктах или, во время их особенно большого притока, в создававшихся концентрационных лагерях, затем поступали на распределительные станции и только после этого передавались в ведение военного министерства, распоряжавшегося стационарными лагерями для пленных и интернированных. Таким образом, нахождение в распоряжении Верховного командования польской армии – не какой-то миг в истории плена, а весьма важный и временами продолжительный этап одиссеи советских военнослужащих в польской неволе. Именно в этот период они были наименее защищены как польскими официальными институтами,

включая сейм, так и международными благотворительными организациями, представители которых имели доступ в стационарные лагеря для военнопленных.

К началу русско-польской войны 1919–1920 гг. мировое сообщество на практике проверило действенность международных соглашений, определивших в начале XX в. стандарты отношения воюющих сторон к захваченным ими пленным. Это II Женевская конвенция 1906 г. «По улучшению участи раненых и больных в армиях в поле» и IV Гаагская конвенция 1907 г. «О законах и обычаях сухопутных войн», принятие которой мотивировалось желанием в случае войны «служить делу человеколюбия и сообразоваться с постоянно развивающимися требованиями цивилизации». Мировая война высветила недостатки и неточности этих конвенций. Некоторые из них воюющие стороны постарались исправить уже в ее ходе на встречах в Берне в 1917–1918 гг. [34], а более тщательной переработке они подверглись в новой конвенции о пленных, выработанной в 1929 г., когда пацифистские настроения в мире достигли своего апогея.

Ст. 1 Женевской конвенции 1906 г. гласила, что «офицеры, солдаты и другие лица, официально относящиеся к армиям, которые являются больными или ранеными, должны уважаться и о них нужно заботиться без различия национальности воюющей стороной, в чьей власти они оказались...». Ст. 3 развивала это положение, устанавливая, что «после каждого столкновения воюющая сторона, которая осталась во владении полем сражения, должна принять меры поиска раненых и защищать раненых и мертвых от грабежа и неправильного лечения» [32]. Таким образом, участвовавшие в разработке конвенции 1906 г. суверенные государства сошлись во мнении, что раненые и больные пленные должны попасть под особую опеку захвативших их государств и ни в коем случае не могут остаться без квалифицированной медицинской помощи.

Глава II 1-го отдела Гаагской конвенции 1907 г., названная «О военнопленных», шла дальше Женевской конвенции, предложив стандарт отношения воюющих государств ко всем оказавшимся у них в неволе военнопленным. Интересующей нас проблемы касались несколько положений II главы. Так, ст. 4 гласила, что «военнопленные находятся во власти Неприятельского правительства, а не отдельных лиц или отрядов, взявших их в плен. С ними надлежит обращаться человеколюбиво. Все, что принадлежит им лично, за исключением оружия, лошадей и военных бумаг, остается их собственностью». Ст. 6 давала государствам право «привлекать военнопленных к работам сообразно с их чином и способностями, за исключением офицеров. Работы эти не должны быть слишком обременительными и не должны

иметь никакого отношения к военным действиям», причем обязательно должны оплачиваться. Наконец, еще одно важное постановление конвенции, содержащееся в пункте «б» ст. 23 первой главы 2-го отдела «О военных действиях», не позволяло «убивать или ранить неприятеля, который, положив оружие или не имея более средств защищаться, безусловно сдался» [33]. Тем самым Гагская конвенция запрещала убивать пленных, задерживать их в прифронтовой полосе, забирать у них личные вещи, в том числе и форменную одежду.

Особенностью Женевской и Гагской конвенций было то, что их должны были соблюдать только присоединившиеся к ним государства, т.е. они не имели всеобщего обязывающего характера. В связи с этим они автоматически не распространились ни на вновь созданное государство Польшу, ни на РСФСР, не признанную державами в качестве правопреемницы Российской империи. Польша присоединилась к Гагской конвенции в 1927 г. [16]. СНК РСФСР 30 мая 1918 г. признал все международные конвенции, касающиеся общества Красного Креста, определив главной задачей Русского общества Красного Креста заботу о пленных Первой мировой войны [34]. Именно этот акт позволил организовать советско-польскую встречу в Микашевичах в 1919 г. и подписать в Берлине в сентябре 1920 г. с Польским обществом Красного Креста договор о взаимной опеке над пленными, но специального признания конвенции о пленных советской стороной не было.

Таким образом, Польша и РСФСР, находившиеся с февраля 1919 г. в состоянии необъявленной войны, IV Гагскую конвенцию формально не признали, и поэтому она их не обязывала. А феномен плена очень быстро перестал быть маргинальным явлением, особенно для советской стороны, поскольку к концу 1919 г. количество оказавшихся в руках у поляков красноармейцев составило более 29 тыс. человек [3, с. 30] (польский премьер И. Падеревский в сентябре 1919 г. назвал в Париже цифру 30–35 тыс. пленных [1, с. 318]). Польских пленных было меньше, но тоже достаточно много. Во время политических переговоров под эгидой российского и польского Красных Крестов в Микашевичах в октябре-декабре 1919 г. возник вопрос об обмене не только гражданскими пленными и заложниками, но и военнопленными, и советский делегат Ю. Мархлевский сообщил об этом в Москву, но никакого решения принято не было. Приоткрывшаяся, пусть и весьма призрачная, возможность вернуть на родину пленных красноармейцев не была использована, вероятно, и потому, что тот же Мархлевский весьма низко оценил боевые качества пленных, полагая, что в большинстве своем они добровольно сдались полякам [7, с. 46].

Военнослужащие Красной армии могли оказаться в плену в ходе боя, наступления и отступления, добровольной сдачи и т.д. В соответствии со ст. 8 первого отдела IV Гаагской конвенции с этого момента они должны были подчиняться «законам, уставам и распоряжениям, действующим в армии Государства, во власти которого они оказались». Любое неповиновение с их стороны давало право применять к ним «необходимые меры строгости» [31]. То есть, как и в собственной армии, они должны были беспрекословно подчиняться требованиям дисциплины и в этом случае имели шанс попасть в стационарный лагерь и пережить плен.

Некоторые военнослужащие Красной армии почти сразу же после попадания в неволю обрели свободу, что допускалось Гаагской конвенцией 1907 г. (освобождение «под честное слово»). Причем делалось это не из-за какого-то особого человеколюбия, а по сугубо прагматическим мотивам. Так поляки поступили, например, весной 1920 г. с военнослужащими Красной украинской галицкой армии, большая часть которых (более 13 тыс. человек) дезертировала из Красной армии и перешла на сторону противника. Многие рядовые, не пожелавшие присоединиться к армии С. Петлюры, на основании распоряжения военного министерства были отпущены домой в Восточную Галицию [8, с. 87], чтобы своим трудом приносить пользу Польше. Отпускали на свободу пленных поляков из числа эвакуированных в 1914–1915 гг. из Царства Польского во внутренние районы России.

Во время Киевского похода 1920 г. был проведен эксперимент с отпуском на свободу плененных красноармейцев с последующей переброской их через линию фронта, чтобы показать, что польская армия воюет не с русским народом, а только с коммунистами [2, с. 188]. Пилсудский даже намеревался после окончания операции на Украине и в Белоруссии отпустить на свободу 30 тыс. пленных [27, s.158], полагая, что «они будут в большинстве своем прекрасным разлагающим фактором на фронте у большевиков» [29, s. 169].

Известны случаи, когда плененных красноармейцев отпускали на свободу, чтобы они не стали обузой для боевых частей [24, s. 534, 732; 25, s. 66]. Причем среди отпускаемых на все четыре стороны красноармейцев нередко бывали раненые, что являлось уже прямым нарушением Женевской конвенции 1906 г. Показателен в этом отношении рапорт командования 14-й Великопольской дивизии пехоты в штаб 4-й армии от 12 октября 1920 г. В нем говорилось: «В период боев от Брест-Литовска до Баранович взято в общей сложности 5000 пленных и оставлено на поле боя около 40% названной суммы раненых и убитых большевиков» [2, с. 338]. Есть весомые основания для предположения,

что подобным образом поступала не только 4-я, но и 2-я, и 3-я армии [2, с. 284–283; 12]. О том, что польская армия предпочитала не заниматься ранеными пленными, свидетельствует их крайне малое количество в госпитале для военнопленных в лагере в Тухоле, куда в первую очередь направляли пленных красноармейцев в августе – октябре 1920 г. [2, с. 324–327, 376]. А в сводках из столь же крупных лагерей в Стшалкове и Вадовицах раненые вообще не указаны.

Судьба раненых красноармейцев, брошенных без помощи на поле боя в местах проживания польского населения, была незавидной: их нередко убивали местные жители. Есть более чем достоверные свидетельства современников на этот счет, причем поляков. Так, автор заметки в военном журнале «Беллона» описывал потери Красной армии в Варшавском сражении: «Потери пленными до 75 тыс., потери погибшими на поле боя, убитыми нашими крестьянами и ранеными – очень большие» [10, 1920, № 7, с. 484]. Другой свидетель событий писал в 1921 г., что во время Варшавского сражения «100 тыс. [красноармейцев] полегло на полях сражений или же в лесах от рук разъяренного населения...» [17, с. 128–129].

Истинность этих свидетельств подтверждают показания коммуниста, еврея по национальности, плененного 17 августа 1920 г. около г. Бяла-Подляска: «...при взятии нас в плен началась рубка евреев, и от смерти я избавился по какой-то странной случайности. На следующий день нас погнали пешком до Люблина, и этот переход был для нас настоящей Голгофой. Ожесточение крестьян было до такой степени велико, что маленькие мальчики забрасывали нас камнями» [2, с. 573].

Красноармейцы, не осчастливленные статусом пленного, гибли от рук не только гражданского населения, но и военных. Первое официальное свидетельство о расстреле захваченных в плен красноармейцев зафиксировано в сводке оперативного отдела Верховного командования Войска Польского от 5 марта 1919 г. [24, с. 88]. Позже такие факты в сводках не встречаются. Не отражен в них даже расстрел 24 августа 1920 г. по приказу командующего 5-й армией генерала В. Сикорского 199 красноармейцев, хотя Верховному командованию об этом доложили [2, с. 270–271]. Есть только ряд сообщений о расстреле польскими карательными отрядами повстанцев и партизан в Белоруссии и Украине [24, с. 62, 158, 307, 349–351], чаще всего без суда, так как те формально не были комбатантами. А это значит, что польские военные отдавали себе отчет в преступном характере своих действий.

И тем не менее в некоторых случаях в сводки попадали косвенные свидетельства о расстрелянных красноармейцах. Так, из 1-й польской армии в Белоруссии 22 июня 1920 г. доносили, что красноармейцы, уставшие от «применяемого коммунистами террора», не сдаются в плен только потому, что «убеждены, что с захваченными пленными обращаются еще хуже» [24, s. 547]. В этот же день личный секретарь Ю. Пилсудского майор К. Свитальский записал в своем дневнике: «...деморализация большевистской армии посредством дезертирства на нашу сторону затруднена из-за ожесточенного и беспощадного уничтожения нашими солдатами пленных, причем больше всего на севере», т.е. в Белоруссии [30, s. 55]. Учитывая, что на рабочий стол Свитальского оперативные сводки ложились обязательно, не может быть и речи о случайном совпадении информации из этих двух источников.

Об этом же говорит донесение полесской группировки Северо-Восточного фронта от 7 августа 1920 г. о сдаче в плен в полном составе, с командирами нескольких рот 8-й и 17-й советских стрелковых дивизий. Одной из причин сдачи был назван «проверенный факт, что 32-й пехотный полк не расстреливает пленных» [24, s. 603].

О расстреле красноармейцев при пленении сообщают польские мемуаристы. Так, Т. Коссак рассказал о расстреле в 1919 г. в окрестностях Дубно на Волыни 18 красноармейцев за то, что они ограбили семью чешского колониста [22, s. 70–71].

Расстрелы производились как стихийно, так и по приказу командиров. Наиболее подробно документирован расстрел 199 пленных красноармейцев 24 августа 1920 г. якобы в отместку за расправу казаков с польскими пленными накануне. Некоторые польские историки пытаются оправдать это грубейшее попрание Гаагской конвенции тем, что расстрел был произведен по решению военно-полевого суда [19, s. 340]. Однако заслуживающие доверия сообщения свидетелей этого неслыханного нарушения поляками Гаагской конвенции, которую они обещали соблюдать, говорят, что казаки изрубили не пленных, а оказывавшие им вооруженное сопротивление польские эскадрон и пехоту, что никакого суда не было, а просто из попавших в плен под Млавой 400 красноармейцев польский и французский офицеры произвольно выбрали 199 человек и затем расстреляли [2, с. 527–528]. Этот расстрел не был единственным в августовские дни в 5-й польской армии [19, s. 386; 25, s. 74].

Причиной дипломатического протеста Германии стал расстрел поляками 24 августа 1920 г. попавших к ним в плен 9 немцев-спартаковцев, служивших в Красной армии. Из следственного дела видно, что предъявленное им обвинение в расстреле 60 пленных поляков

свидетельскими показаниями не подтвердилось, они только избивали пленных, и все же военно-полевой суд, преступно нарушив конвенции о пленных, приговорил спартаковцев к расстрелу [6, л. 4, 46]. В 5-й армии позволяли себе расстреливать пленных даже генералы, несомненно, знавшие о Гаагской конвенции о пленных. Так, под Чехановым хорошо говоривший по-русски польский генерал застрелил адъютанта 158-го стрелкового полка Красной армии только за то, что тот в свое время был офицером русской императорской армии [2, с. 528–529].

Пленных красноармейцев расстреливали не только в 5-й, но и в других армиях, о чем свидетельствует, например, отчет проверявшего 3-ю армию офицера секции пленных IV (мобилизационного) отдела штаба Верховного командования Войска Польского [2, с. 286]. Особенно часто поляки расстреливали пленных евреев, китайцев и комиссаров. По этому поводу сохранились сообщения таких авторитетных свидетелей, как известный польский историк М. Хандельсман и британский политик и дипломат лорд Э.В. д'Абернон [9, s. 129; 18, s. 343]. Был даже зафиксирован случай расстрела оказавшейся в руках у поляков жены красного командира, грузинки по национальности, только потому, что ее посчитали «еврейкой и коммунисткой» [15]. А командир польского 18-го полка даже не расстреливал, а вешал всех захваченных в плен комиссаров [21, s. 34–35]. Свидетельства о расовых и идеологических причинах расстрелов при пленении показывают, что поведение польских военнослужащих предвосхитило аналогичное отношение к советским пленным немцев во время Великой Отечественной войны. Конечно, не в таких масштабах, но все же...

Прямым нарушением Гаагской конвенции 1907 г. было ограбление пленных. Размещенные в Интернете фотографии босых, одетых в какие-то обноски пленных красноармейцев подтверждают этот факт. Трудно себе представить, чтобы солдат в таком виде их командиры послали в бой. Случаев мародерства было столько, что 29 августа 1919 г. Генеральный штаб Верховного командования издал специальное распоряжение, запрещающее отбирать у военнопленных шинели, обувь, мундиры, вручая взамен всякие лохмотья, поскольку такое поведение не только нарушает международные нормы, но и не позволяет использовать пленных на работах, часто весьма срочных. Кроме того, выражалось опасение, что полураздетые пленные не переживут зиму в деревянных лагерных бараках, а выдавать им другие мундиры за казенный счет трудно и накладно [2, с. 74]. Но это и иные аналогичные распоряжения и приказы командования должного эффекта не имели: пленных на фронте грабили вплоть до окончания военных действий в октябре 1920 г. [11; 13; 5, л. 148; 2, с. 126, 127, 129].

Как уже упоминалось в начале статьи, согласно Гаагской конвенции все военнопленные должны были находиться в распоряжении государства, а не отдельных лиц или воинских подразделений, их пленивших. Согласно действовавшим в польской армии инструкциям всех пленных следовало как можно скорее передавать в ведение Министерства военных дел. Но на практике эта инструкция выполнялась далеко не всегда: военнопленных оставляли в распоряжении фронтовых частей для выполнения самых разнообразных работ, вплоть до обязанностей денщиков отдельных офицеров [14].

По оценке председателя созданной сеймом комиссии по проверке дел в заведениях для пленных и тюрьмах Т. Тобачиньского, пленных удерживали в прифронтовой полосе по 4–5 месяцев [28, л. 50]. Из них формировались так называемые «дикие» рабочие команды, оставленные в них военнопленные не ставились на учет в этом качестве, их никто не спрашивал, хотят ли они состоять в рабочих дружинах, и, конечно же, не было и речи об оплате их труда. Предпринятая в начале 1920 г. попытка заменить их рабочими командами, сформированными из узников стационарных лагерей для военнопленных, планировавшегося результата не дала. Лишь в августе было найдено паллиативное решение: личный состав «диких» ставился на учет в штатных рабочих командах, формируемых в лагерях для военнопленных, и с этого момента неформально приписывался к этим лагерям, числясь там как откомандированные на работы [2, с. 251].

Но даже такое решение игнорировалось действующей армией: проведенная в начале сентября чрезвычайная проверка положения дел с пленными во 2-й, 3-й и 4-й армиях показала, что фронтовые части по-прежнему оставляли в своем распоряжении попавших к ним в неволю красноармейцев [2, с. 290, 292]. В ответ на попытку военного министерства добиться выполнения своих приказов по ликвидации «диких» команд Верховное командование согласилось это сделать, но лишь в том случае, если получит взамен 24 штатные рабочие дружины [2, с. 302–303]. В результате вернулись к прежнему паллиативному решению: поставить личный состав незаконных рабочих дружин на учет в штатных рабочих командах.

Таким образом, на протяжении всей войны и вплоть до начала 1921 г. боевые части, вопреки приказам Министерства военных дел, практиковали «присвоение» военнопленных. Не сохранилось почти никаких свидетельств об их судьбе, они были полностью изолированы от контактов с представителями благотворительных организаций, имевшими доступ в стационарные лагеря, на них практически не распространялось действие директивных документов военного

министерства. старавшегося создавать хотя бы видимость соблюдения положений Женевской и Гаагской конвенций. Исключением можно считать только потрясающее по своему трагизму описание ситуации с пленными при штабе польской 18-й дивизии, оставленное делегатом связи реввоенсовета Западного фронта Постнеком: «В первой комнате на полу в грязной соломе валялось человек 10, накрывшись разными лохмотьями и тряпками, и то уже кое-как приведенные в порядок, предупрежденные моим посещением. Больные до того истощены, что еле держатся на ногах и то всем телом трясутся... Те же картины в других комнатах, та же грязь, те же истощенные, пожелтевшие лица... Умирают ежедневно по 4–5 человек. Все без исключения от истощения... Медикаментов вдоволь, каких только необходимо, но от голода лекарство не спасет...» [2, с. 415].

Таким образом, существует множество свидетельств того, что уже в момент пленения военнослужащие Красной армии сталкивались со случаями прямого, неприкрытого игнорирования польской стороной стандартов обращения с пленными, предусмотренных II Женевской и IV Гаагской конвенциями. Жертвами польского произвола стали многие тысячи красноармейцев, так и не дошедших до фронтовых сборных пунктов и не получивших статус пленных. Но при этом их зачастую включали в оперативные сводки как захваченных в плен, что, наряду с другими моментами, весьма затрудняет выяснение вопроса об общей численности красноармейцев, оказавшихся в польском плену.

Литература

1. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. II. М., 1964.
2. Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.: сборник документов и материалов. М., 2004.
3. Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С. Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011.
4. Михутина И.В. Так сколько же советских военнопленных погибло в Польше в 1919–1921 гг.? // Новая и новейшая история. 1995. № 3.
5. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 308. Оп. 4. Д. 2.
6. РГВА. Ф. 471. Оп. 2. Д. 25.
7. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: сборник документов в 4 т. Т. I.: 1918–1926. М., 2017.
8. Шухевич С. Спомини з української галицької армії (1918–1920). Частина V: Від квітня 1919 до серпня 1920. Львів, 1928.
9. D'Aberton Vhr. Osiemnasta decydująca bitwa w dziejach świata pod Warszawą 1920 r. Warszawa, 1932.
10. Bellona. 1919–1939.
11. Centralne archiwum wojskowe (CAW). Naczelne Dowództwo Wojska Polskiego (NDWP). Szefostwo Sanitarne. I.301.17.48.

12. CAW. Oddział IV NDWP. I.301.10.343.
13. CAW. Oddział IV NDWP. I.301.10.346.
14. CAW. SRI DOK I. I.371. 1/A.23.
15. CAW. 1775/89/77.
16. Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej z 1927 r. Nr 21. Poz. 161
17. Grabiec J. Jak odzyskaliśmy Wolną Ojczyznę i jak obroniliśmy ją przed wrogiem. Warszawa, 1921.
18. Handelsman M. W piątym pułku legionów. Dwa miesiące ofensywy litewsko-białoruskiej. Zamość, 1921.
19. Juszkiwicz R. Działania militarne na Mazowszu północnym i w korytarzu Pomorskim. 1920 rok. Warszawa, 1997.
20. Karpus Z. Jeńcy i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924. Toruń, 1997.
21. Kawczak S. Milknące echa. Wspomnienia z wojny 1914–1920. Warszawa, 1991.
22. Kossak T. Wspomnienia wojenne. Kraków, 1925.
23. Matwiejew G., Matwiejewa W. Polska niewola. Żołnierze Armii Czerwonej w niewoli u Polaków w latach 1919–1921.
24. O niepodległą i granice. T. I. Komunikaty Oddziału III Naczelnego Dowództwa Wojska Polskiego. 1919–1921. Warszawa – Pułtusk, 1999.
25. Paszkiewicz G. Wypad na Kliczew. 12.XII.1919. Epizod walk 14 dywizji piechoty Wielkopolskiej nad Berezyną // Bellona. 1924. T. XIII.
26. Pietrzykowski T. Odwrót... Garść wspomnień i obrazków wojennych z czasu walk bolszewickich 1920 r. na podstawie pamiętnika adjutanta 67 p.p. (9p. Strz.Włp). Poznań, 1926.
27. Piłsudski J. Pisma zbiorowe. T. 5. Warszawa, 1937.
28. Sejm Ustawodawczy RP. Sprawozdania stenograficzne. 127 posiedzenie z 5 marca 1920 r. Warszawa, 1920.
29. Sześć listów Józefa Piłsudskiego do Stanisława Szeptyckiego z okresu wojny polsko-radzieckiej // Dzieje Najnowsze. 1971. № 3.
30. Świtalski K. Diariusz 1919–1935. Warszawa, 1992.
31. <http://army.armor.kiev.ua/hist/gaaga.shtml> (data обращения: 28.08.2019).
32. <http://army.armor.kiev.ua/hist/zeneva-ran-1-b.php> (data обращения: 27.08.2019).
33. [https://pl.wikisource.org/wiki/Konwencja_haska_IV_\(1907\)](https://pl.wikisource.org/wiki/Konwencja_haska_IV_(1907)) (data обращения: 27.08.2019).
34. <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DEKRET/18-05-30.htm>.
35. <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=44793#04563619034366271> (data обращения: 27.08.2019).

G.F. Matveev
Lomonosov Moscow State University
**The vicissitudes of the Red Army soldiers' fate at the captivity
 by the Poles**

Key words: II Geneva (1906) and IV Hague (1907) conventions on prisoners of war; Polish-Soviet war of 1919–1920; captured Red Army soldiers.

Having adopted in 1906 the Second Geneva Convention and the Fourth Hague Convention the following year, world community updated the elaborated in the second half

of the 19th century treatment standards of captured enemy combatants (military personnel). The norms stipulated by them obligated only states that voluntarily joined them. The importance of the conventions is indicated by the amendments agreed upon by the belligerents at the meetings in Bern in 1917–1918. In 1919–1920 Poland and the RSFSR formally were not participants to these conventions. But their militaries, especially the command staff, who had plenty of experience behind after the WWI, were familiar with the rules of the treatment of prisoners of war. The study of the attitude of the Poles towards captured Red Army soldiers during the 1920 campaign revealed a number of flagrant violations by them of the provisions of both conventions. Among them: failure to provide medical assistance to the wounded and leaving them on the battlefield; executions, «appropriation» of prisoners by individuals and units, forced inclusion in the «wild» working teams without paying for their labor.

Положение интернированных в польских лагерях в начале 1920-х годов

Ключевые слова: *российская эмиграция; казачество; Польша; интернированные; военнопленные.*

В статье исследуется положение военнопленных в польских лагерях интернированных, их классификация в зависимости от национальности, происхождения и политических взглядов. Рассмотрены условия нахождения в лагере, быт и преимущества отдельных групп интернированных, например казачества или сторонников антибольшевистского режима в России. Отдельно представлены лагеря, предназначавшиеся для военнопленных польско-советской войны, и особенности их содержания. Кроме того, подчеркивается различие в содержании интернированных в том или ином лагере и различие между данными на бумаге и происходящим в реальности. Показано отношение самих военнопленных к условиям проживания в лагерях и способы борьбы: письма начальнику лагеря, в международные организации и в крайних случаях – открытые восстания внутри лагерей. Научное исследование основано на материалах Пражского архива (ГАРФ, г. Москва), эмигрантской периодике и опубликованных документах Архива внешней политики Российской Федерации.

В последнее время в отечественной науке исследователи стали уделять внимание изучению так называемых «темных пятен» истории, которые достаточно часто интерпретируются в зависимости от политических событий в мире или просто замалчиваются. Одним из таких вопросов является положение интернированных (военнопленных, эмигрантов и других категорий) в польских лагерях в первой половине 1920-х гг. Историки уделяли внимание данной проблематике в Польше [14; 19], однако не акцентировали внимание на повседневной жизни отдельных категорий интернированных, например, казачества, которое находилось в несколько более привилегированном положении, нежели остальные. В то же время исследователи истории казачества обращали свое внимание на положение казаков непосредственно в Польше [16] как с правовой, так и с бытовой точки зрения [11; 17; 20; 21], но не рассматривали их повседневную жизнь в лагерях интернированных.

Целью данной работы является освещение еще недостаточно изученной проблемы повседневной жизни в польских лагерях

интернированных. Одним из важных аспектов польско-советской войны представляются условия содержания военнопленных, которые в большинстве своем не соответствовали многим общепринятым международным нормам.

Всех пленных заносили в специальный список учета, в котором содержались все данные: возраст, словесный портрет, когда и кем был пленен [13, с. 56]. Существовали своего рода устав для лагерей и правила поведения военнопленных внутри лагеря. Но этот устав не всегда исполнялся.

Для пленных красноармейцев были предусмотрены лагеря Тухоль, Стшалково, Пикулицы, Перемышль, Вадовице, Модлин, Рембертово, в Лодзи и Бресте. По мере репатриации лагеря закрывались. Военнопленных размещали и в госпиталях. Те, кого отправляли в рабочие команды, входили в категорию приписанных к лагерям. Такие пленные получали дополнительный продовольственный паек, который соответствовал пайку польского солдата (100 г мяса и хлеба, 50 г мармелада и 25 г табака), но не во всех лагерях. В отдельных случаях при большом количестве пленных создавались временные концлагеря [13, с. 88].

Перемещение военнопленных в тыл являлось для них серьезным испытанием, из которого не все выходили живыми. В пути их крайне плохо кормили, в зимних условиях полураздетые пленные перевозились в холодных вагонах. Часто отсутствие обмундирования у военнопленных было следствием ограбления со стороны поляков (военных, конвоиров и т.д.). Польское правительство безуспешно пыталось пресечь грабеж, аргументируя это тем, что «такое поведение противоречит всем международным нормам и приводит к тому, что пленных нельзя затем использовать на работах, иногда очень срочных», к тому же «для государственной казны это было тяжело и накладно» [13, с. 88].

Внутри лагеря военнопленных разделяли на группы, различающиеся условиями содержания. Важную роль играл тот факт, как человек попал в плен: добровольно или нет – и поддавался ли военнопленный антисоветской агитации. От этих и других факторов зависели условия нахождения военнопленных в лагерях.

Первая группа (находились в самых лучших условиях) – «русские, в том числе и казаки», поддающиеся на агитацию за вступление в антисоветские формирования на территории Польши под руководством Б.В. Савинкова. Вторая – «поляки» (красноармейцы польской национальности) – также находилась в хороших условиях. В наиболее тяжелом положении оказались военнопленные из третьей и четвертой

групп, самых многочисленных – «большевики» и красноармейцы, не вошедшие в первую и вторую группу [19, с. 60].

Были еще и другие категории. Например, людей делили на военнопленных, интернированных, беженцев и реэмигрантов. Военнопленных разделяли, в свою очередь, на взятых в плен силой и добровольно сдавшихся. К интернированным относились гражданские лица, которые были арестованы военными властями в зоне боевых действий. В третью категорию входили гражданские лица не польского происхождения, скрывающиеся на территории Польши от преследования. В четвертую – польские граждане, возвращающиеся в страну из принудительной или добровольной эмиграции. Немаловажен тот факт, что под «гражданскими лицами» подразумевались и кадровые офицеры, и солдаты Российской империи, если только они не служили в большевистской или украинской армии, т.е. не воевали против Польши [13, с. 65].

Существовала классификация пленных в зависимости от состояния их здоровья. К категории «А» относились абсолютно здоровые и пригодные для работы. К категории «Б» – либо выздоравливающие, либо просто более слабые, но пригодные к легкой работе. К последней категории «В» – больные, раненые, ослабленные, несовершеннолетние и другие граждане, непригодные к труду [13, с. 122].

Была и другая классификация: к категории «А» причислялись военнопленные-большевики без учета национальности. Их следовало «немедленно изолировать и не допускать никаких контактов с остальными пленными». Эта категория находилась под строгим надзором для них действовали жесткие правила внутреннего распорядка, кроме того, составлялся поименный список пленных для начальника лагеря. Ко второй категории «В» относили пленных польской национальности. Эту категорию так же выделяли особо, потому что к ним следовало относиться «с особой заботой и организовать пропаганду и работу по их национальному просвещению». К этой категории относили и пленных, имевших постоянный вид на жительство в Польше, например белорусов, но для всех действовало одно условие: они не должны быть большевиками. В категорию «С» входили украинцы, но «особое внимание обращали на солдат из частей С.В. Петлюры», так как они могли оказаться полезными в антисоветской работе. К категории «D» относили большевистских пленных, не попавших в группу «А». Среди них проводилась активная агитационная антисоветская работа. Большую часть такой группы составляли либо крестьяне, либо бывшие офицеры царской армии. В отдельную подгруппу выделяли казаков, которых делили по происхождению и территориальной принадлежности. Особо

отмечались донские и кубанские казаки и калмыки, считавшиеся «более надежными элементами» [13, с. 281]. Одна из главных причин более лояльного отношения к казачеству заключалась в том, что их воспринимали как противников большевизма, а следовательно, потенциальных союзников. Многие казаки, взятые в плен на Черноморском побережье Кавказа, были зачислены в состав Красной армии и направлены на польско-советский фронт, где они, порой целыми частями, переходили на сторону противника. Впоследствии из казаков на территории Польши было создано несколько крупных воинских соединений в составе польских войск [18, с. 74].

Например, особое отношение заключалось в том, что в крепости неподалеку от г. Торна была открыта войсковая лавка, а позже – столовая, организована художественно-механическая мастерская, изделия которой продавались в городе (рамочки, детские игрушки и пр.). Кроме того, создавались мастерские по ремонту обуви и изготовлению рыболовных сетей и других изделий из ниток и шпагата [13, с. 281].

Численность кубанского казачества в эмиграции достигала порядка 10 000–12 000 человек [9, л. 94]. Непосредственно в Польше к 1922 г. находилось около 5000 казаков, из которых часть сражалась в рядах Украинской армии, а большинство – в Красной армии. Казаки переходили советско-польскую границу полками, группами или в одиночку и немедленно записывались в польскую армию. К февралю 1922 г. сводно-казачья дивизия была интернирована и находилась в лагере № 7 в Тухоль [8, л. 2].

Содержались казаки в лагерях в высоких кирпичных казармах, в отличие от всех остальных интернированных, живших в землянках [15, с. 56]. Казармы были обнесены высокой проволокой, на воротах стояли польские часовые. Вечером казаки выходили на построение и совместно пели молитву «Отче наш...» и Донской гимн [10, с. 2–3].

Все военнослужащие и гражданские должны были иметь при себе удостоверение личности, в котором указывались звание или чин, фамилия, имя, отчество, вероисповедание, возраст, место рождения и место прохождения военной службы. Это удостоверение необходимо было носить в правом кармане шаровар или в кошелке во избежание его потери. Кроме того, при экстренной транспортировке тяжелобольных или умерших наличие документов упрощало процедуру идентификации личности в госпитале, где информационная карта прикреплялась к каждому человеку [3, л. 6; 6, л. 7].

Между казаками и польскими военнослужащими достаточно часто происходили конфликтные ситуации, поэтому во избежание

последующих недоразумений военным было запрещено носить гражданскую одежду. Кроме того, им не разрешалось покидать бараки после 12 часов ночи, т.е. после выключения света. Посещения родственников за пределами лагеря, например в лазаретах, допускались только с разрешения коменданта и в специально установленное время: с 15 до 17 часов [3, л. 12]. Кроме того, все офицеры сопровождались польскими военнослужащими при направлении в солдатский лагерь, госпиталь или лавку, следуя по намеченному маршруту, не сворачивая никуда по дороге [2, л. 57]. Для выхода за пределы лагеря необходимо было иметь специальный пропуск от командующего войсками округа [2, л. 80–87; 6, л. 13–15]. Пропуска различались по цвету, который определял принадлежность интернированных к той или иной группе: белый пропуск выдавали рядовым армии Н.Э. Бредова, зеленый – офицерам, голубой – остальным мужчинам, розовый – женщинам. С марта 1920 г. пропуска для выхода за пределы лагеря выдавались при протяженности маршрута не более 7 км. В иных случаях необходимо было специальное разрешение коменданта [6, л. 13–15]. Но выходить за пределы лагеря разрешалось только один раз в неделю офицерам, женщинам и детям, солдаты не имели права его покидать [7, л. 128]. Кроме того, интернированные, покидавшие пределы лагеря, должны были иметь удостоверение о прохождении дезинфекции, а также удостоверение о дезинфекции вещей в случае их продажи [4, л. 18].

С середины мая 1920 г. был изменен распорядок в лагере: теперь запрещалось покидать бараки после 10 часов вечера, должна была соблюдаться тишина, к нарушителям порядка применялись суровые наказания, вплоть до ареста. Революционные события отразились негативно на армии, нанеся моральный и нравственный вред большей части военнослужащих. Офицеры и солдаты должны были соблюдать воинскую дисциплину как в самом лагере, так и за его пределами. Кроме того, польские власти запретили интернированным устраивать митинги политического характера и проводить агитационную работу, направленную против советской власти. Всех не соблюдавших нормы поведения, предавали так называемому «суду чести», которые были образованы при каждой войсковой части. В случае нарушения лагерного распорядка или другой провинности общего характера применяли дисциплинарное взыскание [6, л. 21, 38]. Например, за неподчинение польским военнослужащим, а тем более если интернированный был в нетрезвом виде, грозил арест на 14 суток [3, л. 12]. Тем не менее в лагере часто возникали конфликты между офицерами армии генерала Н.Э. Бредова и польскими солдатами. Первопричина их заключалась в том, что казаки обращались к польским солдатам с разными вопросами и

просьбами, а после получения неудовлетворительных ответов офицеры выражали свое недовольство и ругались. Теперь согласно распоряжению все солдаты и офицеры для решения каких-либо вопросов должны были обращаться к генералу П.С. Оссовскому, который уже сам вел переговоры с офицером связи [3, л. 18].

В армии Н.Э. Бредова было разделение офицеров и солдат по национальностям. Один из солдат записался украинцем, так как не хотел подчиняться генералу [5, л. 79].

В мае 1920 г. в лагере была организована медкомиссия для определения состояния здоровья интернированных, после прохождения которой выносилось заключение относительно пригодности к несению службы в Добровольческой армии. Связано это было с тем, что ввиду плохих условий содержания многие интернированные были подвержены различным инфекционным заболеваниям, в том числе туберкулезу [4, л. 16], поэтому большинство из них было негодно к дальнейшей военной службе по состоянию здоровья [4, л. 25–73]. Но многим вместо увольнения предоставляли отпуск продолжительностью в 2–3 месяца. Для получения отпуска по болезни необходимо было пройти медицинское освидетельствование, на основании которого начальник дивизии и комендант лагеря уже выносили окончательное решение [6, л. 38 об.]. Достаточно часто причина недомогания интернированных крылась в плохом качестве питания, в частности хлеба. Хлеб выпекался в антисанитарных условиях и часто вызывал желудочные заболевания из-за недостатков приготовления, добавления большого количества картофеля, причем с кожурой. В готовом продукте встречались куски соли величиной с грецкий орех и даже куски земли и веревок [4, л. 85–87].

Священнослужителям разрешалось устраивать православную церковь [6, л. 21].

Интернированным армии Н.Э. Бредова разрешалось оборудовать собственные кухни для приготовления пищи, а офицерам – отдельные кухни с личным поваром. Все солдаты несли вахту на кухне, но некоторые отказывались там работать; за этим следовал арест. Кроме того, были довольно распространены конфликты на кухне между дежурными и интернированными, которые возмущались из-за маленькой порции еды [5, л. 94 об., 106–106 об.]. В отличие от остальных интернированных, содержащихся в лагерях, каждому из армии Н.Э. Бредова и солдату был положен дополнительный паек: 500 г хлеба, 250 г мяса, 60 г сахара – офицерам и 700 г хлеба, 100 г мяса и 60 г сахара – солдатам. Иногда дополнительно выдавали немного муки, пшена и

консервированной фасоли. Точно в таком же размере продовольственный паек получали и семьи военнослужащих [7, л. 128].

Чины армии Н.Э. Бредова могли устраивать лавки для собственных нужд, кроме того, им разрешалось покупать товары через польских комендантов лагеря. Офицеры могли иметь при себе холодное оружие и револьверы, однако без патронов. Рядовые солдаты – только сабли, так как они являлись памятными и именными. Все оружие, в том числе холодное, сдавалось на хранение в специальные сейфаузы, находившиеся под надзором коменданта лагеря [10, с. 2–3]. Вся канцелярия, архив и полковые знамена оставались на хранении у начальников частей или полков. Деньги и иные ценные вещи разрешалось держать при себе, однако из-за частых краж [5, л. 184] администрация лагеря настоятельно рекомендовала сдавать их на хранение на склад. Размен валюты и продажа ценных вещей разрешалась только в государственных учреждениях с посредничеством коменданта лагеря, все сделки без его участия запрещались. Кроме того, всем офицерам и солдатам необходимо было вести себя подобающим образом согласно воинскому регламенту [10, с. 2–3]. За торговлю спиртными напитками арестовывали на 14 суток [3, л. 11]. Виновных в нарушении порядка и дисциплины задерживали органы польской полиции, которые, в свою очередь, передавали их русскому начальнику, он уже докладывал начальнику лагеря о происшествии [6, л. 13–15].

Для интернированных была организована и прачечная при лагере. Однако белье на стирку принималось только в определенные дни [3, л. 92].

При содействии Христианского союза американской молодежи (УМСА) в лагере были организованы курсы для малограмотных и неграмотных казаков, которые охотно посещали их, и численность слушателей достигала 200 человек. Занятия длились по два часа утром и вечером. Предполагалось открыть курсы и по некоторым специальностям, например, курсы шоферов, на которые сразу же записалось 250 человек [10, с. 2–3]. Кроме того, в полку была организована футбольная команда, участвовавшая в спортивных соревнованиях. Матч с командой польского пехотного полка закончился со счетом 7 : 1 в пользу казаков [10, с. 3].

Хозяйственные навыки и практичность казаков сказались на их жизни в лагере: работали различные мастерские по изготовлению сетей, корзин и плетеной мебели, игрушек, рыболовы ловили рыбу в Висле.

Несмотря на то, что всем офицерам выплачивали жалование за счет Красного Креста [1, л. 45], многие из них старались найти работу за

пределами лагеря. Однако в большинстве своем они попадали практически в рабство.

Отдельно выделялись пленные иностранных государств – группа «Е», «F» и «G». К группе «Е» относили пленных литовцев, так как они являлись гарантами хорошего отношения литовских властей к польским военнопленным. В «F» входили эстонцы, финны и латыши. Их следовало размещать отдельно и как можно скорее отправлять на родину. К группе «G» относили пленных армян, грузин, татар, китайцев, немцев, венгров, греков, чехов и т.д. Отправка на родину таких военнопленных зависела от желания и содействия заинтересованных в этом государств. В обособленную группу «H» включали евреев, которых следовало содержать изолированно. Евреев делили на русских и поляков, в отношении вторых проводили расследования по выявлению государственных изменников и дезертиров. Изменников судил полевой суд [13, с. 456].

Советское руководство в декабре 1920 г. попыталось добиться отмены разделения пленных на группы, но это ни к чему не привело [15, с. 31–32]. Не совсем ясно, с чем было связано такое количество классификаций. Первая классификация появилась в июле 1919 г., через пять месяцев после пленения первых красноармейцев, в мае этого же года была издана инструкция для лагерей. В среднем новые классификации вводились раз в четыре-пять месяцев.

Несмотря на то, что польское правительство распространило подробную инструкцию по содержанию и внутреннему распорядку лагерей для военнопленных, которая несколько раз уточнялась и дорабатывалась, часто ей не следовали. Российские историки выявили в архивах сведения о злоупотреблениях местной администрации лагерей, о воровстве продуктов, о ненадлежащем состоянии барачных землянок и т.д.

Были лагеря, условия содержания в которых соответствовали требованиям Международного комитета Красного Креста (МККК) (например, лагерь в Стшалково), но были и такие, где не соблюдалась ни одна международная конвенция (например, лагерь в Брест-Литовске) [13, с. 74]. В распоряжении Министерства военных дел Польши в конце августа 1919 г. отмечалось, что «неоднократная отправка пленных вглубь страны без соблюдения самых элементарных требований санитарии привела к заражению многих лагерей пленных инфекционными заболеваниями». Часто сами лагеря являлись источниками инфекций. В лагерях бушевали эпидемии. В документах упоминаются сыпной тиф, дизентерия, испанка, холера, малярия, туберкулез и многие другие заболевания. У военнопленных практически не было медицинского

обслуживания [19, с. 61]. Почти во всех лагерях наблюдалась сильная нехватка медицинских препаратов.

Были нередки случаи, когда военнопленные, недовольные своим положением, жаловались в международные наблюдательные организации, а когда и это не помогало, то устраивали бунты в лагерях.

Лагеря военнопленных существовали в Польше некоторое время после завершения обмена военнопленными с Советской Россией. В них содержались интернированные военнослужащие бывших союзников Польши: украинцы атамана Петлюры, россияне из формирований генералов С.Б. Перемыкина и С.Н. Булак-Балаховича, казаки из отрядов М.И. Яковлева и А.И. Сальникова, многие из которых впоследствии добровольно остались в Польше [12].

Таким образом, положение интернированных в лагерях в большинстве случаев было достаточно тяжёлым. Сами военнопленные разделялись на группы в зависимости от национальности и политической принадлежности, что могло гарантировать получение каких-либо льгот и послаблений; например, казачество имело ряд преимуществ по сравнению с остальными интернированными: они могли выходить за пределы лагеря, носить оружие, как холодное, так и огнестрельное, но без патронов. Кроме того, им разрешалось организовать собственные кухни. Любые конфликты правление лагеря пыталось решать как можно быстрее, а впоследствии делало все необходимое для предотвращения подобных ситуаций. Кроме того, среди интернированных проводилась активная агитационная антибольшевистская работа, направленная в первую очередь на поиск потенциальных сторонников в борьбе с большевизмом.

Литература

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Ч. 1.
2. ГАРФ. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 1. Ч. 2.
3. ГАРФ. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАРФ. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 4.
5. ГАРФ. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 6.
6. ГАРФ. Ф. 1886. Оп. 1. Д. 8.
7. ГАРФ. Ф. 5814. Оп. 1. Д. 15.
8. ГАРФ. Ф. 5872. Оп. 1. Д. 15.
9. ГАРФ. Ф. 5872. Оп. 1. Д. 26.
10. Голос казачества. 1921. 25 сентября. № 6.
11. Ёлкин А. И. Русские казаки в Польше в 20–40-е годы XX века // Вісник Харківського національного університету ім. В.Н. Каразіна. Історія. 2002. № 0566. Вип. 34. С. 100-108.

12. Карпус З. Пленные забытой войны. Польские лагеря для красноармейцев в 1919–1921 гг. // Независимая газета. 2000. 19 октября. URL: <http://www.polonica.ru/node/231> (дата обращения: 18.11.2012).
13. Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг. Сборник документов и материалов. М., СПб.: Летний сад, 2004. 936 с.
14. Матвеев Г.Ф. О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919–1920 гг. // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 120–129.
15. Памятных А. Пленные красноармейцы в польских лагерях // Новая Польша. 2005. № 10. С. 31–45.
16. Ратушняк О.В. Казаки эмигранты в Польше в первой половине 1920-х гг. // Мир славян Северного Кавказа. Краснодар, 2013. Вып. 7. С. 211–218.
17. Ратушняк О.В. Кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2013. № 4. С. 34–41.
18. Ратушняк О.В. Донское и кубанское казачество в эмиграции (1920–1939 гг.). Краснодар, 1997.
19. Симонова Т.М. Советская Россия (СССР) и Польша: Русские антисоветские формирования в Польше (1919–1925 гг.). М.: Квадрига, Зебра Е, 2014. 368 с.
20. Симонова Т.М. Русские пленные в польском плену в 1919–1920 гг. // Военно-исторический журнал. 2008. № 2. С. 60–64.
21. Телепень С.В. Кубанские и другие белоказачьи формирования в Польше (1920–1922 гг.) // Историко-культурное наследие и современность: материалы республиканской науч.-практ. конф. Краснодар, 1995. С. 90–92.

A.A. Mikulenok

North Caucasus Branch of Russian State University of Justice

The internees in camps in Poland in the first part of the 1920s

Key words: The Russian emigrants; The Cossacks; Poland; internee; POW.

The article is dedicated to history of the daily life of the internee in Poland. The author shows conditions of life in the internees' camps and special conditions, which did not have others category of the internees. The present academic research is based on the archival documents of the Prague City archive (the State Archive of the Russian Federation, GARF, Moscow, migrants periodicals etc.)

Разные группы пленных в польских лагерях в 1918–1924 гг.: современная польская и российская историография*

Ключевые слова: польско-советская война 1919–1920 гг.; пленные красноармейцы; историография.

В статье рассматриваются основные направления современной – начиная с 1990-х годов – историографии одного аспекта польско-советской войны – судеб красноармейцев, захваченных в плен в ходе польско-советской войны (1919–1920 гг.), содержащихся в польских лагерях в 1919–1922 годах. Попытки объективно осветить этот вопрос, входящий в число спорных моментов отношений России и Польши, предпринимаются на правительственном уровне путем создания двусторонних рабочих исследовательских групп, публикации документов и выработки единых подходов. В настоящее время четко прослеживаются принципиальные разногласия между российскими и польскими историками по целому ряду вопросов.

Переломным моментом в изучении вопроса о численности и судьбе красноармейцев, попавших в польский плен в ходе польско-советской войны 1919–1920 гг., стал 1990 г. [16, с. 8]. Именно в начале 1990-х гг., когда между Россией и Польшей происходил обмен архивными материалами по спорным вопросам двусторонних отношений, советской стороне в обмен на документы по катынскому вопросу были переданы копии ряда материалов, касающихся истории польско-советской войны 1919–1920 гг. Среди них были документы польского лагеря Стржалково¹, согласно которым общее число умерших в нем за три года красноармейцев составляло 5340 человек.

С начала 1990-х гг. и в России, и в Польше был опубликован целый ряд исследований и сборников документов, посвященных судьбе красноармейцев, попавших в польский плен в ходе польско-советской войны 1919–1920 гг.

Первым отечественным историком, привлечшим внимание исследователей и общественности к трагической судьбе советских

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках госзадания по теме «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе», проект № 33.1419.2017/ПЧ.

¹ В русскоязычных источниках и литературе встречается два варианта написания названия польского концентрационного лагеря Strzalkowo – Стржалково, Стршалково и Стшалково.

пленных в польском плену, стал Ю.В. Иванов. В 1993 г. в «Военно-историческом журнале» Министерства обороны Российской Федерации была опубликована его статья «Задолго до Катыни. Красноармейцы в аду польских концлагерей», рассказывающая про ужасающие условия содержания советских военнопленных в польских лагерях [7]. Статья представляет собой публикацию выдержек из документов 1921 г. из Архива внешней политики Российской Федерации (АВП РФ), зафиксировавших факты протестов российской стороны против жестокого обращения с пленными красноармейцами в польских лагерях. Автор, не заостряя внимания на разных группах пленных, со ссылкой на «ноту Чичерина»¹ приводит число погибших в плену (60 тысяч человек на сентябрь 1921 г.) [7, с. 22].

В изданной в 2014 г. монографии «Очерки истории российско(советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы» Ю.В. Иванов оперирует понятием «российские пленные» [8]. Исследователь сравнивает позиции российских и польских авторов по спорным вопросам пребывания красноармейцев в польском плену, а также публикует большое число документов из АВП РФ, зафиксировавших нечеловеческие условия содержания красноармейцев в польских лагерях, вызвавшие массовую смертность. Автором единично употребляется словосочетание «советские пленные»; в разы чаще – «красноармейцы»; однако самыми часто употребляемыми являются определения «российские солдаты» и «российские пленные», которые в лагерях оказались в основном в результате предпринятого 20 августа 1920 г. контрудара под Варшавой [8, с. 91]. О «российских пленных» говорится в статье Ю.В. Иванова и М.В. Филимошина «Все пленные были парализованы ужасами» [9, с. 22].

Отметим, что семантически «российские пленные» Ю.В. Иванова и М.В. Филимошина – это те же «красноармейцы», о которых пишет большинство отечественных исследователей, но далеко не те «rosyjscy jeńcy» («российские военнопленные»), которых упоминают современные польские авторы (З. Карпус. В. Резмер и другие).

В статье «Десятками стрелял людей только за то, что... выглядели как большевики» М.В. Филимошин называет цифру погибших и умерших в польском плену красноармейцев (83,5 тысячи), обращая внимание на то, что пленные умирали не только в результате голода и болезней, но и по целому ряду других причин, например, в результате

¹ Нота народного комиссара по иностранным делам РСФСР Г.В. Чичерина от 9 сентября 1921 г., направленная в польскую дипломатическую миссию в Москве. В этом документе на польские власти возлагается «страшная громадная вина ... в связи с ужасающим обращением с российскими пленными», а также говорится о том, что «в течение двух лет из 130 тысяч русских пленных в Польше умерло 60 тысяч». Документ опубликован в сборнике «Документы внешней политики СССР». М., 1960. Т. 4. С. 319.

произвола и расстрелов. Автором приводятся факты того, как русских пленных польские солдаты использовали в качестве мишеней при стрельбе [24, с. 46]. В название статьи вынесена цитата из польского источника, в которой говорится: то, как «большевик» виделся каждому конкретному польскому солдату или мирному жителю, без суда и следствия решало судьбу каждого конкретного «узника войны». Реальные и предполагаемые большевики, евреи, коммунисты и даже только заподозренные в принадлежности к ним наиболее часто подвергались насилию и произволу. Вспомним польские пропагандистские плакаты 1920 г. с лозунгом «*Wię bolszewica!*», изображавших красивого благородного польского гусара и этого самого «большевика» со звероподобным лицом. Многие отечественные авторы, занимающиеся проблемами как судьбы красноармейцев в польском плену, так и отношения поляков в целом к российским / советским пленным, отмечают задокументированные факты лично немотивированной, не осознаваемой акторами агрессии в отношении представителей реальных и мнимых большевиков-евреев.

В 1999 г. Институтом российской истории РАН была опубликована монография Н.С. Райского «Польско-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев». Исследование написано в основном на материалах российских архивов 1918–1922 гг., а также советских и польских открытых источников этого же периода. Говоря о военнопленных, интернированных, заложниках и беженцах, Н.С. Райский использует более широкое понятие «жертвы войны».

Н.С. Райским проблема пленных рассматривается в контексте «беженцев» периода Первой мировой войны. Отдельная группа, которую выделяет автор, – это мирные российские граждане, проживавшие на территории Польши. Автор отмечает: «Занимая города и населенные пункты, legionеры Польской армии учиняли погромы, арестовывали коммунистов и им сочувствующих» и среди мирного русского населения. Кроме того, исследователь обращает внимание на то, что жестокое отношение поляков к военнопленным было не только в лагерях. Такое же насилие и бесчеловечное отношение зафиксировано в документах не только периода польско-советской войны, но и предшествующего периода, например расстрел миссии Российского отделения Красного Креста в январе 1919 г. Насилие польские legionеры чинили не только над русским мирным населением, но и над белорусским населением Белостока, Слонима. Исследователь приводит данные о расстреле 6 марта 1919 г. в Пинском госпитале шести санитаров.

В этот период политические противники молодого польского государства содержались не только в лагерях, но и в тюрьмах: «к тому времени (к началу 1919 г. – *О.К.*) в Польше были арестованы и находились в тюрьмах сотни коммунистов, членов профсоюзов и представителей советской власти на занятых поляками территориях». Со ссылкой на письмо начальника политсекции при политуправлении РККА Лапиньского (Левинсона) в письме Чичерину (сентябрь 1920 г.) Н.С. Райский говорит о такой группе, как политзаключенные (коммунисты и просоветски настроенные польские общественные деятели): «в лагерях и тюрьмах сидят по меньшей мере 5–6 тысяч политзаключенных. <...> В одном Демблине сидит около тысячи ... условия ужасные и партия из 500 поименно указанных подготовлена». Это так называемые «гражданские пленные», за освобождение которых высказывалась российская сторона.

В исследовании приводятся данные о погибших в плену красноармейцах в разных лагерях, говорится о многочисленных фактах издевательств и жестоких расправ. Делая вывод о причинах высокой смертности бойцов РККА в польских лагерях, Н.С. Райский цитирует заявление председателя РУД Е. Аболтина (1923): «...может быть ввиду исторической ненависти поляков к русским или по другим экономическим или политическим причинам военнопленные в Польше рассматривались поляками не как безоружные солдаты противника, а как бесправные рабы» [23, с. 87].

М.И. Мельтюхов в монографии «Советско-польские войны» говорит о более чем 146 тысячах красноармейцев, взятых поляками в плен в 1919–1920 гг., из числа которых около 60 тысяч умерли в лагерях. В качестве причин смерти называются далекие от «каких-либо гуманитарных стандартов» условия содержания, расстрелы, произвол польских должностных лиц. Отмечается, что особым издевательствам подвергались такие группы пленных, как коммунисты и заподозренные в принадлежности к ним, а также женщины. В то же время и простые пленные нередко становились жертвами произвола военных польских властей. Затрагивая вопрос о причинах такого отношения к советским военнопленным, автор говорит о роли «многолетней пропаганды “вины” России перед Польшей» среди польского населения [19, с. 105].

Наиболее полными и систематическими исследованиями проблемы пребывания красноармейцев в польском плену являются работы российского историка Г.Ф. Матвеева. В качестве ответственного составителя он выступил при подготовке сборника документов «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.», публикация которого стала возможной благодаря подписанному соглашению между

Федеральным архивным агентством России и Генеральной дирекцией государственных архивов Польши. Как отмечается в вводной статье к изданию, «...включенные в публикацию документы позволили отразить объективную картину пленения красноармейцев, создания лагерей военнопленных на территории Польши, условий содержания и обращения с пленными, тяжелых бытовых и санитарных условий, высокой смертности от болезней и эпидемий, состояния и ухода за местами захоронений пленных красноармейцев на польской территории ранее и теперь». Однако, как пишет Г.Ф. Матвеев, длившаяся более трех лет работа над сборником показала «серьезные расхождения во взглядах на некоторые вопросы войны и плена между российскими и польскими участниками проекта» [15], вследствие чего к публикации дано два предисловия. Это максимально наглядно отражает два разных методологических подхода к одному корпусу опубликованных документов и два разных взгляда на заявленную проблему.

Г.Ф. Матвеев, выступая автором предисловия российской стороны, последовательно проводит термины «красноармейцы», «военнослужащие РККА» и более широкое понятие «узники войны». Используемое применительно к рассматриваемой проблеме понятие «узники войны» коррелирует с английским «prisoner of war» (POW). Английское POW энциклопедией *Britanica* объясняется как любое лицо, захваченное в плен или интернированное как реальный, или потенциальный, или предполагаемый противник.

«Узники войны» в польских лагерях, о которых пишет Г.Ф. Матвеев, – это и военнопленные (российские, украинские и многих других национальностей), и интернированные, и гражданские пленные, и рабочие бригады, и многие другие группы, которые стали жертвами войны, развязанной Польшей весной 1919 г. Историком отмечается факт содержания в плену медицинских работников (400 медсестер в августе 1920 г.) [14, с. 14–15].

Г.Ф. Матвеев предлагает изучать судьбу не только «оказавшихся в лагерях», но и «попавших в польский плен», ведь далеко не все пленённые добрались живыми до стационарных лагерей в Польше, многие погибли от голода и холода во время транспортировки с линии фронта, часть пала жертвами произвола воинских подразделений, многие были добиты на поле боя местными жителями – гражданами новообразованного польского государства. Если брать в расчет бойцов РККА, умерших до попадания в стационарные польские лагеря, то число умерших, по мнению автора, может достигать 18% от общего числа попавших в плен, что составляет 25–28 тысяч человек [17, с. 42–43].

Историк приводит сведения из сводок оперативного отдела верховного командования Войска Польского (сообщения с 13 февраля 1919 г. по 18 октября 1920 г.), в которых «польские военные сообщили о пленении не менее 206 877 военнослужащих Красной Армии» [14, с. 10]. Эти данные, как отмечает Г.Ф. Матвеев, сопоставимы с советскими данными о потерях РККА, хранящимися в Российском государственном военном архиве (РГВА), и другими документами. Историк называет свою, уточненную, цифру попавших в плен бойцов РККА: 157 тысяч человек за 20 месяцев войны [14, с. 11]. Это число с разбивкой на отдельные периоды выглядит следующим образом: более 36 400 человек с начала войны и до начала польского наступления на Украине (25 апреля 1920 г.), более 35 тысяч – в ходе польского наступления на Украине и военных действий в Белоруссии (25 апреля – 6 июня 1920 г.), 9600 человек – в ходе советского наступления (6 июня – 15 августа) и около 75 тысяч человек – с 16 августа до подписания перемирия. В числе этих 75 тысяч, как считает исследователь, 45 тысяч было пленено в сражении за Варшаву [Там же].

Автором отмечаются различия в судьбе разных групп военнопленных: военнослужащих Украинской галицийской армии (УГА), пленных, завербованных в антисоветские формирования, работавших в рабочих бригадах и других.

В сборнике документов «Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.» приведен целый ряд документов, зафиксировавших наличие разных групп военнопленных в польских лагерях, отношение к которым польских властей было различным. Так, в телеграмме Адольфа А., возглавлявшего делегацию РСФСР на переговорах с Польшей, который основывался на сведениях, полученных от Стефании Семполовской, сообщается о разделении пленных на четыре группы: россияне-«белые», поляки-красноармейцы, большевики и «коммунисты». Описывалось, что первые две группы находились в достаточно сносных условиях, словом «большевики» определялась бóльшая часть пленных, «коммунисты» оказывались в самых ужасающих условиях. Там же опубликованы документы, зафиксировавшие, что особенно жестоко обращались с евреями и коммунистами, которые «жили в такой тесноте, что часто даже нельзя было найти место, чтобы лечь» [11, с. 348–352, 446, 581–585]. По крайней мере с сентября 1920 г. в лагерях практиковалось разделение заключенных на группы, в основе которого лежали этнические и политические критерии. Заключённые были разделены на семь групп: группа «А» – коммунисты, почти полностью изолированные от остальных заключенных. В схожем положении находились евреи и литовцы (группы «G» и «E»). Пленные других групп должны были жить

в отдельных бараках, но уже не подлежали строгой изоляции [11, с. 280–282].

В предисловии к этому же сборнику, подготовленному польскими историками З. Карпусом и В. Резмером, говорится в основном о ходе боевых действий польско-советской войны, но не о численности и ужасающих условиях содержания пленных, вызвавших их массовую гибель. В работе есть единичные упоминания о «красноармейцах» как о категории пленных. Авторами чаще всего используется формулировка «российские и украинские пленные», а «украинские» делятся на «пленных» и «интернированных гражданских лиц», захваченных во время боев за Львов, Восточную Галицию и Волынь в 1918–1919 гг.

В 1919 г. «российские и украинские пленные» находились в одних и тех же лагерях: Стшалково, Домбе, Пикулице, Брест-Литовск, Ланьцу, Вадовице. Польские историки признают, что вначале условия их содержания были плохими: в лагере в Брестской крепости в 1919 г. умерли более 1 тысячи российских и украинских пленных. Однако вскоре условия были улучшены [10, с. 20].

Как в этом, так и в других своих исследованиях З. Карпус и В. Резмер заостряют внимание на массовом освобождении украинских пленных и интернированных зимой 1919 – весной 1920 г. [Там же]. Это массовое освобождение авторы принимают за рубеж, после которого всех оставшихся в польских лагерях они начинают именовать «советские военнопленные» и «большевистские военнопленные», используя эти определения как синонимы. Намного реже встречается название «российские пленные».

Польские авторы отмечают, что военнопленные и интернированные разных национальностей и армий находились в одних и тех же лагерях, но в изолированных друг от друга отделениях (районах). Опуская вопрос об ужасающих условиях содержания военнопленных, обусловивших смерть нескольких десятков тысяч человек, польские историки описывают судьбу одной тысячи заключенных – латышей, немцев, венгров, австрийцев – военнослужащих РККА, которые выразили желание вернуться на родину и поэтому были освобождены [Там же].

Говоря о «военнопленных евреях», польские авторы не приводят ни одного факта жестокого отношения к евреям как к этнической группе, которые также зафиксированы в многочисленных опубликованных документах. Вместо этого утверждается, что евреи в польских лагерях свободно отмечали свои религиозные праздники при содействии ближайших к лагерям еврейских вероисповедальных общин [Там же].

Не предлагая обоснованной методики и не выводя общее число прошедших за три года через польские лагеря красноармейцев, З. Карпус и В. Резмер как итоговую дают цифру в 110 тысяч человек, которые «находились на территории Польши 18 октября 1920 г.» [10, с. 24]. Также польские исследователи утверждают, что за три года (февраль 1919 г. – октябрь 1921 г.) в польском плену умерло не более 16–17 тысяч **российских военнопленных** (выделено нами. – *О.К.*) [10, с. 26]. Одновременно делается заявление о том, что нет никаких документальных данных или доводов, позволяющих обвинить польские власти в проведении «целенаправленной политики уничтожения голодом или физическим путем **большевистских военнопленных**» [10, с. 25].

Конечной датой истории польских лагерей польские исследователи называют 1924 г. Именно до этого времени в них содержались те, кого З. Карпус и В. Резмер именуют «бывшие восточные союзники», – завербованные в польских лагерях в 1919–1920 гг. польскими властями участники антисоветских формирований. Уже в 1921 г. эти «бывшие военные союзники Польши во время войны на востоке» (формулировка авторов статьи. – *О.К.*) были повторно направлены в польские же лагеря, только уже вместе с членами их семей (*sic!*). Всего около 30 тысяч человек [10, с. 27–28]. Это еще одна категория заключенных, дважды прошедших польские лагеря, к которой добавляются еще жены и дети этих «бывших военных союзников».

В 1997 г. в Польше были изданы два сборника документов, подготовка которых связана с именем З. Карпуса: «Jency i internowani rosyjscy i ukraińscy na terenie Polski w latach 1918–1924» («Российские и украинские военнопленные и интернированные на территории Польши в 1918–1924 годах») и «Tuchola. Oboz jencow i internowanych 1914–1923» («Тухоль. Лагерь военнопленных и интернированных. 1914–1923 гг.»). В первом проводится четкое разграничение между судьбой и условиями содержания «украинских» и «российских» / «большевистских» военнопленных. Особое место отводится рассмотрению вопроса о членах антисоветских формирований в польском плену. Основная часть заключенных польских лагерей с ноября 1919 г. по весну 1920 г. – это военнопленные и интернированные с территории Восточной Галиции (на ноябрь 1919 г. – 6075 офицеров и солдат УГА и большая часть из 6208 интернированных) [28, с. 52], содержание которых в лагерях было весьма удовлетворительным. Автор подробно рассказывает о театральных и музыкальных организациях, лагерных постановках, многочисленных и разнообразных кружках по интересам, издании внутрилагерных газет и многих других идилических фактах. Завершается всё освобождением всех украинских пленных к весне 1920 г.

В 2009 г. была опубликована статья З. Карпуса «Stosunki polsko-ukrainskie w okresie kształtowania się polsko-ukrainskiej granicy wschodniej w latach 1918–1921» («Польско-украинские отношения в период формирования польско-украинской восточной границы в 1918–1921 годах»), в которой приводятся цифры в 13 935 офицеров и солдат УГА в польском плену (ноябрь 1919 г.) и 20 тысяч гражданских интернированных [29, с. 8–9] и рассказывается о заботливом отношении польских властей к этим украинским пленным.

Заявления о «гуманном» отношении польских властей к украинским пленным охотно тиражируются в работах националистической направленности. Так, например, в книге белорусского историка А.П. Грицкевича «Борьба за Украину» со ссылками на работы З. Карпуса говорится о почти идиллических условиях содержания украинских военнопленных в польских лагерях, где для них были организованы школы для неграмотных, курсы для офицеров по иностранному языку, драматические и музыкальные кружки; а в мае 1921 г. сам начальник польского государства Пилсудский приезжал в один из лагерей и извинялся перед украинскими офицерами за такое их незавидное положение [4, с. 502–504].

Определение «российские», вынесенное в заголовок монографии З. Карпуса [28] и используемое многими современными польскими авторами, включает в себя как российских военнопленных периода Первой мировой войны, содержащихся в немецких лагерях на отошедшей в 1918 г. к Польше территории, так и советских, которые, в свою очередь, подразделяются как минимум на «украинских» и «большевистских».

Историю «российских» военнопленных З. Карпус начинает с лагерей Тухоль, Черск и Гданьск, созданных Пруссией и Австро-Венгрией осенью 1914 г. в Гданьском Поморье. По мнению автора, «вина за первые тысячи погибших россиян лежит на немцах и австрийцах». После 1918 г., чтобы спасти лагерь от разрушения, разграбления местными жителями и в «военно-политических целях», их стали использовать польские власти [28, с. 64].

Помимо исследований обобщающего характера, внимание польских авторов привлекли Тухоль и Стржалково – два главных лагеря для большевиков.

В 1994 г. в опровержение определения лагеря Тухоли как польского «лагеря смерти» была опубликована статья З. Карпуса «Oboz jencow nr 7 w Tucholi (1914–1921)» («Лагерь военнопленных номер 7 в Тухоли (1914–1921)»). Повествование начинается с существования «немецкого лагеря Тухоли» для российских военнопленных и интернированных

периода Первой мировой войны, приводятся данные о смертности россиян. Описывая «украинский» и «большевистский» периоды истории польского лагеря Тухоли, историк называет итоговую цифру в 1 950 умерших в период польско-советской войны.

В развитие этого направления исследования в 1997 г. З. Карпусом и В. Резмером была издана фундаментальная публикация документов по истории лагеря Тухоли «Tuchola. Oboz jencow i internowanuch 1914–1923», снабженная обширной вступительной статьей. Основной тезис, который, по мнению авторов, отражает подготовленный ими сборник, заключается в том, что «условия обращения и условия жизни большевков-заключенных в лагере Тухоли не сильно отличались от заключенных стран Антанты во время Первой мировой войны» [32, 1. VIII]. Работы российских историков ими характеризуются как «эмоциональные», необоснованно завышающие число погибших красноармейцев в десять раз, дающие характеристику Тухоли как «лагеря смерти», в котором «якобы за короткое время одного года (август 1920 – октябрь 1921) умерло 22 тысячи красноармейцев» [32, 1. LXX]. Проводя подсчеты погибших в польских лагерях красноармейцев, за отправную точку польские исследователи берут период Первой мировой войны. В качестве сравнения приводится число умерших за 1914–1918 гг. в немецком Тухоли – 1 289 россиян и 2 471 румын [32, 1. XVII]. В лагере Черска, который отличался худшими условиями, в «немецкий период» умерли 3 252 российских, 7 476 румынских и 249 пленных из других стран [32, 1. XIX]. Опровергая опубликованные ранее польские и российские данные о 22 тысячах погибших в Тухоли советских «узников войны», современные польские историки, не ссылаясь ни на какие документы, приводят общие рассуждения о невозможности гибели двух тысяч человек в месяц в одном лагере.

По мнению З. Карпуса и В. Резмера, в польский лагерь Тухоли первые заключенные (солдаты УГА) начали прибывать в мае 1920 г. [32, 1. XXIII]. Отношение к ним было весьма гуманным, бóльшую часть из них вскоре отпустили. По данным польских исследователей, за этот год в Тухоли умерло всего три (!) украинских военнопленных: один застрелен при попытке побега, двое других умерло от болезней [32, 1. LXIX]. Количество военнопленных большевиков в лагере стало резко увеличиваться после битвы под Варшавой осенью 1920 г. Самое большое число (около 11 тысяч человек) было зафиксировано в начале марта 1921 г. [32, 1. LXIX].

В работе приводятся ужасающие описания условий содержания пленных из польских источников: описывается факт нахождения в одной землянке 260 ожидавших дезинфекцию человек, которые лежали на

земле голыми, без одежды; среди них было три трупа и один человек, у которого кровь шла из горла. В выводах же авторы придерживаются заявленной в предисловии концепции и общее число погибших россиян выводят с учетом погибших в Первую мировую войну в немецких лагерях: всего в лагерях Поморского воеводства, по подсчетам авторов, с 1914 по июль 1921 г. погибло 17 492 заключенных разных национальностей, в том числе россиян и большевиков – 4 841 человек [32, л. XXI].

Истории второго «центрального лагеря для большевистских военнопленных» Стшалково посвящены исследования польского историка В. Ольшевского. В 2012 г. была опубликована его работа «Jency i internowani zmarli w obozie Strzalkowo w latach 1915–1921» («Военнопленные и интернированные, умершие в лагере Стшалково в 1915–1921 годах») [31]. Так как историк занимался идентификацией захоронений на кладбище в Стшалково, в его работе тесно переплетены история лагеря и кладбища, кроме того, автором был составлен поименный список захороненных здесь в 1915–1921 гг.

В 2013 г. вышла на русском языке книга В. Ольшевского «Красноармейцы и интернированные, умершие в лагере для военнопленных Стшалково в 1919–1921 гг.» [21]. Датировка исследования отлична от польского издания, однако заявления о массовой гибели российских пленных в немецком Стшалково приводятся здесь. В книге дан список умерших в Стшалково военнопленных, красноармейцев («русских») среди них около шести тысяч человек из восьми тысяч умерших. Автор выделяется первый этап в лагерь – это украинские пленные. Именно они составили бóльшую часть умерших (1 200 человек), плюс 500 интернированных украинцев с членами семей и 500 пленных периода Первой мировой войны. Описывая различные группы погибших, автор замечает, что чисто «красноармейцев» очень трудно выделить в общей массе пленных, так как в плен попадало большое число тыловых обозных частей. Кроме того, евреев, заподозренных в лояльности Советской власти, тоже причисляли к категории «большевики».

В 2013 г. в Польше был опубликован сборник документов «Jeńcy sowieccy w Polsce 1920–1921» / «Советские военнопленные в Польше 1920–1921 гг.», который представляет собой подборку сообщений Секции военнопленных и интернированных Штаба Министерства военных дел, подготовленную коллективом авторов – З. Карпусом, В. Резмером и Э. Росовской. Это издание, содержащее параллельные тексты на русском и польском языках, повторяет и закрепляет описанную выше

концепцию польских исследователей. Изданию предпослано введение, написанное З. Карпусом и В. Резмером.

Повествование начинается с периода Первой мировой войны, когда в Центральных державах находилось более 2 млн русских военнопленных и несколько сот тысяч принудительных работников. После окончания Первой мировой войны началось массовое возвращение из Германии в Россию этих людей через территорию Польши. Миграция, как отмечают польские исследователи, была очень велика: с 15 ноября 1918 г. по 20 января 1919 г. через территорию Польши прошло в сумме больше 510 тысяч пленных, в том числе 210 тысяч поляков и 281 тысяча русских. Называя это жестом доброй воли со стороны Польши, исследователи отмечают, что независимая Польша закрыла данный путь. С 22 января 1919 г. эвакуация российских пленных периода Первой мировой войны шла через Щецин в Ригу или Петроград морским путем.

В отечественной историографии знаковым событием последних лет стал выход в свет монографии Г.Ф. Матвеева и В.С. Матвеевой «Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах» [16]. В основу исследования легли документы из российских, польских, швейцарских архивов, а также опубликованные источники и мемуары. В работе охарактеризован существующий корпус источников, проведен обзор современной историографии, а также дан сравнительный анализ существующих методологических подходов и концепций. Авторами предпринята попытка установить общую численность попавших в польский плен красноармейцев, а также проследить весь путь с момента пленения до возвращения на Родину по репатриации. Общее число попавших в плен бойцов РККА авторами определяется в 206 тысяч человек, из них непосредственно в стационарных лагерях, расположенных в Польше, – 157 тысяч. Предлагая и обоснованно отстаивая свою методику подсчета погибших пленных красноармейцев, российские исследователи называют число от 25 до 28 тысяч человек. Количество умерших в Стшалково определяется в девять тысяч человек [16, с. 104].

В 2017 г. был опубликован совместный труд российских и польских историков, подводящий итоги деятельности российско-польской группы по сложным вопросам и позволяющий сопоставить взгляды исследователей двух стран на наиболее важные проблемы двусторонних отношений [1]. В разделе «Начало» вопрос о советских военнопленных был обозначен Г.Ф. Матвеевым: называется цифра в 75 699 красноармейцев и командиров, вернувшихся на Родину после окончания репатриации. Судьба остальных более чем 80 тысяч пленных сложилась

по-разному, но, как отмечает автор, многие из них умерли от ран, недостаточной медицинской помощи, истощения, холода, эпидемий инфекционных заболеваний и др. [17, с. 42]. Отмечая, что никакие подсчеты количества умерших красноармейцев не могут претендовать на точность, Г.Ф. Матвеев называет ориентировочные цифры «от 25 до 28 тыс. человек, то есть примерно 18% реально оказавшихся в плену красноармейцев» [17, с. 42–43].

В разделе «Начало» польские исследователи Д. Липиньская-Наленч и Т. Наленч заявляют, что вопрос о пленных красноармейцах – это проблема политическая [12, с. 68]. Со ссылкой на исследования З. Карпуса и опубликованные документы, авторы говорят о 80–85 тысячах красноармейцев, содержащихся в польских лагерях в конце 1920 г. При этом акцент делается на том, что около половины из этого числа (42 тысячи из 77 тысяч всего), хотя и числились в лагерных списках, по факту работали на польские государственные учреждения и частных лиц, главным образом в сельском хозяйстве. «Участь» этой половины, по мнению авторов, «была гораздо лучше по сравнению с теми, кто оставался в лагерях: их лучше кормили, они жили в лучших санитарных условиях» [12, с. 68–70]. Авторы статьи приводят цифру 16–17 тысяч погибших в польском плену красноармейцев. Лагерями, в которых умерло больше всего военнопленных, называются Стшалково (8 тысяч человек) и Тухоли (1 800–2 000 человек); в остальных лагерях – 6–8 тысяч человек в сумме [12, с. 70].

Очевидно, что в ближайшие годы тема пленных красноармейцев в польских лагерях будет дополняться все новыми исследованиями. Одновременно российскими историками начинает активно разрабатываться проблематика положения польских военнопленных в лагерях Центральной России.

Литература

1. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Научное издание / под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда; отв. ред. А.В. Малыгин, М.М. Наринский. М.: Аспект Пресс, 2017. 823 с.
2. Введение // Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.: сборник документов и материалов. – М.: СПб.: Летний сад, 2004.
3. Гриф секретности снят: Потери Вооруженных Сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах: статистическое исследование / В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин [и др.]; под общ. ред. Г.Ф. Кривошеева. М.: Воениздат, 1993. 415 с.
4. Грицкевич А.П. Борьба за Украину, 1917-1921 / А.П. Грицкевич; под науч. ред. А.Е. Тараса. Минск: Современная школа, 2011. С. 502–504 (серия «Неизвестная история»).

5. Документы и материалы внешней политики СССР. Т. 4: 19 марта – 31 декабря 1921 / под ред. Л.С. Гапоненко [и др.]; пред. ком. А.А. Громыко. М.: Госполитиздат, 1960.
6. Дурачинский Э. (Польша). О польской историографии новейшей истории // История и историки: историографический вестник. 2004 / отв. ред. А.Н. Сахаров. М., 2004. С. 264–310.
7. Иванов Ю.В. Задолго до Катыни. Красноармейцы в аду польских концлагерей // Военно-исторический журнал. 1993. № 12.
8. Иванов Ю.В. Очерки истории российско (советско)-польских отношений в документах. 1914–1945 годы. М.: Международные отношения, 2014. 384 с.
9. Иванов Ю.В., Филимошин М.В. Все пленные были парализованы ужасами. Военно-исторический журнал. 1995. № 5.
10. Карпус З., Резмер В. Предисловие польской стороны. Российские военнопленные в лагерях в Польше в 1919–1921 гг. // Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.: сборник документов и материалов. М.; СПб.: Летний сад, 2004.
11. Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.: сборник документов и материалов. М.; СПб.: Летний сад, 2004. 912 с.
12. Липиньская-Наленч Д., Наленч Т. Начало // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях: научное издание / Под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда; отв. ред. А.В. Малыгин, М.М. Наринский. М.: Аспект Пресс, 2017.
13. Матвеев Г.Ф. О численности пленных красноармейцев во время польско-советской войны 1919–1920 годов // Вопросы истории. 2001. № 9. С. 120–126.
14. Матвеев Г.Ф. Предисловие российской стороны // Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.: сборник документов и материалов. М.; СПб.: Летний сад, 2004.
15. Матвеев Г.Ф. Еще раз о численности красноармейцев в польском плену в 1919–1922 годах // Новая и новейшая история. 2006. № 3. С. 47–56.
16. Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С. Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М.: ООО «Родина-медиа», 2011.
17. Матвеев Г.Ф. Начало // Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях. Научное издание / под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда; отв. ред. А.В. Малыгин, М.М. Наринский. М.: Аспект Пресс, 2017.
18. Назаров О.Г. «Систематическое убийство людей!». О причинах гибели красноармейцев в польском плену // Pro memoria.
19. Мельтюхов М.И. Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001. 464 с. (Военные тайны XX века)
20. Назаров О.Г. «Систематическое убийство людей!». О причинах гибели красноармейцев в польском плену // Pro memoria. С. 112–115.
21. Ольшевский О. Красноармейцы и интернированные, умершие в лагере для военнопленных Стшалково в 1919–1921 гг.: [пер. с польск. В.Т. Веденеевой]. М.: Политическая энциклопедия, 2013.
22. Польские военнопленные в РСФСР, БССР и УССР в 1919–1922 гг.: документы и материалы / сост. И.И. Костюшко. М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 2004. 404 с.

23. Райский Н.С. Польшко-советская война 1919–1920 годов и судьба военнопленных, интернированных, заложников и беженцев. Институт российской истории РАН. 1999 г. 89 с.
24. Филимошин М.В. «Десятками стрелял людей только за то, что... выглядели как большевики» // Военно-исторический журнал. 2001. № 2.
25. Jeńcy sowieccy w Polsce 1920–1921 : zbiór komunikatów Sekcji Jeńców i Internowanych Sztabu Ministerstwa Spraw Wojskowych / wybór i oprac. nauk. Zbigniew Karpus, Waldemar Rezmer, Ewa Rosowska; Ambasada Rzeczypospolitej Polskiej w Moskwie, Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu, Centralne Archiwum Wojskowe. Toruń: Uniwersytet Mikołaja Kopernika; Warszawa: Amalcker, 2013.
26. Советские военнопленные в Польше 1920–1921. Сборник сообщений Секции военнопленных и интернированных Штаба Министерства военных дел. Торунь, 2013.
27. Karpus Z. Oboz jencow nr 7 w Tucholi (1914–1921) // Studia I Materialy do Historii Wojskowosci. 1994. T. XXXVI, S. 138–148.
28. Karpus Z. Jericy i internowani rosyjscy i ukrairyscy na terenie Polski w latach 1918–1924. Torun, 1997.
29. Karpus Z. Stosunki polsko-ukrainskie w okresie kształtowania sie polsko-ukrainskiej granicy wschodniej w latach 1918–1921 // Torunskie Studia Miedzynarodowe. 2009. № 1.
30. O niepodległai granice, 1.1. Komunikaty Oddziału III Naczelnego Dowodztwa Wojska Polskiego. 1919–1921. Warszawa – Pultusk, 1999.
31. Olszewski W. Jency i internowani zmarli w obozie Strzalkowo w latach 1915–1921. Warszawa: Wydawnictwo Rytm, 2012.
32. Tuchola. Oboz jencow I internowanych 1914–1923. Opraz. Z.Carps, W.Rezmer. Torun, 1997.
33. White Eagle, Red Star. The Polish-Soviet War 1919–20 and `the miracle on the Vistula`. Первое издание – Macdonald & Co, 1972. Переиздания: Orbis Book, 1983; Pimlico, 2003.

O.V. Kornilova

Smolensk State University

**Different groups of Prisoners-Of-War in Polish camps in 1918–1924:
modern Polish and Russian historiography**

Key words: *Russian emigration; Cossacks; Poland; internees; prisoners of war.*

The article discusses the situation of prisoners of war in Polish internment camps, their classification into groups depending on nationality, origin and political views. The conditions of being in the camp, the life and advantages of certain groups of internees, for example, the Cossacks or supporters of the anti-Bolshevik regime in Russia, are examined. The camps intended for prisoners of war of the Polish-Soviet war and the features of their maintenance are noted. In addition, the difference in the content of internees in a particular camp and the difference in the position of prisoners of war between the data on the papers or in accordance with the international and actual ones is emphasized. It also shows the attitude of the prisoners of war themselves to living conditions in the camps and methods of struggle: letters to the head of the camp, to international organizations, and in extreme cases, open uprisings inside the camps. The scientific research is based on archival materials of the Prague Archive (GARF, Moscow) of the expat periodical and published documents of the Archive of Foreign Policy of the Russian Federation.

Польский фактор и крымская эпопея генерала П.Н. Врангеля (1920 год)*

Ключевые слова: *Гражданская война в России; П.Н. Врангель; Белое движение; польско-советская война; Польша.*

Статья посвящена взаимосвязи крымской эпопеи Русской армии генерал-лейтенанта барона П.Н. Врангеля и советской-польской войны 1920 г. По утверждению автора, Врангель и его окружение сделали ставку на максимально долгую борьбу Советской России и Польши Ю. Пилсудского. Поддержка Врангелем поляков дискредитировала Белое движение в глазах многих его сторонников; в свою очередь, в советском лагере она воспринималась как национальная измена. Никакой выгоды из своей польской ориентации Врангель не извлек, его расчет на обретение могущественного союзника в лице Польши не оправдался. Заключение Советской Россией и Польшей перемирия позволило Красной армии обрушиться всей своей мощью на Крым, а Польша тем самым сыграла роковую роль в судьбе белого движения.

К началу 1920 г. Красная армия, казалось бы, могла торжествовать триумфальную победу в изнурительной и кровопролитной Гражданской войне: стремительно откатывался на Юг дошедший к октябрю до Орла генерал А.И. Деникин; был повержен и, как оказалось, доживал свои последние дни адмирал А.В. Колчак; потерпели крах генералы Н.Н. Юденич и Е.К. Миллер – на Северо-Западе и Севере России. Сменивший Деникина Врангель мог обещать своим потрепанным войскам лишь достойный выход из сложившегося тяжелейшего положения – о победе никто из реалистов в белом стане весной 1920 г. не мог и помышлять. Шанс на продолжение борьбы врангелевцам подарила Польша, война которой с Советской Россией привела к тому, что неизбежная капитуляция белого Крыма, во многом predetermined самим соотношением сил, была отложена на несколько месяцев.

Известна ленинская фраза о том, что «польское наступление и врангелевское – это одно наступление Антанты» [7, с. 384]. Эта теза

* Исследование выполнено в СПбГУ в рамках гранта № 19-18-00073 «Национальная идентичность в имперской политике памяти: история Великого княжества Литовского и Польско-Литовского государства в историографии и общественной мысли XIX–XX вв.» Российского научного фонда. This research was supported by the grant No 19-18-00073 «National Identity in the Imperial Politics of Memory: History of The Grand Duchy of Lithuania and the Polish-Lithuanian State in Historiography and Social Thought of the 19th – 20th Centuries» of the Russian Science Foundation.

захватывала не только советского лидера, об этом говорил, например, и А.А. Брусилов [1, с. 288–289]. Сколь это справедливо?

Белое командование отчетливо осознавало, что в случае отсутствия со стороны Русской армии наступательных действий занятие Крыма Красной армией является только вопросом времени. После неудачной попытки расширить базу Русской армии стало очевидно, что режим Врангеля в Крыму недолговечен, а вопрос о ликвидации врангелевщины большевиками связан исключительно с внешним фактором – тем, сколь долго будет продолжаться польско-советская война. Предельно откровенно это высказал в своих воспоминаниях видный белый генерал Д.П. Драценко: «Каждый, внимательно следивший за действиями Крымской армии на фронте Каховка – Александровск – Бердянск, невольно поражался той энергии, подвижности и смелости, с коими Главное Командование перебрасывало свои резервы, всюду нанося большевикам поражения. Десятки тысяч пленных, сотни орудий, тысячи ружей и пулеметов, десятки броневиков и бронепоездов были результатом этих поистине тигровых прыжков. Целые отряды, корпуса и даже армии большевиков были уничтожены или приведены в полную негодность, но Крымская армия все же почему-то вертелась на одном месте и не могла выйти за линию Каховка – Александровск – Бердянск. На место уничтоженного отряда, корпуса большевиков появлялись другие части и, подвергаясь участи своих предшественников, вновь заменялись свежими. Сами большевики называли фронт Крымской армии – мельницей генерала Врангеля, ибо действительно все, посылаемое на этот фронт, уничтожалось, но и самый фронт, подобно мельнице, оставался на месте. Армия, правда, крепла числом и духом, но очень медленно, а между тем у поляков с Совдепией начались переговоры о мире. Было ясно, что если Крымская армия продвигалась вперед с большим трудом при условии, что главные силы большевиков (около 40 дивизий) были отвлечены против поляков, то что же будет, когда все эти силы, или хотя бы половина их, обрушится на Крым...» [4, л. 182].

Стремление к максимальному расширению военного и политического сотрудничества со всеми антибольшевистскими силами, выраженное в формуле «Хоть с чертом, но против большевиков», предопределяло попытку сближения Врангеля с Польшей.

Белый главнокомандующий понимал, что только максимально длительная борьба Советов с Польшей является гарантией сохранения существования белого Крыма. Как следствие, Петр Николаевич полагал, что предельно тесная, хотя, может быть, и не открыто провозглашенная (поначалу Врангель не стремился к заключению каких-либо специальных соглашений с польскими военными и дипломатами) [17, с. 246],

координация действий Русской и польской армий крайне выгодна для Крыма. «Согласованность наших операций с операциями на польском фронте приобретала первенствующее значение», – признавался Врангель, отмечавший в то же время, что «политическая обстановка исключала возможность каких-либо непосредственных соглашений с польским правительством и требовала особой осторожности с нашей стороны, дабы согласовать с поляками наши военные операции, не связывая себя в то же время никакими политическими обязательствами» [2, с. 499].

Неудачу в переговорах о совместном ведении боевых действий против большевиков осенью 1919 г. Врангель сводил к чересчур прямолинейной дипломатии Деникина [12, с. 56–67]. Для Петра Николаевича было очевидно, что использование такого серьезного противника Советов, как абсолютно не подверженные большевистской пропаганде поляки, [10, л. 13 об.], во благо Крыма, а следовательно – и национальной России. Еще в июне 1920 г. Врангель телеграфировал в российское дипломатическое представительство в Варшаве, что для него «польские войска не только не являются вражескими, но рассматриваются как союзные, поскольку Польша борется не с русским народом, а с советским режимом...» [17, с. 253]. Парадокс, однако, был в том, что, как вспоминал осведомленный дипломат Г.Н. Михайловский, «сочувствие всех членов русской белой миссии в Варшаве [было] на стороне большевиков» [8, с. 511]. Вместе с тем и представители военных кругов, и дипломаты отчетливо осознавали: единственный шанс Врангеля на продолжение борьбы с большевизмом заключался в максимальном затягивании срока польско-советской войны, т.е. в следовании принципу «враг твоего врага есть твой союзник», как бы это цинично ни выглядело по отношению к своей Родине... Предельно четко данную мысль выразил в дневниковой записи близкий к Врангелю А.А. Лампе: «Дай Бог, чтобы большевистско-польская кадрили тянулась с переменным успехом возможно больше – это нам во всяком случае на руку» [3, л. 80].

Дипломатический представитель Врангеля в Варшаве Г.Н. Кутепов, разделявший «идеологию национального чувства», спрашивал Михайловского: «Неужели вы думаете, что Врангель удержится после того, как большевики избавятся от поляков?!» [8, с. 512].

Влиятельный политик правого толка Н.В. Савич, близкий к генералу Врангелю, вспоминал: «Вообще то обстоятельство, что мы вели борьбу с большевиками во время войны с Польшей, вызывало у нас известное смущение. С одной стороны, все радовались, когда мы наносили удар большевикам, с другой – боялись, что победа поляков не

принесет России освобождения, но за нее придется расплачиваться не большевикам, а русскому народу...» [14, с. 386].

Летние успехи Красной армии на Польском фронте привели к повышению интереса поляков к переговорному процессу с белыми, возросла и политическая значимость врангелевского Крыма [6, с. 118–119]. Вместе с тем даже в столь непростом положении, в каком находилась летом 1920 г. Польша, она не торопилась связывать себя обязательствами в отношениях с Врангелем. Отчаянные попытки миссии генерала П.С. Махрова, прибывшего в Варшаву в середине сентября 1920 г. [13, с. 85], ускорить заключение фактического соглашения между Врангелем и Польшей не увенчались успехом. Махров вспоминал потом, что вроде бы и сам Ю. Пилсудский был сторонником соглашения с белыми, но штаб генерала Врангеля потратил три драгоценные недели на урегулирование сугубо военных вопросов, что вызвало «в польском командовании недовольство, а сведения о внутренней политике Главнокомандующего – раздражение...». На встрече с Махровым Пилсудский «озабоченно» заявил о том, что «до сих пор он не видит со стороны генерала Врангеля желания приступить к переговорам о политическом соглашении с Польшей и украинцами», и о том, что «совершенно неожиданно для него политическая обстановка резко изменилась» и со дня на день между поляками и советской делегацией будет подписано перемирие [20, р. 342, 348]. Таким образом, надежды Врангеля на военный союз с поляками не оправдались – разочарование и Махрова, и белого главнокомандующего было велико. В действительности, по словам биографа Пилсудского В. Сулея, маршал и не думал заключать союз с белыми, так как целью «восточной политики Пилсудского было не временное, а полное устранение угрозы со стороны России» и выступление «против той силы, которая после столкновения “белого” и “красного” империализмов осталась бы на поле битвы. В интересах Польши было – с учетом ее ориентированной на Запад позиции – чтобы этой силой в России были большевики, а не белые» [15, с. 236]. «Белый империализм» казался полякам более опасным, чем «красный», как следствие, «игра на усиление» Врангеля, равно как и прежде – Деникина, была для поляков невыгодна. Полное осознание этого пришло к белому командованию слишком поздно.

Подписание предварительных условий мира между Советской Россией и Польшей сделало все усилия белой дипломатии по заключению договора с Пилсудским тщетными. По утверждению генерала Б.С. Пермикина, командующего 3-й Русской армией, формирующейся в Польше, «последний шанс возможности нашего союза с поляками был пропущен во время наступления большевиков на

Варшаву» [11, с. 86]. После победы под Варшавой и крушения большевистских планов по овладению польской столицей у поляков не было резонов видеть во Врангеле спасителя от уже несуществующей опасности поглощения Польши большевиками, к тому же Польша, по наблюдению генерала П.С. Махрова, была «утомлена войной», а идея продолжения войны была непопулярна у польского народа. С этим не мог не считаться даже сверхамбициозный Пилсудский, грезивший идеей Великой Польши от «моря до моря» [19, р. 279]. Заключение перемирия в этой ситуации, учитывая надломленность обеих сторон конфликта, было predetermined; после этого белый Крым остался один на один с Советской Россией. Когда до чинов Русской армии Врангеля стали доходить слухи о том, что «поляки с большевиками заключили перемирие и начали переговоры о мире в Риге, у всех здравомыслящих мелькнула мысль – конец Крыму», – вспоминал вернувшийся в Советскую Россию генерал Ю. Гравицкий [5, с. 116]. Подписание предварительных условий мира между Советской Россией и Польшей стало для белого Крыма роковым – командование красных получило возможность бросить все силы на разгром Врангеля [16, с. 76]. Еще 9 августа до главного командования Русской армией дошли сведения о «вероятности заключения поляками мира с Москвой в этнографических границах». «Наше положение становилось действительно критическим. Не было сомнения, что по заключении перемирия с поляками красные бросят на нас такие силы, против которых мы не будем в состоянии обороняться», – вспоминал генерал П.Н. Шатилов, alter ego Врангеля и начальник его штаба [18, с. 426]. Сам Врангель так прокомментировал поведение поляков: «Поляки в своем двуличии остались себе верны» [2, с. 630], даже не пытаясь скрыть свое раздражение: главнокомандующий надеялся, что «польское правительство, под давлением Франции, будет возможно более оттягивать заключение мира, дав нам время закончить формирование армии на польской территории или, по крайней мере, перебросить русские войска в Крым. Получение свежих пополнений, военного снабжения и осуществление намеченного займа дали бы возможность продолжать борьбу» [2, с. 628]. Надежды Врангеля не оправдались: поляки просто не пожелали принять в расчет резоны белого диктатора.

Разгром Врангеля и великий Русский исход остатков его армии на чужбину были уже не за горами. Предельно четко высказался в своих воспоминаниях профессиональный генштабист, полковник Е.Э. Месснер: «Прекращение польско-советской войны сделало положение Русской армии безнадежным» [19, р. 326]. «Что за фатальная роль Польши в эти трагические для России времена!» – горестно восклицал

один из лидеров кадетов Н.И. Астров в письме А. Тырковой-Вильямс [9, с. 823].

Большевистско-польская «кадриль», о необходимости продолжения которой когда-то с надеждой писал А.А. Лампе, была недолгой, а надежды Врангеля на долгую войну между РСФСР и Польшей и на военный союз с последней, что позволило бы белому Крыму укрепиться и заручиться поддержкой мощного союзника, несостоятельными. Кроме того, сам факт опоры на поляков в период их борьбы с большевиками безмерно дискредитировал белую армию в глазах многих и многих, посчитавших поддержку Врангелем поляков в момент их наступлению на *Россию антирусским* делом. Ярким выразителем подобной позиции был, например, генерал А.А. Брусилов.

Польская ориентация Врангеля не принесла пользы белому делу; в очередной раз проигравшей оказалась Россия, об интересах которой и не помышляла Польша, чья позиция во многом предопределила неудачу как Деникина, так и Врангеля.

Литература

1. Брусилов А.А. Мои воспоминания. Харьков: Фолио, 2012. 528 с
2. Врангель П.Н. Воспоминания: в 2 ч. 1916–1920. М.: ЛитРес, 2006. 567 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 3.
4. ГАРФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 719.
5. Гравицкий Ю. Белый Крым (1920 г.) // Военная мысль и революция. 1923. Кн. 2. С. 98–121.
6. Гришанин П.И., Ермаков В.П. П.Н. Врангель и Польша: сложности и противоречия взаимоотношений // Крым. Врангель. 1920 год / сост. С.М. Исхаков. М., 2006. С. 116–124.
7. Ленин В.И. Известные документы. 1891–1922. 2-е изд. М.: РОССПЭН, 2017. 671 с.
8. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. В 2 кн. Кн. 2: Октябрь 1917 г. – ноябрь 1920 г. М.: Международные отношения, 1993. 688 с.
9. Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма / сост. Н.И. Канищева. М.: Российская политическая энциклопедия, 2012. 1111 с.
10. Национальный архив Республики Беларусь. (НАРБ). Ф. 8. Оп. 1. Д. 7. Доклад РВС Западного фронта. 24.01.1920.
11. Пермикин Б.С. Генерал, рожденный войной. Записки 1912–1959. М.: Посев, 2011. 283 с.
12. Пученков А.С. Национальная политика генерала Деникина (весна 1918 – весна 1920 года). 2-е изд., испр. и доп. М.: Научно-политическая книга, 2016. 399 с.
13. Росс Н.Г. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1982. 362 с.
14. Савич Н.В. Воспоминания. СПб.: Logos; Дюссельдорф: Голубой всадник, 1993. 490 с.
15. Сулея В. Юзеф Пилсудский. М.: Летний сад, 2009. 448 с.; ил.

16. Ушаков А.И., Федюк В.П. Белый Юг. Ноябрь 1919 – ноябрь 1920. М.: АИРО-XX, 1997. 100 с.
17. Цветков В.Ж. Белое дело в России. 1919–1922 гг. (формирование и эволюция политических структур Белого движения в России). М.: Наука, 2013. Ч. 1. 495 с.
18. Шатилов П.Н. Записки: в 2 т. Ростов н/Д: Альтаир, 2017. Т. 1. 579 с.
19. Columbia University Libraries, Rare book and Manuscript Library, Bakhmeteff archive. (BAR). Messner Collection. Рукопись Е.Э. Месснера «Мои воспоминания». Раздел I, часть IV. Предоставлено С. Машкевичем (Нью-Йорк).
20. (BAR). Petr S. Makhrov collection. Box 4. Махров П.С. Генерал Врангель и Б. Савинков. Предоставлено С. Машкевичем (Нью-Йорк).

A.S. Puchenkov

Saint Petersburg State University

Polish Factor and Crimean Epic of General P.N. Wrangel (1920)

Key words: *Civil war in Russia; P.N. Wrangel; White movement; Soviet-Polish war; Poland.*

The article is devoted to the relationship of the Crimean epic of the Baron P.N. Wrangel Russian army and the Soviet-Polish war (1920). According to the author, Wrangel and his entourage counted on the longest possible duration of the struggle between Soviet Russia and Poland, Y. Pilsudsky. Wrangel's support for the Poles discredited the White Movement in the eyes of many of his supporters. In turn, in the Soviet camp it was perceived as national treason. Wrangel did not derive any benefit from his Polish orientation; his calculation of gaining a powerful ally in the person of Poland was not justified. The signing of a ceasefire by Soviet Russia and Poland allowed the Red Army to fall into Crimea with all its might, and Poland, thereby, played a fatal role in the fate of the White movement.

Польско-советская война 1920 года в провинциальной периодике (на материалах «Тверской правды»)

Ключевые слова: война; внешняя политика; общественное мнение; периодическая печать; Польша; Советская Россия.

В статье на основе анализа провинциальной печати (на материалах газеты «Тверская Правда») рассматривается формирование общественного мнения населения Советской России в отношении событий польско-советской войны 1920 г. Автор приходит к выводу о том, что советская периодическая печать постоянно и довольно подробно знакомила читателей с военными событиями на Западном фронте, с международной ситуацией вокруг России. Советское правительство настойчиво транслировало идею миролюбивой внешней политики Советской России, противопоставляя ее агрессивной политике империалистических государств, желавших удушить советскую власть. Форпостом этой борьбы определялась Польша, имевшая реванистские устремления в отношении России. Только мощь Красной армии, пролетарская солидарность и нужда в сырьевых ресурсах, по мнению советских газет, заставили западный мир смириться с существованием советской системы.

Советско-польские отношения являлись постоянным предметом научных интересов отечественных исследователей [1; 2; 3]. В массе своей эти работы посвящены внешней политике и военным действиям на Западном фронте. Работ же, рассматривающих стремление властей объяснить населению происходящее, нет. В этой связи целью данного исследования становится анализ провинциальной прессы, отражавшей события польско-советской войны.

Для ответа на поставленные в работе задачи мною были проанализированы аналитические статьи и информационные материалы органа губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов и Тверского губернского комитета РКП «Тверская Правда». Анализ содержания других провинциальных газет: «Красный Север» (Вологда), «Советская Сибирь» (Новосибирск) – показывает, что они почти одинаково освещали события международной жизни. Аналитические статьи представляли собой изложение губкомовскими работниками основных идей партийных съездов, партийных вождей и пересказ текстов из центральных газет, в основном «Правды» и «Известий». Информационные материалы получали из Москвы в виде сообщений РОСТА.

Непростые отношения между Польшей и Советской Россией имели место на всем протяжении Гражданской войны. В 1920 г. стороны вступили с большим недоверием в отношении друг друга. Градус подозрительности оказался столь высок, что уже в конце января 1920 г. советская сторона вынуждена была уверять население страны в том, что «Советская Россия и Украина не хотят нападать на Польшу». Советские газеты публиковали заявление СНК РСФСР и временного украинского правительства Польше и польскому народу, «что красные войска не переступят нынешней линии фронта, сохраняя надежду, на то, что все спорные вопросы будут разрешены в духе добрососедских соглашений России с Польшей». Однако жителям России сообщалось, что на все предложения советской стороны о мире империалистические державы отвечают отказом. Более того, они подбивают Польшу на войну с Советской Россией. Особенно агрессивна Франция, доставляющая обмундирование и военное снаряжение в Польшу, а французский «мясник Фош» хочет поехать в Польшу с целью «толкать и руководить». Все это требовало от населения «быть на страже» [4].

Последующие сообщения показывали агрессивную сущность Польши, объявившей всеобщую мобилизацию. Польский министр иностранных дел Патек заявил в Вене, что Польша не примет предложений Советской России и будет воевать, «пока не достигнет своих целей». И это несмотря на то, что широкие круги финансовой и промышленной буржуазии стоят за мир с Россией [5]. Это же заявление польского министра иностранных дел было повторено в газете на следующий день под заголовком «Польша непримиримая» [6]. О непримиримости Польши свидетельствует и ее агрессивная политика в отношении Германии. По сообщению из Польши, в субботу поляки заняли город Кениц на границе с Германией в нарушение условий заключенного с ней мира, что фактически привело к прекращению сообщений с Восточной Пруссией [7].

Однако ситуация вокруг Польши складывалась не совсем благоприятная, и в политических кругах Варшавы стали говорить об условиях заключения мира с Россией. По сообщению газеты «Курьер Поранний», основной предпосылкой для мира с Россией является независимость Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины. Вероятной причиной являлось и восстание среди войсковых частей, сформированных из белорусов, жестоко подавленное поляками [8]. Тональность заявлений министра иностранных дел Патека изменилась. В беседе с журналистами он заявил, что предложения РСФСР являются положительными, конкретными и лишь манифест ВЦИК к польским рабочим заставляет усомниться в искренности мирных намерений. Патек

поставил вопрос: «Что сказало бы Советское правительство, если бы Польша принялась за агитацию в России?» [9].

С середины февраля советские газеты стали говорить о том, что мир с Польшей недалек. По сообщению варшавских газет, польское правительство намеревается на следующей неделе сообщить, на каких условиях возможен мир с Россией [10]. На следующий день писали, что Польша наступать не будет по многим причинам. Прежде всего, Антанта поняла, что, разгромив Деникина, Колчака, Юденича, Советы могут разбить и Польшу. Антанта осознала выгодность мира с Россией. Она нуждается в русском хлебе и сырье. Польша занята спорами с Литвой и Германией. Польский пролетариат не хочет войны. Готовится всеобщая забастовка [11]. Более того, на конференции в Варшаве при участии социалистов – членов сейма, представителей профсоюзов и Варшавского совета рабочих депутатов было постановлено, что если польское правительство отклонит мирные предложения России или под давлением буржуазии будет стараться свести на нет мирные переговоры, то следует употребить все силы, чтобы не допустить войны с Россией. Необходимо, чтобы представители рабочих Польши были допущены к участию в мирных переговорах [12].

Несмотря на то, что в Варшаве особой комиссией вырабатывается проект польско-русского мирного договора, который будет представлен еще до начала переговоров для одобрения мирной конференции [13], Польша выражала свое недовольство запрещением со стороны Англии воевать с Россией, обвиняя ее в содействии распространению большевизма. Однако решение Верховного совета о праве каждой из стран вести самостоятельную политику в отношении России, возможно, означало, что Франция и Польша могли воевать против России. Правда, отмечалось, что Франция все больше склоняется к миру, а маленькая Польша не в состоянии вести войну без поддержки Антанты. У империалистов нет общего языка в «русском вопросе». У каждого свои шкурные интересы в ущерб общему интересу капиталистических стран – интересу уничтожения большевизма [14].

В этой ситуации поляки, отклоняя всякие мирные инициативы и не желая идти на переговоры с РСФСР, и выдвигали неприемлемые условия – восстановления Польши в границах 1772 г. (это означало, что к Польше должны отойти часть Латвии, Литва, Белоруссия и вся Правобережная Украина). По примеру германского генерала Гофмана, который при заключении Брестского мира под видом плебисцита хотел присоединить к Германии негерманские местности, поляки считали наиболее важным определение границ согласно интересам и желаниям местного населения, что при условии польской военной оккупации «будет лишь комедией».

Дальше поляки намерены предъявить еще более страшное требование: чтобы для ратификации мирного договора в России был созван буржуазный парламент. Под влиянием польского правительства на митинге в Варшаве выдвинуто было даже требование об отделении всех нерусских народностей от Советской России. Однако в сообщении союзникам Польша заявила, что она идет навстречу русским предложениям [15]. В следующих номерах вновь рассказывалось о стремлении Польши восстановить границы 1772 г. Отмечалось, что намерения поляков вызывали неприятие со стороны ее соседей, увеличивая число недругов Польши. В частности, против Польши вооружилась Чехословакия. Попытки Польши получить свой Брест провалились. Как сообщают, польское правительство отказалось от требований восстановления Польши в границах до первого раздела [16].

Однако спустя два дня Российская и Украинская Советские Республики обратились к союзникам и Польше с нотами относительно наступления поляков на Россию и Украину. Газета описывает зверства поляков, творимые ими при занятии Мало-Казимилова, где в ночь на 5 марта был расстрелян бобруйский уездвоенкомат в полном составе [17]. Польша не настроена на мир и выставила против России 700–800 тыс. войска [18].

В переговорах с Россией Польша избрала метод уклонения. Польша не соглашается проводить переговоры в какой-либо нейтральной стране, настаивая только на Борисове, тем самым отодвигая начало переговоров. Неизвестный автор статьи объясняет, что Борисов – это город, который был отобран у России Польшей, и вести там переговоры означает признать право Польши на русские территории, тем более что Польша не намерена установить перемирие на всем протяжении фронта, а ограничится только районом Борисова, что даст возможность польской армии вести боевые действия на других участках и захватывать российскую территорию. В этом же номере газеты помещены два рисунка, где польская буржуазия выжидает и не спешит помириться с Советской Россией, а польские рабочие и крестьяне не хотят ждать [19].

Уже летом, в разгар боевых действий, газеты стали писать все чаще, что Россия воюет не с польским народом, а только с польскими помещиками и буржуазией, которые обманывают крестьян, заявляя, что Россия хочет их угнетать, что в России ненавидят Советскую власть и большевики подкуплены Германией [20].

Телеграммы, помещаемые в газетах, все больше говорили о зверствах поляков и негодовании населения оккупированных территорий. Особенно сопротивлялось польской оккупации население Галиции и Белоруссии [21], подзуживаемое Украинским советским

правительством, призывавшим население взять оружие в руки для защиты страны от поляков [22]. Несмотря на французскую помощь, у Польши заканчивались ресурсы. Польшу сотрясал политический кризис, усиливалось забастовочное движение, рабочие требовали обязательного заключения 10-дневного перемирия и начала переговоров с Советской Россией. Однако польское правительство, согласившись на мирные переговоры, поставило целью тянуть время, чтобы подготовить удар по Советской России. В ходе наступления поляки разрушили два города «и теперь оттягивает наши силы, по зарезу нужные для мирного строительства» [23].

Однако с конца июня стали поступать сведения о наступлении войск Красной армии. В польской же армии наметилось разложение. Отмечалось, что польские войска не хотят воевать, солдаты бунтуют и отказываются идти на фронт. Некоторые полки прогнали своих офицеров. Такая ситуация в войсках и на фронте заставила поляков искать мира. Польское осведомительное бюро в Берлине сообщало, что польский посланник в Берлине выехал в Лондон с целью войти в сношения с Красиным по вопросу начала мирных переговоров [24]. Для того чтобы продержаться до похода помощи Антанты, поляки мобилизуют население Белоруссии, Пруссии и Познани. Вследствие неудач на фронте издан приказ по польской армии, запрещающий польским солдатам читать газеты. Однако признаки разложения в польской армии были очевидны. Попытки заразить население идеей освобождения Польши не имели силы. Труженики Польши начинают понимать, что не Россия, а Польша начала войну, не хотела мира. Им делается ясно, что они воюют за панов-богачей. «Труженики не хотят воевать заодно с панами. Паны чувствуют, что они начинают терять армию» [25].

В тылу польской армии проводятся аресты вождей польских коммунистов за распространение прокламаций с призывом к захвату власти [26]. Крестьяне прифронтной полосы стремятся облегчить наступление красных войск.

Однако и Польша получала помощь. Как писали газеты, Франция прислала войска с французскими инструкторами, а Гучков организует банды для заброски на территорию Советской России. В районе Кенигсберга на деньги русских эмигрантов в Швеции сформирована 60-тысячная добрармия, которая через Литву и Латвию должна двинуться на Россию [27].

С 20-х чисел июля в газетах стали появляться сообщения о том, что победа близка, что победа над Польшей несет не только мир, но и величайшее укрепление мировой революции, с победой над Польшей

ломается преграда между Россией и рабочими Запада. Мир капитала умирает и хватается за соломинку. «Все за нас, за нашу победу» [28]. «Никто не даст гарантии того, что Красная армия через 10 дней не будет в Варшаве», – отмечалось в номере за 25 июля. И здесь же сообщалось, что польское правительство издало распоряжение об экстренной эвакуации Варшавы и подало в отставку. Осадное положение объявлено по всей стране. Оборонительному совету дана диктаторская власть [29]. В Варшаве арестовываются русские крайние левые элементы, причем от каждого арестованного требуется, чтобы он назвал одного из известных ему большевиков. Во всей Польше готовятся рабочие восстания. Уходя, польские войска разрушают дома в Минске. Сложившаяся тяжелая ситуация в Польше и на фронте заставила Францию в лице генерала Фоша выработать условия перемирия между Польшей и Россией, согласно которым русская и польская армии должны остановиться на той линии, на которой они находились к моменту перемирия. Обеим сторонам запрещено вести какую-либо пропаганду [30].

Отступление поляков и возможное заключение мира вызывали тревогу у советских властей, которую они транслировали населению. Существовало опасение, что Польша использует передышку для восстановления сил и вновь начнет войну против Советской России. «Мир, заключенный трудящимися Советской России с панями, был бы не миром, а необходимой передышкой для разбитого панского фронта, передышкой для нового набега на Республику трудящихся, был бы новым оружием в руках белополяков», – заключалось в газете. А раз так, мира между Советской Россией и шляхтой не должно быть и не может быть, как бы эта шляхта ни маскировалась, какой бы дружественной ни прикидывалась. «Только так должны думать трудящиеся Республики, тем более, что наша Красная армия, проникнувшись единым желанием освободить своих братьев, находящихся под панским владычеством, разбивает последние оплоты панских устоев и входит в тесную связь с трудящимися Польши... Верного и прочного мира мы достигнем только с рабочими и крестьянами Польши» [31].

Уверенность в подозрениях относительно намерения Польши воспользоваться передышкой подпитывалась нежеланием Польши разоружаться: «...она хочет восстановить свои побитые армии на новой линии; она уверена в том, что получит свежие боевые припасы из Франции» [32]. Не оказались в стороне и покровители Польши, особенно Франция. «Боязнь восстановления Советской Польши, а с нею мирного соглашения с Германией, официально признавшей власть рабочих и крестьян России, заставляет хищников-империалистов сделать все для выхода Польши "с честью" из создавшегося для нее отчаянного

положения». Читателю объяснялось, что Советской России перемирие не нужно, а нужны гарантии заключения мира. Поляки же требовали только перемирия, даже не задумываясь о мире. Советское правительство дало понять польской делегации, что оно согласится на переговоры только с условием гарантий мира в целом.

Французское правительство, расценивая ситуацию на советско-польском фронте как удар для самой Франции, предложило генералу Фошу новый план для поддержки Польши [33].

Советские власти нанесли свой удар: 31 июля на польской территории образовался временный ревком Польши и уже начал свою работу по организации трудящихся для восстания [34]. Временный ревком, который настаивал на национализации и социализации, был создан на территории Восточной Галиции. Он рассчитывал на помощь РСФСР и Украинской СФСР в строительстве полностью коммунистического строя советской Восточной Галиции. «Пока поляки раздумывают, красные войска будут продвигаться по всему фронту», – отмечалось в газете [35].

После отказа Советской России от английского посредничества 22 июля польское правительство предложило России немедленно заключить перемирие и начать переговоры о мире. Уже 30 июля в Барановичи прибыла польская делегация с полномочиями начать переговоры только о перемирии. 2 августа она отбыла в Варшаву.

Вместе с тем населению опять внушали мысль о том, что перемирие – это лишь уловка для накопления сил, чтобы потом использовать их для борьбы против Советской России. Реального же мира поляки не хотят. Подтверждением стала беседа французского социалиста Лафона с польским социалистом Дашинским, который якобы заявил, что он «оценивает перемирие с Россией как передышку, долженствующую обеспечить сосредоточение военных сил нового удара против Советской России». В статье заключается: «Для нас теперь нет никакого сомнения, что "социалисты" Польши, к числу которых принадлежит Дашинский, – посылая к нам мирную делегацию, – были душою преступления, затеваемого белополяками, при благосклонном участии Антанты».

Правящие круги Польши пытаются сорвать революционное движение путем антисемитских и антикоммунистических выступлений. В Варшаве и Лодзи отдельные лица были арестованы и подвергнуты суду Линча за принадлежность к коммунистической партии [36].

Успехи Красной армии в начале августа 1920 г. вызвали появление ряда публикаций оптимистического характера. Так, в статье «Бой кончен!» сообщалось: «Наши доблестные красные орлы, судя по сводке от 8 августа, находятся всего на всего в двух переходах от панской

Варшавы. Можно основательно предполагать, что по прошествии очень небольшого времени над Варшавой взвьется красный флаг, знаменующий конечную гибель Польши Пилсудских, Патеков и Падеревских и возникновение Польской советской Республики». И здесь же разоблачалась политика стран Антанты, которая «в обход пролетарской зоркости ... находит возможность посылать для гибнущей шляхты корабли с военным снабжением и специалистами» и угрожает красному Питеру.

«Бой продолжается! Он кончится лишь тогда, когда красный флаг взвьется во всех странах Антанты», – заключает газета [37]. И как продолжение мысли о желании стран Антанты задавить Советскую Россию, в последующих номерах приводятся конкретные факты французской, британской, венгерской помощи Польше.

Однако, несмотря на это, уже 7 августа советское правительство получило радиосообщение министра иностранных дел Польши Сапеги о согласии начать переговоры о перемирии и мире. 10 августа, когда Седлец был взят советскими войсками, среди пленных обнаружили члены польской делегации, каковые немедленно были приглашены в Минск для переговоров. В условиях победоносного наступления Красной армии Россия поставила ряд условий: численность польской армии не должна превышать 50 000, а командный состав – 10 000. «Кроме того, вооружаются городские и промышленные рабочие Польши, состоящие в профсоюзах, под контролем комиссии из представителей рабочих и профессиональных организаций РСФСР, Польши и Норвегии. Демобилизация военной промышленности. Польша обязуется не пропускать и не помогать враждебным РСФСР силам. Предметы военного снаряжения польской армии передаются РСФСР и УССР. Окончательная граница в основном совпадает с линией лорда Керзона, но Польша получала несколько большую территорию в районе Белостока и Холма» [38].

Уже 14 августа предреввоенсовета Л. Троцкий издал приказ, который заканчивался словами: «Вперед на Варшаву!», где, несмотря на оптимизм в отношении судьбы Варшавы, звучало предостережение от возможных иллюзий и пренебрежения серьезностью переживаемого момента [39]. Как оказалось, ситуация и впрямь изменилась: в газетах за 22 августа появились сообщения, что 20 августа начался частичный отход наших войск на новые позиции в Новогеоргиевском, Варшавском и Брест-Литовском районах. Отмечалось, что польская армия вовсе не представляет собой анархическую массу, и звучало предостережение от переоценки наших успехов. «Конечно, все вместе взятое несколько не значит, что Варшава останется в панских руках. Нет! Варшава будет

советской» [40]. Однако советскому правительству нужно было каким-то образом объяснить свои неудачи на польском фронте. В печати стали появляться публикации о закулисной политике Антанты. В частности, в одном из номеров говорилось о том, что в конце осени – начале зимы 1919 г. Польша не пошла на мирные переговоры с Россией под нажимом Антанты. Именно «мировая буржуазия, в лице панской Польши и барона Врангеля, собрала подкрепления, частично поколебала наш фронт, не знавший до того отступлений». В этом же номере сообщалось о сложности ведущихся переговоров с польской стороной, о стремлении Франции втянуть Румынию в русско-польский конфликт, о ее желании очистить чехословацкий коридор из Венгрии в Польшу для военных поставок Польше [41]. Уже на следующий день газета поместила сообщение, взятое из «Дейли геральд», о новом плане удушения России, основной силой которого должна стать Германия при условии изменения Версальского договора [42].

Однако, наряду с этим, противники Советской России одергивали Польшу в ее стремлении продвинуться как можно дальше на Восток. Правительства Англии, Америки, Италии и Франции предложили Польше не переходить в своём наступлении границ, предусмотренных Версальским договором, и согласиться на разумные условия мира [43]. Действуя в русле пожеланий стран Антанты, польское правительство выразило стремление немедленно начать прерванные мирные переговоры. Мало того, польский министр иностранных дел Сапега стал уверять в совершеннейшем миролюбии польского правительства. По его словам, миролюбие польских панов доходит до того, что они отказываются от создания буферных государств между Польшей и Советской Россией. Наоборот, польское правительство искренне стремится к непосредственным мирным отношениям с Советской Республикой. Однако эти слова польского министра иностранных дел советская сторона воспринимала как лицемерие и заявляла, что с Сапегой можно говорить только с позиции силы [44].

Мобилизация сил Советской России на борьбу с Польшей и международное движение «Руки прочь от Советской России!» привели не только к перелому на фронте, но и к перелому настроений в самой Польше, которая отказалась от совместных действий с Врангелем [45]. Изменили свою позицию и польские социалисты. Польская социалистическая партия выразила готовность поддерживать такие условия мира с Советской Россией, как установление добрососедских отношений и этнографических границ. Однако, по слухам, польская делегация требовала, чтобы граница прошла по линии русско-немецких окопов, чтобы Россия возместила Польше убытки, понесенные в эпоху

царизма, чтобы демобилизация была произведена [46]. Столь непримиримая позиция поляков объяснялась их военными успехами и надеждой на помощь со стороны Антанты [47]. На возобновившихся в Риге мирных переговорах глава советской делегации А. Иоффе заявил, что Россия не считает свои требования категорическими, ей нужны гарантии против агрессивных действий Польши. Россия не стремится к общим границам с Германией, довольствуясь обеспечением свободы транзита, для чего настаивает на предоставлении ей германской железной дороги [48]. Однако ВЦИК обратился к польским властям с новым предложением мира, и основой соглашения должно было стать осуществление самоуправления для всех областей, территориальные границы которых оспаривались во время войны. «Как Польша, так и Россия должны немедленно официально признать как форму выражения воли соответствующих наций те государственные представительные учреждения (сеймы, парламенты или съезды советов), кои существуют в каждой из этих стран». Правда, понимая, что вряд ли панская Польша пойдет на предложенные условия, советская сторона надеялась, что вероятный отказ «ясно покажет трудящимся Польши, что война может окончиться только при их самом горячем участии, только с победою трудящихся Польши над собственным злейшим врагом – над шляхтой...» [49]. Мирные переговоры показали, что при «решительном нежелании народов воевать нет таких затруднений, которые не могли бы быть благополучно разрешены» [50]. По результатам подписания перемирия с Польшей Иоффе заявил, что Польша воевать не может, вследствие чего есть полное основание ожидать, что мир будет прочным. Причины этого он видит в нежелании польских солдат и народа воевать, а также в хозяйственных трудностях. Он отметил, что Польша, приняв наши условия мира, развязывает нам руки для уничтожения Врангеля [51]. Вместе с тем на чрезвычайной сессии ВЦИК Чичерин отметил, что Рижский договор, являющийся для нас несомненно тяжелым, тем не менее, означает отказ Польши от создания фиктивных буферных государств, отказ от поддержки Врангеля, от содействия восстановлению в России реакции. Нарком указал, что это компромиссное решение было достигнуто за счет территориальных уступок Польше [52]. Эта же мысль была подчёркнута и в передовице газеты «Правда», помещенной в одном из октябрьских номеров «Тверской Правды» [53]. Несмотря на заверения министра иностранных дел Польши Сапеги в том, что «для примирившихся государств настала эра мира и благополучия. Мирные страны могут посвятить себя делу экономического возрождения на благо всему человечеству», советское правительство было обеспокоено продолжавшимися военными действиями со стороны Петлюры,

подчинявшегося польскому военному командованию. Кроме того, Франция оказывала ему поддержку, как и бандам Булак-Балаховича, и Савинкову, и всячески толкала Польшу на борьбу против Советской России [54]. Российское и украинское советские правительства были вынуждены обратиться с нотой к польской мирной делегации, настаивая на удалении с переданного Польше участка земли вступивших туда польских отрядов Желиховского, которые не повиновались польскому командованию, и на разоружении появившихся там антисоветских сил Балаховича и Савинкова, ибо сосредоточение всех этих войск у линии фронта противоречит договору о перемирии [55].

Польское командование сообщило: приняты все меры для того, чтобы воспрепятствовать отдельным польским солдатам сражаться в качестве добровольцев в частях Балаховича, Перемыкина и казачьего генерала Яковлева [56]. Тем более что советская делегация предоставила польской делегации свидетельства о невыполнении Польшей решений по перемирию [57]. Выступая в польском сейме, первый министр Витос заявил о намерении в точности исполнять условия мирного договора, заключенного в Риге. Вероятно, положение в самой Польше и действия советского правительства заставили польский сейм заявить, чтобы польское правительство не вмешивалось в Гражданскую войну в России [58].

Таким образом, анализ публикаций в газете «Тверская Правда», посвященных польско-советской войне 1920 г., показывает, что советское правительство стремилось донести до трудящихся масс мысль о миролюбивой внешней политике нового государства и империалистической сущности мировой буржуазии. Советско-польский конфликт являлся следствием стремления империалистических государств руками поляков сдержать продвижение идей большевизма на Запад. С этой целью они оказывали всевозможную помощь Польше в ведении войны, особенно здесь отличилась Франция.

Однако мощь Красной армии, пролетарская солидарность трудящихся всего мира, в том числе и польских рабочих, разбили планы империалистов позволить Польше заключить только перемирие для восстановления сил в борьбе против Советской России и заставили агрессивную Польшу пойти на заключение мира.

Литература

1. Бабенко О.В. Польша в системе международных отношений (1919–1939 гг.). Аналитический обзор. М., 2011
2. Зуев М.Н., Изонов В.В., Симонова Т.М. Советская Россия и Польша. 1918–1920 гг. Советско-польское вооружённое противостояние 1918–1919 гг. Советско-польская война 1920 г. М., 2006.

3. Советско-польские отношения в 1918–1945 гг.: сборник документов в 4 т. Т. 1. М., 2017.
4. Тверская Правда. 1920. № 22 (31 января).
5. Тверская Правда. 1920. № 26 (5 февраля).
6. Тверская Правда. 1920. № 27 (6 февраля).
7. Тверская Правда. 1920. № 29 (7 февраля).
8. Тверская Правда. 1920. № 31 (11 февраля).
9. Тверская Правда. 1920. № 32 (12 февраля).
10. Тверская Правда. 1920. № 37 (18 февраля).
11. Тверская Правда. 1920. № 38 (19 февраля).
12. Тверская Правда. 1920. № 45 (27 февраля).
13. Тверская Правда. 1920. № 39 (20 февраля).
14. Тверская Правда. 1920. № 43 (25 февраля).
15. Тверская Правда. 1920. № 48 (2 марта).
16. Тверская Правда. 1920. № 51 (5 марта).
17. Тверская Правда. 1920. № 56 (11 марта).
18. Тверская Правда. 1920. № 69 (28 марта).
19. Тверская Правда. 1920. № 77 (14 апреля).
20. Тверская Правда. 1920. № 120 (8 июня).
21. Тверская Правда. 1920. № 121 (9 июня).
22. Тверская Правда. 1920. № 135 (25 июня).
23. Тверская Правда. 1920. № 136 (26 июня).
24. Тверская Правда. 1920. № 141 (3 июля).
25. Тверская Правда. 1920. № 154 (18 июля).
26. Тверская Правда. 1920. № 143 (6 июля).
27. Тверская Правда. 1920. № 144 (7 июля); Тверская Правда. 1920. № 150 (14 июля).
28. Тверская Правда. 1920. № 157 (22 июля).
29. Тверская Правда. 1920. № 160 (25 июля).
30. Тверская Правда. 1920. № 162 (28 июля).
31. Тверская Правда. 1920. № 163 (29 июля).
32. Тверская Правда. 1920. № 166 (1 августа).
33. Тверская Правда. 1920. № 167 (3 августа).
34. Тверская Правда. 1920. № 168 (4 августа).
35. Тверская Правда. 1920. № 169 (5 августа).
36. Тверская Правда. 1920. № 170 (6 августа).
37. Тверская Правда. 1920. № 173 (10 августа).
38. Тверская Правда. 1920. № 177 (14 августа).
39. Тверская Правда. 1920. № 179 (17 августа).
40. Тверская Правда. 1920. № 183 (22 августа).
41. Тверская Правда. 1920. № 187 (27 августа).
42. Тверская Правда. 1920. № 188 (28 августа).
43. Тверская Правда. 1920. № 190 (1 сентября).
44. Тверская Правда. 1920. № 198 (10 сентября).
45. Тверская Правда. 1920. № 201 (14 сентября).
46. Тверская Правда. 1920. № 205 (18 сентября).
47. Тверская Правда. 1920. № 208 (22 сентября).
48. Тверская Правда. 1920. № 210 (24 сентября).

49. Тверская Правда. 1920. № 212 (26 сентября); Тверская Правда. 1920. № 214 (29 сентября).
50. Тверская Правда. 1920. № 229 (16 октября).
51. Тверская Правда. 1920. № 234 (22 октября).
52. Тверская Правда. 1920. № 238 (27 октября).
53. Тверская Правда. 1920. № 240 (29 октября).
54. Тверская Правда. 1920. № 241 (30 октября); Тверская Правда. 1920. № 242 (31 октября).
55. Тверская Поавда. 1920. № 245 (4 ноября).
56. Тверская Правда. 1920. № 252 (13 ноября).
57. Тверская Правда. 1920. № 262 (26 ноября).
58. Тверская Правда. 1920. № 263 (27 ноября).

M.V. Bryantsev

Bryansk State University named after acad. I.G. Petrovsky
The Polish-Soviet War of 1920 in the provincial periodicals
(based on the materials of Tver Truth)

Key words: *war; foreign policy; public opinion; periodic press; Poland; Soviet Russia.*

The article, based on the analysis of the provincial press (on the materials of the newspaper "Tverskaya Pravda"), considers the formation of public opinion of the population of Soviet Russia with regard to the events of the Soviet-Polish War of 1920. The author concludes that the Soviet periodic press constantly and in some detail familiarized readers with the military events on the Western Front, with the international situation around Russia. The Soviet government persistently broadcast the idea of a peaceful foreign policy of Soviet Russia, contrasting it with the aggressive policy of imperialist states that wanted to suffocate Soviet power. The outpost of this struggle was defined by Poland, which had revanchist aspirations towards Russia. Only the power of the Red Army, proletarian solidarity and the need for raw materials, according to Soviet newspapers, forced the Western world to accept the existence of the Soviet system.

Белорусские интернет-ресурсы о польско-советской войне 1919 – 1920 годов как информационный источник

Ключевые слова: *Польско-советская война 1919 – 1920 гг.; белорусские интернет-ресурсы.*

В статье анализируются тексты, размещённые в белорусском сегменте сети Интернет, содержащие информацию о польско-советской войне 1919 – 1920 гг. Польско-советская война оказалась малоинтересной для белорусского интернет-пространства, поэтому подавляющее большинство текстов, посвящённых ей, обзорны и опираются на данные, полученные из советской научной, энциклопедической и публицистической литературы. Само название войны пишется в разных статьях по-разному: советско-польская, польско-советская, польско-большевистская, польско-российская или русско-польская. Даты начала и окончания войны также подвижны. В одних случаях началом войны указан 1919 г., в других – 1920 г. Окончание войны относят к 1920 г. или к 1921 г. Большая часть авторов воспринимает установление контроля польских войск над территорией как оккупацию, а когда контроль устанавливает Красная армия – это определяется как освобождение. Иногда в статьях упоминаются отдельные эпизоды из истории польско-советской войны, характеризующие локальные исторические события. Наиболее широко представлена информация о положении красноармейцев в польском плену. Именно этот эпизод польско-советской войны наиболее подробно изучен белорусскими и зарубежными исследователями, что и отражается на частотности упоминаний. В целом, польско-советская война 1919 – 1920 гг. в белорусском сегменте Интернета представлена весьма слабо.

История любого события так или иначе представляется не только как объективно исследуемый процесс, но и как идеологический конструкт или эмоциональное повествование, стремящееся вызвать у читателя определенную оценку исторических реалий. Также стоит помнить, что в момент осуществления события оно не всегда оценивается современниками так, как его в будущем станут оценивать потомки. И дело не только в том, что потомки могут дать оценку уже закончившемуся событию, а современники, находящиеся внутри ситуации, не всегда понимают, какие тенденции осуществляются в настоящий момент. Более того, на восприятие и оценку события влияет

ряд факторов: кому принадлежала ранее и принадлежит ныне территория, на которой это событие протекало; какие политические силы принимали в нем участие, как к ним относились современники и относятся современные жители; какие мотивы существовали у современников и существуют у нынешних лиц, пишущих о событии, чтобы так или иначе оценить его, и т.д.

Помимо исследовательского интереса события прошлого вызывают и идеологический. В нынешнем мире существуют попытки обосновать состояние государства или определенной общественной группы примерами из прошлого, доказать наличие актуальных для современной политики явлений в прошлом или хотя бы проинтерпретировать прошлое, чтобы оно удобно укладывалось в схему современных политических мифологий.

Интернет-публицистика как раз и помогает создавать упрощенное, т.е. мифологическое представление о прошлом, не обращая внимания на неактуальные для логики текста проблемы и подчеркивая важные с точки зрения современного автора. Подобное упрощение не всегда является стремлением создать оторванный от реальности исторический миф, иногда, а возможно и зачастую, это всего лишь желание публициста дать более понятную для читателя картину, опираясь не на весь корпус информации о событии, а на определенные моменты, которые, по его мнению, наиболее точно передают прошлое. Интернет является достаточно доступным способом получения информации, поэтому распространяемые в нем сведения способны повлиять на массовые представления о прошлом при условии заинтересованности интернет-аудитории в получении информации то тому или иному вопросу, связанному с историей.

Исторические события, так или иначе затрагивавшие территорию Белоруссии, находят отражение в текстах на интернет-ресурсах. Обычно упоминание события актуализируется накануне юбилейных дат, но бывают и исключения. Частично одни события актуализируются при упоминании других событий, поскольку между ними существуют реальные или придуманные причинно-следственные связи. Также стоит отметить, что интерес интернет-ресурсов к тому или иному событию может подогреваться не по причине «диктатуры юбилеев», а идеологически – исходя из желания использовать событие для выстраивания идеологически оправданной версии истории. Всё это следует учитывать, анализируя интернет-тексты, посвящённые прошлому.

Польско-советская война, возникшая в западной части бывшей Российской империи, для белорусского сегмента Интернета не является

достаточно важным событием, на которое бы постоянно обращали внимание. Часто она служит фоном для описания иных событий. Так, достаточно много упоминаний (но лишь упоминаний, а не развёрнутого повествования) о ней можно найти в текстах, посвящённых Польскому походу Красной армии в сентябре 1939 г. В таких текстах польско-советская война выступает как фактор, который повлиял на разделение территории современной Белоруссии на Западную и Восточную. Текстов же, посвящённых непосредственно войне, в белорусском Интернете не так много.

Тем не менее в этих немногочисленных текстах встречаются различные версии описания войны, в которых может различаться не только оценка сторон конфликта, но даже название войны. Чаще всего в Интернете можно увидеть всем привычное наименование события: «советско-польская война» [3; 5; 6; 7; 9; 10; 13; 14; 18; 20; 22; 23]. Именно такое название закрепилось в советский период и стало нормой, от которой более-менее заметно начали отходить лишь в начале XXI в. Не так часто, как предыдущее, встречается наименование войны, где указание на Польшу стоит первым – польско-советская война [1; 12; 16; 19]. Гораздо реже можно встретить название «польско-большевистская война». В некоторых случаях оно упоминается с указанием на то, что именно так именуется войну современная польская историография, в других случаях авторы текстов обходятся без подобных уточнений [2; 24]. Также присутствует как минимум один текст, где война названа польско-большевицкой [15]. Остаётся неясным, написание прилагательного именно в таком варианте (большевицкий, а не большевистский) стоит отнести к предпочтениям автора (или редактора) либо это сделано с каким-то определённым умыслом. Дело в том, что ранее понятие большевистский использовалось при указании на идеологию, а большевицкий – на носителя этой идеологии, большевика. Однако позже всё изменилось: «наблюдения за современной речью – как устной, так и письменной – показывают, что в значении “относящийся к большевизму, к движению большевиков” слова *большевистский* и *большевицкий* различаются стилистически. На практике *большевицкий* используется с отрицательной экспрессией; его использование говорит о негативной оценке говорящим большевизма и действий большевиков. Поэтому в энциклопедических статьях, которые должны быть свободны от оценок, целесообразно употреблять в этом значении стилистически нейтральное прилагательное большевистский» [4]. В некоторых случаях война получила наименование польско-российской [11], а также русско-польской [8]. Указание на одну из сторон не как на советскую или

большевистскую, а как на российскую можно выявить и в определении правительства большевиков как российского [20].

Помимо названия варьируется также и хронология войны. Можно встретить указание, что это война 1919 – 1921 [3; 7; 8; 10; 13; 14; 18], 1919 – 1920 [1; 5; 11; 12] или 1920 [19; 23] гг. Любая из этих хронологий войны имеет свою собственную логику, а с окончательной или хотя бы предпочтительной хронологией пока не определились даже учёные.

Помимо сугубо энциклопедической информации – названия и дат – в интернет-статьях широко присутствуют оценочные суждения. Причём в белорусском сегменте Интернета преобладают оценочные суждения, опирающиеся на советский взгляд на события того времени. Часто можно встретить именно шаблонные фразы, которые авторы не переформулировали, а попросту взяли из текстов советского периода. Иногда на сайтах размещаются цитаты большего или меньшего размера из литературы советского периода, посвящённой войне. Естественно, в этих текстах оценочные суждения достаточно явно выражены. Однако необходимо обратить внимание, что ряд суждений, даже вплетённых в шаблонные пропагандистские формулировки, нельзя признать полностью оценочными. В частности, указание на оккупацию поляками различных населённых пунктов можно воспринимать и как собственно оккупацию, т.е. захват не своей территории, и как освобождение от большевиков в зависимости от предпочтений читателя. Ещё одна проблема, связанная с определением оккупации, – это представление о том, какие территории можно считать советскими, а какие – польскими, и как найти критерии такого определения. По Брест-Литовскому мирному договору Советская Россия отказывалась от ряда территорий бывшей Российской империи. Например, Гродно, Лида и Волковыск оказались вне территорий, оставшихся у Советской России. На эти земли претендовали и Советская Белоруссия, и позже Советская Литовско-Белорусская Республика, однако указанные государственные образования не контролировали всей территории, на которую претендовали. Интересно было бы найти информацию о том, как оценивали сами себя жители этих территорий, и кто, по их мнению, являлся оккупантом. Можно предположить, что подавляющее большинство населения Западной Белоруссии воспринимало себя сопричастным бывшей Российской империи, а не с новыми государственными образованиями. Тогда с их точки зрения польские действия будут расценены как оккупация. Как оккупация эти действия определялись в советское время и были перенесены в постсоветский дискурс.

Например, на сайте, посвящённом городу Слуцку, есть описание его истории в период после окончания Первой мировой войны: «В начале 1919 г. в Западной Белоруссии советские части вступили в соприкосновение с войсками буржуазно-помещичьей Польши, выдвигавшимися для захвата Белоруссии и Литвы» [21]. Поляки далее в тексте имеют сугубо негативные определения. Они упоминаются как интервенты, оккупанты, захватчики, враг и пилсудчики [21].

На сайте, посвящённом городу Бобруйску, сказано, что ещё в конце 1918 г. Польша начала экспансию на белорусскую землю. Её войска захватывали города, в том числе и Бобруйск, в котором установилась «белопольская оккупация». В вину полякам ставится то, что они уничтожили в Бобруйске первый советский памятник. Если поляки являются захватчиками, соответственно, они устанавливают в захваченных населённых пунктах «режим грабежа и насилия», после которого число бобруйчан «сократилось на 40% и составило 36 655 человек». Красная армия освободила Бобруйск. «Перед глазами освободителей предстали разрушенные и сожжённые предприятия, учебные заведения и жилые дома» [17]. В данном тексте одна из сторон конфликта именуется белополяками. Это является наследием советской эпохи, и в современных текстах встречается не так часто. Однако случаи употребления подобного термина нельзя назвать единичными.

При описании событий 1919 – 1920 гг. в Минске также указывается, что город был захвачен, а потом освобождён от белополяков [7].

На сайте, посвящённом Молодечно, информация представлена с теми же оценками. Молодечно польские войска захватили, после чего начался период польской оккупации. Поляки представляли «польские оккупационные власти» и боролись с местным населением. Соответственно, Красная армия город освободила, но вскоре он был вторично оккупирован поляками [16].

В период оккупации местное население создало несколько партизанских отрядов, общее число участников которых составило около 150 человек. Текст статьи не даёт указаний на то, на каких позициях стояли члены этих отрядов, но в статье указывается, что «польские оккупационные власти любыми средствами пытались затормозить патриотическое движение и привлечь народные массы на свою сторону» [16]. Под патриотизмом в данном случае, видимо, стоит понимать антипольскую активность местного населения. Однако, если отряды были большевистскими и исповедовали идеи мировой революции, вряд ли их мотивы можно назвать патриотизмом.

О борьбе против поляков говорится и в других статьях, но упоминания патриотизма в них нет: «На борьбу против оккупантов

поднялся весь белорусский народ. Повсеместно была создана сеть подпольных организаций, развертывалась партизанская борьба. Борьбу возглавили коммунисты и белорусские эсеры» [6].

При описании событий не в отдельных городах, а на более обширной территории лексика также не меняется: «Польша приступила в декабре 1918 г. к захвату белорусских и украинских земель. В февралемарте 1919 г. польские легионеры заняли Брест, Кобрин, Белосток, Волковыск, Слоним, Пинск. <...> Весной 1919 г. польские войска захватили Лиду и Вильно. <...> В августе – сентябре поляки захватили Игумен, Ново-Борисов, Бобруйск, Жлобин, Рогачев» [6].

Исключением из этой череды упоминаний об оккупации предстаёт статья на польско ориентированном сайте OLZ.by [2], в которой Польша не упоминается в качестве оккупанта. Статья интересна тем, что в ней присутствует мягкая апологетика польской политики того времени, но некоторые формулировки противоречат апологетической направленности статьи. В частности, объясняя ситуацию в начале войны, автор пишет, что «изначально большевики планировали вернуть западные украинские, белорусские и литовские земли, для того, чтобы установить над ними контроль». Таким образом, получается, что эти земли ранее принадлежали большевикам, если они стремились их не захватить, а вернуть. И наступление большевиков «на Белорусскую и Литовскую республики» в декабре 1918 г. может восприниматься не как вторжение в другие страны, а как возвращение своих земель. Но, возвращая, как сказано в статье, территории, большевики не освобождали города, что было бы логично, а захватывали их. Так, возвращая «западные украинские, белорусские и литовские земли», большевики захватили Минск, Вильно и Ковно. В тексте показывается, что Польша начала войну вынужденно, поскольку советское правительство решило «сделать Польшу советской, отменить Версальскую систему мира», так как именно через советскую Польшу было «возможно создание мировой революции и создание мирового коммунизма». Польша не желала такого развития событий в пользу мировой революции, «поэтому была вынуждена направить войска на восток и занять западнобелорусские и западноукраинские территории». В отличие от большевиков, которые, возвращая территории, захватывают города, поляки, направляя войска на восток, чаще всего занимают города. Хотя иногда используется указание на то, что они города отбивают и захватывают. О территориях, на которые пришла польская армия, говорится, что они «находятся под контролем польской стороны».

После договорённости о союзе со С. Петлюрой «польская армия начинает наступление на Киев. В мае армии удается занять позиции в

Киеве и укрепиться на р. Днепр». При наличии С. Петлюры как союзника поляков эти территории с польской точки зрения логично должны рассматриваться как украинские, но мотивом ответного наступления большевистских войск указывается стремление «освободить эти территории». Таким образом, Красная армия снова не занимает, не захватывает и не оккупирует, а освобождает территории, которые объявлены принадлежащими союзникам поляков. В данном случае, скорее всего, наблюдается влияние массовых представлений о том, чьими территориями являются белорусские, украинские или литовские земли. Поскольку все они принадлежали ранее императорской России, а большевистское правительство находилось изначально в имперской столице – Петрограде, а потом перебралось в историческую русскую столицу – Москву, большевистская власть воспринималась современниками как продолжение или вариант российской власти. Не случайно в другом тексте большевистское правительство упоминается как российское [20].

В целом, за исключением вышеописанной статьи, тексты чаще всего определяют подконтрольную полякам территорию как оккупированную, поляков – как оккупантов, а состояние – как оккупацию. Помимо того, иногда упоминается проведение со стороны поляков политики колонизации и окатоличивания населения [10]. Нужно сказать, что упоминание о польской оккупации всё же не стоит полностью относить к оценочной лексике, поскольку на самом деле поляки действовали на той территории, которая массово воспринималась местным населением как непольская. И в настоящий момент подобное восприятие не изменилось. Другой вопрос, захватывали или освобождали территории большевики – различные территории бывшей Российской империи, а затем Российской республики, разделённые в Гражданскую войну на ряд государственных образований, которые зачастую оказывались фантомными проектами. При наличии подобных фантомных государственных военных действия на конкретных территориях могли восприниматься носителями локальных государственных идей как оккупация. Что же касается правительства Советской России, то уже по факту его нахождения в Петрограде, а затем в Москве оно воспринималось как российское или даже русское, так или иначе претендовавшее на бывшие российские имперские земли.

В текстах, размещённых на интернет-ресурсах, встречается и описание конкретных событий, которое иллюстрирует некоторые частные случаи и локальные события периода польско-советской войны.

Так, на сайте, посвящённом истории Молодечно, упоминается случай получения помощи. «Во времена разрухи люди остро нуждались

в керосине, соли, спичках. И было большим удивлением, когда в тот тяжелый 1920 г. на станцию Молодечно прибыл вагон с солью, который поляки в свое время хотели отправить на запад. А выручил молодеченцев Антон Гриневич, известный белорусский фольклорист, педагог, композитор и общественный деятель. Это он использовал возможность и из Вильно переадресовал вагон на Молодечно. К сожалению, такие случаи помощи случались очень редко» [16].

На сайте о Полесье описана ситуация периода польско-советской войны, когда за контроль над регионом боролись Украинская народная республика, Польша и большевики. Интересно, что соседние населённые пункты контролировались различными силами. Небольшой населённый пункт Логишин при поддержке польских войск сопротивлялся большевикам. Автор материала назвал это сопротивление Логишинским восстанием, но заметил, что оно «не носило национального или даже пробелорусского характера, это была отчаянная борьба полешука за свой хлеб и землю» [11].

Самым часто упоминаемым в интернет-публикациях сюжетом польско-советской войны является положение красноармейцев в польском плену. Существуют отдельные статьи на эту тему, также об этом упоминается и в общем контексте войны. Упоминание про польский плен более корректны, поскольку по этому поводу существуют научные исследования, из которых могут черпать сведения публицисты. Помимо того, в Интернете о положении красноармейцев в польском плену говорят и сами учёные.

Белорусские исследователи указывают, что общее число военнопленных красноармейцев колеблется в пределах от 110 000 до 157 000 человек, из которых погибло примерно 20 000. Однако обращается внимание на то, каковы были причины смерти: «Не было еды, не было лекарств, не было одежды для военнопленных. Врачи, французы в основном, пишут, что это был лагерь смерти» [20]. Также приводятся цитаты из польских секретных документов: «В лагере царят невыносимые санитарные условия: грязные пленные дурно пахнут, но их дезинфекция практически невозможна, поскольку, с одной стороны, нет стиральных средств, а с другой – одежда узников настолько ветхая, что она не выдержит стирки» [20].

Отдельная статья брестского историка О. Карповича посвящена положению советских военнопленных в лагере, расположенном на территории Брестской крепости. Исследователь приводит многочисленные примеры жестокого отношения к военнопленным польских властей: «Изошренным издевательствам подвергались коммунисты, евреи или заподозренные в принадлежности к ним,

пленные красноармейцы-немцы вообще расстреливались на месте. Простые пленные зачастую становились жертвами произвола польских военных властей <...>. Широко было распространено ограбления, издевательства над пленными женщинами <...>. Имеются свидетельства о приказе будущего премьер-министра Польши, а тогда генерала Владислава Сикорского расстрелять 300 военнопленных без суда и следствия». Прочитрованы слова коменданта лагеря в Брестской крепости, который осенью 1920 г. заявил пленным: «Убивать вас я не имею права, но я буду так кормить, что вы самидохнете». Привлечены воспоминания и самих военнопленных: «Запрягали в повозки людей вместо лошадей, зимой их оставили в летней одежде. Укрывались зачастую пленные от холода мешком, если он был, застежкой служил гвоздь. Кормили нас мерзлой брюквой. Люди умирали тысячами, их трупы не успевали закапывать. Иногда умирающих, но еще живых людей, присыпали известью, чтобы не допустить заражения окружающей местности», а также цитаты из отчетов Международного комитета Красного Креста: «лагерь в Брест-Литовске представлял собой настоящий некрополь».

О. Карпович упоминает и о том, что польские военачальники иногда специально оставляли раненых противников на поле боя без медицинской помощи. И указывает на то, что это противоречило Женевской конвенции о больных и раненых солдатах. Заканчивает свою статью О. Карпович выводом: «Все это было, и забывать об этом в угоду сиюминутной политической конъюнктуре не следует» [10].

Ещё одна статья, посвящённая положению пленных красноармейцев в Брестской и Бобруйской крепостях, написана И. Мельниковым. Большая ее часть посвящена положению пленных в Бобруйске. И. Мельников цитирует воспоминания, отражающие ситуацию: «регулярно охрана крепости выбирала себе из заключенных жертву и тут же на глазах других заключенных до смерти избивала его дубовыми палками. Очень скоро стали появляться сумасшедшие. Они набрасывались на своих братьев по несчастью и душили их, видимо думая, что это поляки». Пленные в Бобруйске попытались поднять восстание, но оно оказалось неудачным, после чего администрация лагеря решила оставшихся в живых военнопленных «вывезти во Французское Конго и продать в качестве рабсилы». И. Мельников, как и О. Карпович, делает в своей статье публицистический вывод, но с другой смысловой нагрузкой: «Сегодня с уверенностью можно говорить, что трагедия пленных красноармейцев, умерших в польских лагерях – это общая чёрная страница в истории Польши и России. И не стоит этот исторический эпизод рассматривать как некую “анти-Катынь”. Нужно

просто научиться уважать друг друга» [15]. Разные выводы двух авторов, скорее всего, можно объяснить их политическими предпочтениями.

В белорусском сегменте Интернета можно встретить материалы, посвящённые неудачной попытке сопротивления подходящей Красной армии местных белорусских политических активистов в Слуцке, названной Слуцким восстанием 1920 г. Но этот эпизод обычно упоминается без привязки к польско-советской войне, как отдельное самостоятельное явление, поскольку в националистической мифологии он рассматривается как одна из вех белорусской борьбы за независимость. Также относительно большое количество материалов посвящено Рижскому миру 1921 г., на основании которого западная часть территории, на которую претендовала Советская Белоруссия, перешла в состав межвоенной Польши.

В целом, можно отметить, что информация о польско-советской войне, содержащаяся в статьях белорусского сегмента Интернета, показывает невысокий интерес к событиям того времени. Подавляющее большинство посвящённых ей текстов носят обзорный характер, в основном используются данные, полученные из советской научной, энциклопедической и публицистической литературы.

Литература

1. Билет З. История Беларуси // Супер Решеба. URL: <https://superresheba.by/resh/900> (дата обращения: 1.09.2019).
2. Василенко Ю. Советско-польская война (1919–1921) // OLZ.by. URL: <http://olz.by/stati/sovetsko-polskaya-vojna-1919-1921> (дата обращения: 1.09.2019).
3. Видный А. Миф о «мирной» Польше // Заметки на манжетах. Информационно-новостной сайт. URL: <http://zametki.by/2018/12/27/mif-o-mirnoj-polshe/> (дата обращения: 4.09.2019).
4. Вопрос № 255311 // Грамота.ру. URL: <http://www.gramota.tv/spravka/buro/search-answer?s=%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%86> (дата обращения: 1.09.2019).
5. Гелагаев А. 8 мифов о «воссоединении» Западной и Восточной Беларуси // ТУТ.БУ. URL: <https://news.tut.by/society/415857.html> (дата обращения: 1.09.2019).
6. Западная территория Беларуси в годы советско-польской войны 1919–1920 гг. // LIBRARY.BY. URL: https://library.by/portalus/modules/belarus/readme.php?subaction=showfull&id=1290101646&archive=1290177995&start_from=&ucat=& (дата обращения: 4.09.2019).
7. Исайчик Д. Дата в истории: 94 года назад Минск был освобожден от польских интервентов // Агентство «Минск-Новости». URL: <https://minsknews.by/data-v-istorii-94-goda-nazad-minsk-byil-osvobozhden-ot-polskih-interventov/> (дата обращения: 1.09.2019).

8. История Беларуси // BELARUS.BY. Официальный сайт Республики Беларусь. URL: <https://www.belarus.by/ru/about-belarus/history> (дата обращения: 1.09.2019).
9. Как и когда менялись границы Беларуси // Белорусский партизан. <https://belaruspartisan.by/life/302823/> (дата обращения: 4.09.2019).
10. Карпович О. История 1919 – 1921 гг.: пленные красноармейцы в Брестской крепости // Виртуальный Брест. URL: <https://virtualbrest.by/news35187.php> (дата обращения: 1.09.2019).
11. Кисель Д. Полесское сопротивление в эпицентре Польско-российской войны // Медиа-Полесье. URL: <https://media-polesye.by/news/poleskoe-soprotivlenie-v-epicentre-polsko-rossiyskoj-voyny-20776> (дата обращения: 1.09.2019).
12. Козляков В. В борьбе за единство белорусского народа // Белорусский государственный технологический университет. URL: <https://www.belstu.by/universitet/about/history/vossoedinenie-zapadnoj-belarusi-s-bssr.html> (дата обращения: 4.09.2019).
13. Кредитная марка из Подсвиля // Глубокский историко-этнографический музей. URL: <http://glubmusej.by/ru/ekspozitsiya-muzeya/muzejnye-raritety/2015-02-10-05-09-47> (дата обращения: 1.09.2019).
14. Марченко В. Мифы о Западной Беларуси – кому они выгодны сейчас // Чеснок. URL: <https://4esnok.by/mneniya/mify-zapadnoi-belarusi/> (дата обращения: 1.09.2019).
15. Мельников И. Польский плен... // Мой Бобруйск. URL: <https://www.bobruin.by/bobrujsk/stati/istoriya/192-polskij-plen> (дата обращения: 1.09.2019).
16. Молодечно в периоды польских оккупаций // Сайт города Молодечно. URL: <https://molodechno.by/bibliotechka/istoriya-goroda-molodechno/molodechno-v-periody-polskih-okkupats/> (дата обращения: 4.09.2019).
17. Польская оккупация 1919 – 1920 гг. // Энциклопедия Бобруйска. URL: https://wiki.bobr.by/%D0%9F%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D0%BE%D0%BA%D0%BA%D1%83%D0%BF%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F_1919-1920_%D0%B3%D0%B3 (дата обращения: 4.09.2019).
18. Польские кладбища советско-польской войны (кладбища и захоронения польских солдат 1919 – 21 гг.) // Глобус Беларуси. URL: https://globus.tut.by/type_tn_graves_pol.htm (дата обращения: 1.09.2019).
19. Польско-советская война, 1920 год // Karty.by URL: <http://www.karty.by/2018/10/18/polsko-sovetskaya-vojna-1920-god/> (дата обращения: 1.09.2019).
20. Раздел Белоруссии после советско-польской войны // СТБ. URL: <http://www.ctv.by/node/29464> (дата обращения: 1.09.2019).
21. Слуцк в период соц. революции, иностр. военной интервенции и гражд. войны // Наследие Слуцкого края. URL: <http://nasledie-sluck.by/ru/sluchina/114/3014/3017/> (дата обращения: 1.09.2019).
22. Советско-польская война, 1920 год, Иосиф Сталин на мониторе «Ударный» прибывает в Голубицу, из собрания Петра Голотыи // Retropetrikov.by. URL: <http://retropetrikov.by/2016/03/08/sovetsko-polskaya-vojna-1920-god-iosif-st/> (дата обращения: 1.09.2019).

23. Советско-польская война, 1920 год // Karty.by URL: <http://www.karty.by/2018/11/01/sovestsko-polskaya-vojna-1920-god/> (дата обращения: 4.09.2019).
24. Февраль 1919 г. – взятие Бреста польскими войсками // Brestnote.by. URL: <http://brestnote.by/2758-fevral-1919-g-vzyatie-bresta-polskimi-voyskami.html> (дата обращения: 4.09.2019).

A.D. Gronsky

Russian Academy of Sciences

Byelorussian Internet resources about the Polish-Soviet war of 1919–1920 as an information source

Key words: *Polish-Soviet war of 1919 – 1920; Byelorussian Internet resources.*

The article analyzes the texts placed in the Byelorussian segment of the Internet, containing information about the Polish-Soviet war of 1919 – 1920. The Polish-Soviet war was of little interest for the Byelorussian Internet space, so the vast majority of texts devoted to it are quite overview and based on data obtained from the Soviet scientific, encyclopedic and journalistic literature. The name of the war itself is written in different articles in different ways: the Soviet-Polish war, the Polish-Soviet war, the Polish-Bolshevik war, the Polish-Russian war or Russian-Polish war. The dates of the beginning and end of the war are also movable. In some cases, the beginning of the war set in 1919, in others, 1920, the end of the war indicated either in 1920 or in 1921. Most of the authors perceive the establishment of control of the Polish troops over the territory as an occupation, and when the control is established by the Red army – it is defined as liberation. Sometimes the articles mention specific episodes from the history of the Polish-Soviet war, characterizing the local historical events. The most widely presented information about the situation of the red army soldier in Polish captivity. It is this episode of the Polish-Soviet war that has been studied in the most detail by Byelorussian and foreign researchers, which is reflected in the frequency of mentions. In General, the Polish-Soviet war of 1919 – 1920 is very poorly represented in the Byelorussian segment of the Internet.

Письма смолян – участников польско-советской войны 1919–1921 годов как исторический источник*

Ключевые слова: *польско-советская война 1919–1921 гг.; письма с Западного фронта, исторический источник; Смоленская губерния.*

Статья посвящена анализу писем коммунистов, мобилизованных на Западный фронт в 1919–1921 гг. Адресат писем – Смоленский губком РКП(б). Письма – важный исторический источник, который позволяет увидеть военные, социальные, хозяйственные, идеологические проблемы Красной армии на западном направлении сквозь призму оценок и суждений участников событий.

Польско-советская война – масштабное историческое событие, оценки которого сложны и неоднозначны. Особую сложность оцениванию придает многочисленность целей, задач, намерений – политических, социальных, идеологических, территориальных, к осуществлению которых стремились стороны – участники конфликта. Поэтому события столетней давности неизменно привлекают внимание историков, политологов и политиков.

Многозадачность, понятная руководству Советской России, не всегда была очевидна для воевавших на передовой красноармейцев. Восприятие войны, понимание ее целей, оценка проблем, причин неудач отражены в письмах военнослужащих – смолян, воевавших на Западном фронте. Письма хранятся в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области и до настоящего времени не становились объектом изучения исследователей.

Письма, являясь специфическим нарративным источником, аккумулируют информацию об авторе письма, его социальном статусе, взглядах, убеждениях, настроении, поступках. Адресат писем дает представление о роли и значении данной коммуникации для авторов.

В фонде Смоленского губкома РКП(б) выявлено девять писем смолян – участников военных действий на Западном фронте в 1919–1921 гг. Одно письмо имеет коллективное авторство, остальные –

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках госзадания по теме «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе», проект № 33.1419.2017/ПЧ.

индивидуальные. Почти все письма – 8 корреспонденций – написаны в период с мая по июль 1919 г. Одно письмо датировано январем 1921 г., но содержит информацию о событиях более чем годовой давности. Адресатом пяти писем является Смоленский губком РКП(б), по одному письму – Вяземский и Сычевский укомы РКП(б), в двух случаях письма адресованы лично членам Смоленского губкома и губисполкома С.В. Иванову и В.З. Соболеву. Но все они в конечном итоге оказались в губкоме партии.

Авторы писем – коммунисты, члены Смоленской губернской организации РКП(б), направленные на Западный фронт в результате партийных мобилизаций. По последнему месту работы и жительства их можно назвать смолянами, жителями Смоленска и уездных городов губернии – Вязьмы, Сычевки, Рудни. Все они – люди, сделавшие свой политический выбор, имевшие сложившуюся систему взглядов и ценностей, которую защищали и пропагандировали на фронте.

Письменная коммуникация являлась важным инструментом связи между партийной организацией и ее мобилизованными на фронт членами. Мобилизованные коммунисты видели в своей парторганизации не формализованную структуру, связь с которой номинальная, а определенную силу с авторитетом и полномочиями, способную помочь в трудной ситуации. Подтверждают данное положение действия местных парторганизаций по поводу полученных писем.

Направленный на Западный фронт коммунист Вяземского укома РКП(б) в мае 1919 г. написал письмо с изложением насущных проблем: организационных, военных, материально-хозяйственных. Вяземская парторганизация не стала скрывать полученную информацию, а сочла необходимым сообщить о ней не только в Смоленский губком, но и в ЦК РКП(б) [1, л. 3–4]. Сычевский уком РКП(б) в июне 1919 г. в аналогичной ситуации информировал о проблемах на фронте губком, губисполком, окружной военной комиссариат, всех участников Смоленской губернской партийной конференции [1, л. 6, 18].

Партийные мобилизации в годы Гражданской войны проводились неоднократно. Коммунистов направляли на Западный, Восточный, Южный фронты. В документах фонда Смоленского губкома РКП(б) имеются сведения о мобилизациях на Западный фронт в апреле – мае 1919 г. и в июне 1920 г. В 1919 г. из смолян была сформирована 1-я Смоленская коммунистическая рота. Ее бойцы сражались в составе 3-й бригады Западной стрелковой дивизии. Смоляне воевали и в составе 1-го Варшавского стрелкового полка той же дивизии.

Численность мобилизованных в апреле – мае 1919 г. установить по документам невозможно, тогда как в июне 1920 г. их насчитывалось не

менее 200 человек. В соответствии с указанием ЦК РКП(б) требовалось мобилизовать на Западный фронт «строго» 200 человек (д. 247, л. 70). Смоленский губком, опасаясь не выполнить требование ЦК, дал распоряжение 14 уездным парторганизациям о мобилизации 210 человек [2, л. 70 об.]. По отчетам 12 укомов из 14, удалось мобилизовать 187 человек [2, л. 70, 86, 179, 209, 237, 266, 285, 317, 340, 367, 388, 409, 478]. Отчеты двух укомов: Краснинского и Мстиславльского – отсутствовали. Очевидно, указание ЦК РКП(б) было выполнено.

Мобилизации подлежали не только рядовые коммунисты, но и члены губернских, уездных и волостных парткомов и исполкомов. Кандидатуры ответственных работников рассматривались и согласовывались партийной организацией. Демидовская парторганизация, предположительно не ранее июля 1919 г., подготовила список коммунистов из четырех человек, «добровольно записавшихся на должности комиссаров полков» [1, л. 40–41]. По каждой кандидатуре имелось мотивированное заключение о целесообразности направления на фронт. Все добровольцы по социальному происхождению являлись малоземельными и безземельными крестьянами. После 1917 г. они поддержали большевиков и работали в уездных и волостных органах власти и управления: земельных отделах, исполкомах, военных комитетах. Один из добровольцев имел опыт военной службы и даже окончил политшколу Западного фронта. Значительный возраст еще одного кандидата, 49 лет, не стал препятствием для положительного заключения парткомитета об отправке на фронт, хотя имелись рекомендации об ограничении максимального возраста мобилизованных 40 годами. Демидовский уком РКП(б) отказал только одному желающему отправиться на фронт – Семену Ермолаевичу Демидову, брату погибшего от рук контрреволюционеров Я.Е. Демидова. Возможно, демидовские коммунисты хотели тем самым уберечь жизнь родственника советского героя от опасностей воинской судьбы и привлечь его к пропагандистской работе в уезде [1, л. 40–41].

Военные мобилизации обескровливали местные парторганизации. Вяземский уком, информируя в мае 1919 г. Смоленский губком и ЦК РКП(б) о проблемах, с которыми столкнулись мобилизованные им коммунисты, подчеркивал, что направил на фронт 25% от общего числа членов организации. Очевидно, предполагалось, что коммунисты сыграют роль идейных вдохновителей для рядовых красноармейцев, помогут укрепить их моральный дух. Поэтому особенно тяжело было узнать из письма бывшего секретаря Вяземского парткома РКП(б), что первоначальные намерения и реальность оказались далеки друг от друга [1, л. 3–4].

Мобилизованные вязьмичи, прибыв в Смоленск, распределялись по различным военным подразделениям. Опыт работы, военной службы, ранее занимаемые должности не учитывались. Бывший военный комиссар Вяземского уезда попал на фронт рядовым [1, л. 3]. Обращение сослуживцев в окружной военный комиссариат с предложением более рационально использовать знания и опыт военнослужащих осталось без внимания.

Большой неожиданностью для мобилизованных стало направление их в составе коммунистической роты на Западный фронт. В ходе мобилизационных мероприятий смоленским коммунистам обещали отправку на Восточный фронт в Симбирскую дивизию. Вероятно, добровольцев, согласившихся ехать на Западный фронт, было бы меньше. «Как и следовало ожидать, вместо Восточного мы очутились на Западном фронте, – писал бывший секретарь Вяземского уезда РКП(б). – ...Если и раньше мы сомневались в твердости Западного фронта, если и раньше мы считали его самым гнилым, то действительность превзошла всякие предположения и расчеты. И без боязни преувеличения я теперь могу коротко заявить, что фронта Западного нет, а есть самый наихудший вид партизанской войны» [1, л. 3 об.].

В составе 1-й Смоленской коммунистической роты воевали и бывший секретарь Вяземского укома, и бывший инструктор Смоленского уисполкома П.Д. Приставкин. В июне – июле 1919 г. Петр Давыдович Приставкин написал три письма в Смоленский губком партии. В этих письмах много внимания уделено описанию военных ситуаций, размышлениям о причинах побед и поражений. Коммунистическая рота воевала на двух направлениях Западного фронта – Лидском и Молодеченском. Численность роты сразу по прибытии на фронт, предположительно в начале мая 1919 г., составляла около 170 человек. Через месяц, в начале июня 1919 г., в роте оставалось менее 100 человек. «Кто ранен, кто убит, а много заболело в числе 70-ти», – писал П.Д. Приставкин [1, л. 11]. Еще через месяц, в первой половине июля 1919 г., с учетом нового пополнения в 20 человек в роте «осталось 35 человек, из них боеспособных 25» [1, л. 25 об.].

Такая же катастрофическая ситуация складывалась и в других подразделениях 3-й стрелковой бригады, в которую входила 1-я Смоленская коммунистическая рота. Авторы сходились во мнении, что сплошного фронта не существует. Бывший секретарь Вяземского укома партии писал, что «мизерные роты» расположены не в окопах, сохранившихся со времен Первой мировой войны, а в деревнях, находящихся далеко друг от друга и без какой-либо связи. В такой

обстановке противник может напасть с любой стороны, в том числе с тыла, что неоднократно и происходило [1, л. 3 об.].

П.Д. Приставкин описывает случай в населенном пункте Лоск, который они охраняли малыми силами. Наступление поляков не ожидалось, но они подошли незаметно ночью. Сначала противник сумел выбить красноармейцев из населенного пункта, но удержать его не смог. В этом бою погиб только один красноармеец, некто товарищ Школьников. Примечательно, что именно в его вещевом мешке находились партийные билеты всех коммунистов роты, собранные для регистрации ротным комитетом. Вещмешок попал к польским легионерам [1, л. 8, 11 об.].

Похожая ситуация в деревне Листопады закончилась совершенно иначе. В начале июля 1919 г. красноармейцам пришлось оставить населенный пункт, и начавшееся отступление невозможно было остановить. В результате бойцы коммунистической роты «со 2 июля до 8 июля отступали и дошли до местечка Городок в 12 верстах от Минска по большаку» [1, л. 25].

Анализируя причины военных неудач и слабости красноармейских подразделений, авторы писем отмечают лучшее материальное обеспечение «польских белогвардейцев», наличие у них конницы, необходимой для «партизанской войны», а также высокую степень морального напряжения и психологической истощенности красноармейцев, которым постоянно приходилось ждать внезапного нападения и находиться в полной боевой готовности.

Моральный дух бойцов Красной армии зависел и от исхода боевых действий: победа вселяла оптимизм, поражение приводило к унынию. Неудачи начала июля 1919 г., по словам П.Д. Приставкина, обернулись полным падением боеспособности красноармейцев и паническим бегством. «Духом не падает только несколько коммунистов, но они бессильны», – писал Петр Давыдович [1, л. 25 об.].

На боеспособность и моральный дух красноармейцев влияло материальное обеспечение. Почти в каждом письме описывается бедственное положение военнослужащих. Вяземский коммунист писал в мае 1919 г., что бойцы долгое время «не были в бане. Одежда и белье кишит вшами и блохами. Продовольствие страшно скверное, а днями его и совсем нет» [1, л. 4]. Сычевские коммунисты, 40 человек, в коллективном письме в свою парторганизацию в мае 1919 г. взывали о помощи: «Помогите нам. Привезите от имени организации всевозможных продуктов и особенно хлеба, так как мы по несколько дней сидим голодные, и представьте сами, какие борцы голодные от истощения, еле ноги волочащие» [1, л. 18]. В июле 1919 г. смоленский

коммунист П.Д. Приставкин констатирует, что положение не изменилось: «Хозяйственная полковая разруха в полном смысле. Хлеба за 7 суток отступления (со 2 по 8 июля 1919 г. – *Т.Т.*) выдали только два раза, пища горячая только один раз. На почве голода идут грабежи крестьян, берут, что попадет» [1, л. 25].

Эмоциональное состояние красноармейцев зависело и от личностных факторов. В двух письмах авторы вспоминают первые военные столкновения, в которых они потеряли своих боевых товарищей. Такие утраты тяжело переживались. Вяземские коммунисты сумели отправить в родной город тело погибшего бойца Коновникова с напутствием похоронить его «как первую жертву Вяземской организации» [1, л. 4].

Многочисленные неблагоприятные факторы: тяжелые условия службы, плохие бытовые условия, нежелание участвовать в боевых действиях – порождали дезертирство. Об этой проблеме писали военнослужащие как 1-й Смоленской коммунистической роты, так и других военных подразделений. Красноармеец 1-го Варшавского стрелкового полка Западной дивизии, мобилизованный коммунист Смирнов в письме в Смоленский губком РКП(б) много внимания уделил именно этому явлению. В середине июня 1919 г. он отмечал, что дезертиров в их полку не осталось. Все, кто хотел, уже сбежали. Особенно много, по его словам, сбежало красноармейцев из Смоленской губернии и Оршанского уезда. Оставшиеся бойцы поручили Смирнову написать об этом в губком, «чтобы как-нибудь этих дезертиров переловить и прислать сюда, а их уже отсюда не выпускают, и внушать им, что они приносят вред своим бегством» [1, л. 17]. Еще больший вред дезертиры приносили тем, что писали своим бывшим сослуживцам в полк, как хорошо они живут дома и их никто не трогает. Такая информация крайне негативно влияла на настроение военнослужащих.

Своеобразным способом избежать участия в боевых действиях была возможность попасть в подразделения, которые непосредственно не участвуют в вооруженных столкновениях. В Смоленский губком РКП(б) поступило рукописное письмо неизвестного автора, значительная часть текста которого неразборчива. Тот фрагмент текста, который возможно прочитать, обличает коммунистов, уклонявшихся от участия в военных операциях, с указанием конкретных фамилий: «Товарищи коммунисты! Если вы хотите знать, где ваши мобилизованные коммунисты, которые были призваны и не разбежались из ударных батальонов, получив приличное обмундирование, то для наших симулянтов есть спасательный батальон, в котором они спасаются, а именно реквизиционный коммунистический полк» [1, л. 21].

Наряду с военными проблемами важное место в письмах с фронта занимала тема взаимоотношений с местным населением. Так как авторы писем – коммунисты, свое взаимодействие с деревенскими жителями они выстраивали в первую очередь с точки зрения перспектив агитационно-пропагандистской работы. Военнослужащий П.Д. Приставкин в одном из писем описывает жестокое поведение поляков в отношении местных жителей прифронтной территории: «Поляки жгут халупы крестьян, отбирают скот, коров, свиней, лошадей. Отбирают деньги, бьют крестьян прикладом и колют штыками. Грабят церкви» [1, л. 9 об.]. А далее он делает неожиданный вывод о том, что красноармейцам это выгодно, так как настраивает крестьян и против польских военных, и против воевавших в их рядах местных помещиков.

Разделяет данное мнение и красноармеец Смирнов. Он характеризует настроение жителей деревень, не занятых пока ни одной из воюющих сторон. Ему часто приходилось бывать в разведке, и он обязательно брал с собой прокламации, распространяя их среди крестьян. По его мнению, крестьяне, особенно те, кто рассчитывал получить бывшие помещичьи земли, готовы поддержать красноармейцев. Но немало было в деревнях и семей, которые поддерживали польских легионеров. Легионеры угрожали всем, кто сочувствовал большевикам, обещая сжигать деревни. И действительно, по словам Смирнова, «было подожжено легионерами несколько деревень, которые целиком сгорели, и сгорело все имущество, так как легионеры не позволяли что-либо вытаскивать из горящего дома» [1, л. 20]. Жестокие расправы с населением не способствовали росту симпатии крестьян к легионерам, а Красная армия стремилась использовать это в своих целях.

И конечно, письма, адресованные Смоленскому губкому РКП(б), обязательно содержали информацию о состоянии партийной работы в армии. В 1-м Варшавском стрелковом полку партийные ячейки коммунистов были образованы во всех ротах, кроме одной – китайской, «где очень трудно что-нибудь организовать, потому что китайцы почти ничего, кроме слова "вперед", не понимают» [1, л. 17].

В 1-й Смоленской коммунистической роте выбрали ротный партийный комитет. Но участие в боевых действиях, несение караулов, разведка отнимали много сил и времени, поэтому для партийной работы их не оставалось. Не хватало партийной литературы, газет, и авторы писем дружно просили присылать их в действующую армию [1, л. 9 об., 19 об., 20 об.].

Существенный недостаток с идеологической точки зрения, по мнению одного из авторов, был допущен при формировании отдельной коммунистической роты, в которую направили всех мобилизованных

коммунистов. Коммунисты в армии должны были играть роль организаторов, «которые вели бы за собой массу красноармейцев, могли бы их воодушевить, могли бы иногда сдерживать стихийное недовольство красноармейцев теми непорядками, которые существуют на фронте» [1, л. 4]. Для этого их нужно распределять равномерно по всем боевым подразделениям, а не собирать в отдельную роту. Бойцы коммунистической роты чувствовали по отношению к себе если не враждебное, то предубежденное отношение красноармейцев других подразделений.

В письмах с Западного фронта коммунисты писали не только об общественно значимых проблемах. Также они обращались с личными просьбами о помощи родственникам. Смоленский губком не оставлял такие письма без внимания и старался помочь. Коммунист Х.Л. Гельфанд, мобилизованный в мае 1919 г., не успел оформить для своих родителей, проживавших в местечке Рудня, дополнительное обеспечение продовольствием. По его письму губком обратился в Гомельский губком и исполком с просьбой «сделать распоряжение Руднянскому волостному исполкому о переводе в 1-ую категорию семьи члена Смоленской организации РКП Х.Л. Гельфанда, живущей на ст. Рудня» [1, л. 12–13].

Еще одно письмо неизвестного автора, датированное 13 января 1921 г., изобличало жителя г. Лепеля Витебской губернии, который во время польской оккупации выдал родителей автора полякам. Из содержания письма становится известно, что автор обращался и в Витебскую губЧК, а виновный наказан – приговорен к 1 году принудительных работ [3, л. 1].

Письма военнослужащих с Западного фронта – важный исторический источник, который позволяет увидеть военные, социальные, хозяйственные, идеологические проблемы Красной армии на западном направлении сквозь призму оценок и суждений участников событий. Цель авторов писем – не только поделиться информацией о происходящем, но и предпринять определенные действия для исправления недостатков, о которых они пишут. В меньшей степени их заботят личные проблемы. Они переживают за исход общего дела. И, несмотря на очевидный драматизм происходящего, авторы писем не теряют оптимизма и верят в свою правоту, в возможность создания нового мира. «Очевидно, великое с болью дается, – заключает бывший секретарь Вяземского укома РКП(б). – А все-таки: да здравствует победа» [1, л. 4].

Литература

1. Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. 3. Оп. 1. Д. 82.
2. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 247.
3. ГАНИСО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 614.

T.I. Tarasenkova

Smolensk State University

Letters from Smolyan – participants of the Polish-Soviet war of 1919–1921 as a historical source

Key words: the Polish-Soviet war of 1919–1921; letters from the Western front; historical source; Smolensk region.

The article analyzes the letters of Communists mobilized to the Western front in 1919–1921. The addressee of the letters is the Smolensk provincial Committee of the Communist party. The letters are an important historical source, which allows you to see military, social, economic, ideological problems of the Red Army in the Western front through the lens of assessments and judgments of the participants of events.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ*

УДК 9.35(32)

Советско-польский конфликт на территории Белоруссии в 1919 году в свете документов Российского государственного военного архива (РГВА)

Ключевые слова: советско-польский конфликт 1918–1921 гг.; Гражданская война в России; Западный фронт РСФСР; Гражданская война на территории Беларуси; режим Ю. Пилсудского; Антанты; внешняя политика Советской России.

Настоящая статья посвящена малоизученному вопросу советско-польского конфликта на территории Белоруссии в 1919 г. Популярным остается мнение, что Западный фронт РСФСР являлся фактически заслоном против белополяков, не играя ключевой роли в развитии событий Гражданской войны; автором опровергается это популярное мнение. На базе ранее недостаточно изученных документов из Российского государственного военного архива (РГВА) автор приходит к выводу, что во втором полугодии 1919 г. Западный фронт РСФСР оттянул значительные силы и ресурсы РККА, что существенно отразилось как на Южном, так и на Северо-Западном фронтах РСФСР. Автором также поднимается вопрос, почему силы режима Ю. Пилсудского не предпринимали до июля 1919 г. решительных действий против РККА в Белоруссии. Ответ находится в политической плоскости отношений Польши с ее союзниками в Западной Европе. Автор делает вывод, что положение РСФСР на Западном фронте спасли хорошо проведенные оборонительные операции Красной армии, что относится, правда, только к последнему кварталу 1919 г. Польской армии не удалось выйти к Смоленску в первой половине осени 1919 г. из-за дефицита снабжения, что было отчасти вызвано напряженными отношениями с Германией, из-за чего режим Ю. Пилсудского оказался вынужден сконцентрировать много сил на западных рубежах Польши. Автор считает кампанию 1919 г. в Белоруссии упущенным шансом Ю. Пилсудского.

Малоизученные документы РГВА позволяют по-новому взглянуть на характер советско-польского вооруженного конфликта в 1919 г. Долгое время считалось, что режим Ю. Пилсудского преследовал узко национальные цели возрожденного Польского государства, стремясь получить в результате кризиса в России как можно больше территорий бывшей Речи Посполитой. В этой связи принято полагать, что в 1919 г. польские войска вели себя недостаточно активно и это было мотивировано нежеланием Ю. Пилсудского поддерживать лидеров белого движения, выступавших категорически против пересмотра российских границ 1914 г. Малоизученные документы из фондов РГВА

показывают нам несколько иную ситуацию: армия Польши своими наступательными операциями в Белоруссии в августе – ноябре 1919 г. поддержала фактически ВСРЮ, оттянув крупные резервы РККА. Особенно серьезное положение на Западном фронте РСФСР сложилось в октябре – ноябре 1919 г. В этот период режим Ю. Пилсудского совершает «прибалтийский поворот» в политике, смещая центр тяжести наступления своих сил в район Полоцка, что было явно в пользу армии Юденича, но привело к провалу всей стратегии польского Генерального штаба в конце 1919 – начале 1920 гг. Одна из причин неудач польских войск в Белоруссии – недостаточный объем снабжения со стороны Антанты на фоне роста противоречий между Ю. Пилсудским и лидерами Запада.

В соответствии с изложенными выше положениями, ставится цель: показать характер наступления польской армии в Белоруссии во втором полугодии 1919 г. и противодействия ему Красной армии для определения роли Западного фронта РСФСР в противостоянии режима большевиков белому движению и его союзникам. Отсюда вытекают следующие задачи: показать политические предпосылки польского наступления в Белоруссии, причины, по которым это наступление укладывается именно в те хронологические рамки, какие нам известны, выявить состав и потенциал противоборствовавших в Белоруссии описываемого периода сторон, выявить причины поражения белополяков и последствия польского наступления 1919 г. в Белоруссии для общей военной ситуации РСФСР в период наиболее напряженной борьбы с белыми армиями и интервентами во втором полугодии 1919 г.

Политический фон конфликта. Конфликт между РСФСР и Польшей начался в январе 1918 г. в результате отказа польских легионеров признать режим большевиков, что стало прямым следствием расправы над генералом Духониним. Польские части были отеснены с ряда позиций в Восточной Белоруссии группировкой И. Вацетиса. Так в Белоруссии начались гражданская война и интервенция одновременно. Многие поляки, воевавшие с красногвардейцами, являлись уроженцами Белоруссии, что придавало особый оттенок советско-польскому конфликту.

В конце 1918 г., когда РСФСР в одностороннем порядке аннулировала положения Брестского мира, между двумя государствами вновь обострились противоречия, так как данным актом Кремль давал понять, что не согласен с границами Польши и претензиями Варшавы на ряд территорий на Востоке. Война стала неизбежной, поскольку армии Советской России и Польши начали медленно продвигаться навстречу друг другу. Первые вооруженные столкновения происходят в январе

1919 г. в Литве, Красная армия добивается временного успеха в этой стране. Поэтому Ю. Пилсудский просит помощи у Антанты.

По причине отказа западных союзников отправить польские войска из Франции на родину через порт Данциг Ю. Пилсудский не получил в первом полугодии 1919 г. отборные части бывших фронтовиков. Поляки заподозрили западные демократии в тайном стремлении сделать уступки Германии на фоне готовившихся мирных переговоров в Версале, это также коснулось и вопроса о Галиции, где, как убеждали польские националисты, немцы организовали петлюровское движение, когда Антанта продолжала поддерживать концепцию создания независимого украинского государства [15, р. 3–4].

Крайне правые поляки рассматривали большевистское движение в России как часть мирового еврейского заговора [15, р. 5]. Таким образом, у польских и русских ультраправых к 1919 г. сформировалась некая точка соприкосновения. Особенно это касается общности политических взглядов одного из организаторов польской армии Ю. Галлера и лидеров ВСРЮ.

К лету 1919 г. режим Ю. Пилсудского имел еще слабую армию и сложные задачи на Востоке. Польские националисты требовали поглощения Литвы, когда военная ситуация в Белоруссии диктовала свои условия Варшаве. Однако и союз с ВСРЮ также оказался затруднен из-за упорства А.И. Деникина в вопросе признания польской независимости. А.В. Колчак, как верховный правитель России, выдвинул идею: «ни пяди российской земли» без соответствующего решения Учредительного собрания. В отличие от белых, Ленин в августе 1918 г. выступил с предложением признать новые границы Польши на Востоке, но это был просто политический маневр – в ноябре 1918 г. политика Кремля резко изменилась. И только успехи белочехов и колчаковцев в конце 1918 – начале 1919 гг. не позволили Москве уделить достаточно внимания западному направлению, которое Ленин считал приоритетным для большевиков с точки зрения стратегии всемирной революции.

В июле 1919 г. к Деникину из Варшавы была направлена миссия генерала А. Карницкого. А.И. Деникин получил полномочия на ведение переговоров о статусе Польши от адмирала А. Колчака и заявил находившемуся в составе миссии польскому дипломату Ежи Ивановскому, что польско-российской границей должен стать Западный Буг [1, с. 173]. А.И. Деникин готов был признать независимость Польши, но не в границах Речи Посполитой. Политическая часть переговоров завершилась после этого заявления, но военная часть делегации продолжала работать в ставке А.И. Деникина до декабря 1919 г.

В октябре 1919 г. в Варшаву прибыл представитель правительства А.В. Колчака полковник Долинский. В сентябре 1919 г. штаб Деникина настолько был уверен в скором (уже фактически состоявшемся) союзе с Польшей, что на банкете в Таганроге Карницкого и его офицеров встречали как друзей по оружию, но Карницкий был сильно удивлен. В октябре 1919 г. на запрос А.И. Деникина, почему боевые действия на Советско-польском фронте фактически прекратились, Карницкий ответил, что между Польшей и большевиками заключено трехнедельное перемирие, но фактически польская армия в это время занималась перегруппировкой сил и прощупыванием обороны 15-й армии. Карницкий, как мы уверены, не считал нужным посвящать Деникина во все стратегические планы польского командования. Между тем полковник Долинский даже не был принят Ю. Пилсудским, который сказал генералу Бриггсу (посреднику от Антанты в переговорах Польши с белыми), что Деникин и Колчак – реакционеры и империалисты.

Ю. Пилсудский беспокоился о своем левом фланге, где вновь запылал конфликт между поляками и литовцами; последним негласно готовы были оказать помощь из Восточной Пруссии немцы фон дер Гольца, который планировал прорывом через Литву на Полоцк ударить по Петрограду. Этот удар могла поддержать армия Юденича. Все это противоречило интересам поляков. Ю. Пилсудский считал, что для Польши наибольшую опасность представляет потенциально возможный союз России и Германии – одна из причин, почему во второй половине августа 2-я и частично 1-я дивизии польских легионеров стремились овладеть Полоцком [14, л. 117], явно пренебрегая более перспективными смоленским или украинским направлениями; к 30 августа 1919 г. польские части вышли на расстояние 28 км от Полоцка [14, л. 115]. При этом польские части в 20-х числах августа вели бои восточнее Бобруйска [14, л. 117], в середине августа поляками туда была переброшена специальная дивизия «Литва» [14, л. 117]. Все эти данные разведки германского генштаба подтверждаются сведениями о летнем наступлении поляков, приведенными в работе Н.Е. Какурина, только последний не описывает подробно структуру и характер польских формирований [4, с. 22]. Он говорит только, что решающую роль здесь сыграл генерал Галлер.

Боевые действия и потенциал сторон. Во второй половине лета 1919 г. Советская Россия имела на Западе 7-ю (центр снабжения в Новгороде Великом), 15-ю (центр снабжения в Великих Луках), 16-ю (центр снабжения в Могилеве), 12-ю (центр снабжения в Киеве) армии [14, л. 122]. К августу 1919 г. Ю. Пилсудский договорился с Петлюрой, бои на Галицийском фронте между украинцами и поляками

прекратились, что позволило петлюровцам взять Киев в конце августа 1919 г.; правда, сопротивление красных к западу от столицы Украины было подавлено еще раньше.

Положение польских войск с вооружением оставалось сложным во второй половине лета 1919 г.; например, поляки наладили собственное производство самолетов в Варшаве [14, л. 112], хотя это и обходилось государству дорого, так как поставки техники из-за рубежа явно были недостаточными. До августа 1919 г. ряд польских полков был оснащен старой артиллерией, и только поставки итальянских орудий улучшили их положение; к этому времени в каждом пехотном полку появилась пулеметная рота [14, л. 112]. Но главное – дефицит пополнений: правительство за счет призыва рассчитывало получить к концу лета 1919 г. 100 000 – 120 000 новобранцев, часть из которых по разным причинам не попала бы в армию [14, л. 112].

Против Красной армии Польша выставила в Белоруссии, на Украине и в Литве (поляки вели бои с литовскими ополченцами, а также, ранее, с украинскими формированиями) следующие формации к концу августа 1919 г.: 1-я дивизия легионеров, 2-я дивизия легионеров, части 8-й дивизии легионеров, познаньская дивизия, белорусско-литовская дивизия (в ней служили лояльные Польше литовцы и белорусы, а также местные поляки), группа Леставека; общая численность всех указанных формирований – 120 000 человек, не считая местной милиции [14, л. 114].

Против Германии Польша имела 198 000 штыков и сабель, включая резервные части [14, л. 114]. На Восточном фронте польской армии пришлось действовать без резервов, что вынудило осенью 1919 г. Ю. Пилсудского ослабить западные рубежи для операций против РККА. К местной милиции как источнику пополнения польские генералы, особенно Галлер, относились с пренебрежением. В июле 1919 г. положение с численностью личного состава было для Польши сложным: например, в Литве поляки имели только 3000–5000 штыков и сабель [14, л. 112], от Динабурга до Припяти выдвинули в конце июля 1919 г. 50 000–55 000 человек [14, л. 109], когда началось первое летнее генеральное наступление поляков против РККА и украинских националистов одновременно.

1 июля 1919 г. поляки начали медленное продвижение к Минску после овладения весной Брестом, Вильнюсом и Гродно. По мнению Н.Е. Какурина и И.И. Вацетиса, поляки не собирались развивать наступление дальше Минска, который они взяли 8 августа [3, с. 175]. Но из немецких документов следует обратное: сделав передышку в Минске, польские части, получив подкрепления с германской границы, начали передвижение к Полоцку и Бобруйску, поддерживав фактически

наступление Деникина. В районе Бобруйска они столкнулись с упорным сопротивлением частей 16-й армии, о которой в советской литературе сказано очень мало. По мнению И.И. Вацетиса, действия 12-й армии замедлили продвижение поляков в Белоруссии в июле 1919 г. [3, с. 174–177]. Но польские войска были тогда заняты в основном боями в Галиции с украинскими националистами, что могло отвлечь часть их резервов от Полесья.

Части 12-й армии РККА уходили поспешно из Киева на пароходах вверх по Днепру. На юго-востоке 12-я армия сражалась с двумя измотанными боями дивизиями белых, с запада – с армией С. Петлюры, непосредственно на Киев наступала группа генерала Антона Кравса. А. Кравс в первой половине лета 1919 г. безуспешно воевал с поляками, с которыми С. Петлюра помирился, сделав большие территориальные уступки. Галицийская армия, насчитывавшая 25 000 человек, была вытеснена за реку Збруч в ходе июльского удара польских войск, где галичане попали под командование атамана С. Петлюры, у которого под началом воевало 15 000 бойцов. 12-я армия была смята фактически уже служившим польским интересам С. Петлюрой.

К маю 1919 г. 12-я армия имела следующие боевое расписание и численность войск в дивизиях (табл. 1).

Таблица № 1

Боевое расписание, состав и дислокация 12-й армии РККА [9, л. 5–6]

№ дивизии	Состав дивизии	Численность войск	Зона дислокации
44 (бывшая Первая Украинская)	Части бывшей Первой Украинской дивизии, Нежинский полк	9 700 штыков, 870 сабель, 72 орудия	От р. Припять до Борового (ширина фронта 40 верст), севернее Чарторыйска
45 (бывшая Пятая и Шестая Украинские дивизии, а также	Части бывших Пятой, Шестой Украинских	19 040 штыков, 5 орудий	От Ямполья до Днестровского лимана

Бессарабская стрелковая дивизия, слитые в одну дивизию)	дивизий, а также Бессарабской дивизии		
46 (бывшая Вторая Украинская дивизия особого назначения)	Части бывшей Второй Украинской дивизии и бригада Бабинского	16 300 штыков, 2000 сабель, 40 орудий	Разбросана между Киевом, Никоподем, Уманью, Скварами и Фастовым (подавляла антисоветские выступления)
9 Кавалерийская	–	1100 сабель	Район Шепетовки

44-я и 46-я дивизии 12-й армии имели полную численность личного состава и хорошую артиллерию, насчитывая 45 100 штыков, 4000 сабель и 120 орудий. К 15 сентября 1919 г., когда 12-я армия была уже подчинена штабу Западного фронта в Смоленске, ее численность сократилась до 32 095 штыков, 2 481 сабли, 397 пулеметов и 145 орудий, но без учета группы Якира в составе 45-й, 47-й и 58-й дивизий. Принимая во внимание группу Якира, можно сказать, что 12-я армия к середине сентября 1919 г. даже усилилась, однако и нагрузка на эту армию возросла, так как теперь она вела бои еще и в Белорусском Полесье, а также обороняла Левобережную Украину [9, л. 12].

Неспособность польских частей форсировать Березину, по Н.Е. Какурину, и подтолкнула белополяков перенести центр тяжести наступления на Полоцк, где оно до этого шло практически одновременно с попытками прорвать оборону 16-й армии на Березине. Под Полоцком полякам противостояла 17-я стрелковая дивизия, сформированная в 1918 г. в основном из белорусов. Фронт дивизии был слишком растянут. Но нехватка артиллерии в первой половине осени не дала полякам возможности развить успех под Лепелем, поэтому в направлении Полоцка их продвижение шло медленными темпами. В распоряжении 17-й СД были 43 легких и 6 тяжелых орудий [4, с. 24]. Правда, мы не понимаем доводы Н.Е. Какурина на предмет того, что поляки никак не могли перейти Березину, имея перед собой примерно 12 000 штыков.

Мобильные силы РККА в этом районе состояли из двух-трех эскадронов кавалерии, поэтому быстро отреагировать на прорыв советской стороне было просто нечем.

Оборона красных на Березине определенно была упорной, но не настолько, чтобы это стало мотивом для разворота наступления в сторону Прибалтики, где польским войскам предстояло преодолеть полноводную Даугаву препятствие более серьезное, нежели Березина. 16-я армия РККА, согласно боевому расписанию Западного фронта от 15 июня 1919 г., состояла из следующих формирований (табл. 2).

Таблица № 2

Боевое расписание 16-й армии на 15 июня 1919 г.

[11, л. 127]

№ дивизии	Номера полков, входивших в состав дивизии
17	145, 146, 147, 150, 151, 152, 153
Западная	Варшавский СП, Люблинский, Седлецкий СП, Минский, Гродненский, Минский полк В.Ч.К.
8	64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72 (все стрелковые полки)
2 Пограничная	6 Пограничный полк, 7, 8, 9, 10

2 июля 1919 г. командование Западного фронта направило в штабы армий новый запрос с требованием уточнить состав войск [11, л. 128]. По одной из сводок на июль 1919 г., в дивизиях Западного фронта насчитывалось от 3 700 до 10 000 штыков [11, л. 119] – типичная для Гражданской войны численность. Но положение 16-й армии с личным составом было наиболее сложным, согласно боевому расписанию на 6-е июля 1919 г. (табл. 3).

Таблица № 3

Боевое расписание, численный состав и дислокация штабов дивизий

16-й армии от 6 июля 1919 г. [11, л. 119]

№ дивизии	Численность войск	Место дислокации штаба
17	6121 штык	Изяславль

Западная	2425 штыков (из них много поляков)	Минск
8	3033 штыка	Бобруйск

Из-за дефицита личного состава в июле 1919 г. штаб Западного фронта перебросил в Белоруссию из Смоленска 147-й стрелковый полк (1800 штыков), в резерве армии оставались 10-й погранполк, сводный батальон Западной дивизии, Бобруйский караульный батальон (2000 штыков), но боеспособность этих частей была невысокой. 16-й армии в дальнейшем пришлось опираться на поддержку сил соседней 15-й армии, особую помощь в борьбе против поляков оказала Латышская дивизия. В сентябре 1919 г. части снабжения Латышской дивизии и три бригады из 52-й дивизии были размещены в Могилеве [12, л. 4], что указывает на смещение приоритетов в обороне на Западном фронте в пользу белорусского направления, тогда как до июля 1919 г. главным считалось Псковское направление.

30 августа 1919 г. польские войска, взяв Бобруйск, приступили к наведению понтонного моста через Березину, но огонь артиллерии 8-й дивизии затруднял переправу польских войск на другой берег, поляки просто не могли вести эффективный контрбатареинный огонь из-за слабости своей артиллерии. Задержка поляков в Бобруйске позволила Красной армии организовать оборону в Восточной Белоруссии уже на базе частей из остатков 12-й армии, эвакуировавшихся в августе с Украины через Гомель. Назначенный тогда руководить Западным фронтом И.В. Сталин дал приказ взорвать мост через Березину под Бобруйском, решив, что именно в этом месте поляки намерены провести генеральное наступление, а не под Полоцком, как предполагалось штабом фронта ранее. Но вскоре выяснилось, что в осенней кампании Ю. Пилсудский отвел главное значение Полоцкому направлению, что было связано со смещением политических акцентов в сторону Прибалтики.

В районе Олиты и Вильно поляки перешли демаркационную линию в начале октября 1919 г. малыми силами – 2-м Ковненским полком (больше у них в Литве не имелось боеспособных частей выше уровня батальона). В ответ в начале октября 1919 г. Красная армия перешла в наступление по линии Полоцк – Бобруйск, но была отброшена Белорусско-литовской дивизией.

К востоку от Бобруйска красным удалось потеснить поляков [14, л. 134], с польской стороны в этом районе действовала 1-я кавалерийская дивизия (по польским документам это была Первая дивизия великопольских стрелков), ее командир генерал Дубильский погиб [14, л. 134]. Попытки поляков наступать в Литве оказались не совсем

удачными: 29 сент. 1919 г. Красная армия отразила атаку в районе города Вильковыр [14, л. 134]. Днем позже Конгресс Польши принял решение о значительном увеличении армии [14, л. 134]. При этом части первой линии снимались с «немецкого фронта» [14, л. 133].

Согласно данным германской разведки, в начале октября 1919 г. польское командование вывело из Силезии 3-ю дивизию легионеров (ударная дивизия) и 10-ю дивизию; первая была переброшена под Динанбург и была развернута в 40 км к юго-западу от этого города, а 10-я – направлена в Галицию, где ее усилили 31-м пехотным полком [14, л. 133]. Действия по усилению Восточного фронта Ю. Пилсудский начал под влиянием того обстоятельства, что большая война с Германией из-за позиции Антанты по территориальным претензиям Польши к Веймарской республике стала крайне маловероятной.

Польское наступление забуксовало, поэтому советское командование, будучи уверенным в безопасности полоцко-двинского направления, перебросило части 16-й и 15-й армии на борьбу с Юденичем в конце октября 1919 г. Только отправленные на защиту Петрограда части 15-й армии составили к концу октября 1919 г. 12 тыс. штыков, 600 сабель и 50 орудий, но против латвийских и польских войск остались 99-й СП из 11-й СД, 8-й и 9-й СП из 1-й СД, бригада 10-й СД и большое количество артиллерийских батарей [8, л. 99]. Таким образом, 15-я армия могла выставить более 20 000 штыков и сабель на линии Полоцк – Лепель, чем и объясняется замедление польского наступления на Западной Двине, поэтому поляки смогли взять Двинск в начале января 1920 г. Политика здесь не играла центральной роли, поляки продолжали наступать на Даугаве, тесня части 15-й армии в конце сентября 1919 г., но натиск польских сил был уже не таким, как в августе. Двинск был взят во многом благодаря заключенному Ю. Пилсудским с латвийскими военными 30 декабря 1919 г. соглашению.

О действиях в Белоруссии 16-й армии И.И. Вацетис и Н.Е. Какурин говорят очень мало. Но из директив по 16-й армии известно, что в начале сентября 1919 г. она перешла в контрнаступление под Бобруйском с целью окружения польской группировки, занявшей в конце августа этот город. Контрнаступление велось силами специально созданной группы, которая после форсирования Березины и окружения польских войск должна была совместно с 52-й дивизией двинуться на Минск [6, л. 23–24]. Таким образом, положение 16-й армии в начале сентября 1919 г. было не столь катастрофическое: ее части оказались в состоянии контрнаступать. К 11 сентября наступление польских войск под Рогачевым и Жлобиным оказалось остановлено, польские части выдохлись, что позволило 16-й армии самой перейти в наступление [6, л.

23–24]. Успех красных войск в регионе был достигнут в основном за счет действий латышских стрелков (в документах в этой связи говорится о Латдивизии 15-й армии, действовавшей на правом фланге 16-й армии).

Именно на Латдивизию в конце сентября 1919 г. возлагал особые надежды в готовившемся ударе на Бобруйск командующий Западным фронтом В. Гиттис [5, л. 42–45]. Однако 24 сентября командование Западного фронта приняло решение отменить наступление, перебросив наиболее сильные части под Двинск, где поляки предприняли наступление [6, л. 2–4]. Ю. Пилсудский решил вернуться к старой схеме действий против Советской России – бить в направлении Даугавы. Вероятнее всего, это решение было принято под влиянием успешной обороны 16-й и левого фланга 15-й армий РККА под Бобруйском. Так или иначе, польское наступление сорвало на время планы В. Гиттиса вернуть Бобруйск и заодно уничтожить польские силы (1-ю кавалерийскую дивизию) в районе этого города.

Перенос центра тяжести польского наступления из-под Бобруйска под Двинск также объясняется наступлением армии Юденича совместно с силами Эстонии. Докладывая 24 ноября 1919 г. Льву Троцкому о положении 15-й и 7-й армий, В.М. Гиттис упомянул о выступлении поляков в Дисненском районе против сил 4-й СД. Правда, поляки там добились в ноябре скромных успехов. Под Полоцком 16-я армия отбросила польские части на западный берег Даугавы после безуспешных попыток первых наступать [7, л. 36–38].

В середине сентября 1919 г. председатель Совета министров Польши И. Падеревский сделал заявление на заседании совета Парижской мирной конференции, что он готов двинуть Польскую армию на Москву, если Западные союзники того захотят [13, с. 314]. Из этих слов становится ясно, что решение – помогать или не помогать А. Деникину польскими силами – принималось не в Варшаве, а в Париже. Однако спустя месяц И. Падеревский объяснил свою уточненную в русском вопросе позицию У. Черчиллю: польские войска готовы двинуться на помощь белым армиям при условии, что Англия не будет склонять Польшу к дружбе с Германией, а также при наличии такого объема материальной помощи, чтобы поляки смогли создать армию в 300 000 человек. Вместе с тем Варшава начала 9 октября 1919 г. мирные переговоры с Кремлем, которые, как и в июле, закончились ничем. В отличие от МИДа Польши, Ю. Пилсудский был тверд по отношению к большевикам. Как он сказал 7 ноября 1919 г. английскому послу, в его планах всегда имелась в виду борьба с Советской Россией [13, с. 404].

Нам важно понять, как в последнем квартале 1919 г. действия польских войск отражались на всем положении РККА в Европейской

России. 16-я армия, принявшая главный удар поляков, была фактически равна по численности дивизии. Но штаб Западного фронта стал быстро наращивать резервы. По состоянию на 13 декабря 1919 г. только 16-я армия имела в резерве 7 полков общей численностью 4610 штыков [11, л. 12]. На конец декабря 1919 г. боевое расписание 16-й армии имело следующий вид (табл. 4).

Таблица № 4

**Боевое расписание 16-й армии
на конец декабря 1919 г. [11, л. 94]**

№ дивизии	№ полков в составе дивизии
17	145, 146, 147, 150, 151, 152, 153
52	460, 461, 463, 464, 466, 467
8	65, 66, 67, 68, 69, 70, 74, 72
2	6, 7, 8, 9, 10
Пограндивизия	
11	Нет точных данных
53	Нет точных данных
	10-й Минский полк В.Ч.К.

15-я армия, часть которой поддерживала 16-ю армию против поляков, имела следующее боевое расписание (табл. 5).

Таблица № 5

**Боевое расписание 15-й армии на конец
декабря 1919 г. [11, л. 94]**

№ дивизии	№ полков в составе дивизии
11	91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99
53	469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476
4	28, 29, 30, 31, 32, 33, 34
1	8, 9
3	22, 23, 24
10	83, 86, 87
19	165

Состав 16-й армии количественно резко возрос к декабрю 1919 г., причем произойти это могло не за месяц и не за два. В декабре 1919 г. 52-я дивизия должна была убыть на Южный фронт, но осталась на Западном.

18 декабря 1919 г. на всем Западном фронте в боевых частях насчитывалось 61 474 человека [12, л. 8]. Однако такая малая численность боевого состава целого фронта объясняется не ослабленным вниманием РВС к борьбе на Западе, но большой убылью личного состава. На 12 декабря 1919 г. в госпиталях армий и фронта находилось 21 507 человек [12, л. 8]. Несмотря на снижение активности противника в декабре 1919 г., Западный фронт продолжал нести потери преимущественно от простуд и тифа. На 13 эвакуационных пунктах Западного фронта в конце декабря 1919 г. находилось 25 046 больных (около 25% из них болели тифом) и 4092 раненых [12, л. 4]. У нас нет данных по санитарным потерям Западного фронта в октябре – ноябре 1919 г., но, судя по сведениям за декабрь 1919 г., они были крупными. В приведенные выше сводки не были включены потери убитыми, дезертирами и пленными.

Помимо фронтовых частей, Западный фронт располагал большим количеством тыловых частей. 18 декабря 1919 г. административная численность личного состава Западного фронта была 199 269 человек [12, л. 8], сюда относились бойцы и командиры охранных формирований. Таким образом, Западный фронт имел в своем составе около 250 000 человек, по данным на декабрь 1919 г. Но на середину октября 1919 г. Западный фронт насчитывал 429 118 человек, из них в управленческих структурах и резерве фронта – 39 553 человека, в 7-й армии, действовавшей против Юденича, – 123 747 человек, в 15-й армии – 149 440 человек, в 16-й армии – 116 378 человек [12, л. 211].

Таким образом, режим Ю. Пилсудского оттянул на себя к середине осени 1919 г. 305 371 человека с учетом резервов фронта. Для сравнения укажем, что все боевые части Южного фронта к началу октября 1919 г. насчитывали 112 540 штыков и 17 490 сабель [2, с. 287], что больше, чем боевой состав Западного фронта в декабре 1919 г., почти в два раза, но из этих числа сил Южного фронта 11 000 штыков и 500 сабель находились в заслоне против поляков в районе Киева [2, с. 288]. Две лучшие дивизии РККА были отвлечены на операции Белоруссии осенью 1919 г., что во многом способствовало временному успеху Деникина в октябре того же года Латдивизия в ходе боев в Белоруссии понесла большие потери и до ноября 1919 г. не являлась фактически ударной дивизией, оставаясь в резерве РВС.

Другим важным свидетельством того, что режим Ю. Пилсудского существенно облегчил положение армий белого Юга А.И. Деникина,

является сводка в штаб Западного фронта от начальника штаба 12-й армии от 15 сентября 1919 г. Согласно сводке, 8-я СД, подчиненная 12-й армии, обороняла позиции по всему течению р. Припяти, имея в своем распоряжении 2 665 штыков и 116 сабель, 119 пулеметов и 23 орудия. 44-я дивизия была также в заслоне против поляков, ее личный состав насчитывал 15 800 штыков, 955 сабель, 235 пулеметов, 75 орудий 75 мм и 4 орудия 6 дюймов; здесь же была Правобережная группа со штабом в Чернобыле, в ее составе – 1 830 штыков, 210 сабель, 43 пулемета и 9 орудий [9, л. 12]. Таким образом, польские войска, проводя преимущественно демонстративные действия в Полесье, оттягивали на себя 20 295 штыков, 1281 саблю и 111 орудий в канун генерального наступления А.И. Деникина на Москву, и это только заслон из состава 12-й армии. То есть почти каждый второй боец 12-й армии (подчинена штабу Западного фронта) оказался в составе сил, стоявших в Полесском заслоне.

Помимо перечисленных выше многих соединений Красной армии, в ходе отступления частей 12-й в Полесье были учтены командованием Западного фронта разного рода части, которые редко учитывались в то время – «забытые полки», скажем так. Из одного документа мы узнаем о 21-м Волынском повстанческом полке, который не учтен по предоставленному в Смоленск боевому расписанию 12-й армии; данный полк был отправлен из Лунинца на разоружение [10, л. 135]. Существовали еще 2-й Полесский повстанческий и 20-й Украинский полки [10, л. 135].

Обратим внимание на такую деталь: заслон 12-й армии против поляков имел на вооружении 111 орудий, то есть одно орудие на 182–183 стрелка, что соответствует нормам Восточного фронта 1916 г. Но даже в Первую мировую войну в российской армии далеко не всегда было такое соотношение пехотинцев и количества орудий. На весь Южный фронт в начале октября 1919 г. имелось 599 орудий (одно орудие на 188 стрелков) при интенсивности боев и сложности тактических задач в несколько раз выше, чем перед антипольским заслоном в Полесье, сформированным из частей 12-й армии [2, с. 289].

Концентрация артиллерии осенью 1919 г. наблюдалась также в зоне действий 16-й армии. У 17-й СД только на позициях было расположено 21 орудие в том числе одна гаубица, по данным на 26 октября 1919 г. На участке 52-й СД находились 29 орудий, не считая артиллерии бронепоезда № 49 и участка 3-й бригады 52-й СД [10, л. 7]. Таким образом, только на передовой у двух дивизий из 16-й армии было 50 орудий, о которых было точно известно командованию на конец октября 1919 г. Однако из другого документа следует, что в 17-й СД в начале

осени 1919 г. было 42 орудия на 5547 штыков, в Западной дивизии – 32 орудия на 3334 штыка, в 8-й СД – 51 орудие на 3435 штыков [10, л. 132], то есть 125 орудий на три дивизии. Прибавим к этим 125 орудиям еще 111 орудий 12-й армии, получаем 236 орудий, то есть почти 40% от количества орудий, имевшихся на Южном фронте в начале отражения наступления Деникина на Москву. Но мы не учли еще артиллерию Латышской и 52-й дивизий, а также 15-й армии. Нами обнаружено также документальное свидетельство, что в середине октября 1919 г. Западный фронт имел на вооружении 473 орудия, которые считались годными [10, л. 212]. Таким образом, польские войска оттянули на себя значительную огневую мощь РККА в самый ответственный момент Гражданской войны в европейской части России.

Мы считаем, что поставленные в нашем исследовании задачи выполнены. Мы доказали на базе архивных материалов, что РСФСР вынуждена была сосредоточить против белополяков крупную группировку войск в последнем квартале 1919 г. Для Красной армии на Западном фронте была характерна, как и на других фронтах, ситуация «разреженного» фронта из-за дефицита личного состава и больших небоевых потерь.

Успехи войск режима Ю. Пилсудского в Белоруссии во многом объясняются поздней реакцией высшего командования РККА на сложившееся к августу 1919 г. на Западном фронте положение. К счастью для РСФСР, удар на Минск и Бобруйск польские войска совершили после длительной паузы, а не сразу после весенних успехов в Западной Белоруссии. Такая стратегия Ю. Пилсудского на Востоке во многом связана со сложными отношениями с Антантой по вопросам территориального размежевания с Германией, с которой Польша планировала в первом полугодии 1919 г. развернуть полномасштабную войну. В значительной степени ситуацией в польско-германских отношениях объясняется дефицит поставок вооружений из Западной Европы в Польшу практически до августа 1919 г.: западные союзники опасались выхода Германии из режима мирных переговоров в случае открытого вооруженного конфликта Берлина с Польшей.

Союз между ВСРЮ и Польшей не состоялся во многом из-за вопроса о границах: Варшава требовала слишком многого, как и от РСФСР. Тем не менее действия польских войск осенью 1919 г. значительно облегчили положение ВСРЮ и Северо-Западной армии Н. Юденича.

Литература

1. Грицкевич А. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Борьба между Россией и Польшей за Белоруссию. Минск: Харвест, 2008. 496 с.

2. Егоров А.И. Гражданская война в России: Разгром Деникина. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 2003. 640 с.
3. Какурин Н.Е., Вацетис И.И. Гражданская война. 1918–1921. СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2002. 672 с.
4. Какурин Н.Е. Русско-польская кампания 1918–1920: политико-стратегический очерк. М.: Воен. Тип, 1922. 75 с.
5. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 104. Оп. 4. Д. 95.
6. РГВА. Ф.201. Оп. 3. Д. 132.
7. РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 178.
8. РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 196.
9. РГВА Ф. 104. Оп. 4. Д. 337.
10. РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 340.
11. РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 343.
12. РГВА. Ф. 104. Оп. 4. Д. 344.
13. Снытко Т.Г. (ред.). Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. 2. Ноябрь 1918 г.–апрель 1920 г. М.: Наука, 1964. 720 с.
14. Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО). Ф. 500. Оп. 12. Д. 158.
15. Lutoslawski W. Bolshevism and Poland. Paris: IMP. H. FLINIKOWSKI, 1919. 40 pp.

G.G. Popov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
(RANEPА)*

The Soviet-Polish conflict on the territory of Belarus in 1919 in the light of documents of the Russian state military archive (RGVA)

Key words: *Soviet-Polish conflict of 1918 – 1921; Civil war in Russia; Western front of the RSFSR; Civil war on the territory of Belarus; Yu. Pilsudsky's regime; Entente; foreign policy of the Soviet Russia.*

This article is devoted to the poor studied in science subject of the Soviet-Polish conflict in Belarus in 1919. Popular is the opinion that the Western front of the RSFSR was actually a barrier against the White poles, not playing a key role in the development of the Civil war, the author stays against this popular opinion. On the basis of previously insufficiently studied documents from the Russian state military archive (RGVA), the author comes to the conclusion that in the second half of 1919 The Western front of the RSFSR pulled significant forces and resources of the Red army, this significantly affected both the Southern and North-Western fronts of the RSFSR. The author also raises the question why the forces of the regime of Yu. Pilsudski did not take decisive action against the Red army in Belarus until July 1919? The author finds the answer in the political plane of Poland's relations with its allies in Western Europe. The author concludes that the RSFSR on the Western front was escaped by well-conducted defensive operations of the Red army, which, however, took place only in the last quarter of 1919. The Polish army failed to reach Smolensk in the first half of the autumn of 1919 due to a shortage of supplies, which was partly caused by tense relations with Germany, because of which the regime of Yu. Pilsudski was forced to concentrate a lot of forces on the Western borders of Poland. The author considers the 1919 campaign in Belarus to be a missed chance for Yu. Pilsudsky.

Деятельность Бюро уполномоченного Польского общества Красного Креста в Советской России, 1920–1921 годы*

Ключевые слова: польско-советская война; военнопленные; Е.П. Пешкова; польский Красный Крест; Бюро уполномоченного.

В статье на основании документов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) реконструируется процесс организации Бюро уполномоченного и показывается его деятельность по оказанию помощи польским военнопленным. Автор отмечает, что Е.П. Пешкова как уполномоченный ПОКК получила широкие полномочия по оказанию помощи жертвам войны (в том числе и польским военнопленным). Демонстрируется деятельность Бюро по сбору сведений о «жертвах войны». В завершение рассматриваются вопросы свертывания деятельности Бюро уполномоченного польского Красного Креста в Советской России.

Проблема помощи «жертвам» польско-советской войны встала между воюющими сторонами в августе-сентябре 1920 г. Польше и Советской России оставалось найти оптимальное решение, которое бы позволило им помогать своим гражданам в другой стране. Этим решением для Польской Республики стало создание в Советской России Бюро уполномоченного Польского общества Красного Креста (ПОКК).

По теме Бюро уполномоченного ПОКК есть отдельные публикации, которые рассматривают его деятельность в Советской России [10; 11]. Должанская рассмотрела работу Бюро через биографию Е.П. Пешковой. В других публикациях исследуются взаимоотношения между Польским и Российским обществами Красного Креста, а также заключение 6 сентября 1920 г. «Соглашений, касающихся облегчения участи жертв войны» [12, л. 137–139; 1].

Архивные источники по теме хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) в фонде № 8406 «Бюро уполномоченного Польского Красного Креста в СССР». В нем сохранились документы о переговорах и заключения соглашения между Польским и Российским

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-09-00091/19 «Польские военнопленные в лагерях Центральной России, 1919–1922 гг.».

обществами Красного Креста, о начале работы Е.П. Пешковой как уполномоченного нормативные и внутренние организационно-правовые документы, переписка с Польским Красным Крестом об организации Бюро, переписка с учреждениями Польши о продовольственных грузах и т.д. В Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ) в фонде № 63 были обнаружены копии отчетов Бюро уполномоченного. Часть материалов также есть в региональных архивах (Государственный архив Смоленской области (ГАСО), а именно: запросы Бюро по поиску военнопленных, телеграммы местным властям со сведениями о полномочиях Е.П. Пешковой и требования на оказание помощи представителям Бюро уполномоченного.

До августа 1920 г. у польской стороны не было серьезных возможностей влиять на участь своих пленных в Советской России. Проблема пленных затрагивалась и на прямых переговорах сторон, которые велись во время боевых действий. Впервые это случилось на польско-советских политических переговорах, проходивших в Микашевичах в Полесье в октябре – ноябре 1919 г. под прикрытием Российского и Польского обществ Красного Креста. В ноябре 1919 г. был разработан проект соглашения, которое определяло на время польско-советской войны взаимоотношения между Польским и Российским обществами Красного Креста [13, л. 7–8]. В соглашении указывалось, что стороны принимали на себя заботы о попечении на территории своих государств о военных и гражданских пленных для облегчения их участи. Но тогда решение принято не было, так как стороны интересовало прекращение активных боевых действий, а также судьба заложников [12, л. 137].

Во время наступления Красной армии на Польшу в августе 1920 г. Варшава согласилась вступить в переговоры о прекращении военных действий и заключении мира. В это же время в Берлине были возобновлены переговоры делегаций обществ Красного Креста. Они завершились подписанием 6 сентября 1920 г. документа «Соглашения, касающиеся облегчения участи жертв войны». В них отчасти повторялись положения проекта соглашения от 1919 г., где в параграфе 3 указывалось, что на всей территории РСФСР всесторонняя помощь польским гражданам – «жертвам войны» (заложникам, гражданским пленным и военнопленным) будет оказываться за счет Польского общества Красного Креста через особого делегата (уполномоченного. – *И.Р.*) из числа советских граждан под контролем и опекой Российского общества Красного Креста [13, л. 80–81].

4 сентября 1920 г. за № 156 С.И. Бродовский сообщил народному комиссару по иностранным делам Г.В. Чичерину о том, что польский

Красный Крест просил Е.П. Пешкову взять на себя попечение о гражданских пленных с такими же полномочиями и правами, как у С. Семполовской в Варшаве. Также сообщалось, что в случае принятия обязанностей польский Красный Крест просил Пешкову прибыть в один из городов (Ригу, Ковно, Ревель, Данциг или Берлин) для совещания [3, л. 1, 4, 5]. Данная радиотелеграмма была передана Е.П. Пешковой 8 сентября 1920 г.

24 сентября 1920 г. за № 1798 иностранный отдел Российского общества Красного Креста (РОКК) сообщил Е.П. Пешковой о том, что председатель Центрального комитета РОКК просил её зайти для личных переговоров по вопросу организации помощи гражданам польской национальности [3, л. 6]. В этот же день (24 сентября 1920 г. за № 12/1025) народный комиссариат по иностранным делам подтвердил полномочия Е.П. Пешковой в попечении о поляках [3, л. 7, 8].

В дополнение прошедшим переговорам между Пешковой и председателем Центрального комитета РОКК 30 сентября 1920 г. последним были присланы следующие предложения:

1. Центральный комитет полагал, что деятельность уполномоченного должна была осуществляться через имеющийся административно-технический аппарат РОКК.

2. Центральный комитет признавал право Е.П. Пешковой привлекать к работе сотрудников по её усмотрению, но, чтобы таковые утверждались Центральным комитетом РОКК. ЦК РОКК просил Е.П. Пешкову поставить в известность его о её согласии с предложениями не позже 2 октября 1920 г. [3, л. 9–9 об.].

2 октября 1920 г. Пешкова написала в ЦК РОКК [3, л. 11]. Она выразила согласие начать немедленно работу по обслуживанию польских «жертв войны», используя аппарат РОКК, но указала, что ей было необходимо иметь право заниматься кадровыми перестановками сотрудников. 6 октября 1920 г. Центральный комитет РОКК выдал Е.П. Пешковой удостоверение о подтверждении её полномочий [3, л. 12]. После переговоров с РОКК Е.П. Пешкова вступила в переписку с польским Красным Крестом, для того чтобы получить от него инструкции и документы, подтверждающие её полномочия. 5 октября 1920 г. Она написала в РОКК с просьбой указать пределы своих полномочий, [3, л. 10], но ответа не получила.

Не дожидаясь подтверждения полномочий со стороны РОКК, Пешкова приступила к организации Бюро уполномоченного. Для решения этой задачи в октябре 1920 г. был разработан проект об «Организации управления по оказанию помощи лицам польской национальности, находящимся в России» [4, л. 1–3]. В документе

указывалось, что во главе управления (позже Бюро. – *И.Р.*) должен стоять уполномоченный.

При управлении необходимо было организовать следующие подотделы.

1. Подотдел управления делами с двумя секциями: делопроизводства и бухгалтерией с подсекцией статистики;

2. Подотдел снабжения и распределения с заготовительной, распределительной, хозяйственной секциями и складом.

Во главе каждого подотдела и секции должен был стоять заведующий. В документе указывалось, что сношения отдельных подотделов и секций, как между собой, так и с другими организациями и учреждениями, должны были производиться через уполномоченного. При управлении следовало организовать отделы:

– статистический, который бы занимался учетом и хранением сведений о лицах польской национальности [4, л. 2];

– юридический, который бы рассматривал дела и заявления, поступающие в Бюро, а также давал бы свое заключение по юридическим вопросам. Этот отдел должен был оказывать юридическую помощь всем «жертвам» войны (в том числе польским военнопленным);

– информационный, который бы занимался сбором информации и посылкой списков в информационное бюро ПОКК в Варшаву [5, л. 148]. Кроме того, отдел должен был производить розыск польских граждан, находящихся на территории РСФСР, путем проверки имеющихся материалов или же корреспонденции с соответствующими властями и учреждениями.

С организацией Бюро Пешкова приступила к работе. На первом этапе стали открывать местные отделения, через которые собирались сведения. Всего было организовано четыре отделения, а именно в Петрограде [9, л. 1–1 об.], Туле [9, л. 19], Твери [9, л. 90] и в Нижнем-Новгороде [9, л. 2–3 об.]. Для успешной работы отделений Центральным бюро была составлена инструкция для сборщиков сведений. Так, первая инструкция касалась сбора сведений по «полякам заключенным» (военнопленным, гражданским пленным. – *И.Р.*). Сборщик должен был разъяснять опрашиваемым то, что анкета носила информационный характер. Анкеты заполнялись на всех опекаемых лиц, сборщик сам вносил сведения в анкету со слов опрашиваемого на русском языке. Заполненная анкета подписывалась опрашиваемым либо сборщиком в случае неграмотности опрашиваемого. Сборщик обязан был составить перечневой список лиц в трех экземплярах: первый оставался у сборщика, второй – передавался в местное отделение ПОКК (при его

наличии), третий – отправлялся в Москву [4, л. 13–15].

Для содействия местных учреждений во все отделы управления губисполкома (в том числе и Смоленский) была послана телеграмма с предложением оказывать Пешковой и её сотрудникам помощь, а также разъяснялось, что имеет право делать уполномоченный и его представители:

1) сотрудники уполномоченного ПОКК могли допускаться в лагеря военнопленных, но по предъявлению пропусков, выданных Особым отделом и завизированных в Главном управлении принудительных работ;

2) при посещении лагеря сотрудников уполномоченного ПОКК должен был сопровождать политический инструктор и комендант или его заместитель;

3) сотрудники уполномоченного ПОКК имели право оказывать помощь польским военнопленным (продуктами, вещами и деньгами);

4) для облегчения работы сотрудников уполномоченного ПОКК администрация лагеря должна была подготовить сведения (сведения о количестве польских военнопленных и их состоянии), которые заблаговременно следовало передать через контрольно-хозяйственную комиссию;

5) администрация лагерей военнопленных должна была объявить военнопленным, что им разрешалось переписываться с родиной. Письма направлялись в незапечатанных конвертах, которые политинструктор должен был передавал в польский отдел ПУРа [2, л. 1–3].

Параллельно со сбором сведений Пешкова начала оказывать помощь польским «жертвам войны». Но из-за отсутствия средств она для организации помощи заняла у РОКК пять миллионов рублей [3, л. 16]. 24 ноября 1920 г. от ПОКК поступило письмо, в котором оно Пешкову просили оказывать материальную и юридическую помощь не только польским гражданским пленным, но и военнопленным [3, л. 20]. Екатерина Павловна ответила, что она не отказывалась от организации помощи военнопленным, но это, по её словам, было необходимо согласовать с советским правительством и Э. Залесским [3, л. 21–21 об.].

В ноябре 1920 г. ПОКК и РОКК начали обговаривать условия отправки из Польши в Советскую Россию вещей и продуктов для «жертв войны». Так, 24 ноября 1920 г. президент Центрального комитета Российского Красного Креста З. Соловьев написал в Ригу Э. Залесскому о том, что советское правительство гарантировало неприкосновенность транспорта, который прибывал из Польши для опекаемых, а также просил сообщить дату прибытия транспорта на демаркационную линию [3, л. 22]. Польский Красный Крест в это же время выслал Е.П. Пешковой

один миллион царских рублей через С.И. Бродовского. В письме сообщалось о подготовке шести вагонов продовольствия и одежды для военнопленных, которые собирались передать на демаркационной линии около Минска [3, л. 20].

21 декабря 1920 г. ПОКК уведомил Е.П. Пешкову о том, что на станцию Столбцы были отправлены два вагона с одеждой и продуктами для польских пленных (в телеграмме отмечалось, что груз предназначался для военнопленных поляков, которые находились в концлагерях в Смоленске, Москве, Туле). Уполномоченного или её заместителя просили принять транспорт и перегрузить груз в русские вагоны в Столбцах или на другой станции [5, л. 3, 4]. 10 января 1921 г. Пешковой сообщили о том, что из Минска вернулся представитель Бюро Ростковский, который ездил для приемки вагонов, прибывших из Польши. Представитель Главного эвакуационного комитета М. Шаевич помог ему в один день оформить полученные два вагона и отправить их с почтовым поездом в Москву. Вагоны прибыли 9 января на Александровский вокзал, откуда были переведены на Николаевскую таможенную, а откуда их следовало доставить на склады Бюро [8, л. 1]. Для хранения присланных продуктов и вещей из Польши Бюро Центроэвак предложил три камеры на своих складах [8, л. 4]. Заведующим складами был назначен Квятковский [8, л. 8].

О полномочиях Пешковой было сообщено в декабре 1920 г. Так, 17 декабря 1920 г. председатель ПОКК Э. Залесский прислал мандат и полномочия уполномоченного [3, л. 24]. В документе указывалось, что Е.П. Пешкова в лице уполномоченного ПОКК должна была опекать всех польских военнопленных, гражданских пленных и интернированных лиц, заложников, которые находились на территории РСФСР и УССР. Как уполномоченный она имела право на ряд действий:

- 1) вести от имени ПОКК переговоры с советскими правительствами (в РСФСР и УССР) и подведомственными им органами;
- 2) взаимодействовать со всеми правительственными учреждениями и лицами по всем делам, доверенным ей ПОКК;
- 3) оказывать опекаемым лицам помощь (материальную и юридическую);
- 4) ходатайствовать во всех судебных, административных и иных учреждениях по делам польских военнопленных, гражданских пленных и интернированных лиц, а также заложников;
- 5) пользоваться официальными бланками ПОКК и его печатью;
- 6) передавать полномочия лицам по своему усмотрению, частями или полностью.

21 декабря 1920 г. ПОКК просило РОКК исходатайствовать для Пешковой и её доверенных лиц следующее:

1) немедленное проведение в жизнь мандата и подтверждение полномочий Пешковой;

2) разрешение связываться с ПОКК письменно и по радио;

3) право в случае надобности выезда уполномоченного к русско-польской границе или выезда за пределы РСФСР в одно из нейтральных государств для личных переговоров с ПОКК;

4) право уполномоченного и ее доверенных лиц пользоваться беспрепятственным въездом в те местности, где находятся лица, пользующиеся или имеющие право пользоваться ее попечением, и выездом из них с возможностью внеочередного получения билетов в международных и делегатских вагонах;

5) право пользования по служебным делам городским и междугородним телефоном, а также возможностью подачи телеграмм;

б) право иметь склады продовольствия и материалов, находящиеся в полном ведении и распоряжении уполномоченного, а равно право хранить деньги, принадлежащие ПОКК [3, л. 26].

К концу 1920 г. Бюро функционировало за счет средств ПОКК и были подготовлены первые отчеты о деятельности. Так, в отчете за период с октября 1920 по 1 июня 1921 г. указывалось, что помощь польским военнопленным носила случайный характер и производилась из продуктов, присланных из Польши. В отчете указывалось, что для регулярного обслуживания военнопленных, которых в одном Московском районе Бюро насчитало до шести тысяч человек, потребовалась бы регулярная присылка дополнительных продуктов и одежды. Сообщалось, что присылаемого из Польши хватало на периодические незначительные выдачи в сравнении с выдачами гражданским пленным [13, л. 59, 61]. Все вышеуказанное относилось к Москве. В других губернских центрах, кроме Петрограда, регулярных получений продуктов из губернского продовольственного комитета не было, а потому помощь как гражданским, так и военнопленным оказывалась посылками из запасов Центрального бюро.

На одного военнопленного приходилось 8 фунтов фасоли, муки ржаной – 10 фунтов, пшеничной – 20 фунтов, сгущенного молока – 1 банка, маргарина, сахара, соли – по 2 фунта [6, л. 1]. Также пленным помогали деньгами. Так, Бюро 15 июля 1921 г. получило из Польши деньги в размере 100 тысяч рублей для передачи польскому военнопленному Адольфу Гольдману, который находился в Смоленске. Но в виду выбытия пленного деньги были возвращены председателю ПОКК [6, л. 10].

Свертывание деятельности Бюро. В 1921 г. заместитель министра иностранных дел Польши В. Бабинский сообщил Е.П. Пешковой о том, что вследствие финансовых трудностей деятельность ПОКК в России должна быть ограничена. Также сообщалось, что Министерство иностранных дел Польской Республики выступило с проектом выделения 25 000 000 марок на дальнейшую деятельность ПОКК в Советской России под контролем и опекой Польской делегации по делам репатриации в Москве [3, л. 52–52 об.]. 29 октября 1921 г. Э. Залесский написал Е.П. Пешковой о том, что было необходимо сократить личный состав Бюро, а также и вещевые расходы [7, л. 5]. 2 ноября 1921 г. Главное управление сообщило Е.П. Пешковой о том, что с 1 октября 1921 г. персонал Бюро был сокращен, а с 1 ноября он составлял 15 человек [7, л. 11]. Затем стали ликвидировать местные отделения Бюро. Так, в ноябре 1921 было ликвидировано отделение в Петрограде и Бюро запрашивало у ПОКК деньги для выплаты по ликвидации [6, л. 73].

5 ноября 1921 г. Я.А. Левашкевич писала Е.П. Пешковой о том, что 16 октября Ф.К. Николаев сообщил, что с указанной даты Бюро прекращало оказывать помощь военнопленным как находящимся в лагерях для военнопленных, так и прибывающим с эшелонами, поскольку польская делегация брала на себя их обслуживание продовольствием и одеждой. В то же время в Бюро ежедневно являлись отдельные военнопленные с просьбами о помощи, ссылаясь на то, что их направила делегация. Автор доклада также указала, что Бюро не могло удовлетворять эти ходатайства еще и потому, что на складе не имелось ни продовольствия, ни одежды [7, л. 13]. Ф.К. Николаев посылает Пешковой доклад о том, что при посещении польской делегации Э. Залесский заявил, что Бюро уполномоченного вынуждено при оказании помощи продуктами польским гражданам, которые отъезжали в Польшу (в том числе и военнопленные. – *И.Р.*) на родину, выдавать не свыше чем на 7 дней по норме на 1 человека, а именно: хлеба – 7 фунтов, соли – 7/16, сахара – 7/16 фунта, кофе – 7/16, сыра – 2 фунта, картофеля – 15 фунтов, сала – 2 фунта, молока сгущенного (детям, больным, старикам) – 1 банку, мыла – ¼ фунта, папирос – 100 штук, спичек – 1 коробка. Николаев указал Э. Залесскому на то, что большинство названных продуктов на складах Бюро находилось непостоянно и в ограниченном количестве, а части продуктов не имелось вовсе (сала, молока, сыра, так как первые два продукта были израсходованы и не были получены от делегации). Автор доклада указывает, что делегация взяла на себя обеспечение продуктами польских военнопленных, а Бюро было приказано помощь прекратить [7, л. 14а–15].

25 ноября 1921 г. председатель комиссии ПОКК по делам

заложников и военнопленных Э. Залесский сообщил Е.П. Пешковой о том, что в связи с увольнением персонала Бюро уполномоченного перестало существовать (Бюро должны были ликвидировать к 30 ноября), следовало оставить пять человек (на декабрь 1921 г.), которые бы окончили текущие дела и передали имущество, счета и архив Бюро [7, л. 20].

Таким образом, созданное Бюро уполномоченного ПОКК позволило польскому правительству помогать своим гражданам (гражданским пленным, военнопленным) в Советской России. Уполномоченным ПОКК была выбрана Е.П. Пешкова, которая получила широкие полномочия относительно помощи «жертвам войны». Бюро помогало нуждающимся продуктами и одеждой, собирало сведения и проводило розыск, передавало письма и посылки в обе стороны. Но, помощь польским военнопленным со стороны Бюро ПОКК носила случайный характер. В связи с прибытием польской делегации в Москву деятельность Бюро начали сворачивать: от уменьшения финансирования и сокращения персонала до прекращения функционирования. К 30 ноября 1921 г. деятельность Бюро уполномоченного ПОКК в Советской России была прекращена.

Литература

1. Белые пятна – черные пятна: Сложные вопросы в российско-польских отношениях: научное издание / под общ. ред. А.В. Торкунова, А.Д. Ротфельда; отв. ред. А.В. Мальгин, М.М. Наринский. М.: Аспект Пресс, 2017. 823 с.
2. ГАСО. Ф. Р-136. Оп. 1. Д. 169.
3. ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 2.
4. ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 3.
5. ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 11.
6. ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 12.
7. ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 14.
8. ГАРФ. Ф. 8406. Оп. 1. Д. 22.
9. ГАРФ. Ф. Р-8406. Оп. 1. Д. 175.
10. Должанская Л. Бюро уполномоченных Польского Красного Креста в России и Российского Красного Креста в Польше (1920 – 1937) и уполномоченные Е.П. Пешкова и Стефания Семполовская // Новая Польша. № 6 (98). 2008. С. 31–35.
11. Екатерина Павловна Пешкова. Биография: Документы. Письма. Дневники. Воспоминания. М.: Восточная книга, 2012. 758 с., [24] л. ил., портр., факс.; 22 см.; ISBN 978-5-7873-0648-4 (в пер.);
12. Матвеев Г.Ф. Польский плен: военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М.: Родина Медиа, 2011. 173 с.
13. РГАСПИ. Ф. 63. Оп. 1. Д. 198.

I.I. Rodionov

Smolensk State University

The activities of the Bureau of the Commissioner of the Polish Red Cross Society in Soviet Russia, 1920–1921

Key words: *Polish-Soviet war; prisoners of war; E.P. Peshkova; Polish Red Cross; Office of the Commissioner.*

Based on the documents of the State Archive of the Russian Federation (GARF), the Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI), the article reconstructs the process of organizing the Office of the Commissioner and shows his activities in assisting Polish prisoners of war. The author notes that E.P. Peshkova, as the Commissioner of the PKKK, received broad powers to provide assistance to the "victims of the war" (including Polish prisoners of war). Demonstrates the activities of the Bureau to collect information about the "victims of the war." In conclusion, the issues of curtailing the activities of the Office of the Commissioner of the Polish Red Cross in Soviet Russia are considered.

День освобождения Минска от польских оккупационных войск как одна из дат отсчета университетской истории Беларуси

Ключевые слова: польско-советская война; оккупация Минска; освобождение Минска; Белорусский государственный университет; 11 июля 1920 г.; 11 июля 1921 г.; 30 октября 1921 г.; историческая объективность; идеологемы; «буржуазная Польша» и Советская Белоруссия.

В статье рассматривается проблема определения наиболее точной даты основания первого для Беларуси классического по всем важнейшим параметрам университета – Белорусского государственного (БГУ). До настоящего времени в среде ученых и практиков высшей школы не прекращаются споры насчет самой важной точки отсчета истории БГУ. Одной из них называется 11 июля 1921 г., когда в ознаменование годовщины освобождения Минска от польских оккупационных войск было проведено торжественное собрание, провозгласившее начало деятельности университета. Но такой шаг был инициирован правительством Социалистической Советской Республики Белоруссии не столько в связи с фактом создания БГУ (в реальности еще не было ни преподавательских кадров, ни учебных планов, ни материально-финансового обеспечения и др.), сколько для идеологического усиления факта изгнания захватчиков из Минска годом ранее. Власти тем самым стремились снизить негативные последствия недавно заключенного с Польшей Рижского мира, когда западные белорусские земли пришлось уступить политическому сопернику. В дальнейшем, уже буквально через год, интеллектуальные силы университета и национально ориентированные члены руководства республики определили новую дату рождения университета – 30 октября 1921 г. Именно в этот день очередное «торжественное собрание» с участием высшего руководства республики и первого состава профессорско-преподавательских кадров БГУ однозначно заявило, что созданы все необходимые условия для начала плодотворной учебно-научной деятельности. На следующий день приступили к регулярным учебным занятиям. Однако вновь дата 11 июля 1921 г. была восстановлена накануне Второй мировой войны, когда предельно обострились советско-польские отношения. Именно к июлю 1941 г. готовились торжественные мероприятия по случаю празднования 20-летия БГУ. Начавшаяся Великая Отечественная война разрушила все планы. В послевоенный период некоторое время эта дата как бы сопровождала вновь ставшую основной датой 30 октября 1921 г. Антипольская составляющая в датировке университетской истории окончательно была снята в начале 1950-х гг. Все последующие годовщины первого университета Беларуси отмечались именно под знаком 30 октября 1921 г. К этой дате приурочены и мероприятия, которые будут проведены в связи со столетием БГУ.

Вопрос о «максимально объективной, точной» дате создания Белорусского государственного университета на протяжении уже почти ста лет актуализируется как в связи с активизацией субъективных суждений, так и в силу некоторых текущих объективных обстоятельств. Среди последних, как правило, превалировали военно-политические, когда через университет, всегда воспринимавшийся властью и обществом в числе самых социально-важных конструкций, очевидно просматривалось намерение акцентировать внимание на новых идеологемах. Нахождение же советской республики «на самых крайних западных рубежах Отечества» определяло постоянную актуальность «антипольского противостояния», о чем напоминали и события 1919–1920-х гг., и последующее нагнетание предвоенного состояния («если завтра война»), и отторжение в общественном мнении всего, что в той или иной степени было связано с позитивным восприятием «буржуазной Польши». Для Белорусского университета в его государственном статусе и предназначении всякие очередные изменения военно-политической ситуации и сопровождавшие их решения высшего руководства страны отзывались непременно участием в реализации принятых установок.

Как ни странно, подобные реалии накладывали свой отпечаток и на определение даты рождения БГУ. Случилось так, что начальные шаги выстраивания столь долгожданного для белорусов «своего университета» пришлось как раз на время польско-советской войны 1919–1920-х гг. Оккупация белорусских территорий (начавшаяся с февраля 1919 г.) и столицы Минска (9 августа 1919 г.) польскими войсками почти синхронно совпала с первыми шагами по реализации Декрета ЦИК (от 25 февраля 1919 г.) только-только заявившей о себе белорусской государственности (ССРБ) о развертывании организационных мероприятий по созданию Белорусского государственного университета [2]. В сложнейших военно-политических условиях казалось, что в который раз за последние почти пятьдесят лет будет похоронено стремление к реализации идеи Белорусского университета.

Однако даже в условиях оккупации некоторые действия по воплощению в жизнь советского декрета осуществлялись, хотя и без ссылок на него. Это тема для отдельного рассказа. В данном случае ограничимся лишь констатацией того факта, что почти через год после изгнания оккупантов из Минска (11 июля 1920 г.), именно в годовщину освобождения белорусской столицы от польских войск, правительство и партийный ЦК воссозданной советской республики совместно с только что приступившим к исполнению своих обязанностей первым руководством университета провели торжественное заседание. Картина

заседания лапидарно, но красочно подана в первом номере «Вестника» белорусского Наркомпроса: «...Партер и верхние яруса были заполнены студенчеством, членами профсоюзов, комсомола, слушателями рабфака, рабочими и красноармейцами. На сцене разместились председатели ЦНК, Совнаркома, ЦБ КПБ, ЦК КСМ, профессура университета и делегаты из уездов. Первым приветствовал университет Предсовнарком Белоруссии т. Червяков, отметивший в своей речи значение открытия университета в годовщину вступления в Минск Красных войск. Сегодня, сказал т. Червяков, исполнилась годовщина освобождения Минска из-под власти польских панов. Ровно год тому назад Красная армия после ожесточенных, кровопролитных боев заняла столицу Белоруссии и водрузила над ее стенами Красное рабоче-крестьянское знамя. Для рабочих и крестьян Белоруссии это событие имеет первостепенное значение. Тот, кто владеет Минском, владеет всей Белоруссией. Отсюда понятно, какой смысл, значение имеет открытие в Минске Белорусского государственного университета...». Во всеуслышание было объявлено, что университет открыт! Лидер большевиков Беларуси Вильгельм Кнорин пафосно заявил: «открытие БГУ – праздник Коммунистической партии Белоруссии и всех трудящихся», а миссия университета – «служить «делу пролетарской революции, делу рабочего класса» [12, с. 21].

Таким образом, осмысленно было проведено сопряжение военно-политических и научно-образовательных парадигм в общей проблематике формирующейся белорусской государственности. На том этапе это было как необходимо, так и вынужденно: прозвучавшие слова в каком-то смысле нацеливали на то, что все значимое для новой жизни следует отвоевывать – то ли у внешнего, то ли у внутреннего врага.

А что касается начала реальной работы университета, то это являлось на лето 1921 г. хотя и осязаемой, но пока не осуществленной перспективой. Ведь только несколькими неделями ранее развернулся набор абитуриентов, с большим напряжением сил отыскивались кадры профессуры и преподавателей, которых к тому же необходимо было утвердить в Москве (в Наркомате просвещения РСФСР). В полном запустении и без четких юридических фиксаций находилась материально-техническая база, выделенная правительством для размещения БГУ (университету даже пришлось уступить военным самые престижные здания Минска, ранее решениями ЦИК и СНК ССРБ переданные именно для проведения учебных занятий). Не было ясности с перечнем факультетов, а тем более с учебными планами, программами, учебной литературой и т.д.

Тем не менее новая власть, пребывая в эйфории от одержанной над серьезным противником победы, определила как важный идеологический ход необходимость подчеркнуть через дату 11 июля факт создания «советского детища» – университета. Значимой иллюстрацией этого должно было стать в общественном восприятии утверждение как раз через данную дату правомочного первого состава университетского Правления во главе с ректором В.И. Пичетой [13, с. 13]. В многочисленных речах, произнесенных на этом открытии, рефреном озвучивалась мало относящаяся к сути заявленного события (формированию университетской среды) дата 11 июля: как торжество победы над чуть ли всем западным, буржуазным миром.

Но уже вскоре победная эйфория спала. Начались сложные будни выстраивания эффективной подготовки специалистов. Вот здесь-то все, от руководства республики до руководства университета, склонились к мнению, что начальной датой в истории БГУ следует признать 30 октября 1921 г., когда в торжественной обстановке и была начата *реальная* работа университета (уже на следующий день состоялась первая лекция для студентов факультета общественных наук). Все последующее десятилетие безусловной начальной датой считался день 30 октября 1921 г. В газетных публикациях, в официальных выступлениях этих лет однозначно констатировалось, что в БГУ с этого дня начались учебные занятия по подготовке будущих медиков, преподавателей, учителей, экономистов, юристов для новой советской Белоруссии. И что этот день является днем его основания!

Первая годовщина работы университета (как и последующие) инициировалась на высшем политико-властном уровне. А конкретную дату проведения торжественного заседания Совета БГУ по поводу годовщины определило специальное решение университетского Правления (ректората) только 19 октября 1922 г. И оно назначило торжества на 30 октября, а 11 июля прошло в «трудовых буднях». Празднования состоялись в том же актовом зале Дома № 3 БГУ по той же улице (но уже переименованной – Магази́нная стала Университетской!), где годом ранее и было объявлено о начале работы университета. Коллектив БГУ ждал этого дня, чтобы представить всей республике отчет о проделанной работе.

Еще 1 октября 1922 г. от имени профессуры, преподавателей и студентов университетское руководство послало приветственную телеграмму председателю ЦИК Социалистической Советской Республики Белоруссии А.Г. Червякову. Александр Григорьевич, как фактический глава республики, лично отслеживал все проблемы строящегося университета и всемерно помогал решать текущие и

перспективные задачи [19]. Поэтому естественно, что он сразу откликнулся на телеграмму. Некой благодарностью за приветствие, полученное от первых белорусских интеллектуалов, и возможным подарком им можно считать обращение главы страны в Президиум ЦИК РСФСР с просьбой передать БГУ имущество закрывавшихся Витебского и Смоленского отделений Московского археологического института [7, л. 37, 124–125]. Финансово-материальное обеспечение нужд БГУ стоило дорого. Еще долгие годы оно являлось головной болью руководства всех уровней.

Непосредственно перед «микроюбилейной» датой ЦИК ССРБ послал в адрес БГУ приветственную телеграмму с поздравлениями, а ректор университета В.И. Пичета в центральной республиканской газете «Савецкая Беларусь» опубликовал отчетную статью «Год работы Белорусского государственного университета [8, л. 25; 14]. Тем не менее во время торжественного заседания в своей речи ректор не забыл упомянуть и дату 11 июля, которая по-прежнему несла в себе отчетливую идеологическую окраску. Владимир Иванович сказал, что «Белорусский государственный университет открыт 11-го июля 1921 года – в день празднования взятия Минска красными бойцами и освобождения его от польских властей». И он «...развивается под покровительством центральных органов власти». Правда, ректор же подчеркнул, что в этот день было лишь «декларировано открытие», «выписан вексель» на продолжение эффективной работы, а само «открытие» состоялось фактически 30 октября этого же года [3].

Оценивая ситуацию начала 1920-х гг., можно констатировать, что тогда было не столь важно подчеркивать привязанность БГУ к звучной, но все же не имеющей органичной связи с сущностными параметрами университета «антипольской» дате 11 июля. Для большинства интеллектуалов, еще не освоивших премудрости идеологического сопровождения своей профессиональной деятельности, в этой привязке усматривалась очевидная натяжка, искусственность, совмещение политического противостояния двух порубежных стран с реальными задачами и миссией развития белорусской высшей школы. И руководство республики ослабило свое внимание в использовании данного «аргумента» в только-только набирающей обороты «военизации» белорусского общества вообще и студенчества в частности. Казалось важнее использовать идеологемы из революционного арсенала.

В этом смысле характерна одна из многочисленных публикаций в той же газете «Савецкая Беларусь», приуроченная к первой годовщине БГУ. В переводе на русский она звучит как «Крепость пролетарская».

Автор провел мысль, что университет тесно связан с революционными организациями. И это является олицетворением того факта, что он был открыт «пролетарской рукой» [14]. Даже несмотря на то, что буквально в следующем номере газета подала материал, в котором проводилась параллель между Белорусским университетом в Минске и «Польским университетом» (Университет Стефана Батория. – Я.О.) в Вильно, пока речи не шло о нагнетании атмосферы непримиримого противостояния между белорусскими и польскими образовательными структурами с учетом противостояний политических, обусловленных в первую очередь итогами Рижского мира [15].

В последующие годы две даты рождения БГУ продолжали жить своей жизнью, порой тем или иным способом акцентируясь в зависимости от целеустановок сверху или в силу политического чутья университетского руководства. Следует признать, что дата изгнания оккупантов из Минска оставалась притягательной в идеологических построениях всех белорусских институций, а в университете использовалась при проведении воспитательной работы со студентами. Благо, чуть ли не в центре развивающегося университетского кампуса-городка пролегла небольшая улица 11 июля, которая являлась продолжением улицы Университетской. Случайно или умышленно городские власти (разумеется, с подачи республиканского руководства) так очевидно в топонимике Минска соотнесли два знаковых события в жизни молодой республики, предстоит еще уточнить. И все же 11 июля как юбилейная дата в жизни БГУ специально не отмечалась, но выступала сопутствующей однозначно первичной дате – 30 октября.

В очередной раз эта дата приобрела широкий резонанс в 1926 г., когда вся республика готовилась отмечать пятилетие работы своего университета, а одновременно 25-летие научной и педагогической деятельности его ректора В.И. Пичеты. Именно 30 октября Владимиру Ивановичу постановлением Наркомпроса было присвоено уникальное звание заслуженный профессор БССР, а в прессе прозвучали здравицы в честь двух юбилеев [9, л. 22; 4]. В отношении важной университетской даты в октябре – начале декабря 1926 г. сначала Бюро ЦК КП(б)Б в своем постановлении «О праздновании 5-ти летия БГУ» выразило партийное одобрение проделанной работы, а потом ЦИК и СНК БССР приняли специальное совместное постановление «О пятилетнем юбилее БГУ» [10, л. 651; 11, л. 4–6]. «Юбилейность» в одном и другом случае, безусловно, подавалась под знаком 30 октября, но не 11 июля.

Через год уже шестая годовщина БГУ в прессе по-прежнему освещалась с безоговорочной аргументацией: «БГУ – дитя Октябрьской революции» [5]. И «октябрьское рождение» белорусского университета

хорошо увязывалось со столь важной датой. А вот 11 июля как-то отошло в тень, хотя в пропагандистской риторике, которая плотно ложилась на повседневность жизни университета, антипольские акценты стали расставляться все чаще и чаще. С одной стороны, к примеру, пресса в позитивной тональности освещала поездку университетских историков В.И. Пичеты и В.Д. Дружчица на съезд польских историков в Познань, их чуть ли не триумфальное возвращение с массой польскоязычной литературы, среди которой выделялось большое юбилейное издание, посвященное пятилетию ровесника БГУ – Познаньского университета. Предметом гордости для автора публикации в связи с шестилетием БГУ был факт установления учеными университета прочных связей с коллегами из Германии, Чехословакии и Польши.

Но, с другой стороны, читатель вводился в курс дела, например, о деятельности университетской ячейки МОПР, которая курировала польских политэмигрантов и шефствовала над погранзаставой в Заславле. На этом белорусско-польском пограничье университет был задействован в проведении самых различных мероприятий как с пограничниками, так и населением городка [16; 17]. Пограничники и офицеры расположенных в Минске воинских соединений были постоянными гостями многих мероприятий, проводившихся в стенах БГУ, вели занятия по военной подготовке студентов (яркий пример тому – преподавание во второй половине 1920-х – начале 1930-х гг. военного дела Г.К. Жуковым) [6, с. 269–277].

Апогеем восприятия БГУ как рожденной Октябрем первой высшей школы Беларуси стала подготовка и проведение торжеств по случаю десятой годовщины Октябрьской революции. Силами руководства университета (ректор, деканы, члены Совета) с привлечением студентов-активистов к юбилею было подготовлено своеобразное издание – всесторонний отчет о важнейших сторонах деятельности БГУ и ее итогах [1]. В предисловии прямо отмечалось: «Беларускі Дзяржаўны Універсітэт быў вызваны да жыцця толькі дзякуючы Кастрычнікавай Рэвалюцыі, і з прычыны гэтага сьвяткаваньне 10-годзьдзя Кастрычнікавай Рэвалюцыі зьяўляецца для БдзУ асабліва ўрачыстым» [1, с. 4]. Интересно, что второе высшее учебное заведение БССР – Институт сельского и лесного хозяйства – было открыто тоже в октябре (7 октября 1922 г.). В ректорском большом материале две даты в жизни БГУ были четко и просто разведены: «11-га ліпеня 1921 году, у дзень вызваленьня гораду Менску ад палякаў <...> быў агалошаны дэкрэт Ураду аб адчыненні Беларускага Дзяржаўнага Універсітэту», а вот «30-га кастрычніка 1921 году адбылося фактычнае адчыненне...» [1, с. 7]. В специальном разделе В.И. Пичета проследил важнейшие торжественные

заседания, которые в течение шести лет проводились в БГУ. Среди прочих он пунктуально под днем 30 октября назвал празднование всех прошедших университетских годовщин – от первой до шестой [1, с. 11]. Дата же 11 июля более нигде не упоминалась.

Дата 11 июля как точки отсчета истории БГУ была вновь избрана в начале 1930-х гг. Этот день 1921 г. стал юбилейным при проведении мероприятий по случаю 10-летия БГУ. Традиционное совместное постановление ЦИК и СНК БССР о награждении работников БГУ было приурочено к этой дате [18]. В течение 1930-х гг. университет и вся республика отдавали предпочтение «июлю перед октябрем». События лета 1920 г., отнесенные через год «июльским рождением» столь знакового для белорусов университета, отлично включались в пропагандистский арсенал всех ветвей власти и руководства самого университета. В особенности подобная ретроспекция актуализировалась в период политической, дипломатической и военной подготовки «освободительного похода Красной Армии 17 сентября 1939 г.» и закрепления в составе СССР западных белорусских и украинских территорий, изъятых у Польши. В подобных условиях идеолого-воспитательная и политическая заангажированность даты 30 октября вынужденно была потеснена датой 11 июля.

Подготовка к проведению 20-летия БГУ, намеченного на июнь – июль 1941 г., проходила в сопровождении четко сориентированной «оккупационной» темы 1919–1920-х гг. Даже с потерей этой актуальности в уже послевоенном 1951 г. и возвращением к «октябрьской датировке рождения» БГУ (тем более что университету в 1947 г. было присвоено имя Ленина) некоторое время как бы по инерции вспоминалось на различных уровнях руководства и 11-е июля. Но недолго. Все последующие празднования приурочивались только к 30 октября 1921 г. Столетний юбилей первого белорусского университета намечен на этот день 2021 г.

Литература

1. Беларускі Дзяржаўны Унівэрсытэт. 1921–1927. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск: без изд-ва, 1927. 74 с.
2. Звезда. 1919. 1 марта.
3. Звезда. 1922. 28 октября.
4. Звезда. 1926. 30 октября.
5. Звезда. 1927. 30 октября.
6. Максимчик А.Н. Полководец, преподаватель БГУ Георгий Константинович Жуков // Интеллектуальная элита Беларуси. Основоположники белорусской науки и высшего образования (1919–1941) / под общ. ред. С.В. Абламейко, науч. ред. О.А. Яновский. Минск: БГУ, 2017. С. 269–277.
7. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). Ф. 6. Оп. 1. Д. 124.

8. НАРБ. Ф. 93. Оп. 1. Д. 128.
9. НАРБ. Ф. 205. Оп. 3. Д. 6335.
10. НАРБ. Ф. 4. Оп. 3. Д. 15.
11. НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 947.
12. Н.Б. Открытие Белорусского Государственного университета // Вестник Народного Комиссариата Просвещения ССРБ. 1921. № 1. С. 20–22.
13. Пічэта В.І. Беларускі Дзяржаўны Універсітэт напярэдадні 10-годзьдзя Кастрычнікавай Рэвалюцыі // Беларускі Дзяржаўны Універсітэт. 1921–1927. Да 10-й гадавіны Кастрычнікавай рэвалюцыі. Менск: без изд-ва, 1927. С. 5–46.
14. Савецкая Беларусь. 1922. 29 кастрычніка.
15. Савецкая Беларусь. 1922. 31 кастрычніка.
16. Савецкая Беларусь. 1925. 11 лютага.
17. Савецкая Беларусь. 1925. 4 лістапада.
18. Савецкая Беларусь. 1931. 14 ліпеня.
19. Яноўскі А.А. Аляксандр Рыгоравіч Чарвякоў і Беларускі дзяржаўны універсітэт: да пытання аб ролі асобы ў станаўленні адукацыйнай сферы Беларусі // Новейшая история (1991–2006 гг.): государство, общество, личность: материалы науч.-теоретич. конф. (Минск, 29 сент. 2006 г. / Нац. акад. наук Беларуси. Минск: Белорусская наука, 2006. С. 696–700.

O.A. Yanouski

Minsk State University

The day of the liberation of Minsk from the Polish occupation forces as one of the dates of the university history of Belarus

Key words: Polish-Soviet war; the occupation of Minsk; the liberation of Minsk; Belarusian State University; July 11, 1920; July 11, 1921; October 30, 1921; historical objectivity; ideologemes; «bourgeois Poland» and Soviet Belarus.

The article discusses the problem of determining the most accurate foundation date for the first Belarusian classical university in all the most important parameters – Belarusian State University (BSU). Up until now, disputes among scientists and practitioners of higher education about the «most» important reference point of the history of BSU have not stopped. One of them is called July 11, 1921, when, in commemoration of the anniversary of the liberation of Minsk from the Polish occupation forces, a significant meeting was held, which proclaimed the beginning of the university. But such a step was initiated by the Government of the Socialist Soviet Republic of Belarus, not so much in connection with the fact of the creation of the Belarusian State University (in reality, there were neither teaching staff, nor curricula, nor material and financial support, etc.), but to ideologically strengthen the fact of expelling the invaders from Minsk a year earlier. Most of all, the authorities thereby sought to reduce the negative consequences of the recently concluded Riga peace with Poland, when the western Belarusian lands had to succumb to a political rival. Moving forward, literally a year later, the university's intellectual forces and nationally oriented members of the republic's leadership determined a new date for the university's «birth» – October 30, 1921. It was on this day that the next «solemn meeting» with the participation of the republic's top leadership and the first faculty members BSU staff clearly stated that all the necessary conditions were created for the

beginning of a fruitful educational and scientific activity. The next day, regular sessions began. However, again, the date of July 11, 1921 was restored on the eve of World War II, when Soviet-Polish relations were extremely aggravated. It was by July 1941 that ceremonies were being prepared to celebrate the 20th anniversary of BSU. The outbreak of World War II destroyed all plans. In the post-war period, for some time, this date seemed to accompany the newly established main date of October 30, 1921. The anti-Polish component in the dating of university history was finally removed in the early 1950s. All subsequent anniversaries of the first university of Belarus were celebrated under the sign of October 30, 1921. Events that will be held in connection with the centenary of BSU are timed to coincide with this date.

СЕКЦИЯ № 3

ОККУПИРОВАННЫЕ ТЕРРИТОРИИ: СТРУКТУРА УПРАВЛЕНИЯ, ВЛАСТЬ И ГРАЖДАНСКОЕ НАСЕЛЕНИЕ

Е.Г. Трубчик

Институт истории НАН Беларуси

УДК [94(476.7 + 355.07(438-89))(091) “1919/1921”

Соотношение компетенции военных и гражданских органов управления на оккупированной территории Беларуси в 1919 – 1920 годах

Ключевые слова: *Гражданское управление Восточных земель; Генеральный комиссариат; гражданская администрация; аппарат управления; административно-территориальное деление; Управление прифронтовых и этапных территорий.*

В период польско-советской войны 1919–1921 гг. на оккупированной территории Беларуси была создана разветвленная система польского военного и гражданского управления, которая не была статичной и изменялась под влиянием ряда факторов, связанных с ситуацией на фронтах, результатов дипломатических переговоров, отношения местного населения, общественно-политической ситуации в Польском государстве и т. д. Изучение организационной структуры польских органов управления на оккупированной территории Беларуси во время польско-советской войны позволяет определить основные направления политики польской власти, отношение к белорусским землям, право на которые оспаривали Польское и Советское государства. Несмотря на наличие широкой источниковедческой базы, данная проблематика практически не затрагивается в работах современных отечественных исследователей. В статье представлена система польских органов управления, действовавшая на оккупированной территории Беларуси в 1919–1921 гг., показаны элементы организационной структуры, определены функции, компетенция и полномочия основных подразделений и ведомств, проанализированы процесс формирования и ротации кадрового состава центрального аппарата и местной администрации.

С момента наступления польских войск на территории Беларуси, Литвы и Волыни начали распространяться распоряжения Генерального штаба Войска Польского и Литовско-белорусского департамента Министерства иностранных дел Польши [2]. Декретом Главнокомандующего Войска Польского Ю. Пилсудского от 8 февраля

1919 г. на оккупированной территории создавалось Военное управление Восточных земель [3, s. 23].

Аппарат администрации, сформированный на оккупированной территории, находился в двойном подчинении: действовал как представительство Литовско-Белорусского департамента Министерства иностранных дел Польши под контролем военных властей. Все назначения на высшие административные должности утверждались решением Сейма, а средства на содержание аппарата чиновников выделялись из фонда, предназначенного на военные расходы.

Структура Военного управления была разработана в специальном документе под названием «Схема администрации Восточных кресов», утверждённом на заседании Генерального штаба 22 февраля 1919 г.

Генеральным комиссаром Восточных земель был назначен директор Литовско-Белорусского департамента Людвиг Коланковский. Генеральный комиссар обладал широкими полномочиями в сфере законодательной и исполнительной власти. Литовско-Белорусский департамент состоял из главной канцелярии и семи отделов:

- отдел кадров занимался комплектацией персонала Управления Восточных земель, распределением служебных обязанностей и контролем за дисциплиной;

- политический отдел координировал работу прессы, решал политические и национальные вопросы;

- административный отдел отвечал за работу общей администрации, полиции, санитарной и ветеринарной служб, а также за ведение статистики;

- финансовый отдел обеспечивал выполнение финансовых расчётов, планирование бюджета, сбор таможенных пошлин и других налогов, контроль над монопольными предприятиями и кредитной системой;

- экономическому отделу вверялась организация сельского хозяйства, лесничества, ремесла и торговли, путей сообщения, обеспечение продовольствием, учёт военного ущерба;

- отдел правосудия руководил работой судебных и надзорных органов;

- отдел вероисповеданий и просвещения организовывал деятельность учреждений образования, культуры, контролировал вопросы, связанные с религией [24].

Генеральному комиссару подчинялись окружные комиссары, которые назначались с согласия главнокомандующего при военных командованиях.

Окружным комиссаром при командовании группой войск генерала Станислава Шептицкого был Матей Ямонт. Его заместителем –

Станислав Козаковский. Власть комиссара Ямонта распространялась на Белостокский, Бельский, Сокольский, Гродненский и Волковысский уезды.

Окружным комиссаром при командовании группой войск генерала Антония Листовского был Антоний Воеводский, его заместителем – Мечислав Инес, компетенция которого распространялась на Брестский, Пружанский, Кобринский, Слонимский и Пинский уезды.

Окружным комиссаром при командовании группой войск генерала Эдварда Рыдз-Смиглы был назначен Здислав Рожинкевич, а его заместителем – Антоний Станислав Пилярский. Рожинкевичу подчинялся аппарат чиновников Владимиро-Волынского, Ковельского и Луцкого уездов [3].

Администрацией уездов руководили уездные комиссары, назначаемые Генеральным комиссаром с согласия главнокомандующего. Уездные комиссариаты не имели единой организационной структуры, что зависело от наличия специалистов. Наиболее полно укомплектованы штатом служащих были комиссариаты Брестского, Волковысского и Гродненского уездов.

В Брестском уезде комиссаром стал Марьян Збровский, заместителем уездного комиссара – Бронислав Экхардт, главным инженером – Артур Барановский, хозяйственным референтом – Александр Лиссовский, финансовым референтом – Валерьян Романский, комиссаром полиции – Наполеон Кошутский, секретарём – Владислав Ранишевский.

Комиссариат Волковысского уезда возглавлял Казимир Сулистровский, заместителем уездного комиссара был Мирослав Тишевский, школьным инспектором – Стефан Тер, уездным ветеринаром – Игнатий Присецкий, референтом продовольствия – Казимир Вимбор, комиссаром полиции – Степан Солонкевич, уездным кассиром – Ричард Битнер.

В штате комиссариата Гродненского уезда состояли: комиссар Станислав Ивановский, хозяйственный референт Ян Нитославский, школьный инспектор Рафал Возняковский и комиссар полиции Юзеф Левандовский.

В комиссариате Пружанского уезда работали: комиссар Ян Сенкевич, хозяйственный референт – Зигмунд Червёвца и уездный кассир – Михаил Лукашевич.

Первым комиссаром Кобринского уезда был Юзеф Баньковский, его заместителем являлся Александр Ленкевич [10].

Слонимским уездным комиссариатом руководил Стефан Гласко. При комиссариате действовал реферат продовольствия во главе с Владиславом Володковичем.

В комиссариате Пинского уезда был создан административный отдел, которым руководил Мечислав Сейб и школьный отдел под управлением школьного инспектора Яна Окольского. Комиссар Пинского уезда Александр Ленкевич совмещал свою должность с обязанностями заместителя комиссара Кобринского уезда.

Уездный комиссар назначал руководителей гмин – войтов, при каждом из которых утверждал гминное правление, состоящее из 6 человек, выбранных на общем собрании местного населения. Во главе городов стояли комиссары (бурмистры), при которых действовали совещательные органы – городские рады в составе 6 – 12 человек.

Наименьшими административными единицами были посёлки и деревни во главе с солтысами, назначаемыми уездными комиссарами по представлению войтов [24].

После захвата польскими войсками Вильно (19 апреля 1919 г.) Ю. Пилсудский принял решение о необходимости сформировать аппарат гражданского управления, которому будет передана вся полнота власти на оккупированной территории. После того, как федералистские идеи главнокомандующего были озвучены в обращении «К жителям бывшего Великого княжества Литовского» (22 апреля 1919 г.) [1], Людвик Коланковский, не согласный с данным политическим направлением, сложил с себя полномочия и 5 мая 1919 г. был освобожден от должности генерального комиссара Восточных земель [3].

В соответствии с распоряжением главнокомандующего Польского войска Ю. Пилсудского от 12 мая 1919 г. «Об организации гражданского управления на восточных территориях, занятых польскими войсками» [16] создавалась новая административно-территориальная система польской оккупационной власти – Гражданское управление Восточных земель (ГУВЗ).

Руководство ГУВЗ осуществлял генеральный комиссар, который назначался главнокомандующим по представлению премьер-министра Польского государства. Согласно ст. 2 указанного распоряжения генеральный комиссар обладал широким кругом полномочий в сфере гражданских правоотношений, осуществляя законодательную и исполнительную власть, а также надзорную деятельность на всей территории ГУВЗ. Он формировал аппарат администрации, назначал выборы в органы местного самоуправления, являлся представителем Верховного главнокомандования по вопросам гражданского управления на оккупированной территории в Сейме Польского государства. В своей

деятельности генеральный комиссар нес ответственность только перед главнокомандующим.

Согласно распоряжению генерального комиссара от 28 мая 1919 г. «Об организации округов и окружных властей на территории Гражданского управления Восточных земель» [29], а также на основании его же распоряжения от 15 ноября 1919 г. «Об организации уездов и уездных властей на территории Гражданского управления Восточных земель» были образованы Виленский и Брестский округа [28].

В состав Виленского округа входили г. Вильно, Виленский, Трокский, Ошмянский, Свентянский, Лидский, Гродненский, Новогрудский, Дисненский, Вилейский, Браславский уезды. Территория округа составляла 49 102 км. кв., на ней проживало 1 633 504 человека.

Брестский округ включал г. Брест, Брестский, Волковысский, Пружанский, Слонимский, Кобринский, Пинский, Мозырский, Барановичский уезды. Округ занимал территорию в 57 076 км. кв. с населением около 1 121 976 человек.

Распоряжением генерального комиссара от 12 сентября 1919 г. был образован Минский округ. Он состоял из территории бывшей Минской губернии и части Витебской, занимал площадь около 35 947 км. кв., от Березины и городов Лепеля и Полоцка, а на востоке до границы с Дисненским, Вилейским и Ошмянским уездами Виленского округа, а также уездами Брестского округа. В административном плане округ включал г. Минск, Минский, Борисовский, Бобруйский, Игуменский, Слуцкий, Полоцко-Лепельский (январь-март 1920 г.) уезды [21].

С момента образования Минского округа до начала эвакуации (12 сентября 1919 г. – 16 июля 1920 г.) административно-территориальное устройство оккупированных территорий являлось наиболее стабильным. В данный период ГУВЗ объединяло 3 округа, в составе которых было 24 уезда, разделённых на 466 гмин [11].

В состав ведомства каждого округа, во главе которого стоял окружной комиссар, входили заместитель комиссара, руководители специализированных отделов, три инспектора и работники канцелярии. Комиссаром Брестского округа были Матей Ямонт (февраль 1919 г. – октябрь 1919 г.) и Владислав Есьман (8 ноября 1919 г. – 9 сентября 1920), комиссаром Виленского округа – Конрад Неделковский, комиссаром Минского округа – Владислав Рачкевич. Личный состав инспекторов определялся по предложению окружного комиссара и утверждался Генеральным комиссаром. В структуре каждого окружного комиссариата предполагалось наличие административного отдела, отдела полиции, отдела сельского хозяйства, отдела ремесла и торговли, отдела

обеспечения продовольствием, санитарного отдела, ветеринарного отдела, отдела восстановительных работ и отдела дорог и водных путей.

На окружного комиссара возлагалась административная функция, которая заключалась в обеспечении общественного порядка, урегулировании национальных, конфессиональных отношений, социально-классовых интересов, координации деятельности общественных организаций и товариществ, а также органов местного самоуправления. Глава комиссариата должен был контролировать все сферы жизни вверенного ему округа: сельское хозяйство, торговлю и промышленность, медицинское обслуживание, строительство и дорожно-ремонтные службы. Важнейшей задачей в условиях военного времени была борьба с ростовщичеством и спекуляцией. Только окружной комиссар имел право на распоряжение о проведении реквизиций для нужд армии, администрации или общественности. Вместе с тем власть комиссара не распространялась на военных, судебные органы, службы путей сообщения и коммуникации (железная дорога, телефон, телеграф, почта).

Окружной комиссар осуществлял особый контроль за состоянием школьного дела, финансов, государственного имущества и лесов. В связи с этим в составе окружных комиссариатов выделялись инспектораты (школьный, финансовый, государственного имущества и лесов). В отличие от специализированных отделов инспекторатам разрешалось вести собственную корреспонденцию, выдавать инструкции и даже распоряжения. Вместе с тем содержание делопроизводства находилось под пристальным контролем окружного комиссара, который мог остановить выход определенного распоряжения до получения разрешения генерального комиссара. Каждый месяц руководители отделов должны были направлять окружному комиссару отчеты о своей деятельности. Инспектораты составляли отчеты непосредственно для генерального комиссара, а окружному руководству предоставлялись копии данных документов [29].

Распоряжением главнокомандующего Войска Польского от 10 октября 1919 г. вносились изменения в организационную структуру ГУВЗ. Комиссары округов переименовывались в начальников округов, а комиссары уездов стали называться старостами. Функции и полномочия, закреплённые ранее за указанными должностями, сохранялись неизменными, однако смена названия подчёркивала независимость гражданской администрации от военных властей. Особенно важным был заключительный пункт распоряжения, в соответствии с которым генеральному комиссару предоставлялось право передавать все свои полномочия заместителю [16].

Структура и полномочия органов власти в уездах были закреплены распоряжением генерального комиссара от 5 ноября 1919 г. [28]. Старосты являлись высшими представителями ГУВЗ на территории вверенных им уездов, руководителями аппарата местной администрации и службы охраны гражданского правопорядка, а также контролирующей инстанцией для органов местного самоуправления. В служебном подчинении старосты находились все местные органы власти, кроме руководителей военных, судебных, железнодорожных, почтовых и телеграфных управлений. Староста имел право издавать обязательные для исполнения на территории уезда распоряжения, накладывать административные взыскания в виде штрафа в размере до тысячи марок или ареста сроком до двух недель.

В состав уездного староства входили заместитель старосты, 2 референта, начальник канцелярии, 5 сотрудников канцелярии, от 3 до 5 машинисток, начальник полиции. В каждом уездном управлении должно было быть по 8 профессиональных референтов: финансовый инспектор, школьный инспектор, уездный врач, ветеринар, инженер, хозяйственный референт, статистический референт, референт продовольствия. Эти специалисты в своей деятельности руководствовались директивами соответствующих окружных инспекторов и должны были выполнять общие распоряжения уездного старосты. Ежемесячно референты предоставляли отчёты о своей деятельности в окружной комиссариат и уездное староство.

В подчинении уездного старосты находилась уездная жандармерия, которая состояла из 150 жандармов, сгруппированных в 3 карательных и 3 постовых отряда во главе с командирами, под общим руководством младшего офицера [7]. Силами жандармерии обеспечивалось, прежде всего, исполнение административных распоряжений старосты. В отдельных случаях начальник жандармерии мог издавать распоряжения, касающиеся охраны общественного порядка, однако вступление данных распоряжений в действие зависело от решения старосты.

Согласно схеме административно-территориального деления ГУВЗ, каждый уезд состоял из 3–6 районов, в которые входило от 3 до 5 гмин. Во главе районов стояли начальники, выполняющие функции исполнительной власти. Их главная задача состояла в обеспечении общественного порядка и исполнении распоряжений уездного старосты.

Гражданская администрация на оккупированной территории была связана с военными властями и центральными органами власти в Варшаве через два представительства: Представительство генерального комиссара Восточных земель в Варшаве и Представительство

генерального комиссара Восточных земель при штабе Литовско-Белорусского фронта.

Представительство генерального комиссара Восточных земель в Варшаве было создано согласно распоряжению главнокомандующего Войска Польского Ю. Пилсудского от 12 мая 1919 г. «Об организации Гражданского Управления на восточной территории, занятой польскими войсками» в целях репрезентации генерального комиссара в высших государственных органах Польского государства [16].

Назначенный 14 мая 1919 г. на должность руководителя Представительства Михал Коссаковский выступал от имени генерального комиссара на заседаниях Совета Министров, информировал его о решениях и распоряжениях центральной власти. Представитель был подотчётен только генеральному комиссару, выполняя его поручения, неся перед ним ответственность за свои действия. Важной составляющей деятельности представителя являлось обеспечение со стороны Польши гарантий снабжения продовольствием территории ГУВЗ [6]. Представительство генерального комиссара в Варшаве занималось распределением денежных средств, выделяемых из бюджета Польского государства для финансирования ГУВЗ. Часть денежных поступлений возвращалась в счёт погашения оплаты за товары и продукты, направляемые из Польши на оккупированные земли, оставшиеся суммы передавались в распоряжение генеральному комиссару.

В руководящий состав Представительства входили помощник представителя генерального комиссара, секретарь и адвокат. Представительство состояло из двух структурных подразделений: общего отделения и отделения закупок и снабжения продовольствием.

Общее отделение включало хозяйственный подотдел (с секторами торговли и сельского хозяйства, пропускного контроля), паспортный отдел, отдел здоровья и общественной опеки, финансово-расчётный отдел, канцелярию, ликвидационную комиссию, отдел ликвидации военных потерь, призывной пункт агитационно-призывного отдела. Отделение закупок и снабжения продовольствием не имело внутреннего деления и подчинялось непосредственно представителю генерального комиссара, в то время как часть общего отделения (сектор торговли и сельского хозяйства, отдел здоровья и общественной опеки, призывной пункт), а также отделы прессы и просвещения действовали в соответствии с указаниями соответствующих отделов генерального комиссариата [26].

В обязанности представителя генерального комиссара входило осуществление контроля за деятельностью всех структурных

подразделений и чиновников Представительства, принятие кадровых решений по согласованию с генеральным комиссаром, распределение должностных обязанностей среди руководителей отделений, подписание от своего имени исходящей корреспонденции, за исключением документов и писем, связанных с решением вопросов, входящих в компетенцию исключительно генерального комиссара. Представитель должен был определить и закрепить во внутренних правилах функции помощника [22]. М. Коссаковский исполнял свои обязанности до отставки в связи с добровольным решением отправиться на фронт в конце августа 1920 г. [5].

В целях установления связующего звена между военными и гражданскими органами управления при штабе Литовско-Белорусского фронта было создано Представительство генерального комиссара Восточных земель. На должность представителя генерального комиссара Восточных земель при штабе Литовско-Белорусского фронта был назначен руководитель административной секции Генерального комиссариата Станислав Довнарвич.

Соотношение компетенции гражданских и военных органов власти определялось Распоряжением главнокомандующего Войска Польского от 13 мая 1919 г. «О разграничении компетенции военной власти и Гражданского управления Восточных земель» [18]. В ведение ГУВЗ передавались все административные вопросы, касающиеся гражданского населения, полицейская служба, судебные разбирательства, налогообложение, промышленность, торговля, сельское хозяйство, продовольствие, управление государственным имуществом, в том числе лесное хозяйство, имения, покинутые во время отступления немецких войск, а также реквизиции в условиях военного времени, контроль в сфере миграции гражданского населения. Вместе с тем отменялись предыдущие распоряжения органов военной власти, изданные в отношении гражданского населения. Представителям гражданской администрации разрешалось носить военную форму и пользоваться всеми правами польских офицеров, в том числе на получение военных званий.

Согласно должностной инструкции от 8 октября 1919 г., основными обязанностями представителя генерального комиссара при штабе Литовско-Белорусского фронта были следующие: информировать командование о всех распоряжениях и действиях руководства ГУВЗ, передавать генеральному комиссару и представителям высшей гражданской администрации (комиссарам округов, старостам) сведения о потребностях фронта, необходимости проведения реквизиций,

рекрутаций, а также доносить о всех распоряжениях военных властей [27].

Распоряжением генерального комиссара Восточных земель Е. Осмоловского от 1 апреля 1920 г. Представительство генерального комиссара при штабе Литовско-Белорусского фронта было ликвидировано, а его функции переданы представительствам Генерального комиссариата, созданным при штабах армий на территории Литовско-Белорусского фронта. Полномочия и обязанности представителей регулировались должностной инструкцией от 22 апреля 1920 г., согласно которой на них возлагались все дела, касающиеся взаимодействия военного командования с гражданской администрацией и населением на территории ГУВЗ [8]. Непосредственные обязанности представителей заключались в следующем:

- 1) информировать командование армий о касающихся их распоряжениях и действиях гражданских властей;
- 2) передавать властям ГУВЗ информацию о распоряжениях и действиях командований армиями;
- 3) являться проводником интересов гражданского населения; доносить в ведомства военных властей просьбы гражданской администрации, а также жалобы со стороны населения на деятельность военных органов;
- 4) передавать генеральному комиссару и руководителям соответствующих секций Генерального комиссариата исходящие от военных властей жалобы относительно деятельности гражданской администрации;
- 5) на основании составленных командованиями армий списков поставок, необходимых на военные нужды, привлекать население, проживающее на территории действующей армии, к реквизициям путём издания через начальников округов соответствующих распоряжений.

Функции Представительства Генерального комиссара Восточных земель при штабе Литовско-Белорусского фронта передавались административной секции генерального комиссариата, руководителем которой был назначен бывший представитель Генерального комиссара Восточных земель при штабе Литовско-Белорусского фронта Станислав Довнарвич. При секции был создан специальный отдел по военным делам, работу которого контролировал представитель генерального штаба Войска Польского при Генеральном комиссариате Восточных земель [12]. Представители при штабах армий назначались генеральным комиссаром по представлению рекомендации начальника

административной секции, которому должны были предоставлять ежеквартальные отчёты о своей деятельности.

Решение вопросов, связанных с отношениями Генерального штаба Войска Польского и ГУВЗ, если таковое превышало уровень полномочий представителей, передавалось непосредственно руководителю административной секции, который действовал с согласия представителя Генерального штаба при Генеральном комиссариате. Дела, требующие непосредственного исполнения по месту нахождения Генерального штаба, передавались на разрешение Представителю генерального комиссара в Варшаве.

Поражение советских войск под Варшавой в середине августа 1920 г. изменило ход польско-советской войны: польские войска перешли в контрнаступление. В соответствии с приказами главнокомандующего Войска Польского Ю. Пилсудского от 9 сентября 1920 г. «Об упразднении управления Генерального комиссара Восточных земель» и «Об освобождении Е. Осмоловского от должности Генерального комиссара Восточных земель» [19] административная структура бывшего Гражданского управления Восточных земель переходила в подчинение Министерства внутренних дел Польши.

Приказом главнокомандующего Войска Польского от 9 сентября 1920 г. на оккупированной белорусской территории создано Управление прифронтовых и этапных территорий (УПиЭТ) во главе с бывшим начальником Минского округа В. Рачкевичем [30]. Управление, которое охватывало 20 западнобелорусских уездов, образовывалось как временный орган гражданской власти, подчинённый министру внутренних дел Польши. Согласно приказу главнокомандующего Войска Польского от 15 сентября 1920 г. «О компетенции Министра внутренних дел в отношении Управления прифронтовых и этапных территорий, а также о разграничении компетенции гражданских и военных властей на данной территории», министру внутренних дел передавались широкие властные полномочия: издавать обязательные для исполнения распоряжения, имеющие силу закона на всей вверенной ему территории; исполнять функции законодательной власти и осуществлять верховный надзор за деятельностью администрации УПиЭТ; устанавливать принципы организации УПиЭТ и его органов, назначать и увольнять служащих административного аппарата и судов, вводить и упразднять руководящие должности; представлять УПиЭТ перед главнокомандующим Войска Польского и правительством Польской Республики (Второй Речи Посполитой) [12].

Относительно разграничения компетенции военных и гражданских властей упомянутым выше приказом военным властям

запрещалось вмешиваться в дела гражданского управления. При штабах армий назначались делегаты из представителей гражданской администрации, которые должны были осуществлять посредничество между военным командованием и гражданским населением и контролировать исполнение указов и распоряжений военных властей органами местного управления. Делегаты должны были регулировать конфликтные ситуации, возникающие между военными и гражданскими властями, реагировать на жалобы со стороны населения на действия военных, информировать гражданское руководство о потребностях армий, доносить военному командованию о социально-экономической и политической ситуации, а также обо всех распорядительных действиях администрации УПиЭТ [4].

Распоряжением министра внутренних дел Польши от 16 сентября 1920 г. начальнику УПиЭТ передавались дела организации органов управления, политические решения во всех сферах деятельности, регулирование бюджета, право на получение кредитов, решение кадровых вопросов [13].

Деятельность структур УПиЭТ охватывала все сферы жизни общества, не связанные с военными операциями. К исключительной компетенции УПиЭТ относились: работа гражданской администрации и органов самоуправления, полиции, судов; управление делами государственного имущества (имения и иные объекты недвижимого имущества, перешедшие в собственность государства); функционирование налоговой и кредитно-денежной систем, развитие сельского хозяйства, ремесла и торговли, контроль за товарооборотом; работа медицинских учреждений и ветеринарной службы; ведение вопросов религии и народного образования; обеспечение населения продовольствием; контроль за проведением реквизиций на военные нужды; регулирование процесса миграции гражданского населения, выдача паспортов и пропусков [15].

В административную структуру УПиЭТ входили:

- 1) центральное управление во главе с начальником и его заместителем;
- 2) уездные староства, которыми руководили старосты, обладающие полномочиями бывших старост ГУВЗ;
- 3) представительства (делегаты) при штабах армий и групп войск;
- 4) судебные органы (окружные суды в Гродно, Пинске и Вилейке, Апелляционный суд, Кассационный суд, Наивысший суд);
- 5) органы местного самоуправления (городские, уездные, гминные рады).

Центральное управление УПиЭт имело линейно-функциональную организационную структуру. Оно состояло из 9 департаментов, в состав которых входили специализированные отделы [23]:

- 1) департамент президиума (начальник – Тадеуш Двораковский): общий отдел (руководитель – Мечислав Меденовский), отдел кадров (руководитель – Ежи Радоевский), отдел дисциплинарного контроля (начальник – Ян Ельский);
- 2) департамент администрации (начальник – Тадеуш Крижановский): отдел самоуправления (начальник – Антоний Пивоцкий), административно-дисциплинарный отдел (руководитель – Марья Парфенович); отдел общественных объединений и прессы (руководитель – Ян Бочар), отдел охраны общественного порядка (руководитель – Ольгерд Малиновский), военный отдел (начальник – Героним Лещинский);
- 3) департамент государственного имущества и лесов (начальник – Вацлав Рогинский): общий отдел (руководитель – Игнатий Островский), отдел управления лесами, отдел эксплуатации (руководитель – Рычард Случановский);
- 4) департамент ремесла и торговли (начальник – Адам Марьян Петровский): общий отдел (начальник не был назначен), отдел промышленности (начальник – Леон Регульский), отдел пропуска товаров (руководитель – Николай Тиханович);
- 5) департамент технических и общественных работ (начальник – Эрнест Фризендорф): отдел водных коммуникаций (начальник – Михал Войткевич), отдел дорог и мостов (начальник – Казимир Невмежицкий), землемерный отдел (руководитель – Ян Пестов);
- 6) департамент финансов (начальник – Эразм Ясенский): отдел кредитования (начальник не был назначен), отдел бюджета (старший референт – Казимир Шелига), отдел налогообложения (начальник – Габриель Чехович), отдел государственной монополии и акцизы (начальник – Бронислав Ковалевский), отдел учёта (руководитель – Людвиг Микке);
- 7) департамент сельского хозяйства (руководитель не был назначен): отдел хозяйства (начальник не был назначен), ветеринарный отдел (руководитель – Станислав Щука);
- 8) департамент продовольствия (руководитель не был назначен): отдел государственных поставок (руководитель – Эдмунд Бокун), отдел закупок (руководитель – Станислав Устинович);
- 9) департамент общественного просвещения (начальник – Люциан Зажецкий): отдел общеобразовательных школ (начальник – Казимир

Желенговский), отдел средних школ (начальник – Люциан Квек), отдел профессиональных школ (начальник – Казимир Вольбек).

Непосредственно начальнику УПиЭТ подчинялись департаменты финансов, государственного имущества и лесов, сельского хозяйства, общественного просвещения. Остальные департаменты находились под контролем заместителя начальника УПиЭТ [9].

Отделы, которыми руководили начальники, подчинялись непосредственно начальнику УПиЭТ. Отделы, во главе которых стояли руководители, находились под контролем начальников соответствующих департаментов. Кроме департаментов, в центральном управлении УПиЭТ функционировало четыре самостоятельных отдела во главе с начальниками:

- 1) отдел общественной опеки (начальник – Павел Геттель);
- 2) отдел статистики (начальник – Константин Вигура);
- 3) отдел общественного здоровья (начальник – Стефан Мучинский);
- 4) отдел тюремного заключения (фамилия начальника не известна).

Распоряжением министра внутренних дел от 14 октября 1920 г. предписывалось носить военную форму служащим центрального аппарата УПиЭТ (начальнику УПиЭТ, заместителю начальника УПиЭТ, начальникам департаментов, начальникам отделов, руководителям отделов, начальникам канцелярии, интенданту, референтам, секретарям, инспекторам), должностным лицам органов местного управления (старостам и их секретарям, референтам, начальникам канцелярий, интендантам, начальникам районов), представителям гражданской администрации при штабах армий (делегатам при штабах армий и их референтам) [22].

После подписания договора о перемирии и прелиминарных условий мира между Польской Республикой и Советской Россией (12 октября 1920 г.) на белорусских землях, которые остались за Польшей, было проведено новое административно-территориальное деление: создано Полесское воеводство с центром в Пинске (Брест-Литовск, Дрогичин, Кобрин, Лунинец, Косово, Пинск, Пружаны) и Новогрудское – с центром в Новогрудке (Барановичи, Дуниловичи, Дисна, Лида, Несвиж, Новогрудок, Слоним, Столбцы, Вилейка, Воложин). Гродненский, Волковысский и Беловежский уезды присоединялись к Белостокскому воеводству. На этих землях начали распространяться декреты, законы и распоряжения, действовавшие на всей территории Польши. Совет Министров имел право на отмену распоряжений и приказов, изданных ранее для ограничения или привилегирования представителей какой-либо народности или вероисповедания. Отмечалось, что «отдельные распоряжения обеспечат населению этих

земель право на свободное развитие просвещения, культурной и религиозной жизни на родном языке» [25].

Согласно распоряжению Совета министров Польской Республики от 27 ноября 1920 г. УПиЭП ликвидировано, а бывшая администрация перешла в подчинение отраслевых министерств. Департамент президиума, департамент администрации и главная канцелярия УПиЭТ переданы Министерству внутренних дел Польской Республики. Руководителем данных подразделений был назначен В. Рачкевич. Департамент финансов перешел в подчинение Министерству финансов Польской Республики, департамент сельского хозяйства наряду с департаментом государственного имущества и лесов – Министерству сельского хозяйства и государственного имущества Польской Республики, департамент продовольствия – Министерству продовольствия Польской Республики, департамент технических и общественных работ – Министерству общественных работ Польской Республики, департамент общественного просвещения – Министерству вероисповеданий и общественного просвещения Польской Республики [14].

Литература

1. Да насяленьня Вялікага Княства Беларуска-Літоўскага // Звон. 1919 г. (25 жн.). С. 1–2.
2. Dziennik Urzędowy Generalnego Komisarza Cywilnego Naczelne Dowództwo W.P. Zarząd Wojskowy Ziem Wschodnich. № 1 (10 kwietnia 1919). Roz. 1.
3. Gierowska-Kałuża, J. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego – 9 września 1920). Warszawa: Wydawnictwo Neriton Instytut Historii PAN, 2003. S. 73.
4. Instrukcja czasowa delegatów Zarządu na Terenach przyfrontowych i etapowych przy Dowództwach Armji // Dziennik Urzędowy ZTPiE. 1920. № 1 (20 paźdz.). Poz. II–7.
5. List M. St. Kossakowskiego do Naczelnika Państwa i Wodza Naczelnego WP, 27 sierpnia 1920 r. // BPW, Dział Starych Druków i Rękopisów, ZCZW, akc.1554, k. 7.
6. Nominacja p. M. St. Kossakowskiego na stanowisko przedstawiciela Komisarza Generalnego w Warszawie, 14 maja 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1919. № 3 (14 czerw.). Poz. V–21.
7. Okólnik Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich do komisarzy okręgowych, Delegata dla Zarządu Powiatów Wołyńskich, i komisarzy powiatowych w przedmiocie organizacji żandarmerji powiatowej, 21 czerwca 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1919. № 8 (25 lip.). Poz. IV–67.
8. Okólnik Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich, zawierający instrukcję dla przedstawicieli Komisarjatu Generalnego Ziem Wschodnich przy dowództwach armji b. Frontu Litewsko-Białoruskiego, 22 kwietnia 1920 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1920. № 39 (31 maja). Poz. IV–986.
9. Przepisy służbowy // Rozkaz dzienny Szefa ZTPiE. 1920. № 2 (paźdz.). S. 1. Poz. III–16.

10. Rewizya starostwa brzeskiego // BPW. ZCZW. 1719. K. 15.
11. Romer, E. Spis ludności na terenach administracyjnych przez Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (grudzień 1919 r.). Warszawa: ZCZW, 1920. S. 4, 27, 31–32.
12. Rozporządzenie Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich w przedmiocie zniesienia urzędu Przedstawiciela Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich przy Dowództwie Frontu Litewsko-Białoruskiego, i utworzenia Przewodniczeństwa Komisarjatu Generalnego Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich przy poszczególnych armjach, działających na terenie dotychczasowego Dowództwa łączących na terenie dotychczasowego Dowództwa Frontu Litewsko-Białoruskiego, 22 kwietnia 1920 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1920. № 39 (31 maja). Poz. II-982.
13. Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych w sprawach Zarządu Terenów przyfrontowych i etapowych, 16 września 1920 r. // Dziennik Urzędowy ZTPiE. 1920. № 1 (20 paźdz.). Poz. II /5.
14. Rozporządzenie Rady Ministrów z dnia 27 listopada 1920 r. w przedmiocie zniesienia i likwidacji Tymczasowego ZTPiE // Dziennik Urzędowy ZTPiE. 1920. № 5 (12 grudnia). Poz. II-36.
15. Rozkaz Naczelnego Wodza W. P. w przedmiocie określenia kompetencji Ministra Spraw Wewnętrznych w sprawach Tymczasowego Zarządu Terenów przyfrontowych i etapowych, oraz rozgraniczenia kompetencji władz cywilnych i wojskowych na tych terenach // Dziennik Urzędowy ZTPiE. 1920. № 1 (20 paźdz.). Poz. I-4.
16. Rozkaz Naczelnego Wodza W.P. dotyczący organizacji zarządu cywilnego na obszarach wschodnich zajętych przez wojska polskie, 12 maja 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1919. № 3 (14 czerw.). Poz. I-15.
17. Rozkaz Naczelnego Wodza W.P. o utworzeniu Tymczasowego Zarządu na Terenach przyfrontowych i etapowych, 9 września 1920 r. // Dziennik Urzędowy ZTPiE. 1920. № 1 (20 paźdz.). Poz. I-2, 3.
18. Rozkaz Naczelnego Wodza W.P. rozgraniczający sfery kompetencji władz wojskowych i Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich, 13 maja 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1919. № 3 (14 czerw.). Poz. I-16.
19. Rozkaz Naczelnego Wodza W.P. z dnia 9-go września 1920 r. o zniesieniu Urzędu Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich oraz Urzędu Komisarza Ziem Wołynia i Frontu Podolskiego // Dziennik Urzędowy ZTPiE. 1920. № 1 (20 paźdz.). Poz. I-1.
20. Rozkaz Naczelnego Wodza Wojsk Polskich, dotyczy zmian w organizacji zarządu cywilnego na obszarach wschodnich, zajętych przez wojska polskie, 10 października 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1919. № 22 (24 paźdz.). Poz. I-225.
21. Rozporządzenie Komisarza Generalnego Ziem Wschodnich, dotyczące utworzenia Okręgu Mińskiego i uprawień Komisarza Okręgowego Mińskiego, 12 września 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1919. № 19 (23 września 1919 r.). Poz. II-174.
22. Rozporządzenie Ministra Spraw Wewnętrznych w przedmiocie umundurowania urzędników Zarządu Terenów Przyfrontowych i Etapowych, oraz zapomogi na umundurowanie, 14 października 1920 r. // Dziennik Urzędowy ZTPiE. 1920. № 2 (1 listop.). Poz. II-12.
23. Ruch służbowy. // Dziennik Urzędowy ZTPiE. 1920. № 1 (20 paźdz.). Poz. II-5; № 5 (18 listop.). Poz. VI -35; № 5 (12 grud.). Poz. VI -50

24. Schemat administracji zarządu kresów wschodnich, 22 lutego 1919 r. // Государственный архив Брестской области (ГАБр). Ф. 2. Оп. 3. Д. 1. Л. 106.
25. Ustawa z dnia 4 lutego 1921 r. o unormowaniu stanu prawno-politycznego na ziemiach przyłączonych do obszaru Rzeczypospolitej na podstawie umowy o preliminarzym pokoju i rozejmie podpisanej w Rydze dnia 12 października 1920 r. // Dziennik Urzędowy Ministerstwa Wyznań Religijnych i Oświecenia Publicznego. 1921. № 4 (17 maja). Poz. 33.
26. Zarządzenie Komisarza Generalnego Ziemi Wschodnich dotyczące uprawnień i obowiązków Przedstawiciela Komisarza Generalnego w Warszawie, 22 lipca 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1919. № 11 (14 sierpn.). Poz. V-91. Art. 3.
27. Zarządzenie Komisarza Generalnego Ziemi Wschodnich, zawierające instrukcję dla przedstawiciela Komisarza Generalnego Ziemi Wschodnich przy Dowództwie Frontu Litewsko-Białoruskiego, 8 października 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1919. № 34 (25 listop.). Poz. III-395.
28. Zarządzenie Komisarza Generalnego Ziemi Wschodnich o organizacji powiatów i władz powiatowych na obszarach wschodnich, zajętych przez Wojsko Polskie, 5 listopada 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1919. № 28 (11 listop.). Poz. 303.
29. Zarządzenie Komisarza Generalnego Ziemi Wschodnich o organizacji okręgów i władz okręgowych na obszarach wschodnich, zajętych przez Wojsko Polskie, 28 maja 1919 r. // Dziennik Urzędowy ZCZW. 1919. № 5 (28 czerw.). Poz. 39.

A. Trubchik

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

Correlation of competence of military and civilian government in the occupied territory of Belarus in 1919–1920

Key words: Civil control of the Eastern lands; the General Commissariat; civil administration; management personnel; administrative-territorial division; the Office of the frontline and was transferred territories.

During the Polish-Soviet War (1919-1921) there were an extensive system of the Polish military and civil administration in the occupied territory of Belarus. It was not static but changed under the influence of a number of factors, related to the situation on the fronts, the results of the diplomatic negotiations, the attitude of the local population, the socio-political situation the Polish state, and so on. The study of the organizational structure of the Polish authorities in the occupied territory of Belarus during the Polish-Soviet War, to determine the main directions of the Polish government policy towards the Belarusian territory, which were considered controversial between the Polish and Soviet state. Despite the availability of a wide source base, this perspective is almost not affected in the works of modern Belorussian researchers. The article describes a system of the Polish government enforced in the occupied territory of Belarus in 1919-1921. The author shows principle elements of the organizational structure, the functions, powers and authority of the main units and departments and analyzes the process of formation and rotation of the staff of the central administration and the local administration.

**Санитарно-эпидемическое положение и организация охраны
здоровья населения оккупированной территории Беларуси в период
польско-советской войны 1919–1920 годов**

Ключевые слова: *Гражданское управление Восточных земель; здравоохранение; инфекционные болезни; медицина; польско-советская война; санитарный кордон; сыпной тиф; эпидемии.*

В статье на основании многочисленных источников проанализированы причины развития и ход эпидемии инфекционных заболеваний на оккупированной польскими войсками территории Беларуси в период польско-советской войны. Характеристика противоэпидемических мероприятий дана в контексте анализа организации охраны здоровья на оккупированных территориях. Выделены ключевые факторы развития эпидемий на территории Беларуси в годы Первой мировой и польско-советской войн: антисанитария, голод, разрушение медико-санитарной сети, мобилизация квалифицированных медицинских работников в войска, миграции беженцев, ставших основными разносчиками инфекций. Выявлены отличительные черты развития системы здравоохранения оккупационного Гражданского управления Восточных земель, а также основные факторы, препятствовавшие эффективной противоэпидемической деятельности. Отражена степень взаимодействия гражданских учреждений здравоохранения и санитарных отделов польской армии. Доказано, что локализация очагов эпидемии началась только в 1920–1921 гг., что было непосредственно связано с подключением к противоэпидемическим мероприятиям польских чрезвычайных комиссариатов по борьбе с эпидемиями. Сделан вывод о губительных последствиях вспышки инфекций периода польско-советской войны для территории Беларуси, которые выразились в значительном ухудшении эпидемической обстановки в регионе.

Значительное место в ряду проблем функционирования и трансформации социума в период военных действий занимают вопросы медицинского обеспечения гражданского населения. В историографии организация охраны здоровья на территории Беларуси в период польско-советской войны 1919–1920 гг. рассмотрена лишь тезисно и не являлась предметом системного научного изучения [26–27; 30; 35–37].

Между тем, именно в период польско-советской войны были заложены основы развития системы здравоохранения на протяжении межвоенного периода как в Советской, так и в Западной частях разделенной по условиям Рижского мира Беларуси. Настоящее исследование нацелено на изучение развития здравоохранения на

оккупированных польскими войсками белорусских землях в период польско-советской войны 1919–1920 гг. и эпидемических последствий данного конфликта. Исследование подготовлено на основании анализа материалов архивов, периодической печати и других источников изучаемого периода.

Первая мировая война и последовавшие за ней насильственные изменения общественно-политического строя и территориально-административной принадлежности белорусских земель сопровождалась огромными потерями в материальной сфере, гибелью большого количества населения. Боевые действия и оккупационный режим нанесли серьезный ущерб медицинской инфраструктуре, значительно снизили потенциал здравоохранения и возможности получения своевременной и квалифицированной медицинской помощи гражданским населением. Начало польско-советской войны обусловило невозможность организации стабильной и действенной системы охраны здоровья гражданского населения.

Боевые действия также привели к значительному ухудшению санитарного состояния территории Беларуси, росту числа инфекционных заболеваний и смертности как среди гражданского населения, так и в боевых подразделениях. Вспышки инфекций были в равной степени вызваны притоком беженцев, которые проживали в антисанитарных условиях в отсутствие элементарных средств гигиены и зачастую являлись носителями заразных болезней, и прифронтовым положением белорусских земель, которые лишились значительной части лечебных и санитарных учреждений, медицинского персонала и инвентаря. Ситуация усугублялась нехваткой продовольствия: в 1919–1920 гг. только по данным польского Министерства общественного здоровья на территории Беларуси и Литвы 500 тыс. человек «...*буквально умирали от голода*» [37].

Разрушение жилого фонда, приводившее к увеличению плотности проживания населения, отсутствие лекарств, белья и средств личной гигиены приводили к перерастанию очагов инфекционных болезней в полномасштабные эпидемии. Среди населения наиболее распространенным инфекционным заболеванием, как на собственно польских землях, так и оккупированных белорусских, стал сыпной тиф (табл. 1).

Рост заболеваемости сыпным тифом в Польше в годы Первой мировой и польско-советской войн (1916–1921 гг.) [23, s. 670]

Год	Количество случаев сыпного тифа	Из них со смертельным исходом
1916	34 538	3 478
1917	43 840	3 776
1918	97 082	6 484
1919	231 306	19 891
1920	157 612	22 565
1921 (январь – июнь)	36 962	–
ВСЕГО	601 340	56 194

Все аспекты развития медицины и противоэпидемические мероприятия в Польше контролировалось созданным в 1918 г. Министерством общественного здоровья, однако его юрисдикция не включала оккупированные белорусские земли [35, s. 209].

Начало польско-советской войны ознаменовалось для польских войск быстрым продвижением в глубь Беларуси. Для управления оккупированной частью территории в период военных действий 19 февраля 1919 г. был учрежден пост гражданского комиссара при Военном управлении Восточных Кресов, которым стал Л. Коланковский [13, s. 2]. После занятия польскими войсками Вильно в апреле 1919 г. было объявлено о создании Гражданского управления Восточных земель (ГУВЗ), которое с 15 апреля 1919 г. возглавил Е. Осмоловский [14, s. 1; 31, s. 2]. Центр управления оккупированными территориями изначально находился в Варшаве, однако с октября 1919 г. он переместился в Вильно, а в столице Польши взамен было организовано его представительство [22, s. 74]. Главными функциями варшавского представительства стало посредничество между Гражданским управлением Восточных земель и правительством Польши, а также информирование последнего о деятельности ГУВЗ [38, s. 12].

Развитие медицины на оккупированной территории курировалось созданным при представительстве 1 октября 1919 г. отделом здоровья и социальной защиты (руководитель – доктор Ст. Манчинский), а непосредственная деятельность отдела заключалась в координации мероприятий с польским Министерством здоровья, а также направлении в Восточные земли медицинских работников, перевязочных средств и лекарств [22, s. 110].

Однако в практическом отношении деятельность отдела выражалась крайне незначительной активностью, особенно в контексте резкого ухудшения эпидемической ситуации. В частности, с октября по декабрь 1919 г. на всю территорию ГУВЗ было направлено только 2 поветовых врача, 3 эпидемических врача и 12 фельдшеров. Второстепенность вопросов организации здравоохранения на оккупированных территориях подчеркивает количество сотрудников, курирующих данные мероприятия: на конец 1919 г. отдел здоровья и социальной защиты варшавского представительства ГУВЗ состоял всего из двух врачей [38, s. 33–34].

Непосредственное руководство медицинской частью на оккупированных территориях с 24 мая 1919 г. осуществлялось отделом общественного здоровья Гражданского управления Восточных земель, начальником которого был назначен З. Бродович [7, л. 12].

В каждом округе Восточных земель полномочным представителем Отдела общественного здоровья был окружной санитарный инспекторат (в Вильно, Минске, Бресте и Ковеле), а на местах руководителем здравоохранения являлся референт поветового Санитарного реферата [8, л. 50; 19, s. 265–266]. Однако основную нагрузку по обеспечению медицинской помощи населению оккупированной части территории Беларуси несли местные самоуправления. В соответствии с принятым ГУВЗ «Уставом городской гмины» в обязанности магистратов входили охрана общественного здоровья, организация и содержание больниц и медицинского инвентаря [15, s. 126].

То же касалось и сельских гмин, которые занимались всеми мероприятиями, относящимися «к материальному благосостоянию, образованию, культуре и здоровью ее [гмины] жителей» [33, s. 8]. Непосредственную работу по организации медицинского обслуживания населения осуществляли поветовые или городские врачи, в некоторых гминах работали гминные врачи, либо фельдшеры [8, л. 50].

Однако подобное построение медицинской организации не способствовало преодолению негативных тенденций в эпидемической ситуации на территории Беларуси. Уже в начале польско-советской войны резко увеличился и проходящий через территорию Беларуси поток беженцев: по подсчетам И. Щерова к 1 мая 1919 г. из Советской России на территорию Беларуси направлялось 317 158 человек [1]. Основными точками концентрации их стали крупные железнодорожные узлы. Прибытие новых волн гражданского населения в условиях отсутствия необходимого количества вагонов для их перевозки и жилья для временного размещения создавало на железнодорожных станциях огромные скопления людей. Существовавшие в среде беженцев

антисанитарные условия, голод и отсутствие медицинской помощи сделало их главными разносчиками инфекций в городах Беларуси.

В период боевых действий уже присутствовавшие в Беларуси факторы распространения инфекций (нехватка медперсонала и лекарственных средств, антисанитария, миграция беженцев, дефицит элементарных предметов гигиены и упадок санитарной культуры) были катализированы негативным влиянием наличия военных контингентов. Армия занимала гражданские лечебные учреждения, мобилизовывала врачей, присутствие военных способствовало росту травматизма населения и распространению венерических заболеваний.

Кроме того, в тылу армий скопилось большое число военнопленных, условия содержания которых зачастую не соответствовали даже минимальным санитарным требованиям, что способствовало развитию инфекционных заболеваний и серьезно ухудшало общую эпидемическую ситуацию. Поэтому центрами распространения инфекций в городах Беларуси зачастую становились близлежащие лагеря военнопленных. Вот как описывал начало эпидемии в белостокском лагере военнопленных инспектировавший его в октябре 1919 г. полковник Хабишт (на момент инспекции число погибших уже достигло нескольких сотен человек): «В лагере на каждом шагу грязь, неопрятность, заброшенность и страдания людей, которые взывают к небу о мести... Сами бараки переполнены, среди «здоровых» много больных ... среди ... 1400 пленных нет по-настоящему здоровых людей. Покрытые лохмотьями, они ютятся друг к другу и греются ... Два барака приспособлены под больницу ... но, к сожалению, за это взялись поздно, не хватает средств и людей ... не хватает одеял, поэтому больные прикрыты бумажными сенниками ... Не хватает топлива и питания. Любое лечение невозможно» [27, s. 73].

Скопления военнопленных красноармейцев, которые содержались в непригодных для проживания неотопливаемых помещениях при отсутствии минимально необходимого довольствия, и беженцев становились средой для развития эпидемий, которые позднее распространялись и на гражданское население. Ярким примером может служить бобруйский лагерь военнопленных, где зимой 1919–1920 гг. разразилась эпидемия тифа. К этому времени в лагере содержалось более 3 тыс. человек [10, с. 15]. Суровая зима в совокупности с голодом, который был вызван минимальными нормами питания, положенными военнопленным, обусловили быстрое развитие эпидемии. Уход за зараженными фактически отсутствовал, а тяжелые бытовые условия не оставляли больным шанса на выздоровление: «В неотопливаемых казармах с выбитыми окнами на голых нарах, на холодном цементном

полу, в собственных испражнениях бросались в тифозной горячке больные. Те, кто не потеряли еще сознания, прижимались друг к другу, чтобы согреться. Толстым слоем вшей, набухших от человеческой крови, были покрыты тела больных и еще не заболевших» [10, с. 15].

Одним из тяжелейших бедствий, которые напрямую влияли на ухудшение эпидемической ситуации, стало катастрофическое загрязнение белорусских городов. В период боевых действий городской санитарный надзор оказался в полном упадке, что обусловило скопление большого количества нечистот, мусора, захороненных трупов даже в крупнейших городах. Так, в Вильно, согласно отчетам местной санитарной организации за 1919 г., пик распространения эпидемии пришелся на период с января по апрель, когда «...загрязнение города достигло ... неслыханных размеров» и «...целые кварталы были переполнены больными сыпным тифом» [29, л. 68]. В данный период среднее число больных, поступавших ежедневно в виленский госпиталь, доходило до 600 человек (до начала войны это была среднегодовая цифра) [30, с. 19].

Однако особенно тяжело эпидемии протекали в селах и на слабоурбанизированных территориях, где отсутствовали крупные города, а следовательно, врачи и необходимая для систематической борьбы с эпидемией инфраструктура. В начале 1920 г. Ошмянский поветовый староста докладывал о совершенной невозможности борьбы с эпидемией сыпного тифа посредством немногочисленных врачей, распределенных по городам Ошмяны, Ольшаны, Трабы, Ивье и Заречью. В связи с этим санитарному инспектору Виленского округа была адресована просьба о направлении необходимых для борьбы с эпидемией средств прежде всего в Ольшанскую и Ивьевскую гмины, где тиф принял угрожающий размах [8, л. 7–7 об.].

Дополнительным негативным фактором являлась слабая степень доверия сельских жителей медицинскому персоналу. Крестьяне зачастую проживали в антисанитарных условиях, не следовали указаниям врачей о дезинфекции помещений, укрывали потенциально зараженные личные вещи и предметы, боясь их потерять вследствие санитарной обработки.

Совокупность приведенных факторов обусловила перерастание отдельных очагов инфекционных заболеваний в полномасштабные эпидемии сыпного, брюшного и возвратного тифов, а также холеры, малярии и дизентерии, которые затронули фактически все регионы Беларуси по обе стороны фронта и превратились в национальное бедствие.

Основным способом борьбы с эпидемическими заболеваниями являлась изоляция инфицированных и дезинфекция зараженных

помещений. В случае выявления инфекции больного, в зависимости от условий, изолировали в лечебном учреждении либо на дому. Изолировались также все имевшие контакты с зараженным, а его дом и жилье ближайших родственников подвергались дезинфекции [36, s. 215].

Следует отметить, что в период эпидемий даже в условиях продолжения боевых действий на оккупированной территории Беларуси, для помощи заболевшим организовывались специализированные инфекционные больницы и госпитали. О масштабах разраставшейся эпидемии свидетельствует количество организованных лечебных учреждений: только в одном Брест-Литовске в начале 1920-х гг. одновременно существовали эпидемический госпиталь № 1 Войска Польского, эпидемический госпиталь № 2 для пленных, а также госпиталь сортировочной станции пленных [28, s. 47]. Однако численность госпиталей и коек для инфекционных больных заметно отставала от темпов роста эпидемии. Так, в Виленском округе ГУВЗ на 15 июня 1920 г. имелось 24 больницы и 1251 эпидемическая койка, в Брестском – 29 больниц и 875 коек, в Минском – 13 больниц и 480 коек. При этом численность населения на данных территориях приближалась к 4 млн человек, и, учитывая высокую заболеваемость, минимальное количество коек должно было составлять 6,5 тыс. вместо имевшихся 2,5 тыс. [30, s. 19].

Также создавались дезинфекционные и дезинсекционные подвижные колонны, в помощь поветовым врачам направлялись специальные эпидемические врачи [37]. Однако эффективность мероприятий по дезинфекции помещений и карантину заболевших снижалась ввиду недостатка квалифицированных кадров медицинского и противоэпидемического персонала, который в значительной степени порождался мобилизацией врачей и среднего медперсонала в вооруженные силы. В частности, на всей территории Восточных земель было организовано только 15 дезинсекционных колонн (8 в Виленском округе, 4 в Минском, 3 в Брестском) [30, s. 20; 36, s. 214].

Регионов, где медработников было достаточное количество, в эпидемический период фактически не было. Даже в крупных городах и других местностях, где кадровый состав медицинских учреждений сохранил достаточные для противостояния инфекциям численность и компетенцию, высокая смертность среди медработников предопределяла необходимость оперативного пополнения рядов врачей и среднего медперсонала. Например, в Вильно в 1919 г. сообщалось, что из 12 врачей, заболевших сыпным тифом, 6 человек умерли, 4 выздоровели и еще 2 боролись с болезнью [29, l. 68 ар.].

Ключевым негативным фактором в борьбе с эпидемиями на оккупированной Польшей части территории Беларуси являлись сложнейшие материальные условия: отсутствие элементарных лекарственных и дезинфекционных средств, недостаток медперсонала и лечебных учреждений. Так, в 1921 г. в Ошмянах (население – около 4 тыс. человек) отсутствовала даже общественная баня, в условиях эпидемии являвшаяся важнейшим средством борьбы с паразитами, переносившими инфекции [9, л. 15]. Ситуация усугублялась нехваткой транспорта и высокой стоимостью медицинского обслуживания в условиях дефицита квалифицированного медперсонала [36, s. 215–216].

В прифронтной полосе органы здравоохранения тесно сотрудничали с военными, что позволяло частично компенсировать недостаток лекарств и особенно медицинских кадров, которые были призваны в армию (началом деятельности по формированию армейской санитарной службы стала мобилизация военных врачей и аптекарей) [12, s. 25–26]. В октябре 1919 г. была издана инструкция «Временная организация армейских санитарных отделов», которая регламентировала наиболее общие моменты деятельности армейской санитарной службы. В соответствии с инструкцией армейские санитарные учреждения были разделены на постоянные и подвижные (полевые). К первому типу относились окружные военные госпитали, военные санатории, накопители раненых. Подвижные санитарные отделы включали санитарные отряды, дезинфекционные колонны, санитарные поезда [34].

Взаимодействие военных с гражданской администрацией по линии здравоохранения в первую очередь происходило при борьбе с инфекционными болезнями и координировалось через Санитарный департамент Министерства военных дел. Для пресечения распространения инфекций через армию еще в конце 1918 г. предполагалось подвергнуть всех солдат прививанию от тифа и холеры [37].

В целях предупреждения распространения эпидемии по железным дорогам указом начальника штаба литовско-белорусского фронта от 28 июня 1919 г. на военных железнодорожных станциях всем пассажирам, как гражданским, так и военным, для покупки билета было положено получить свидетельство об отсутствии инфекционных болезней у поветового, городского, военного либо железнодорожного врача [29, л. 65].

Вместе с тем в условиях боевых действий приказы нередко доходили до войск с опозданием. Рапорт санитарного инспектора литовско-белорусского фронта генерала А. Бернатовича констатировал в марте 1919 г. значительную эпидемию сыпного тифа среди местного

населения и низкую степень взаимодействия между военной и гражданской медициной [37]. В целом ухудшавшаяся эпидемическая ситуация не встречала соответствовавшего тяжести положения противодействия, и в условиях продолжавшихся военных действий реализованные санитарные мероприятия зачастую могли лишь сдержать распространение инфекции, но не победить ее. Однако даже сдерживать заболеваемость оказывалось проблематично не только среди гражданского населения, но и в рядах вооруженных сил, что демонстрирует смерть самого санитарного инспектора литовско-белорусского фронта А. Бернатовича от гриппа 11 марта 1920 г. [25].

В таких условиях традиционных мер, предпринятых как гражданскими, так и военными органами здравоохранения, было недостаточно, что привело к созданию специальных чрезвычайных структур, направленных на борьбу с эпидемией. По приказу министра общественного здоровья Польши 1 августа 1919 г. был создан Центральный комитет по борьбе с сыпным тифом, но в течение 1919 г. его деятельность распространялась только на собственно польские территории. Однако когда эпидемическая ситуация на оккупированных территориях окончательно вышла из-под контроля, распоряжением генерального комиссара Восточных земель от 31 января 1920 г. деятельность Центрального комитета по борьбе с сыпным тифом распространялась и на территории Восточных земель, а в сам Комитет направлялся представитель генерального комиссара для координации деятельности. Учреждался пост чрезвычайного комиссара Центрального комитета по борьбе с сыпным тифом в Вильно, однако его зона ответственности распространялась как на Виленский, так и Брестский и Минский округа Восточных земель [16, s. 104].

Обязанностью комитета были организация противоэпидемических мероприятий и управление ими на территории Восточных земель в сотрудничестве с армейским командованием и руководством ГУВЗ. Комитет также координировал и направлял противоэпидемические мероприятия местных самоуправлений, которые обязывались оказывать ему всевозможное содействие. Учитывая бедственное финансовое положение Восточных земель, материальное снабжение борьбы с эпидемиями на этих территориях Восточных земель черпалось из фондов самого Комитета, выделенных Министерством общественного здоровья Польши [16, s. 104].

Таким образом, Центральный комитет по борьбе с сыпным тифом проводил в Беларуси борьбу не только с тифом, но и другими заболеваниями. Кроме того, распространение на территорию ГУВЗ сферы деятельности Центрального комитета по борьбе с сыпным тифом,

подчиненного Министерству общественного здоровья, косвенно означал ответственность последнего за эпидемическую ситуацию в Беларуси. Поэтому именно на рубеже 1919/1920 гг. началась фактическая работа по преодолению эпидемического кризиса, который грозил в полной мере распространиться и на собственно польские земли.

Расширение компетенций Центрального комитета по борьбе с сыпным тифом потребовало организации более разветвленной структуры, которая занималась бы всеми противоэпидемическими мероприятиями на вверенной ей территории. В период с января по март 1920 г. были организованы пять территориальных Чрезвычайных комиссариатов по борьбе с эпидемиями:

- 1) фронтовые территории Малой Польши со штаб-квартирой во Львове (комиссар Г. Тренкнер);
- 2) литовско-белорусские земли со штаб-квартирой в Вильно (комиссар Ч. Врочинский);
- 3) Волынь со штаб-квартирой в Луцке (комиссар З. Зубр);
- 4) Подолье со штаб-квартирой в Плескирове (комиссар М. Ставинский);
- 5) воеводства, составлявшие бывшее Царство Польское, со штаб-квартирой в Варшаве, последний комиссариат имел также статус главного (комиссар Э. Годлевский) [23, s. 673].

В условиях постоянно менявшейся линии фронта для объединения усилий по борьбе с эпидемиями на всех подконтрольных польскому правительству территориях 28 февраля 1920 г. была учреждена должность Главного чрезвычайного комиссара по борьбе с эпидемиями, которым был назначен профессор Э. Годлевский [20, s. 378; 21, s. 1061–1063]. В связи с созданием новой организационной структуры деятельность Центрального комитета по борьбе с сыпным тифом была прекращена, а все его ресурсы переданы в распоряжение Главного чрезвычайного комиссара [35, s. 211].

Комиссар имел в подчинении четыре филиала, из которых первый (в Гродно) курировал белорусские земли и имел свое представительство в Вильно (глава филиала – Ч. Врочинский) [23, s. 675].

Комиссариат состоял из шести отделов:

- 1) общий отдел;
- 2) отдел дезинфекции;
- 3) технический отдел;
- 4) госпитальный отдел;
- 5) автомобильный отдел;
- 6) административно-расчетный отдел [23, s. 675–676].

Именно Главный чрезвычайный комиссар осуществлял контроль за исполнением мероприятий по борьбе с инфекциями и организации

медицинской помощи, в том числе на оккупированной Польшей части территории Беларуси [5, л. 27].

Одним из важнейших мероприятий по противодействию инфекциям стала мобилизация с 8 марта 1920 г. всех докторов возрастом до 50 лет, имевших врачебный диплом, для борьбы с эпидемиями на территории Восточных земель [17, s. 184].

Также началась интенсивная работа по очистке городов от загрязнения. В Гродно благодаря Чрезвычайному комиссариату по борьбе с эпидемиями была организована смешанная санитарная комиссия из представителей магистрата и военных, которая в течение 20 дней осуществляла вывоз из города мусора и нечистот [24, s. 2]. Объемы загрязнения города поражают: за 20 дней были вывезены 231 грузовая машина и 256 телег разлагавшегося мусора и навоза [32, s. 116].

В рамках мероприятий по локализации очагов инфекций для лиц, прибывавших с востока, 8 апреля 1920 г. начала действовать система санитарных кордонов (контрольных станций) на территории Восточных земель и прилегающих поватов Польши. Санитарный кордон состоял из трех линий:

- 1) линия фронта;
- 2) главная линия, состоящая из пограничных станций, где контролировалось движение населения в направлении восток – запад;
- 3) пограничная линия между «кресовыми» и собственно польскими землями [30, s. 20–21].

Основными звеньями всех линий кордона стали железнодорожные станции. Первая линия кордона проходила вдоль фронтальной полосы по железнодорожным станциям Двинск, Королевщина, Борисов, Бобруйск, Микашевичи, Шепетовка, Плоскиров, Каменец Подольский, Снятын. На передней линии кордона проводилась дезинсекция беженцев (основными переносчиками тифа являлись вши). Дезинсекция проводилась посредством специальных подвижных дезинсекционных отрядов на санитарных поездах, которые состояли из четырех вагонов: сортировочный, где также проводилась стрижка, помывочно-дезинсекционный, раздевалка, склад и помещение персонала. Объемы работы санитарных поездов были значительными: в день через поезд проходило 200–400 человек, а в период с 21 апреля по 30 июня 1920 г. на 5 контрольных пунктах первой линии кордона было обработано 12 555 беженцев и 17 096 солдат. По окончании дезинсекции обработанные граждане получали специальные свидетельства, позволяющие продолжить проезд до второй линии кордона [30, s. 20–21].

Вторая «пограничная» линия кордона представляла собой сеть контрольных станций и проходила через Вильно, Молодечно, Минск

(или Барановичи), Лунинец (или Пинск), Сарны, Ровно, Тарнополь, Коломью. На контрольных станциях граждане обязаны были проходить санитарные осмотры, успешное завершение которых позволяло получить разрешение на проезд от Управления контрольными станциями. Также свидетельства позволяли купить железнодорожный билет и получить право на бронирование гостиницы для ночлега.

В случае выявления вшей гражданин подвергался дезинфекции, а при проявлениях болезни принудительно направлялся на лечение. Людей, следовавших из очагов инфекционных болезней, подвергали пятидневному карантину. Несоблюдение правил каралось штрафом до 10 000 марок или арестом на три месяца. Кроме того, запрещалось удерживать вагоны на железнодорожных станциях более 24 часов, а также предписывалось проводить регулярную дезинфекцию на перронах и станциях [4, л. 8].

Окончательное возведение второй линии кордона было осуществлено только к 1 октября 1920 г. Следует отметить, что для предотвращения возможности проникновения инфицированных в Польшу на станциях второй линии кордона продавались билеты до пунктов, находящихся не далее его третьей линии [30, s. 21].

Третья и последняя линия санитарного кордона имела целью не допустить распространение эпидемии из «кресовых» земель в собственно польские и протягивалась по железнодорожным станциям Белосток, Брест-Литовск, Ковель, Львов, Станиславов. В этих пунктах организовывались станции контроля чистоты, которые выдавали разрешения на дальнейший проезд в глубь территории Польши [8, л. 49 об.; 18, s. 264–265].

Важнейшим элементом организации медицинской помощи эпидемическим больным являлось транспортное обеспечение. Именно транспорт поддерживал подвижность дезинфекционных отрядов и перевозку больных, а также вывоз из города нечистот, что являлось важнейшей задачей в процессе улучшения санитарного состояния улиц. Поэтому организация санитарного транспорта входила в комплекс мероприятий Главного чрезвычайного комиссариата по борьбе с эпидемиями. На 1921 г. на территории Виленского, Гродненского и Барановичского отделов Главного чрезвычайного комиссариата имелось по три санитарных автомобиля, всего – девять [3, л. 2 об.].

Усилия чрезвычайного комиссариата, а также окончание боевых действий в конце 1920 г. способствовали уменьшению распространения инфекций. Спад эпидемии наступил лишь в первой половине 1921 г., однако зимой 1921–1922 гг. пришла вторая волна инфекционных заболеваний, на этот раз захлестнувшая преимущественно белорусские

земли. Спектр эпидемических заболеваний значительно расширился за счет возвратного тифа: если в 1919 г. на 1000 случаев сыпного тифа приходилось лишь 15 возвратного, то в 1920 – 30 случаев на 1000, в 1921 – 140. В 1922 г. сыпной и возвратный разновидности тифа сравнялись: на 42 724 случая сыпного тифа приходилось уже 41 207 возвратного [11, s. 325]. Отсутствие должного медицинского обеспечения предопределило высокую смертность от тифозных инфекций, которая колебалась от 8 до 14 % (табл. 2).

Таблица № 2

Заболееваемость сыпным и возвратным тифом в Польше в 1922 г.
[11, s. 325]

Воеводство	Сыпной тиф	Возвратный тиф	Беженцев по отношению к общей численности населения (%)
	На 100 000 населения		
город Варшава	103	22	нет данных
Варшавское	59	1,6	1,03
Лодзкое	37	0,8	0,15
Келецкое	55	5,3	0,29
Люблинское	323	370	2,8
<i>Белостокское</i>	<i>491</i>	<i>572</i>	<i>9,2</i>
<i>Новогрудское</i>	<i>529</i>	<i>534</i>	<i>8,0</i>
<i>Полесское</i>	<i>677</i>	<i>1488</i>	<i>13,5</i>
Волыньское	308	324	4,2
Познанское	2,0	0,55	0,013
Поморское	4,9	0,5	0,006
Краковское	29	2,6	0,09
Львовское	71	8,6	0,48
Станиславовское	120	8,5	0,11
Тарнопольское	71	3,7	0,20
Силезское	0,35	нет данных	0,044
<i>Виленское</i>	<i>131</i>	<i>160</i>	<i>2,6</i>

Наибольшее распространение тиф получил на территории Полесского воеводства, климатические и бытовые условия которого (обилие болот, влажность, слабая инфраструктура и значительная удаленность большинства населенных пунктов от развитой медико-санитарной сети) благоприятствовали развитию инфекционных болезней. Главной причиной рецидива эпидемической вспышки 1921–1922 гг. стала репатриация населения после подписания Рижского мирного договора. С июня 1921 г. по декабрь 1922 г. из Советской России в Польшу по условиям Рижского мира вернулось 689 179 человек, многие из которых были больны тифом и другими инфекционными

заболеваниями. Опасный уровень заболеваемости среди репатриантов подтверждает высокая смертность эпидемического медперсонала, который непосредственно контактировал с зараженными. Например, на карантинной станции в Барановичах из числа санитарного персонала погибло 114 человек [11, s. 325].

Многие носители инфекционных заболеваний впоследствии влились в «кресовое» население Польши: в некоторых регионах Западной Беларуси доля реэмигрантов доходила до 44 % общей численности населения (Пружанский повет – 44,1 %, г. Брест – 39,5 %, г. Слоним – 30,6 %). В 1920 г. в Волковысском повете отмечалось, что «...большая половина крестьян ... состоит из беженцев» [6, л. 4].

Именно белорусские земли являлись наиболее подверженными эпидемии, что подтверждает тезис о ключевой роли «фактора беженцев» в рецидиве инфекционной вспышки в конце 1921–1922 гг. С окончанием репатриации в 1923 г. упала и заболеваемость: сыпной тиф с 42 724 случаев в 1922 г. снизился до 11 185 в 1923 г., возвратный – с 41 202 до 2 067 соответственно [11, s. 325].

Анализируя течение инфекций и ход противоэпидемической борьбы, следует отметить, что если в геополитическом смысле Польша стала «санитарным кордоном» на пути распространения коммунизма в Европу, то в равной степени верно, что для самой Польши оккупированные белорусские земли, принявшие на себя всю тяжесть борьбы с инфекционными заболеваниями, в прямом смысле слова стали противоэпидемическим валом на пути распространения сыпного тифа и других болезней в 1919–1921 гг. [11, s. 326].

Фактический мир на территории Беларуси установился лишь через несколько лет после официального окончания польско-советской войны в 1921 г. Однако даже в мирное время продолжали ощущаться тяжелые последствия почти десятилетия бесконечных военных столкновений. Окончание «большой эпидемии тифа» на территории «восточных кресов» отмечалось лишь в 1923 г. [2, л. 16]. Но тяжелое эпидемическое положение сохранялось в Западной Беларуси и после окончания активного периода боевых действий. Низкое благосостояние населения, антисанитария, отсутствие надлежащих санитарных мероприятий приводило к распространению малярии, тифа, туберкулеза, холеры, венерических и других социальных болезней, ставших эндемичными для отдельных регионов Западной Беларуси. Последствия эпидемической вспышки времен польско-советской войны в полной мере не были преодолены даже спустя десятилетие после ее окончания, а территория Западной Беларуси в составе Польши стала неизменным «лидером» по распространению инфекционных болезней.

Литература

1. Бабков А.М. Организация эвакуационной работы с беженцами и пленными Первой мировой войны в Беларуси в 1919 г. // Первая мировая война в исторических судьбах Европы: сб. материалов междунар. науч. конф., г. Вилейка, 18 октября 2014 г. / редкол. : В. А. Богуш (пред.) [и др.]. Минск: Изд. Центр БГУ, 2014. С. 157–162.
2. Государственный архив Брестской области (ГАБр). Ф. 1. Оп. 1. Д. 2396.
3. ГАБр. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4503.
4. ГАБр. Ф. 5. Оп. 1. Д. 120.
5. ГАБр. Ф. 2001. Оп. 1. Д. 98.
6. Государственный архив Гродненской области. Ф. 690. Оп. 1. Д. 16.
7. Зональный государственный архив в г. Молодечно (ЗГА в г. Молодечно). Ф. 4. Оп. 1. Д. 80.
8. ЗГА в г. Молодечно. Ф. 4. Оп. 1. Д. 132.
9. ЗГА в г. Молодечно. Ф. 4. Оп. 1. Д. 136.
10. Лагер ваеннапалонных: старонкі з гісторыі белапольскай акупацыі: Успаміны тт. Гершона, Рабкіна і Залоцінай / Літ. апрац. А. Шарапава. Мн.: Дзярж. Выд-ва Беларусі, 1935. 38 с.
11. Adamowiczowa, St. Dur plamisty i dur powrotny w latach 1919–1924 // *Warszawskie Czasopismo Lekarskie*. 1925. Nr 7. S. 324–326.
12. *Dziennik Rozporządzeń Ministerstwa Spraw Wojskowych*. 1918. № 4. Poz. 36.
13. *Dziennik Urzędowy Generalnego Komisarza Cywilnego*. 1919. Nr 1. Poz. 2.
14. *Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich*. 1919. № 2. Poz. 10.
15. *Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich*. 1919. № 12. Poz. 99.
16. *Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich*. 1920. № 9 (53). Poz. 151.
17. *Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich*. 1920. № 19 (63). Poz. 504.
18. *Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich*. 1920. № 30 (74). Poz. 694.
19. *Dziennik Urzędowy Zarządu Cywilnego Ziem Wschodnich*. 1920. № 30 (74). Poz. 695.
20. *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. 1920. Nr 23. Poz. 134.
21. *Dziennik Ustaw Rzeczypospolitej Polskiej*. 1920. Nr 61. Poz. 388.
22. Gierowska-Kałuża, J. Zarząd Cywilny Ziem Wschodnich (19 lutego 1919 – 9 września 1920). Warszawa: Wydawnictwo Neriton, 2003. 447 s.
23. Godlewski E., Schinzel Z. Działalność Naczelnego Nadzwyczajnego Komisarjatu do spraw walki z epidemjami w roku 1920 i w pierwszym półroczu 1921 r. // *Przegląd Epidemiologiczny*. 1922. T. 1, z. 7. S. 669–822.
24. *Informator miasta Grodna i Grodzieńszczyzny*. Grodno: Wydawca Antoni Miłobędzki, 1926. 103 s.
25. Instytut Józefa Piłsudskiego w Ameryce [Электронный ресурс]. Sygn. 702/2/8. K. 287. URL: <http://archiwa.pilsudski.org/dokument.php?nonav=0&nrrar=701&nresp=2&sygn=8&handle=701.180/9961> (дата обращения: 04.10.2018).
26. Jeśman Cz. Występowanie, zwalczanie i zapobieganie chorobom zakaźnym w Wojsku Polskim w latach 1919–1938 // *Forum Bibliotek Medycznych*. 2016. Nr 2 (18). S. 299–325.
27. Karpus Z. Jeńcy internowani w Białymstoku i Brześciu Litewskim w latach 1919–1921 // *Zeszyt Naukowy Muzeum Wojska Polskiego*. 1992. № 6. S. 70–80.

28. Kopociński K., Kopociński Z. Zarys organizacji i działalności 9. Szpitala Okręgowego w Brześciu nad Bugiem w latach 1920–1939 // *Archiwum Historii i Filozofii Medycyny*. 2010. T. 73. S. 46–48.
29. Lietuvos centrinis valstybės archyvas. F. 64. Ap. 20. B. 25.
30. Młudzik A. Występowanie i zwalczanie duru plamistego na ziemiach litewsko-białoruskich w latach 1904–1920 // *Archiwum Historii i Filozofii Medycyny*. 2013. Nr 1. S. 17–22.
31. *Monitor Polski*. 1919. Nr 95. S. 2.
32. Talheim A., Losek S. Zdrowotność miasta Grodna // *Przegląd statystyczny m. Grodna za lata 1922 i 1923* / red. S. KołECKI. Grodno: Magistrat m. Grodna, 1925. S. 116–119.
33. Ustawa gminna obowiązująca na obszarze Ziemi Wschodnich. Wilno: [s. n.], 1919. 39 s.
34. Wawrzyński T. Akta dotyczące organizacji i działalności służby zdrowia WP w latach 1918–1939 // *Biuletyn wojskowej służby archiwalnej*. 1983. Nr 12. URL: http://caw.wp.mil.pl/plik/file/biuletyn/b12/b_12_6.pdf (data обращения: 05.01.2018).
35. Więckowska E. Centralny komitet do walki z dudem plamistym (1 sierpień 1919 – 5 marca 1920) // *Przegląd Epidemjologiczny*. 1998. Nr 1–2. S. 205–214.
36. Więckowska E. Zwalczanie ostrych chorób zakaźnych w pierwszym roku istnienia Polski niepodległej 1918–1919 // *Przegląd Epidemiczny*. 1999. Nr 1–2. S. 211–220.
37. Wysocki A. Sytuacja epidemiologiczna w okresie wojny polsko-sowieckiej 1919–1920 // *Biuletyn wojskowej służby archiwalnej*. 1997. Nr 20. URL: http://archiwumcaw.wp.mil.pl/biuletyn/b20/b20_6.pdf. (data обращения: 05.01.2018).
38. Zarys działalności Ekspozytury Zarządu Cywilnego Ziemi Wschodnich w Warszawie w roku 1919-ym. Na prawach rękopisu. Warszawa: Drukarnia B. Tomczyka, [1919?]. 56 s.

A.A. Kapliyev

Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus

Sanitary & epidemiological situation and organization of public healthcare in the occupied territory of Belarus during the Polish-Soviet war 1919–1920

Key words: Civil Administration of the Eastern Lands; healthcare; infectious diseases; medicine; Polish-Soviet war; sanitary cordon; typhus; epidemics.

Based on numerous sources, the article contains analyzes of the causes of the development and course of the epidemic of infectious diseases in the occupied by Polish troops territory of Belarus during the Polish-Soviet war. The characteristic of anti-epidemic measures was given in the context of the analysis of the organization of healthcare in the occupied territories. The key factors of epidemics development in the territory of Belarus during the World War I and the Polish-Soviet war were identified: unsanitary conditions, famine, destruction of the healthcare network, mobilization of qualified medical workers in the army, migration of refugees who became the main carriers of infections. The distinctive features of the development of the healthcare system of the Civil Administration of the Eastern Lands, as well as the main factors hindering the effective anti-epidemic activity were revealed. The degree of interaction of civilian healthcare institutions and sanitary departments of the Polish army was reflected. It was proved that the localization of epidemic foci began only in 1920–1921, which was directly related to the involvement of Polish emergency commissariats in the fight against epidemics in anti-epidemic measures. It was concluded that the devastating consequences of the outbreak of infections during the Polish-Soviet war in the territory of Belarus caused a significant deterioration of the epidemic situation in the region.

Школьное образование на оккупированной Польшей территории Беларуси (1919–1921 гг.) в работах белорусских исследователей

Ключевые слова: *белорусская историография; образовательная политика; школа; оккупация; полонизация; белорусское национальное движение.*

В статье анализируются подходы белорусских исследователей при изучении развития школьного образования на оккупированной Польшей территории Беларуси в 1919–1921 гг. Обозначены отличия в описании и интерпретации процессов школьного образования в работах советского (1921–1990 гг.) и постсоветского периодов. Изучение оккупационной политики Польши осуществлялось в СССР с позиций государственных, национальных и классовых интересов своего времени. Специальных исследований проблем школьного образования на оккупированной территории не проводилось. При характеристике политики польских оккупационных властей исследователи ограничивались идеологическими оценками. Упрощенное толкование процессов в сфере образования определялось также ограниченным доступом исследователей к историческим источникам. В конце XX – начале XXI в. современные белорусские исследователи (А.Н. Вабищевич, В.В. Ляховский, А.Г. Трубчик, А.Н. Чернякевич и др.) на основе архивных и опубликованных материалов освещают процессы школьного образования на оккупированной территории Беларуси. Их работы опираются на введенные в оборот новые источники и свободную от идеологических штампов интерпретацию результатов. В настоящее время белорусская историческая наука стремится сформировать собственный взгляд на развитие школьного образования на оккупированной в 1919–1921 гг. территории Беларуси.

В исследованиях по истории школьного образования на оккупированной Польшей территории Беларуси в 1919–1921 гг. выделяются два временных периода: советский (1920-е – 1980-е гг.) и постсоветский (с 1991 г. по настоящее время). В 1920–1930-е гг. историческая наука выступала важным фактором в идейно-политической борьбе между СССР и Польшей. Соответственно изучение политики польской власти на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны осуществлялось с позиций государственных, национальных и классовых интересов, как они понимались в то время. Это являлось существенным препятствием для проведения объективного научного анализа [26]. Исследователи уделяли мало внимания проблемам социально-культурной жизни населения на оккупированной территории, в том числе и в сфере образования. При характеристике

образовательной политики польских оккупационных властей они ограничивались идеологическими оценками, такими как преследование белорусской школы и полонизация. Упрощенное толкование процессов в сфере образования определялось также ограниченным, регламентируемым государством доступом исследователей к историческим источникам. Советская историография при изучении польско-советской войны в 1920-1930-е гг. ставила, прежде всего, не научную, а политическую задачу: белорусские историки стремились в максимально невыгодном свете показать деятельность польских оккупационных властей, на что имели полные основания [11, с. 19–20].

Первые сведения о школьном образовании на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны 1919-1921 гг. появились в работах деятелей белорусского национального движения, носивших в основном публицистический характер. Политика в области образования рассматривалась ими в пределах деклараций – «террор» и «полонизация». А.И. Луцкевич в книге о польской оккупации в Беларуси, изданной в 1920 г., приводил факты о преследовании оккупационными властями белорусского просвещения: закрытии белорусской прогимназии в г. Гродно, белорусской гимназии в местечке Будслав Виленской губернии, прекращении выплаты зарплаты учителям белорусских школ, запретах местной администрации на открытие белорусских школ [8, с. 12–15].

Ф.Ф. Турук в книге «Белорусское движение», вышедшей в 1921 г., приводил сведения о белорусской культурно-просветительской деятельности на оккупированной Польшей территории Беларуси. Он отмечал, что, несмотря на чинимые польской администрацией препятствия, в Минске работала Белорусская Центральная школьная рада (далее – БЦШР), образованная в начале 1920 г. из представителей школьных рад бывших Минской, Виленской и Гродненской губерний. БЦШР опиралась на губернские и уездные волостные школьные рады и руководила делом школьного строительства на оккупированной территории. Турук приводил также статистические данные: количество начальных белорусских школ составляло в Минской губернии около 193, в Виленской и Гродненской губерниях – до 20; действовали 3 белорусских гимназии (в Минске, Вильно и Слуцке), до 10 прогимназий, Белорусский педагогический институт в Минске [23, с. 66–67]. Опираясь на факты, автор справедливо подчеркивал, что просветительская деятельность участников белорусского национального движения содействовала развитию белорусского образования на оккупированной Польшей территории Беларуси.

В.М. Игнатовский, находившийся в годы польской оккупации в г. Минске и работавший в Минском учительском институте, входивший в состав Временного белорусского национального комитета (далее – ВБНК), имел представление о процессах в сфере образования в этот период. Однако в его работах по истории Беларуси, написанных в 1920-х гг., данная тема не получила широкого освещения. Занимая пост народного комиссара просвещения БССР и являясь членом ЦК КП(б)Б, он должен был поддерживать официальную точку зрения. Научные труды Игнатовского стали основой формирования национальной концепции истории белорусского народа на основе марксистско-ленинской методологии. В созданном им курсе по истории Беларуси XIX – начала XX в. оккупационная политика Польши на территории Беларуси трактуется упрощенно как империалистическая и антибелорусская, приведшая к полонизации школы [4, с. 246–249]. Такой же позиции придерживался и белорусский историк В.К. Щербаков [25, с. 101]. При этом авторы не использовали ни статистические данные, ни документы оккупационных властей о школьном образовании, ни факты о культурно-просветительской деятельности национальных белорусских организаций.

В 1930-е гг. в БССР усиливается борьба с так называемым «национал-демократизмом», к представителям которого причислили ряд видных деятелей белорусской культуры, которых стали называть «врагами народа» и приравнять к фашистам. В.М. Игнатовского, В.У. Ластовского, Д.Ф. Жилуновича, М.И. Горецкого, И.Ю. Лёсика, С.М. Некрашевича, А.А. Смолича, А.И. Цвикевича и других обвинили в «насаждении» польской буржуазной культуры в Беларуси, противопоставлении Беларуси Советской России и «ориентации на фашистскую Польшу» [13, л. 9–13, 21]. Их роль в развитии белорусской культуры и школы стала замалчиваться в дальнейших исследованиях советских историков. Академия наук БССР была объявлена очагом польских и немецких шпионов, национал-фашистов, правых и троцкистов [13, л. 65]. В таких условиях политизация исторических исследований проблем польско-советской войны и оккупационного режима на территории Беларуси усилилась, сделав невозможными объективные научные исследования. В 1930-е гг. сформировалась официальная, признававшаяся единственно правильной точка зрения на события польско-советской войны. Польская оккупация представлялась как «самый кошмарно-тяжелый, самый кровавый период гражданской войны на Беларуси»: «разгул белопольского террора», «неволя» и «новое рабство», период широкой «полонизации» культуры [2, с. 13, 15]. Белорусские историки видели свою задачу не в получении новых

исторических знаний с опорой на исторические источники, а в формировании оценочных суждений по отношению к тем или иным событиям польско-советской войны. Они отказались от научной объективности в пользу политической целесообразности [11, с. 80]. И.Ф. Лочмель в своей книге, посвященной теме освобождения Беларуси от белопольских оккупантов, утверждал, не приводя при этом фактов, что «насильственная полонизация» белорусского народа в этот период проводилась также жестоко, как и в XVI–XVIII в. [7, с. 28]. Он бездоказательно обвинял деятелей белорусского национального движения (С.М. Некрашевича, В.У. Ластовского и др.) в сотрудничестве с польским правительством, генштабом и дефензивой с целью установления власти Польши над Беларусью [7, с. 30–31].

В 1940–1980-х гг. проблема школьного образования в Беларуси в период польской оккупации 1919–1921 гг. не была предметом специального исследования. В белорусской советской историографии утвердился вывод об «упадке» школьного образования в этот период в результате репрессий польских оккупационных властей. Сведения о том, что белорусская национальная школа была создана еще в годы немецкой оккупации и продолжала работать в период польской оккупации, оставались неизвестными обществу и замалчивались в научных кругах [3, с. 77–78; 6, с. 88–89; 12, с. 284]. В комплексном исследовании белорусских историков об иностранной военной интервенции в Беларусь в 1917–1920 гг., опубликованном в 1990 г., при рассмотрении проблем школьного образования авторы уже не ограничивались декларациями, а приводили факты и статистические данные из архивных и опубликованных документов, периодической печати, использовали польские источники. Однако эти материалы стали иллюстрацией тезиса о «насильственной полонизации» белорусского края. Авторы утверждали, что действия деятелей национального белорусского движения в области образования были безуспешными, хотя и признавали частичное финансирование польскими властями белорусских школ [5, с. 222–233].

Интерес к проблеме школьного образования на оккупированной Польшей территории Беларуси проявился у белорусских исследователей в конце XX – начале XXI вв. В этот период марксистская методология утратила статус официальной и белорусские историки начали поиск новых методологических подходов к освещению исторических процессов. Исследователи получили более широкий доступ к отечественным и зарубежным архивным источникам. Отказ от «единомыслия» способствовал более глубокому изучению и объяснению сложных социально-экономических, политических и духовных

процессов в истории Беларуси. Историки стали обращать внимание на темы, которые в советской историографии были запрещены или политизированы. Появились исследования на основе национально-государственной концепции истории Беларуси, исходящей из того, что история белорусского народа выступает объектом и субъектом научного изучения, а не просто частью истории других народов [14, с. 44]. Исследователи стали широко использовать новые документальные материалы и на их основе делать научные выводы, которые не игнорируют, а критично рассматривают советскую историографию. Примером является и изучение проблемы школьного образования на оккупированной Польшей территории Беларуси в 1919–1921 гг.

Белорусские исследователи А.Н. Вабищевич, В.В. Ляховский, А.Г. Трубчик, А.Н. Чернякевич опубликовали монографии, статьи в научных журналах, в сборниках научно-теоретических и научно-практических конференций, в которых на основе архивных источников и опубликованных материалов освещают процессы школьного образования на территории Беларуси в период 1914–1920 гг. Главными отличительными чертами их работ являются введение в оборот новых документальных источников (белорусских и зарубежных) и свободная от советских идеологических штампов интерпретация результатов. Процессы, происходившие в школьном образовании на территории Беларуси, изучаются на широком историческом фоне в неразрывной связи с геополитическими, военными, социально-экономическими вопросами. Школа рассматривается в этих исследованиях как специфический социальный институт, обеспечивающий повышение культурного уровня и формирование гражданской позиции населения, в силу чего оккупационные власти в 1914–1920 гг. использовали политику в области образования как инструмент борьбы за белорусскую территорию.

Белорусский историк В.В. Ляховский ряд своих работ посвятил исследованию проблем развития школьного образования в Беларуси в период революционных и военных катаклизмов 1914–1920 гг. Он первым всесторонне изучил состояние школьного образования Беларуси в период немецкой оккупации в 1914–1918 гг. Историк показал, что на оккупированной Германией территории Беларуси продолжали существовать русские, а также создавались польские, еврейские и белорусские школы. Он доказывает, что образование являлось важным фактором роста национального самосознания полиэтнического населения Беларуси в данный период. Результаты исследований Ляховского имеют большое значение для понимания образовательных

процессов, происходивших на территории Беларуси в следующий исторический период – польской оккупации 1919–1921 гг. [10].

В одной из своих статей В.В. Ляховский рассмотрел роль белорусского национального движения в развитии школьного образования в период польской оккупации Беларуси. Он показал вклад ВБНК в развитие школьного образования на оккупированной территории. В состав ВБНК входили известные белорусские деятели: И.Ю. Лёсик, В.М. Игнатовский, А.В. Прушинский (А. Гарун), И.Д. Луцевич (Я. Купала) и др. В августе 1919 г. деятели белорусского национального движения на территории бывшей Минской губернии создали Белорусскую школьную раду (далее – БШР), которую возглавил С.А. Рак-Михайловский. БШР поставила цель – расширение и развитие сети белорусских школ, подготовка и издание белорусских учебников [9, с. 57]. В декабре 1919 г. в ВБНК был создан организационно-инструкторский отдел, который готовил и отправлял в уезды и волости инструкторов (резидентов) с целью организации белорусских школ, культурно-просветительских кружков, читален. Через них ВБНК распространил свою деятельность на территорию бывших Минской, а затем Виленской и Гродненской губерний [9, с. 58–59]. Были созданы региональные школьные рады, которые в конце декабря 1919 г. объединились в ЦБШР во главе с Рак-Михайловским. Число белорусских национальных школ на оккупированной Польшей территории Беларуси достигло 300, действовали белорусские гимназии в городах Слуцке, Вильно и Минске [9, с. 60].

Историк А.Н. Вабищевич – специалист по проблемам развития культуры в Западной Беларуси – исследовал деятельность белорусского национального движения по созданию национальной белорусской школы в период немецкой и польской оккупации Беларуси. Он отметил противоречивый характер действий польских оккупационных властей в сфере просвещения на территории Западной Беларуси. С одной стороны, ими провозглашались формальные гарантии свободы обучения на родном языке для национальных групп населения. С другой стороны, школы ставились в зависимость от польской администрации в вопросе получения государственной помощи, которую в первую очередь предоставляли польским школам. Такая политика вела к постепенной ликвидации белорусских школ. Историк указал на различия в положении белорусских школ в разных регионах. Например, в Лидском, Волковысском, Белостокском, Бельском, Сокольском уездах белорусский язык не был разрешен для преподавания в школах. В Виленском округе белорусские школы находились в лучших условиях, так как пришедший там в 1920 г. к власти генерал Л. Желиговский

нуждался в поддержке деятелей белорусского движения накануне плебисцита о государственной принадлежности этой территории. При департаменте просвещения был создан отдел белорусских школ во главе с Б.А. Тарашкевичем. В 1920 г. на белорусский язык преподавания полностью переведена Виленская гимназия. В январе 1921 г. в Виленском округе действовали 121 белорусская начальная школа, а также белорусская учительская семинария в местечке Боруны Ошмянского уезда [1, с. 13–14].

Белорусский историк А.Н. Чернякевич, изучавший политику Польши на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны, отметил ее противоречивость в области образования. Действия польской администрации были направлены на ограничение белорусских школ на территории Брестского и Виленского округов и проведение тактики умеренных уступок в их пользу в Минском округе. Он привел следующие данные: по состоянию на 1 апреля 1920 г. в трех округах Беларуси, находившихся под управлением польского Генерального комиссариата, действовало 227 белорусских школ [24, с. 11].

Значительный вклад в изучение проблем школьного образования на оккупированной Польшей территории Беларуси в 1919–1921 гг. внесла А.Г. Трубчик, которая защитила по данной теме диссертацию и опубликовала ряд статей в научных журналах и сборниках [17, с. 5–6]. Документальную базу ее исследования составили неопубликованные материалы белорусских архивов (Национальный архив Республики Беларусь, государственные архивы Брестской, Гомельской и Гродненской областей), материалы, хранящиеся в отделе рукописей и старопечатных книг Варшавской публичной библиотеки и в Архиве новых актов в Варшаве. Исследователь использовала также польские статистические материалы о развитии школьного образования, материалы периодической печати, официальные законодательные акты польских властей, мемуары и дневники [18].

Впервые в белорусской историографии А.Г. Трубчик раскрыла сущность образовательной политики Польши на оккупированной территории Беларуси в 1919–1921 гг. с белорусских национально-государственных позиций; исследовала механизм руководства образовательной сферой; выявила особенности образовательных процессов в различных регионах – Минском, Брестском, Виленском округах; проанализировала специфику функционирования школ различных этнических общностей; определила влияние деятельности белорусских общественно-политических сил на развитие национальных белорусских школ. Она показала зависимость образовательной политики

Польша на оккупированной территории Беларуси в 1919–1921 гг. от военных обстоятельств, общественно-политических отношений в самой Польше и международной политической ситуации. Важным фактором этой политики являлась деятельность белорусских национальных организаций, принимавших меры по созданию школ с белорусским языком обучения.

В работах А.Г. Трубчик охарактеризована система польских органов управления сферой образования на оккупированной территории Беларуси в 1919–1921 гг. В мае 1919 г. на оккупированных территориях было организовано Гражданское управление восточных земель (далее – ГУВЗ), центральным органом которого стал Генеральный комиссариат, непосредственно подчинявшийся польскому главнокомандующему. В числе 13 отделов комиссариата функционировал отдел просвещения и культуры. Постепенно отделы были реорганизованы в 8 секций, одной из которых стала секция просвещения, включавшая общий отдел, отдел общих школ, отдел средних и профессиональных школ. При секции просвещения работали школьные ревизоры, осуществлявшие контроль за деятельностью всех школ на оккупированной территории. Секция контактировала с окружными инспекторами, которые проводили образовательную политику в уездах. В мае 1919 г. были образованы Виленский и Брестский округа, в сентябре 1919 г. – Минский округ. В каждом из них назначался школьный инспектор, выступавший посредником между центральной и местной властями. Нижней управленческой ступенью являлись уездные школьные инспекторы (как правило, чиновники с педагогическим образованием) [20, с. 266–269].

Одной из первых задач, которая стояла перед вновь назначенными уездными школьными инспекторами, было уточнение количества школ и их состояния. На основании архивных документов А.Г. Трубчик показала, что на оккупированной территории Беларуси существовали школы различных типов, оставшиеся со времен Российской империи и немецкой оккупации, а также организованные советской властью. В марте 1920 г. на территории ГУВЗ действовали 2508 начальных, 115 средних школ, 41 профессиональная школа, 6 учительских семинарий, 56 профессиональных курсов, где обучалось 160 013 учащихся и работало 5354 учителей [18, с. 160].

Материальное положение школ было тяжелым, учителей не хватало. Так, в Брасловском уезде Виленского округа действовало 12 школ, организованных по инициативе частных лиц, ксендзов, местных старост. Они находились в тесных помещениях, плохо отапливавшихся и освещавшихся, учебников почти не было, не осуществлялся учет посещаемости и успеваемости, отсутствовали учебные программы.

Такую же ситуацию констатировал инспектор в школах Дисненского уезда, отметив также их антисанитарное состояние и отсутствие дисциплины. Содержание школ и учителей возлагалось на руководство волостей (гмин) и население, но большинство из них делать это были не в состоянии. Население на собраниях отказывалось открывать школы из-за бедности и невозможности прокормить даже собственных детей [16, с. 59–60].

В образовательной политике польских оккупационных властей А.Г. Трубчик выделила 3 периода: 1) с февраля по октябрь 1919 г. – организационный, когда их политика характеризовалась лояльностью к организации и деятельности школ с различными языками обучения, а также отсутствовала тенденция к коренной реорганизации школьного дела; 2) с конца октября 1919 г. по июль 1920 г. – стремительный рост школ с польским языком обучения за счет реорганизации русских, еврейских и белорусских национальных школ при финансовой поддержке польской администрацией преимущественно польских школ; 3) с июля 1920 г. по март 1921 г. – реорганизация управления школьным делом на белорусских землях в условиях военной эвакуации, повторного захвата части белорусских земель и подписания Рижского мирного договора.

А.Г. Трубчик в своих исследованиях показывает, что в образовательной политике на оккупированной территории Беларуси польские власти вынуждены были учитывать этноконфессиональный состав и общие политические настроения местного населения, а также позиции белорусского национального движения. В полиэтническом населении ГУВЗ белорусы составляли 42,9 %, поляки – 31,7 %, евреи – 10,2 %; по конфессиональному составу православные составляли 51,5 %, католики – 35 % населения [18, с. 149–151]. В первом распоряжении по организации просвещения и школьного дела на территории ГУВЗ польская власть объявила об установлении принципов свободы обучения на родном языке для всех национальных групп, что могло стать основой для создания национальных школ. Однако большинство местного населения предпочитало школы с русским языком обучения, что, по мнению ряда представителей польской власти, в условиях войны с Советским государством угрожало политической стабильности на оккупированных землях. Школы же с белорусским языком обучения власти отождествляли с русскими школами. Некоторые окружные и уездные школьные инспекторы стали агитировать население за создание школ с польским языком обучения, которым выделялось государственное финансирование. Эта деятельность нашла поддержку со стороны польских общественных организаций – Главной опекунской

рады, Общества имени Ю. Пилсудского, Польского школьного общества и др., которые имели собственное финансирование. С их помощью летом 1919 г. на польских учительских курсах было подготовлено 600 учителей для польских школ Гродненщины [15, с. 124–125]. Русским и еврейским школам на территории ГУВЗ субсидии власть не выдавала, для белорусских предполагалась минимальная поддержка. Без государственной поддержки у русских и белорусских школ не было шансов на развитие, так как местное население не имело для этого средств. Все вышеперечисленное, а также невысокий уровень национального самосознания белорусского населения позволили польским властям начать активную реорганизацию русских и белорусских школ в польские в Виленском и Брестском округах [15, с. 125].

В своих исследованиях А.Г. Трубчик уделила внимание и проблеме развития белорусских школ. Хотя польское руководство и декларировало создание школ с белорусским языком обучения, оно объективно не было заинтересовано в их развитии, так как эти школы могли стать источником роста национального самосознания белорусов. Существование белорусских школ в условиях польской оккупации являлось как наследием предшествовавшей немецкой оккупации, так и результатом деятельности представителей белорусского национального движения. Созданию новых белорусских школ препятствовали отсутствие единой государственности на всей белорусской этнической территории, политического единства белорусского национального движения и нехватка у последнего собственных финансовых средств. Наиболее благоприятные условия для белорусских школ сложились в Минском округе, где сконцентрировались основные силы белорусского национального движения, сохранились традиции местного самоуправления, а польские общественные организации не имели сильного влияния. Школы в этом округе передавались на содержание Минского магистрата, уездных и волостных властей, частных общественных организаций. В начале сентября 1919 г. Минский магистрат согласился принять на свое содержание 35 начальных школ (бывших советских школ I ступени), 6 высших начальных школ, белорусскую гимназию и торговую школу, а также школу для глухонемых детей. Опекунами соответствующих национальных школ с разрешения польских властей стали Белорусская и Польская школьные рады Минского округа, а также школьный отдел Еврейской общины [15, с. 125].

В работах А.Г. Трубчик показывается, что в октябре 1919 г. – июле 1920 г. органы руководства сферой образования на территории ГУВЗ

взяли курс на формирование образовательной системы, существовавшей на территории Польши: вместо всех прежних типов учебных заведений на оккупированных землях Беларуси должны были создаваться общеобразовательные (начальные) школы, средние и профессиональные, а также высшие школы. Во всех школах вводился польский язык как обязательный предмет (не менее 2 часов в неделю в каждом классе). Государственным учительским семинариям разрешалось работать только на польском языке, семинариям с другим языком обучения государственные субсидии не выделялись. В марте 1920 г. в Брестском округе действовало две, Виленском округе – четыре польских учительских семинарии. Начались организация и постепенный перевод на государственное содержание польских средних школ. Польское руководство обеспечивало рост количества польских школ чаще всего за счет реорганизации школ других национальностей. Наиболее успешно данная образовательная политика проводилась в Виленском и Брестском округах, в которых в 1920 г. количество польских школ достигло 53 %. В Минском округе, где поляки и католики не составляли большинство населения, польских школ было только 19 % [18, с. 167]. К началу июля 1920 г. в Минском округе действовало 1120 общеобразовательных школ (327 польских, 233 белорусских, 537 русских, 23 еврейских), 77 средних школ (16 польских, 2 белорусских, 51 русская и 31 еврейская) и 15 профессиональных учебных заведений (3 польских и 12 русских) [15, с. 126–127].

В своих исследованиях А.Г. Трубчик раскрыла роль в развитии национального образования на Беларуси белорусских национально-демократических организаций, которые еще в период немецкой оккупации обеспечили успешное развитие белорусских школ на территориях Минской, Виленской и Гродненской губерний. Они рассматривали укрепление позиций белорусских школ как государственно-созидательный фактор, важный для консолидации белорусской нации и расширения национального самосознания среди местного населения. Поэтому в период польской оккупации стремились использовать в этих целях любые уступки оккупационных властей в вопросах развития национального образования [21, с. 48–49]. В развитие белорусского образования внесла знаковый вклад Белорусская школьная рада образования Виленщины и Гродненщины [далее – ЦБШРВиГ]. Она организовала сеть белорусских школ, разрабатывала для них учебные программы, готовила учителей, контролировала организацию учебно-воспитательного процесса. Так, летом 1919 г. ЦБШРВиГ организовала Первые белорусские учительские курсы, подготовившие 95 учителей для белорусских школ. Однако большую часть из них не допустили к работе

местные власти. В конце октября 1919 г. на II Белорусских учительских курсах было подготовлено еще 233 учителя [21, с. 49–50]. После оккупации польскими войсками летом 1919 г. Минской губернии центр белорусского национального движения переместился в Минск, где действовали ВБНК и БШР Минского округа. Под непосредственным руководством БШР в декабре 1919 г. в Минске работало 15 белорусских начальных школ и 3 высшие начальные школы. В октябре-ноябре 1919 г. прошли Минские белорусские учительские курсы. После объединения в декабре 1919 г. региональных БШР и создания ЦБШР работа по развитию белорусских школ активизировалась. В июле 1920 г. на территории ГУВЗ действовало 300 белорусских школ, три белорусских гимназии (в городах Минске, Вильно и Слуцке) [21, с. 51].

На основе анализа документов А.Г. Трубчик показала различия в материальном положении школ на оккупированной территории Беларуси. Польские школы получали средства из государственного фонда или находились на частном содержании, им оказывали денежную и продовольственную помощь польские общественные организации. О еврейских школах заботилась еврейская община. Русские школы оставались без опеки. Белорусские школы оказались в полной финансовой зависимости от польского правительства. В октябре 1919 – марте 1920 гг. на нужды белорусского образования в пределах Минского округа средства выделялись из фонда ГУВЗ, но они поступали крайне нерегулярно и в недостаточном количестве [19, с. 297]. В результате не хватало учебников и письменных принадлежностей, топлива и освещения, зарплата учителей была низкой и выплачивалась нерегулярно [22, с. 70].

А.Г. Трубчик делает вывод о том, что пропольская направленность в образовательной политике оккупационных властей стала доминировать на завершающем этапе польско-советской войны (июль 1920 г. – март 1921 г.). Руководство отдела просвещения Минского магистрата запретило частным лицам и организациям обращаться в магистрат не на польском языке, начало проводить родительские собрания в белорусских школах с целью их реорганизации в польские. Было созвано собрание учителей минских школ по проблеме введения в белорусских школах польского языка [22, с. 71]. 12 октября 1920 г. на западнобелорусских землях в составе Польши были созданы Полесское и Новогрудское воеводства, сфера образования в которых перешла Министерству вероисповеданий и гражданского просвещения Польши. После этого польское руководство открыто приступило к ликвидации белорусских школ [19, с. 298].

Таким образом, анализ работ современных белорусских исследователей показывает, что в условиях польско-советской войны 1919–1921 гг., когда контроль над белорусской территорией переходил от одного государства к другому, деятельность польских оккупационных властей в сфере школьного образования изменялась, так как им приходилось вести идеологическую борьбу за авторитет, лояльность и поддержку со стороны местного населения. Уступками в сфере образования польские власти стремились перетянуть на свою сторону и поставить под контроль лидеров белорусского национального движения. Не имея возможности пойти на закрытие существовавших белорусских школ на всей оккупированной территории, так как это содействовало бы росту авторитета советской образовательной политики, они сочетали методы уступок и создания препятствий для белорусских школ, приоритетно финансируя польские школы. Отдельные уступки (согласие на создание белорусских школ, белорусских школьных рад, белорусских учительских курсов и др.) делались польской властью, чтобы отвлечь внимание белорусского национального движения от вопросов национального государственного строительства. Так как конечная цель образовательной политики польской власти на оккупированной территории Беларуси в 1919–1921 гг. состояла в создании унифицированной системы образования, которая воспитывала бы у населения польское национальное сознание, приоритетными стали полонизаторские тенденции. Как результат, русские, белорусские и еврейские школы постепенно реорганизовывались в польские. Развитие белорусских школ зависело, в первую очередь, от деятельности белорусских национально-демократических организаций. Усилия последних ослаблялись отсутствием государственно-правовой базы белорусского образования, административно-финансовой зависимостью от местной польской администрации.

В целом исследования проблем развития школьного образования на оккупированной территории Беларуси в 1919–1921 гг., проведенные в конце XX – начале XXI в., обогащают наши представления о процессах в образовательной сфере Беларуси в период революционных и военных катаклизмов. Главными достижениями белорусских исследователей можно считать введение в оборот новых источников, а также свободную интерпретацию результатов, ранее невозможную по идеологическим причинам. Всестороннее изучение процессов в сфере образования в период польской оккупации в 1919–1921 гг. дает возможность более глубокого понимания становления и развития системы образования в Беларуси в 1919–1939 гг.

Літаратура

1. Вабішчэвіч А.М. Асвета ў Заходняй Беларусі (1921–1939 гг.). Брэст: БрДУ, 2004. 115 с.
2. Гак Л. 13 год вызвалення Беларусі ад белапалякаў. Мінск: Парт. выд-ва, 1933. 79 с.
3. Ильюшин И., Умрейко С. Народное образование в Белорусской ССР. Мн.: Минпрос БССР, 1961. 438 с.
4. Ігнатоўскі В.М. Гісторыя Беларусі ў XIX ст. і ў пачатку XX стагоддзя. Мінск: Беларус. дзярж. выд-ва, 1928. 251 с.
5. Иностранная военная интервенция в Белоруссии, 1917–1920. Мінск: Навука і тэхніка, 1990. 342 с.
6. Каменская Н.В. Становление народного образования в Белоруссии. 1917–1920 гг. Мн.: Наука и техника, 1980. 263 с.
7. Лочмель І.Ф. Вызваленне Беларусі ад белапольскіх акупантов. Мінск: Дзяржвыд. Беларусі. Аддз. паліт. літ., 1939. 50 с.
8. Луцкевіч А.І. Польская акупацыя ў Беларусі. Мн.: Адраджэнне, 1992. 19 с.
9. Ляхоўскі У. Беларуская справа падчас польскай акупацыі (1919–1920 гг.) // Спадчына. 1994. № 6. С. 50–61.
10. Ляхоўскі У. Школьная адукацыя ў Беларусі падчас нямецкай акупацыі (1915–1918 г.). Вільнюс: Інстытут беларусістыкі; Беласток: Беларускае гістарычнае таварыства, 2010. 340 с.
11. Мезга Н.Н. Между наукой и политикой: советско-польские отношения в историографии России и Польши 1918–1941 годов. Гомель: ГГУ, 2014. 235 с.
12. Нарысы гісторыі народнай асветы і педагагічнай думкі ў Беларусі. Мінск: Народная асвета, 1968. 621 с.
13. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 4п. Оп. 1. Д. 13277.
14. Проблемы методологии исследований истории Беларуси / редкол.: А.А. Коваленя (отв. ред.) и др. Мінск: Беларуская навука, 2008. 318 с.
15. Трубчык А.Г. Адукацыйная палітыка польскіх улад на беларускай тэрыторыі грамадзянскага ўпраўлення усходніх зямель (люты 1919 – верасень 1920 г.) // Вестник Полоцкого государственного университета. 2016. № 1. С. 123–128.
16. Трубчык А. Ажыццяўленне палітыкі польскіх улад у галіне школьнай адукацыі на занятай тэрыторыі Беларусі ў 1919–1920 гг.: (па матэрыялах Занальнага архіва ў г. Маладзечна) // Гісторыя: праблемы выкладання. 2010. № 7. С. 58–61.
17. Трубчык А.Г. Палітыка польскай улады ў сферы школьнай адукацыі на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1919–1921 гг.: аўтарэф. дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск, 2017. 26 с.
18. Трубчык А.Г. Палітыка польскай улады ў сферы школьнай адукацыі на акупаванай тэрыторыі Беларусі ў 1919–1921 гг.: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.02. Мінск, 2017. 179 л.
19. Трубчык А.Г. Праблема станаўлення беларускай дзяржаўнасці ў святле адукацыйнай палітыкі на тэрыторыі Беларусі ў час польска-савецкай вайны (1919–1921 гг.) // Научные труды Республиканского института высшей школы. 2014. Вып. 14, ч. 1. С. 294–300.
20. Трубчык А.Г. Сістэма польскіх органаў кіравання ў галіне народнай асветы на тэрыторыі Беларусі ў 1919–1921 гг.: адміністрацыйна-прававы аспект //

- Научные труды Республиканского института высшей школы. 2011. Вып. 11, ч. 1. С. 264–270.
21. Трубчык А.Г. Уплыў польскай і савецкай адукацыйнай палітыкі на беларускую школьную справу ў 1919–1921 гг. // Ученые записки Витебского ГУ: сборник научных трудов. 2016. Т. 21. С. 47–53.
 22. Трубчык А.Г. Школьная адукацыя ў Мінску ў перыяд польска-савецкай вайны (1919–1920 гг.) // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. 2012. № 3. С. 67–73.
 23. Турук Ф. Белорусское движение. Очерк истории национального и революционного движения белорусов. М.: Типография подотдела инвалидов, 1921. 143 с.
 24. Чернякевич А.И. Политика Польши на оккупированной территории Беларуси в период польско-советской войны (февраль 1918 – март 1921 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07 00 02. Минск, 2001. 20 с.
 25. Шчарбакоў В.К. Кастрычніцкая рэвалюцыя на Беларусі і беларуская акупацыя. Минск: Беларус. дзярж. выд-ва, 1930. 127 с.
 26. Шчарбакоў В.К. Класавая барацьба і гістарычная навука на Беларусі. Минск: Выд-ва Беларус. акад. навук, 1934. 104 с.

O.I. Ershova

Belarusian State University

School education in the occupied territory of Belarus (1919–1921) in the works of Belarusian researchers

Key words: belarusian historiography; educational policy; occupation; school; polonization; belarusian national movement.

The article analyzes the approaches of Belarusian researchers in studying the development of school education in the occupied Polish territory of Belarus in 1919–1921. The differences in the description and interpretation of the processes of school education in the works of the Soviet (1921–1990) and post-Soviet periods are indicated. The study of the occupation policy of Poland was carried out in the from the standpoint of state, national and class interests at that time. There have been no special studies on the problems of school education in the occupied territory. When describing the policy of the Polish occupation authorities, the researchers limited themselves to ideological assessments. The simplified interpretation of the processes in the field of education was determined also by the limited access of researchers to historical sources. At the end of XX – the beginning of the XXI century the modern Belarusian researchers (A. N. Vabishchevich, V. V. Lyakhovsky, A. G. Trubchik, A. N. Charniakevich, etc.), on the basis of archival and published materials, illuminate the processes of schooling in the occupied territory of Belarus. Their work is based on new sources introduced into circulation and interpretation of the results free from ideological clichés. Currently, the Belarusian historical science seeks to form its own view on the development of school education in the occupied territory of Belarus in 1919–1921.

Польско-советская война 1919–1920 годов в современных российских учебниках истории*

Ключевые слова: *польско-советская война; история России; история Беларуси; школьные учебники истории.*

В статье показаны основные подходы к изложению и оценке причин, хода и результатов польско-советской войны 1919–1920 гг. в учебной литературе для 9–11 классов общеобразовательных школ, изданной в 2012–2019 гг. Выбранные для анализа в публикации учебники крупнейших российских издательств используются современной российской школой, значительная часть из них соответствует положениям действующего федерального государственного образовательного стандарта для основной и полной средней школы и историко-культурному стандарту, являющемуся частью Концепции нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. Большинство авторов сходятся в трактовке причин, основных событий, итогов и последствий польско-советской войны 1919–1920 гг.; определён круг персоналий и пространственная локализация. Однако, как и в учебниках, изданных для российской школы в предшествующие десятилетия, авторы обходят вниманием вопрос о судьбе военнопленных и интернированных лиц, судьбе населения оккупированных территорий.

В настоящее время российская школа в очередной раз находится в процессе реформирования системы исторического образования. Актуальной остаётся организация преподавания по ФК ГОС (образовательный стандарт первого поколения), что означает наличие двух центров исторического образования и, соответственно, изучение новейшей отечественной и зарубежной истории в 9-м и 11-м классах. Вместе с тем в «пилотном» режиме идёт становление новой структуры образования, соответствующей ФГОС (образовательный стандарт второго поколения) и скорректированной в соответствии с Концепцией нового учебно-методического комплекса по отечественной истории, включающей историко-культурный стандарт (ИКС). Концепция предполагает возвращение к линейному построению исторических курсов в общеобразовательной школе с выделением повторительно-обобщающего в выпускном, 11-м классе. Изучение новейшей истории в

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках госзадания по теме «Мировая славистика в изучении новой и новейшей истории России и Беларуси: концепты славянского единства и самобытного развития в исторической ретроспективе», проект № 33.1419.2017/ПЧ.

соответствии с новой структурой происходит в 10-м классе (при сохранении конституционной нормы об основном общем – 9-летнем – образовании как общеобязательном уровне).

Поэтому для анализа содержательной части нами были отобраны учебники для 9-го, 10-го и 11-го классов общеобразовательных организаций, в том числе для 10-го и 11-го классов – базового и профильного уровней, изданные за последние 5–7 лет. Большая их часть переработана в соответствии с ИКС, некоторая часть – для организации работы по ФГОС.

ИКС является одним из документов, введших в оборот новое название – «польско-советская война». В перечне обязательных к изучению событий мы находим указания на рассмотрение активных боевых действий в ходе войны в апреле – октябре 1920 г. и на заключение в 1921 г. Рижского мира с Польшей [7, с. 41,42].

В проекте концепции УМК по всеобщей истории события польско-советской войны не конкретизируются среди процессов соответствующего периода и не выделяются в качестве отдельного события в хронологической таблице [10].

В популярном учебнике издательства «Вентана-Граф» по истории России для 9-го класса польско-советская война представлена как одно из основных событий четвертого периода Гражданской войны. Вместе с тем текст содержит краткую внешнеполитическую предысторию происходящего: «В июне 1919 г. во Франции был подписан Версальский мирный договор, подведший черту под Первой мировой войной. Он зафиксировал развал Австро-Венгерской и Турецкой империй. Была создана Лига Наций, просуществовавшая до Второй мировой войны. Одной из сложнейших проблем, возникшей в результате взаимных территориальных претензий, стала проблема определения границ новых государств. Руководство Польши выдвинуло лозунг о возвращении к границам 1772 г.»

Собственно события войны описаны предельно кратко: «Глава государства Юзеф Пилсудский и его сторонники, мечтая о возрождении «великой Польши от моря до моря», начали войну с РСФСР. В мае 1920 г. был занят Киев. В июне началось контрнаступление Красной Армии. У советского руководства появилась надежда «советизировать» Польшу и Германию. Но в августе Красная Армия под Варшавой потерпела поражение и к октябрю отступила до Минска. Было заключено перемирие, а в марте 1921 г. – Рижский мирный договор. Под властью Польши оказались районы Западной Украины и Западной Белоруссии. Граница прошла к западу от линии Минск – Каменец-Подольск» [5, с. 40–41].

Учебник издательства «Просвещение» по всеобщей истории для 9 класса в сюжете о восстановлении независимости Польши обходится вообще без упоминания польско-советской войны и Рижского мира: «Уже в первые дни германской революции 6 ноября 1918 г. в оккупированной германскими войсками Польше было создано Временное польское правительство. Однако это правительство контролировало не всю территорию Польши. В декабре 1918 г. были присоединены западные польские земли, входившие ранее в состав Германии. Другие территории отошли к Польше по Версальскому мирному договору. Поэтому формирование Польши как республики завершилось лишь в марте 1921 г. с принятием конституции. Начальником государства в 1918–1922 гг. был Ю. Пилсудский. Его правлению были свойственны авторитарные черты и национализм» [11, с. 59].

В учебнике издательства «Дрофа» по всеобщей истории для 11 класса, используемом для преподавания как на базовом, так и на углубленном уровнях, приводится более полная информация: «Важным результатом Первой мировой войны стало восстановление в 1918 г. независимости Польши, утраченной в конце XVIII в. Версальский и другие мирные договоры утвердили границы Польши на западе, включив в её состав, кроме бывшего Царства Польского (входившего в Российскую империю), часть территории Германии и Австро-Венгрии. Порт Гданьск на Балтийском море не был возвращён Польше, а стал вольным городом Данциг, отделённым от Германии узкой полоской польской земли – Данцигским коридором. Границы Польского государства на востоке определены не были. Воспользовавшись этим, Польша, во главе которой стоял начальник государства Юзеф Пилсудский, начала захватывать украинские и белорусские земли. После поражения Красной Армии в польско-советской войне (1919 – 1921) к Польше, согласно Рижскому договору 1921 г., отошли обширные территории с непольским населением – Западная Украина и Западная Белоруссия. В 1920 г. поляки захватили у Литвы Вильнюс и Виленский край». Как мы видим, хронологические рамки войны представлены в расширительной трактовке; сама война вписана в контекст идущего в послевоенной Европе национально-государственного строительства со всеми его сложностями: «Отсутствие чётких национальных границ в Европе, постоянное перекраивание государственных границ, часто происходившее в результате войн, приводили к постоянным межнациональным конфликтам и подвергали угрозе стабильность на континенте. Народы, создавшие независимые государства, сами нередко начинали притеснять национальные меньшинства. Так случилось,

например, с украинцами и белорусами в Польше, венграми в Румынии, немцами в Чехословакии» [1, с. 39–40].

Инновационный учебник издательства «Баласс», представляющий образовательную систему «Школа 2100», сводит к минимуму авторский текст, приводя хронологию событий весны – осени 1920 г. Главный конфликт – столкновение «национального (националистического)» с «классовым»:

«Апрель 1920 г.

Советско-польская война (с 25 апреля): захват Пилсудским Белоруссии, наступление на Киев (цель – восстановление границ Речи Посполитой XVIII в.).

Май 1920 г.

Советско-польский фронт: Киев взят польскими войсками. Переход Красной армии трёх советских республик (РСФСР, Белоруссии и Украины) в контрнаступление.

Июнь 1920 г.

Советско-польский фронт: взятие Киева Красной армией.

Июль 1920 г.

Советско-польский фронт: войска Красной армии (М.Н. Тухачевский) взяли Минск, план наступления – на Варшаву и Берлин – вторжение Красной Армии в Европу для активизации "мировой революции" и замены "буржуазных демократий" советской властью.

Август 1920 г.

Советско-польский фронт: поражение Красной армии под Варшавой.

<...>

Октябрь 1920 г.

Советско-польский фронт: перемирие с Польшей» [3, с. 257].

В предложенном обобщении идеологическая «классовая» трактовка событий ставится авторами на первое место: «В 1920–1921 гг. российские коммунисты ещё надеялись на "мировую революцию", считая, что их примеру последуют левые социалисты по всей Европе: поднимут восстания, уничтожат "буржуазные демократии", призовут Красную армию, с помощью которой установят у себя советские республики – в Польше, Германии, Венгрии, Австрии, Франции, Италии и т.д. Согласно марксизму в ленинской трактовке, только в условиях "мировой коммуни" можно построить социализм. Однако к 1922 г. стало ясно, что мировая революция "задерживается"» [3, с. 269].

Учебник издательства «Просвещение», предназначенный для углубленного изучения истории в 11 классе, представляет объёмную и взвешенную версию событий польско-советской войны: «25 апреля 1920 г. польский лидер Ю. Пилсудский, вынашивавший планы создания

"Великой Польши от моря до моря", начал свой "поход на Советы". Польская армия к весне 1920 г. имела численность свыше 700 тыс. человек. Кроме того, в соответствии с военным договором Пилсудский мог рассчитывать на поддержку С. Петлюры, который пытался захватить власть на Украине. Польша признала Петлюру главой независимой Украины и обещала ему освободить Киев от большевиков. На первом этапе войны три польские армии при поддержке двух украинских дивизий разбили и отгеснили части Красной армии. Был захвачен Житомир, Коростень. 7 мая поляки практически без сопротивления захватили Киев. За три года это была 15-я смена власти на Украине. Для Советской России война с Польшей стала прежде всего войной против внешней агрессии. Не случайно вторжение поляков вызвало в стране патриотический подъём. Генерал А.А. Брусилов призвал всех бывших офицеров записаться в Красную Армию.

5 июня Первая конная армия С.М. Будённого прорвала польский фронт и перешла в наступление. 12 июня поляки оставили Киев и начали отступать. Войска Западного фронта Красной армии под командованием М.Н. Тухачевского 13 августа оказались в предместье Варшавы. На волне эйфории, связанной с быстрым наступлением, советское руководство пыталось превратить войну оборонительную в войну революционную. Вместе с лозунгом революции в Польше на повестку дня был поставлен вопрос о победе революции в Германии, а потом и во всей Европе.

Однако этот утопический сценарий не был осуществлен. 12 июля 1920 г. министр иностранных дел Великобритании лорд Д. Керзон отправил советскому правительству ноту с требованием приостановить наступление Красной армии против Польши. Временная разделительная полоса должна была пройти по Бугу, в основном по границе этнической Польши. Но командование Западного фронта приняло решение о штурме Варшавы. Неожиданно польская армия под командованием генерала В. Сикорского нанесла контрудар, и поляки перешли в наступление. По некоторым оценкам, до 2/3 советских войск было уничтожено. Главная причина столь трагического исхода польской кампании – серьёзные политические и военные просчёты вождей большевиков. Лозунг Польской Республики Советов не нашёл поддержки у большинства поляков.

18 октября 1920 г. война с Польшей была прекращена, армии противников – истощены. В соответствии с условиями мирного договора, подписанного в Риге в марте 1921 года между Польшей и Советским государством, государственная граница прошла восточнее линии Керзона, при этом значительная часть Украины и Белоруссии оказалась под властью Польши» [12, с. 123–124].

В новом учебнике издательства «Русское слово» для изучения новейшей истории в 11 классе на базовом уровне мы также находим достаточно информации: появляется упоминание о помощи польской стороне со стороны Франции, упоминается контрибуция, наложенная на Советскую Россию по условиям Рижского мира: «Столкновения между польскими и советскими войсками начались с ноября 1918 г., после эвакуации германской армии из Белоруссии. В 1919 г. польские войска заняли приграничные районы Украины и Белоруссии, захватили Минск. Попытки прийти к мирному соглашению оказались безрезультатными. Советское правительство не приняло требований националистического польского руководства признать границы Польши 1772 г. Это предполагало включение в её состав Правобережной Украины, Белоруссии и Литвы.

В апреле 1920 г. польские войска перешли в наступление и в мае захватили Киев. На Польский фронт были направлены крупные силы Красной армии. В июне 1920 г. Первая конная армия С.М. Будённого прорвала оборону поляков. Войска Юго-Западного фронта под командованием А.И. Егорова нанесли у Киева поражение противнику, подошли к Карпатам, но были остановлены у Львова. В июле 1920 г. силы Западного фронта под командованием М.Н. Тухачевского заняли Минск, Вильно и устремились к Варшаве.

Варшавская операция началась успешно. Однако, опираясь на помощь оружием и боеприпасами со стороны Франции, поляки остановили советскую ударную группировку и прорвались в тыл войск Западного фронта Тухачевского. Юго-Западный фронт не смог обеспечить прикрытие его фланга. Истощённые советские армии отступили на восток, и в октябре 1920 г. боевые действия на Польском фронте прекратились.

Поражение Красной армии под Варшавой ознаменовало крушение надежд на скорую победу революции в Европе. Советское руководство переоценило возможности Красной армии, не учло силы патриотических настроений, охвативших поляков. Польские рабочие и крестьяне увидели в продвижении советских войск к столице их страны угрозу её независимости.

18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор с Польшей. Он носил компромиссный характер. Польша отказывалась от намерений восстановить границы Речи Посполитой 1772 г. Российская сторона соглашалась на выплату Польше значительной денежной компенсации и признавала присоединение к ней Западной Украины и Западной Белоруссии» [4, с. 109–110].

Популярный учебник издательства «Просвещение» по истории России для 10 класса добавляет в сложившуюся «традицию» несколько новых черт, в частности, приводит ряд персонифицированных высказываний участников событий (Брусилов, Тухачевский), кратко характеризует их роль в происходящем: «В апреле 1920 г. "начальник Польского государства" Ю. Пилсудский отдал приказ о наступлении на Киев. Было объявлено, что речь идёт об оказании помощи украинскому народу в ликвидации незаконной советской власти и восстановлении независимости Украины. В ночь на 7 мая Киев был взят. Однако вмешательство поляков население Украины восприняло как оккупацию. Большевики перед лицом внешней опасности сумели сплотить различные слои общества.

Из воззвания «Ко всем бывшим офицерам» генерала А.А. Брусилова (опубликовано в газете «Правда»)

Обращаюсь... с настоятельной просьбой забыть все обиды ... и добровольно идти... в Красную Армию... и служить там не за страх, а за совесть, дабы своей честной службой, не жалея жизни, отстоять во что бы то ни стало дорогую нам Россию.

Против Польши были брошены практически все силы Красной Армии, объединившиеся в составе Западного и Юго-Западного фронтов. Ими командовали бывшие офицеры царской армии М.Н. Тухачевский и А.И. Егоров. 12 июня был освобождён Киев. Вскоре Красная Армия вышла на границу с Польшей. Лидеры РКП(б) полагали, что наступление Красной Армии вызовет восстание польского рабочего класса и революцию в Германии. В приказе по Западному фронту Тухачевский писал: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем мир трудящемуся человечеству. Вперед на Запад!»

Однако Пилсудский сумел, опираясь на помощь западных держав, наголову разгромить войска Тухачевского. Успеху поляков способствовали трения между Тухачевским и Егоровым. 18 марта 1921 г. в Риге был подписан мирный договор с Польшей, по которому к ней переходили территории Западной Украины и Западной Белоруссии» [2, с. 65–66].

Электронная хрестоматия к данному учебнику предлагает познакомиться с интересным документом – выдержкой из политического отчёта ЦК РКП(б) на IX конференции РКП(б), проходившей в сентябре 1920 г. Объём и содержание представленного источника таковы, что он может стать основой для изучения событий польско-советской войны, заменив собой авторский текст учебника, или использоваться для организации проектно-исследовательской деятельности учащихся [6, с. 442–447].

Вышедший в 2019 году в издательстве «Русское слово» учебник истории России для 10 класса в изложении темы примечателен сразу по нескольким позициям: польско-советская война ещё более плотно вписана в контекст Гражданской (упоминается ожидание польской стороной решения судьбы генерала Деникина), вновь вводится в оборот информация о пленных красноармейцах и их судьбе, впервые за долгое время на страницах школьного учебника появляется термин «белополяки».

«В ходе Первой мировой войны польские земли, входившие в состав Российской империи, были оккупированы немецкими войсками. В ноябре 1918 г. после революции в Германии последовало восстановление независимого Польского государства.

Из-за неурегулированности вопроса о российско-польской границе (он был обойдён на мирной конференции в Версале) между советскими и польскими войсками на протяжении всего 1919 г. вспыхивали военные стычки. Польша получила большую помощь с Запада оружием.

Варшава не давала приказа о полномасштабном наступлении, поскольку оно могло оказаться на руку генералу А.И. Деникину, который был сторонником восстановления единой и неделимой России в дореволюционных границах, включая и часть польских территорий. После его поражения, подписав секретный протокол с лидером украинских националистов Симоном Петлюрой о разделе Украины, Ю. Пилсудский лично возглавил войско в наступлении на восток. Вскоре польские войска прошли парадом по киевскому Крещатику.

Захват Киева вызвал в России невиданный с 1914 г. патриотический подъём, сплотивший социалистов, либералов и монархистов в поддержку советского правительства. Бывший царский генерал А.А. Брусилов выступил с обращением ко всем офицерам царской армии срочно записываться в Красную Армию.

В начале июня 1920 г. кавалерия С.М. Буденного прорвала линию вражеской обороны, 12 июня был освобождён Киев. Красная армия взяла Минск, Вильно, Брест-Литовск. Командующий Западным фронтом М.Н. Тухачевский объявил приказ: «Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару. На штыках понесем мир трудящемуся человечеству. Вперед на Запад!» Войска пошли на Варшаву в надежде на революционный подъём польских трудящихся масс.

Когда оторвавшиеся от тылов части М.Н. Тухачевского и С.М. Будённого подошли к Варшаве, обнаружился главный стратегический просчёт большевистского руководства. Польские трудящиеся поднялись не на революционную борьбу с правительством Ю. Пилсудского, а против «русских захватчиков». Красная армия откатывалась назад в том

же темпе, что и шла вперед, пока не остановилась восточнее линии, носившей имя британского министра иностранных дел Дж. Керзона (эту линию и западные страны, и советское правительство готовы были признать восточной границей Польши). От 110 до 160 тыс. красноармейцев – по разным оценкам – оказались в плену, около 30 тыс. из них погибли. Теперь уже В.И. Ленин запросил перемирия. Согласно Рижскому миру, заключенному в марте 1921 г., Западная Украина и Западная Белоруссия становились частью Польши.

В польском плену

Участь 165 тыс. красноармейцев, попавших в польский плен за годы этой войны, оказалась трагической. Каждый третий не вернулся домой, погибнув от бесчеловечного обращения в польских концлагерях для военнопленных. Те же, кто вернулся, принесли с собой рассказы о зверствах белополяков, надолго оставшиеся в народной памяти» [8, с. 86–87].

Как мы видим, большинство авторов сходятся в трактовке причин, основных событий, итогов и последствий польско-советской войны 1919–1920 гг.; определён и в сравнении с более ранними учебниками расширен круг изучаемых персоналий – это не только политические лидеры воюющих сторон и европейских держав, но военачальники, общественные деятели; очерчена пространственная локализация и хронологические рамки. Однако, как и в учебниках, изданных для российской школы в предшествующие десятилетия [9], подавляющее большинство авторских коллективов обходят вниманием вопрос о судьбе военнопленных и интернированных лиц. Не уделено внимание и судьбе населения, оказавшегося в зоне военных действий, а позднее – на оккупированных территориях Западной Белоруссии и Западной Украины, хотя действующий историко-культурный стандарт содержит установку на то, что «российская история – это история всех территорий, стран и народов, которые входили в состав нашего государства в соответствующие эпохи» [7, с. 4].

Интересным опытом в изучении темы может стать организация учебной работы с историческим источником; такую возможность уже даёт электронная хрестоматия к учебно-методическому комплексу по истории России издательства «Просвещение». Возможно, это станет первым шагом к созданию серии современных пособий для изучения ключевых и многогранных событий нашей истории.

Литература

1. Волобуев О.В., Пономарев М.В., Рогожкин В.А. История: Всеобщая история. Базовый и углубленный уровни. 11 кл.: учебник. М.: Дрофа, 2014. 233 с.
2. Горинов М.М., Данилов А.А., Моруков М.Ю., Семененко И.С., Токарев А.Я., Хаустов В.Н., Хлевнюк О.В., Шестаков В.А. История России. 10 класс: учебник для общеобраз. организаций. В 3 частях. Часть 1 / под ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 175 с.
3. Загладин Н.В., Петров Ю.А. История. Конец XIX – начало XXI века: учебник для 11 класса общеобразовательных организаций. Базовый уровень / Н.В. Загладин, Ю.А. Петров. 5-е изд. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2018. 448 с.
4. Измозик В.С., Журавлева О.Н., Рудник С.Н. История России: 9 класс: учебник для учащихся общеобразовательных учреждений / В.С. Измозик, О.Н. Журавлева, С.Н. Рудник: под общ. ред. чл.-корр. РАН Р.Ш. Ганелина. М.: Вентана-Граф, 2012. 352 с.
5. История России. Хрестоматия. 6–10 классы. Часть 2. Электронная форма. М.: Просвещение, 2015. 701 с. URL: <https://www.prosv.ru/assistance/download/238.html>.
6. История. Середина XIX – начало XXI века» для 11 класса (Ч. 1: От веры в прогресс до мировых войн. 1850–1939 гг.). Д.Д. Данилов [и др.]. М.: Баласс, 2016. 400 с.
7. Концепция нового учебно-методического комплекса по отечественной истории. URL: https://mosmetod.ru/files/metod/srednyaya_starshaya/istor/Koncepcia_final.pdf.
8. Никонов В.А., Девятов С.В. История. История России. 1914 – начало XXI в.: учебник для 10 класса общеобразовательных организаций. Базовый и углубленный уровни: в 2 ч. Ч. 1. 1914–1945 / В.А. Никонов, С.В. Девятов; под науч. ред. С.П. Карпова. М.: ООО «Русское слово – учебник», 2019. 312 с.
9. Петухова О.А. Советско-польская война и Рижский мир на страницах школьных учебников России и Беларуси // Россия и Беларусь: История и культура в прошлом и настоящем: сб. науч. работ. Выпуск второй. Смоленск, 2017. С. 345–351.
10. Проект Концепции нового учебно-методического комплекса по Всеобщей истории. URL: <https://docplayer.ru/25918873-Proekt-koncepcii-novogo-uchebno-metodicheskogo-kompleksa-po-vseobshchey-istorii-oglavlenie.html>.
11. Сороко-Цюпа О.С., Сороко-Цюпа А.О. Всеобщая история. Новейшая история. 9 класс: учебник для общеобразовательных организаций / под ред. А.А. Искендерова. М., Просвещение, 2018. 304 с.
12. Шестаков В.А. История России. XX – начало XXI века. 11 класс: учебник для общеобразовательных организаций: углублённый уровень / под ред. А.Н. Сахарова. М.: Просвещение, 2014. 399 с.

O.A. Petukhova

Smolensk State University

The Polish-Soviet war of 1919–1920 in modern Russian history textbooks

Key words: *Polish-Soviet war; history of Russia; history of Belarus; school history textbooks.*

The article shows the main approaches to the presentation and evaluation of the causes, progress and results of the Polish-Soviet war of 1919–1920 in the educational literature for 9–11 grades of secondary schools, published in 2012–2019. The textbooks of the largest Russian publishers selected for analysis in the publication are used by the modern Russian school, a significant part of them corresponds to the provisions of the current Federal state educational standard for primary and secondary schools and the historical and cultural standard, which is part of the Concept of a new educational and methodical complex on national history. Most of the authors agree in the interpretation of the causes, main events, outcomes and consequences of the Polish-Soviet war of 1919–1920; the circle of personalities and spatial localization is defined. However, as in the textbooks published for the Russian school in the previous decades, the authors avoid the question of the fate of prisoners of war and internees, the fate of the population of the occupied territories.

А.В. Шарков

Белорусский культурный центр духовного Возрождения

Е.А. Шаркова

Военная Академия Республики Беларусь

УДК 93/94

Мемориализация памяти польско-советской войны в Беларуси и Польше

Ключевые слова: *воинские кладбища; захоронения; мемориалы; братские и индивидуальные могилы; их сохранение, память.*

В данной статье, явившейся результатом научных экспедиций авторов по местам боев польско-советской войны 1919–1920 гг., описываются места воинских захоронений и мемориалов погибших воинов Красной армии и Войска Польского на территории Беларуси и Польши, освещается их современное состояние.

В результате прошедших боевых действий польско-советской войны, длившейся в общей сложности двадцать месяцев, поля былых сражений покрылись немалым количеством братских и индивидуальных могил воинов противоборствующих армий, погибших в жестоких схватках на поле боя и сгинувших в лагерных застенках плена.

В течение всего послевоенного периода они находились под опекой военных или гражданских властей. В ряде мест воинские захоронения были приведены в порядок: где-то огорожены, на них установлены скромные памятники и кресты. На могилах погибших красноармейцев, как правило, устанавливались деревянные конусообразные столбики, увенчанные пятиконечной звездой, иногда небольшие памятники.

В период с 1920-х гг. до 1939 г. международным сообществом в рамках крупной кампании по благоустройству кладбищ и могил Первой мировой войны был осуществлен ряд мероприятий по обустройству и обновлению захоронений Польско-советской войны.

На кладбищах жолнеров Войска Польского, в каких бы государствах они ни находились, в массовом порядке индивидуальные кресты были заменены типовыми надгробиями двух видов: плоскими горизонтальными плитами в форме стилизованного креста, либо вертикальными бетонными крестами.

Мероприятия по обустройству мест захоронений, осуществлявшихся в основном на территории Польши, в западных

регионах Беларуси, входивших до 1939 г. в её состав, и на территории БССР, коснулись преимущественно польских захоронений. На захоронениях же погибших воинов Красной армии и умерших военнопленных устанавливались скромные памятники.

Однако следует отметить, что как со стороны Польши, так и со стороны Советского государства должного внимания обустройству и сохранению захоронений погибших воинов армии противника не уделялось. В связи с этим ряд захоронений был предан забвению и утрачен.

В настоящее время на территории Беларуси установлено 93 воинских захоронения с общим количеством захороненных свыше 3613 человек. В Брестской области находится 14 захоронений, в Витебской – 22, в Гомельской – 5, Гродненской – 24, Минской – 25 и в Могилевской – 3. Из них 69 являются польскими захоронениями, 18 – советскими, а 6 – смешанными (практика захоронений того времени имела свои особенности и выражалась в том, что военнослужащих противоборствующих сторон после боя часто хоронили вместе). Конечно, это не окончательные цифры и дальнейшие поиски дадут новые результаты.

Следует отметить, что почти все места захоронений, на территории Беларуси находятся в хорошем состоянии, из них требуют дополнительного обустройства и ремонта лишь некоторые.

Согласно верификации, проведенной Советом охраны памяти борьбы и мученичества в 2013–2014 гг., 17 захоронений воинов Красной армии, погибших в боях и умерших в плену, с общей численностью захороненных свыше 11 018 человек находятся на территории восьми воеводств Польши: в Великопольском – 2 захоронения, в Куявско-Поморском – 1, Лодзинском – 1, Люблинском – 4, Мазовецком – 3, Малопольском – 3, Подляском – 2, Поморском – 1 [1, с. 9, 13–14].

На территории Великопольского воеводства в д. Стшалково на рубеже 1914–1915 гг. на границе между Германией и Российской империей был основан немецкий лагерь для военнопленных разных национальностей с фронтов Первой мировой войны, в котором содержались 25 000 русских военнопленных и более 6 000 английских и французских. В годы же польско-советской войны этот немецкий лагерь для военнопленных Первой мировой войны перешёл к полякам и стал использоваться как лагерь для военнопленных красноармейцев (1919–1921). В 1920 г. в нем было зарегистрировано 37 000 пленных, из них 17 000 находились непосредственно в лагере, около 5 000 – на сельскохозяйственных работах, в рабочих отделениях – 15 000. На

лагерном кладбище нашли упокоение свыше 8 000 военнопленных красноармейцев разных национальностей.

Сегодня захоронения и отдельные могилы на кладбище в д. Стшалково сложно распознать. На входных железных воротах имеется надпись на польском языке (в переводе на русский – «Кладбище военнопленных»). Территория кладбища, обнесённая фигурной бетонной оградой, заросла травой, кустарниками и деревьями. Хорошо сохранился только мемориальный памятник на постаменте. Рядом с ним размещены три надгробные плиты с индивидуальных могил. На лицевой стороне памятника надпись на немецком языке, что в переводе на русский звучит так: «Кладбище военнопленных 1914–191_ (конечная дата не проставлена). Вам, умершим за ваше Отечество. Комендант лагеря Стшалково». На обратной стороне памятника надпись на русском языке: «Мир праху вашему. Место вечного упокоения русских воинов и их союзников, умерших на чужбине в 1914–191_ (конечная дата не проставлена). Военнопленные товарищи лаг. Стшалково».

Ещё один лагерь военнопленных (№ 5) на территории Великопольского воеводства располагался в д. Щипёрно. Ныне эта деревня входит в состав г. Калиш. Лагерное кладбище в д. Щипёрно возникло в 1914 г. для захоронения умерших военнопленных Русской императорской армии, военнопленных из Англии и Франции. С 1915 по 1918 гг. лагерь использовался властями Германской империи для содержания польских легионеров и русских военнопленных. С 1919 г. с началом польско-советской войны в нем содержались военнопленные красноармейцы. По сведениям сотрудника французской военной миссии в Польше господина Муррюо, письмо которого цитируется в сборнике «Красноармейцы в польском плену 1919–1922 гг.», в лагере № 5 в д. Щипёрно (под Калишем) по состоянию на декабрь 1920 г. насчитывалось 300 пленных большевиков.

К 23 февраля 1921 г. (согласно сводке Министерства военных дел Польши) лагерь № 5 в д. Щипёрно был практически заполнен: всего насчитывалось 5900 человек, из которых 1114 «большевицких пленных», 4776 интернированных армии Булак-Балаховича, 20 гражданских. В сводке Министерства военных дел Польши № 40 от 6 марта 1921 г. имеются такие сведения: в лагере № 5 содержится 1092 «большевицких пленных» (58 офицеров и 1034 рядовых).

В 1920–1921 гг. в д. Щипёрно находились также интернированные военнослужащие армии Украинской Народной Республики. До 1924 гг. здесь хоронили умерших бойцов антибольшевицких украинских и белогвардейских формирований, которых польские власти интернировали в этот же лагерь.

В 1945 г. кладбище было разрушено, а восстановлено только в 1999 г. С этого времени оно называется украинским.

В г. Тухоли Куявско-Поморского воеводства во время Первой мировой войны прусские власти организовали очередной лагерь для военнопленных, где содержались русские, румынские, французские и итальянские военнопленные. В годы польско-советской войны польские власти использовали его для содержания военнопленных красноармейцев, украинских военнопленных и интернированных русских.

Пленные называли этот лагерь «лагерем смерти». По некоторым данным, в нём погибло почти 22 000 военнопленных. Согласно сводке командования лагеря для военнопленных № 7 в г. Тухоли с 15 августа по 1 октября 1920 г. в лагерь поступил 7981 пленный красноармеец. Министерство военных дел Польши указывает в справке для Верховного командования Войска Польского от 10 ноября 1920 г., что общая численность пленных в лагере г. Тухоля составляет 4729 человек, имеется также 8000 «свободных мест».

В декабре 1920 г. представитель Польского общества Красного Креста Наталья Крейц-Вележиньска писала: «Лагерь в г. Тухоле – это так называемые землянки, в которые входят по ступенькам вниз. По обе стороны расположены нары, на которых пленные спят. Отсутствуют сенники, солома, одеяла, нет тепла из-за нерегулярной поставки топлива, нехватка белья, одежды во всех отделениях. Трагичнее всего условия для вновь прибывших, которых перевозят в неотопливаемых вагонах, без соответствующей одежды, холодных, голодных и уставших... После такого путешествия многих из них отправляют в госпиталь, а более слабые умирают».

Вместе с тем согласно сводке № 40 Министерства военных дел Польши от 6 марта 1921 г. перед самым концом войны в лагере пленных № 7 в г. Тухоли насчитывалось 10 934 пленных красноармейца, из них 836 офицеров и 10 098 рядовых. Лагерь был закрыт в 1923 г., ныне на его месте располагается цементный завод, построенный в 1970 г.

На этом кладбище остались огромные продолговатые насыпи, уходящие в глубь леса. Братские могилы заросли травой, сохранились лишь каменные надгробия с номером могилы, датой смерти и надписью на польском языке. Надписи переводятся как «русский», а на некоторых надгробиях – «русский большевик».

В 1990 г. польские власти увековечили это место стендом с информацией о погребённых пленных Первой мировой войны. Позже здесь был установлен новый стенд с информацией о том, что это кладбище военнопленных и интернированных в 1921–1922 гг., имеется

50 братских могил, где похоронены около 650 военнопленных Красной армии.

На территории Лодзинского воеводства в г. Скерневице на ул. Стробовской в лесу «Стшелба» находится братская могила с неизвестным количеством захороненных в ней военнопленных красноармейцев. Могила была реставрирована в 2003–2004 гг. при участии Совета охраны памяти борьбы и мученичества.

Военное кладбище в г. Демблин Люблинского воеводства находится на территории форта Балонна. Оно было основано Австро-венгерской армией в годы Первой мировой войны. Первоначально на нём погребали воинов разных национальностей, служивших в Австро-венгерской и Германской армиях. Во время польско-советской войны на этом кладбище хоронили погибших воинов Войска Польского и военнопленных красноармейцев. На информационном щите при входе на кладбище написано, что тут захоронены 219 красноармейцев – военнопленных с польско-большевистской войны 1920 г.

В глубине кладбища установлены индивидуальные польские кресты. Среди них – отдельное большое захоронение красноармейцев, в центре этой братской могилы – деревянный православный крест. Справа от православного креста находится мемориальная плита на могиле красноармейцев с надписью на польском языке. В переводе на русский звучит так: «Солдаты-большевики, умершие в 1919-1921 гг.».

В 1995 г. в г. Пулавы на ул. Будовляных были обнаружены человеческие останки. Проведённые специалистами исследования показали, что они принадлежат погибшим военнопленным Первой мировой и польско-советской войн. Останки были перезахоронены в братской могиле на коммунальном кладбище.

В д. Турке Дорогуцкой коммуны находится военное кладбище времён Первой мировой и польско-советской войн. Это место в народе называют Moskale. На кладбище, расположенном рядом с ул. Слободской, 11 братских могил и 4 отдельных захоронения. Всего здесь похоронен 131 воин: среди них – 26 воинов Русской императорской армии, 33 – Германской, 7 – Австро-венгерской времён Первой мировой войны, а также 33 солдата Польской и 27 воинов Красной Армии времён польско-советской войны.

В ноябре 2001 г. на кладбище в Турке погибшим был установлен памятный знак с мраморной плитой и надписью на польском языке. В переводе на русский: «Памяти солдат, погибших в войнах 1914–1918 гг. и 1920 гг., полякам, австрийцам, немцам, русским, покоящимся на этом кладбище. Сообщество Дорогуцкой комунны. Ноябрь 2001 г.».

На военном кладбище в г. Юзефов у входа имеется информационный стенд с надписью, которая переводится следующим образом: «Здесь покоятся 25 ополченцев Войска Польского из 27-го пехотного полка и 30 солдат Красной армии, погибших в бою в г. Юзефов 15 августа 1920 г.». Также на этом кладбище захоронены останки двух советских лётчиков, сбитых в этой местности в 1943 г.

Памятник и братская могила с останками 22 безымянных красноармейцев, погибших в Варшавской битве 1920 г., находятся на так называемой Польской горке в г. Оссув на территории Мазовецкого воеводства. Могила имеет форму прямоугольника размером 6x12 м, покрытого травой. В центр помещён стилизованный обелиск в форме православного креста, выполненный из нержавеющей стали, высотой 3 м. Установлена гранитная мемориальная доска с надписью на польском и русском языках: «Здесь похоронено 22 солдата 235-го и 236-го стрелковых полков 79-й бригады Красной Армии, которые, маршируя на Варшаву, пали в бою под г. Оссув 14 и 15 августа 1920 г.».

До 2007 г. Польская горка была заброшенным районом. Поиски в этом месте братской могилы начались в апреле 2007 г. в рамках работ по созданию культурного парка «Оссув – ворота Варшавской битвы 1920 г.». Во время археологических раскопок, проведенных на Польской горке 8–12 сентября 2008 г., были обнаружены две братские могилы, в том числе останки 22 солдат, фрагменты английской формы, сапоги, укрепленные берестой, патроны для винтовки Мосина, красная звезда с серпом и молотом внутри и маленький православный крест. Предполагалось, что погибшими были солдаты 235-го и 236-го большевистских полков 79-й стрелковой бригады под командованием Г.Д. Чачаняна, который входил в состав 27-й Омской стрелковой дивизии под командованием Витовта Путны.

Была составлена полная археологическая и антропологическая документация, взяты образцы ДНК. При участии православного священника из Воломинского прихода останки захоронены в могиле на Польской горке. Это место было внесено в реестр военных захоронений и кладбищ, который ведет Мазовецкое воеводство. В 2008 г. подготовили проект строительства памятника. Первоначально планировалось построить его в 2009 г.

13 августа 2010 г. российская программа «Время новостей» сообщила о грядущем открытии памятника как знака примирения польского и русского народов. В передаче говорилось, что в Польше после польско-советской войны в плену находилось около 130 тысяч красноармейцев, половина из которых умерла в лагерях для военнопленных. Церемония открытия памятника и братской могилы

состоялась 2 ноября 2010 г. На торжественном мероприятии присутствовали официальные лица. Могила была освящена православным священником и католическим капелланом.

Ещё одна братская могила погибших красноармейцев на территории Мазовецкого воеводства находится у г. Шидлув в поле близ дороги № 544. На месте захоронения установлен памятник с надписью на польском языке, что переводится как «Здесь покоятся 199 солдат 3-го кавалерийского корпуса Красной армии, расстрелянных 24 августа 1920 г. за преступления на польской территории».

С правой стороны от памятника установлена мемориальная плита с надписью, звучащей на русском так: «Во время польско-большевистской войны 22 августа 1920 г. под Шидлувом 49-й пехотный полк, отступая, пытался остановить 3-й кавалерийский корпус Красной Армии. Большевики после взлома польских позиций взяли в плен 92 солдата и 7 офицеров, которых, разоружив, убили. Войскам 5-й польской армии было приказано преследовать врага и задержать виновных в военных преступлениях. 24 августа 1920 г. на полях под Шидлувом 199 казаков были казнены. Польские солдаты были похоронены на приходском кладбище в Шидлуве».

В г. Вадовицы Малопольского воеводства на военном кладбище по ул. Миколовска, где покоятся останки воинов времён Первой мировой войны, похоронены солдаты Войска Польского польско-советской войны, а также умершие в плену красноармейцы и интернированные. Лагерь для военнопленных Русской императорской армии был создан ещё в 1915 г. австрийскими властями. В 1919–1922 гг. лагерь был использован польскими властями для содержания советских, украинских и литовских военнопленных.

19 августа 1919 г. распоряжением Верховного командования Войска Польского уже существовавший лагерь пленных и интернированных в Вадовицах получил официальное название «Лагерь военнопленных № 2 в Вадовице». На военном кладбище в Вадовицах похоронены 856 пленных красноармейцев.

В г. Кракове на ул. 29 Листапада в братских могилах № 71 и № 72, размещённых на военном участке № 9/1920, похоронены военнопленные красноармейцы из лагеря в Домбе. Он был создан в 1914 г. австрийскими властями для военнопленных Российской и Итальянской армий. С 1918 г. лагерь стали использовать польские власти. Распоряжением верховного командования Войска Польского от 19 августа 1919 г. лагерь получил официальное название «Лагерь интернированных № I в Домбе».

7 ноября 1919 г. представитель Министерства военных дел сообщил на заседании комиссии польского Сейма, что в лагере содержится 1274

«большевицких пленных», 239 украинских пленных и 2288 интернированных. Из отчёта санитарного департамента Министерства военных дел Польши от 3 марта 1920 г. следует, что лагерь пленных в Домбе размещён в казармах Болеслава Храброго (первого короля Польши), состоящих из 35 барачков, частично кирпичных, частично деревянных, позволяющих разместить шесть-семь тысяч пленных.

По состоянию на 23 февраля 1921 г. в лагере содержалось 4058 «большевицких пленных» и 1668 интернированных [2, с. 505, 507].

Из донесения бывшего помощника военного атташе в Польше майора Барабанова о результатах осмотра могил военнопленных красноармейцев в Польше от 20 июня 1937 г. следует: «Кладбище находится в самом городе. Имеются две братские и несколько одиночных красноармейских могил» [2, с. 774].

Сегодня могилы приведены в порядок, обложены дерном, на них посажены цветы и поставлены цементные столбики с надписью: «Павшим солдатам армии СССР. 1919–1920 гг.».

Сегодня уже ничего не напоминает о бывших могилах военнопленных красноармейцев, похороненных в 1919–1920 гг. на Раковицком кладбище в г. Кракове. Согласно паспорту воинского захоронения можно предположить, что могилы красноармейцев расположены вдоль аллеи между захоронениями солдат Войска Польского, погибших в польско-советской войне.

На территории кладбища № 350 времён Первой мировой войны, где покоятся останки Русской императорской, Австро-венгерской, Германской, Итальянской и Сербской армий, а также интернированные и солдаты Войска Польского, похоронены 72 военнопленных красноармейца, погибших в польско-советской войне.

В г. Тарнуве на ул. Хышовской находится кладбище № 200 времён Первой мировой войны, на котором покоятся останки воинов Русской императорской, Австро-венгерской, Германской, Итальянской и Сербской армий. Здесь же захоронены 19 военнопленных красноармейцев, воины Войска Польского и украинские солдаты, погибшие во время польско-советской войны.

В д. Бержники Подляского воеводства на приходском кладбище находится захоронение литовских добровольцев – солдат 5-го пехотного полка, сражавшихся на стороне Красной армии в 1920 г. 22 и 23 сентября 1920 г. под Бержниками и Сейнами прошли ожесточённые сражения, в результате которых погибло много воинов с обеих сторон. Это были самые кровавые польско-литовские бои в истории обеих наций.

На месте захоронения установлен деревянный крест, а также гранитная плита с надписью на польском языке, переводится так:

«Увековечиваем место погребения литовских воинов, которые в 1920 г. ворвались в Польшу вместе с Красной Армией». Недалеко от захоронения литовских солдат, входивших в 1-ю литовско-белорусскую дивизию, в центре приходского кладбища находится мемориальный участок, где увековечена память героев Войска Польского.

Захоронение воинов Войска Польского и Красной армии находится на территории местного приходского кладбища д. Климувки. На месте захоронения установлен памятник с мемориальной надписью, в переводе звучащей так: «Героям, погибшим за отчизну в 1920 г.». Семь гранитных крестов поставлено в память 54 солдат Войска Польского и один крест на месте братской могилы восьми неизвестных красноармейцев, погибших в сентябре 1920 г. во время большого сражения в районе Климувки.

На территории Поморского воеводства в г. Черске находится воинское захоронение пленных красноармейцев. Захоронение расположено на кладбище, где покоятся военнопленные периода Первой мировой войны. Черский лагерь был создан немцами для содержания военнопленных Русской императорской армии, пленённых в значительном количестве в ходе успешного немецкого наступления на восток. В период с 1915 по 1918 гг. в лагере умерло около трех тысяч воинов Русской императорской армии, среди которых сотни поляков и более пяти тысяч румын. Количество похороненных военнопленных красноармейцев неизвестно.

Вот такое тяжелое наследие оставила польско-советская война нашим странам. Воинские кладбища являются безмолвным напоминанием ныне живущим и будущим поколениям о трагичном прошлом. Уход за воинскими могилами, возвращение погибшим их имен и сохранение памяти прошлых лет должны стать не только обязанностью цивилизованного общества, но и личным долгом каждого из нас, как символ осмысления жизни и смерти, преклонения перед жертвами независимо от религии и национальности. Ухоженные воинские захоронения являются зримым свидетельством духовной зрелости общества, поводом для поиска путей к взаимопониманию между некогда противостоящими народами, символом примирения и сохранения мира.

Литература

1. Могилы и кладбища русских и советских солдат с XIX и XX века в Польше / под ред. Адама Сивеца; Центр исследования Восточной Европы Варшавского университета. Варшава, 2016.
2. Красноармейцы в польском плену в 1919–1922 гг.: сборник документов и материалов. М.; СПб. 2004.

A.V. Sharkov

Belarusian Cultural Center of Spiritual Renaissance

E.A. Sharkova

Military Academy of the Republic of Belarus

Memorialization of the memory of the Polish-Soviet war in Belarus and Poland

Key words: *war cemeteries; burial places; memorials; monuments; mass and individual graves; their conservation, memory.*

The article is a result of scientific expeditions held by the authors to the battlefields of the Polish-Soviet War (1919-1920) and tells about the history and modern condition of war graves and monuments to the soldiers of the Red Army and the Polish Army on the territory of Belarus and Poland.

Полоцкий уезд в годы польско-советской войны 1919–1920 годов

Ключевые слова: польско-советская война; Полоцкий уезд; беженцы; позиционная война; продовольственная диктатура; дезертирство.

В статье рассматривается положение Полоцкого уезда в годы польско-советской войны, которое менялось в зависимости от статуса территории (прифронтовая полоса, арена военных действий и позиционной войны, тыл армии). В Полоцк прибывало большое количество беженцев и военнопленных. Боевые действия в годы польско-советской войны, политика продовольственной диктатуры и трудовые повинности в условиях военного положения обострили социально-экономические и политические противоречия в уезде. Показано, насколько сложным было взаимодействие между военными частями и населением уезда. Рассматриваются вопросы, связанные с развитием преступности в Полоцком уезде в период польско-советской войны. В качестве источников выступили документы Зонального государственного архива города Полоцка и воспоминания И.П. Дейниса, которые обладают большими информационными возможностями и репрезентативностью.

В апреле 1919 г. в связи с обострением ситуации Полоцкий уезд был объявлен прифронтовой полосой. Необходимо отметить, что, по данным на январь 1919 г., уезд включал в себя город Полоцк, 2 местечка, 16 волостей, 2 367 селений, с количеством жителей – 101 007 [1, с. 97]. На протяжении лета, по мере приближения фронта, трудоспособное население Полоцка и уезда было задействовано на строительстве оборонительных укреплений, «волчьих ям» [21, с. 83]. В первую очередь для военного строительства привлекались пленные или приговоренные к принудительным работам, также лица, задержанные без документов. 17 июля 1919 г. вышло постановление президиума Полоцкого уездного исполкома о привлечении к окопным работам «зажиточных полубуржуев, всех перекупщиков товаров на базарах, дорогах и окраинах города и всех лиц, явившихся за получением пропусков на проезд по железной дороге, кроме командированных учреждениями» [20, с. 47].

Усиливалась охрана Полоцка. В начале августа сотрудники полоцкой уездной милиции по распоряжению коменданта города должны были с 12 часов дня выставлять патрули на Красном военном мосту и на мосту через Западную Двину, а также осуществлять обход города после часа ночи [8, л. 160]. Передвижение в условиях военного

времени регламентировалась. Например, движение по городу разрешалось до 23 часов, лица, которые прибывали на время в прифронтовую полосу или переезжали с одного места на другое, были обязаны прописаться у местных властей в течение 12 часов по прибытии на новое место.

Во второй половине августа 1919 г. фронт приблизился к Полоцку, что вызвало изменения в системе управления. Часть советских учреждений была эвакуирована на ст. Дретунь, часть распущена [24, с. 255]. Высшими органами власти на местах становились военно-революционные комитеты (военно-революционные комитеты на территории Витебской губернии образованы политотделами 15-й и 16-й армий), в ведение которых передавались все отделы исполкома. В обязанности ревкомов входило, прежде всего, создание «сильного аппарата власти из энергичных и способных работников» преимущественно из центра, которые должны были обеспечить четкое и быстрое исполнение распоряжений «в полосе фронта гражданской войны», безусловную дисциплину и соблюдение полного централизма [12, л. 3]. Предполагалось, что сотрудники ревкомов затем будут перераспределены по властной вертикали уезда. Необходимо отметить, в дальнейшем, особенно на уровне волостей, озвучивалось, что «представители из центра не знакомы с местными условиями» и именно в этом «причина разрухи». Согласно приказу № 1165 по Западному фронту от 16 ноября 1919 г. Полоцкий уезд относился к уездам, непосредственно примыкающим к линии фронта, и должен был во всех отношениях, кроме организационного, подчиняться Реввоенсовету 16-й армии [20, с. 46].

Созданный революционный комитет принял на себя всю полноту власти в уезде. Постановлением ревкома город Полоцк и уезд были переведены на военное положение. Основными задачами было исполнение всего необходимого для воинских частей, распределённых на территории ревкома, и оказание всяческой помощи по требованию командира и комиссара части; а также организация митингов-концертов, чтений, лекций беседы и проведение персональной агитации и пропаганды для привлечения симпатий и оказания поддержки со стороны населения уезда [12, л. 2]. Необходимо отметить, что реализация последнего осложнялась тяжелыми продовольственными реквизициями и поведением некоторых представителей Красной армии в волостях Полоцкого уезда, которые не успели еще восстановиться от предыдущей войны. Например, в докладе заведующего политотделом 16-й армии (июнь 1919 г.) отмечалось, что «в частях 17-й стрелковой дивизии довольствие совершенно не налажено, нет хлеба, мяса, соли, обуви,

обмундирования, на этой почве были случаи самовольных реквизиций и грабежа населения, которое, в общем, относится доброжелательно. Однако случаи эти дурно отзываются на взаимоотношении с населением» [19, л. 40]. Подобная информация встречается и в последующих отчетах и докладных записках.

Например, 25 сентября 1919 г. фиксировалось следующее: «со стороны красноармейцев чинится насилие над мирным населением и без надлежащего разрешения у граждан отнимаются съестные продукты, фураж и остальное из имущества, несмотря на то, что все реквизировано уже особой продовольственной комиссией снабжения, Красной Армией Западного фронта. Означенные самовольные действия вызывают со стороны граждан ропот и сильное брожение» [19, л. 46]. Из Артековичской волости в октябре поступала информация, что «отношение к власти сочувственное, но к войскам враждебное» [13, л. 4]. Отмечалось также, что реквизиции в волостях, которые осуществлялись специальными комиссиями, проходили не всегда справедливо. Население жаловалось на то, что «когда бы не приехал представитель с центра всегда останавливается у кулаков, у которых идут всевозможные угощения вплоть до самогонки» [16, л. 115]. Несоответствие курса ранее выдвигаемым лозунгам формировали неоднозначное отношение к советской власти. К тому же не все население уезда принимало программу действий новой власти. Например, И.П. Дейнис в своих мемуарах указывал на то, что некоторые ждали прихода польской армии, преимущественно это было польское население, которое помогало засланным диверсионным отрядам [3, с. 86]. В условиях приближения фронта, учитывая неоднозначное отношение к советской власти, 30 августа 1919 г. было принято решение выселить всех неблагонадежных из Полоцкого уезда: всех бывших помещиков вместе с семьями, а также их личную прислугу (экономов, управляющих, лакеев); арендаторов, которые использовали наемный труд; семьи крупных кулаков; спекулянтов с семьями; представителей духовенства, которые негативно относились к советской власти [21, с. 91]. Выселяемым можно было взять с собой только самое необходимое из вещей и до 20 фунтов продуктов на человека.

В сентябре началась эвакуация левобережных волостей уезда [19, л. 16]. 20 сентября 1919 г. польские войска вышли к Полоцку, к вечеру заняли задвинскую часть города. По воспоминаниям И.П. Дейниса, ночь прошла беспокойно, шла пристрелка, по городу было выпущено несколько артиллерийских снарядов. В последующие дни обстрел города продолжался, а улицы, ведущие к Двине, были взяты под прицел снайперами. Однако попытка захватить весь город провалилась.

Полоцк оказался разделённым Западной Двиной на польскую и советскую зоны влияния. Учитывая специфическую линию фронта, обстрелы Полоцка продолжались до весны 1920 г. [22, с. 154]. Для управления городом был создан городской революционный комитет, продолжали функционировать ряд отделов исполкома [19, л. 16, 19]. Работа осуществлялась в сложных военных условиях, когда «неприятель в лице поляков осаждал город, когда град пуль осыпал мотавшихся в ужасе жителей, раскаты снарядов оглушали обезумевшее от страха и голода население» [6, л. 42]. Для охраны порядка в осажденном городе остались 55 милиционеров, которые параллельно с выполнением своих обязанностей копали окопы, привлекали население к сверхурочным работам, вместе с регулярными войсками участвовали в обороне города [24, с. 255]. Отдельные отряды польских войск совершали диверсионные и разведывательные вылазки через Западную Двину и временами проникали в город. По воспоминаниям И.П. Дейниса, было много польских шпионов, которые хорошо ориентировались в городе, и польское командование знало о том, что происходит в Полоцке. Например, осенью 1919 г. систематически обстреливались здания, в которые перемещался штаб ревкома и только после того, как он разместился рядом с костёлом, обстрелы прекратились [3, с. 88]. Положение в городе было очень тяжелым: «Почти все лучшие дома, учреждения разрушены. Во всех уцелевших домах не осталось ни одного стекла. На улицах лежат трупы и невозможно их убрать под снарядами противника» [19, л. 17]. По воспоминаниям И.П. Дейниса, поляки не обстреливали похоронные процессии, причем погибших хоронили по национальному признаку: православных – на Михайловском кладбище, католиков – на Ксаверовском, евреев – на еврейском, около вокзала [3, с. 93]. У кого была возможность, те уходили из города и искали убежище в сельской местности. Постепенно население привыкало к обстрелам, улицы стали перебегать, вырыли траншеи, проложили новые маршруты «ходить стали проходными дворами, а их сделали проходными, поломав заборы, а потом их пустили на топливо» [3, с. 88].

С октября 1919 г. положение города Полоцка и окрестностей ухудшилось. В городе не хватало продуктов питания, топлива. В отчетах отмечалась «неудовлетворительная оплата по сравнению с дороговизной жизненных продуктов» [19, л. 70]. Горожане ходили по хуторам и фольваркам, обменивая одежду, обувь, мануфактуру, мыло и соль на продукты питания [3, с. 81]. В условиях стагнации государственной системы товарообмена частный товарообмен, преимущественно между городом и деревней, становился единственным источником обеспечения прожиточного минимума. Однако введение пропусков для въезда и

выезда из города осложнило и без того непростую ситуацию с продовольствием, активизировав «спекулятивные» торговые операции.

В конце 1919 г. линия Западного фронта проходила по Западной Двине, далее в 40–50 км западнее Витебска, затем по Березине и немного восточнее Борисова и Бобруйска [2, с. 149]. Она разделила Полоцкий уезд на две части. В течение восьми месяцев семь волостей Полоцкого уезда (Начская, Ореховская, Ветринская, Банонская, Гомельская, Вороническая, Туровлянская) и южную часть Полоцка контролировали польские войска. В захваченных волостях восстанавливались старые порядки, возвращались бывшие владельцы конфискованных имений, которые рассчитывали вернуть отчужденное имущество. Что касается крестьян, то неоднозначное отношение к советской продовольственной политике и проводимым реквизициям, дало о себе знать. Показательным в этом отношении является судьба Бориса Марковича Штейнцайга, который попал в плен к полякам во время осуществления реквизиций для нужд Красной армии. Предполагая, что раскрытие его личности приведет к гибели, он спрятал одежду и документы. Однако «женщины и крестьяне, узнав, что большевики не успели вывести все реквизируемые продукты и скот тотчас прибыли для обратного получения у них забранного». Одна женщина, узнав Б.М. Штейнцайга в толпе пленных, заявила майору, что два дня тому назад он у неё проводил реквизицию, «в знак чего показала корешки с красноармейской печатью» [18, л. 5]. Борис Маркович был избит и отправлен в лагерь. Режим, установленный польскими войсками на контролируемой территории, был направлен на удовлетворение нужд армии и ликвидацию идеологического противника. В докладной записке Полоцкий ревком фиксировал, что «белополяки совершали убийства коммунистов, советских служащих, пороли шомполами... Крестьян, у которых сыновья служили в Красной Армии, секли до потери сознания и обирали до нитки» [19, л. 18]. Такие действия вызывали отторжение и на территории волостей, контролировавшихся польскими войсками, где организовывались партизанские отряды, в первую очередь это касалось Гомельской и Туровлянской волостей [19, л. 18].

Военные действия вызвали перемещение значительного количества людей через территорию Полоцкого уезда. Проблемой беженцев занималась Полоцкая коллегия по делам пленных и беженцев (Полоцкая пленбеж). Необходимо отметить, что данное подразделение на протяжении всего периода польско-советской войны претерпевало структурную реорганизацию (коллегия, отдел, управление), однако функции ее оставались фактически неизменными: регистрация и учет беженцев, пленных, возвращающихся русских пленных, а также их

эвакуация. В начале октября 1919 г. на заседании Полоцкой коллегии было принято решение, что «жертвами гражданской войны считаются не только лица, пострадавшие от обстрела, но также и те, кто в связи с военными обстоятельствами лишились заработка или пособий, которые получали раньше и поэтому впали в нужду. Кроме того, все беднейшее население города, которое, в связи с отсутствием заработков, с дороговизной и отсутствием на рынке продуктов, голодает в буквальном смысле этого слова» [6, л. 42]. Данной категории граждан выдавались талоны на бесплатные обеды. 5 октября 1919 г. столовая была открыта с расчетом на 500 человек. Её оборудование инвентарем и необходимым персоналом взял на себя ревком. Однако продуктов и предметов первой необходимости не хватало: «положение продовольствия катастрофическое, паек беженцам второй день не выдается, работы в бараках приостановились ввиду нежелания голодных людей работать» [6, л. 42]. Плохое обеспечение, отсутствие дров и скученность в бараках отражалось на состоянии здоровья. Среди беженцев распространялся сыпной тиф, дизентерия, холера. Только в январе 1920 г. ситуация с продовольствием немного стабилизировалась. Основным источником снабжения была летучка Полоцк – Невель – паровоз из 3–4 товарных вагонов, который ходил ночью [3, с. 92]. Весной 1920 г. в Полоцке возобновили работу школы.

На протяжении зимы 1919 г. и весны 1920 г. шли бои местного значения. Оборону держали части 17-й пехотной дивизии, штаб которой осенью 1919 г. находился в Полоцке [21, с. 83]. В рамках позиционной войны противники совершали вылазки и провокации. Например, удачной с точки зрения трофеев была вылазка красноармейцев в ночь на польское Рождество. Две роты переправились по льду через Западную Двину, поляки этого не ожидали. Красноармейцы захватили оружие и боеприпасы, а также продукты и подарки, которые польские солдаты получили к празднику, что было очень актуально для голодающего города [3, с. 90]. В ответ город подвергся сильной бомбардировке.

Необходимо отметить, что Западный фронт почти не получал подкреплений из тыла, поэтому 15-я и 16-я армии должны были пополняться за счет местных ресурсов. Однако механизм принудительных призывов порождал проблему дезертирства, борьба с которой осложнялась тем, что предназначенные для этого комиссии в уездах, по которым проходила линия фронта, временно прекратили свою деятельность. Это спровоцировало обострение криминальной обстановки в регионе, так как в некоторых волостях доходило до открытых вооруженных нападений на граждан и учреждения [1, с. 130]. В октябре 1919 г. в Туровлянской волости Полоцкого уезда отмечался

переход отдельных лиц на сторону белых. Полоцкому ревкому губисполкомом было приказано их арестовать, имущество конфисковать, об исполнении доложить [20, с. 48].

Военные действия в годы польско-советской войны, политика продовольственной диктатуры обострили социально-экономические и политические противоречия. В Полоцке, несмотря на то, что в условиях чрезвычайного положения предусматривался расстрел за мародерство, шпионаж и т.д., криминальная ситуация обострилась, грабежи и случаи насилия, как отмечалось в отчётах, увеличились до небывалых размеров [24, с. 255]. Зачастую вооруженные грабежи осуществлялись лицами, которые на лодке переплывали Западную Двину и затем скрывались в зоне, контролируемой поляками. Через три с половиной месяца в таких условиях состав горревкома был обновлен в связи с «переутомлением» предыдущего [19, л. 69].

Самым распространённым в 1919 – начале 1920 гг. видом имущественных преступлений в Полоцком уезде были кражи продуктов и предметов первой необходимости. Процент раскрываемости был невысокий. При вынесении приговоров учитывали, что «преступность замечается среди трудового крестьянства и рабочих, что можно объяснить их тяжелым положением» [23, с. 259]. Практиковалось вынесение условных приговоров. Например, в январе 1920 г. народный суд 5-го участка применил условное осуждение к двум жителям Артековичской волости за кражу вещей, обосновав это тем, что «обвиняемые люди бедные, кражу совершили по своей бедности» [14, л. 7].

Особенно болезненно политика продовольственной диктатуры ощущалась в волостях, чье экономическое положение вследствие близости фронта и частых реквизиций было крайне тяжелым. Местные власти сообщали, что ощущается недостаток соли, обуви, керосина, мануфактуры и «вообще недостаток во всем необходимом для существования» [19, л. 71]. Например, уже в начале ноября 1919 г. о ситуации в Вознесенской волости писали следующее: «экономическое положение скверное, недостаток хлеба, нет соли, без чего граждане болеют и было случаи умирали, пайки не отпускают, купить совершенно негде, обуви нет» [17, л. 32]. В тяжелых условиях крестьяне отказывались выполнять повинности, в первую очередь гужевую. Волостные ревкомы апеллировали к милиции: «Прошу вашего распоряжения принять меры к доставке подвод. Дальнейшая задержка лишит полк необходимого оружия и овса. Если милиционеры бессильны по своей малочисленности, то вызывайте карательный отряд. Граждане деревни Лысой открыто

заявляют, что никуда не поедут, не повинуюсь решению ревкома» [10, л. 6].

На территориях, которые контролировала Красная армия, уездный ревком занимался разрешением конфликтов между военными частями и волостными ревкомами, волостными ревкомами и сельскими советами. С 20 сентября 1919 г. по февраль 1920 г. для решения вопросов было проведено 17 заседаний ревкома и два съезда представителей волревкомов и лесозаготовителей, на одном из них принимали участие и представители сельских советов [19, л. 70]. Необходимо отметить, что доклады с мест различались в зависимости от расположения волости (тыловая или прифронтовая). Наиболее проблематичным были взаимоотношения между местными органами власти и военными частями в тыловых волостях. Нередко волревкомы брали под стражу военные части. Например, волревком Александровской волости был арестован особым отделом 2-й Петроградской стрелковой дивизии [14, л. 29 об.], в Юровичской волости «волревком поставлен в тяжелое положение со стороны военных частей» [14, л. 30]. В прифронтовых волостях чаще встречались жалобы на работу упродкомов, отсутствие согласованности между ними и местными органами власти. Например, в Владимирской волости «комиссар упродкома вел реквизицию без волревкома. Реквизировал у учительницы последнюю корову, взял 500 пудов сена по глазомеру. Реквизированных коров жарили и ели» [14, л. 30 об.].

Неопределённость взаимоотношений приводила к ослаблению работоспособности органов на местах. Особенно негативно это отражалось на действиях полоцкой уездной милиции, взаимоотношения которой с подразделениями действующей армии были достаточно напряженными. Обострилась ситуация весной 1920 г., когда на Полоцкий участок фронта прибыло пополнение. Сотрудники жаловались на то, что после размещения 11-й дивизии в Полоцком уезде всякая работа милиции стала невозможной. Из докладов с мест поступала информация о том, что воинские части не давали проводить обыски и аресты граждан, которые подозревались в преступлениях, препятствовали борьбе с самогоноварением, арестовывали милиционеров, которые пытались им противостоять. Начальник 3-го района Полоцкой уездной милиции в начале апреля 1920 г. представил ряд протоколов о нарушениях со стороны представителей дивизии, в которых были зафиксированы свидетельские показания о незаконных действиях военных на территории подначальных ему волостей [24, с. 256].

Однако он сам был арестован представителями этой же дивизии, о чём сообщили начальнику Полоцкой советской уездной милиции

очевидцы. Последний, пытаясь разобраться в ситуации и вызволить своего сотрудника, подал жалобу в Полоцкий уездный военно-революционный комитет: «11 апреля 1920 г. воинскими частями 31-й бригады 11 стрелковой дивизии арестован начальник 3-го района уездной милиции Никитин и три милиционера. Причина не известна. Об этом инциденте в Управление сообщили очевидцы. Районному начальнику были выданы деньги для уплаты жалованья милиционерам. Арест был произведен без представителя и без ведома. Кроме того, поступило заявление от милиционеров всех районов, что они не могут продолжать службу, так как части 11 дивизии угрожают арестами. Более того есть факты, что арестованные таким образом милиционеры сидят уже больше месяца. По причине последнего ареста начальника 3-го района заявляю, что милиция просит принять меры: не допускать произвольных арестов со стороны воинских частей дивизии, чтобы она не вмешивалась в дела милиции. Принять меры к возвращению начальника 3-го района, возвращению отобранного оружия и денег» [9, л. 256].

В задачи волостных ревкомов входил регулярный мониторинг экономического положения и настроений в волостях по следующим вопросам: 1) отношение к воинским частям, 2) взаимоотношения местных органов власти с квартирующими в пределах уезда воинскими частями, 3) общее политическое настроение населения и поддержка Красной армии, 4) случаи содействия белогвардейцам [17, л. 32]. Результаты мониторинга показывали, что содействие белогвардейцам не имело места, «отношение населения уезда к Советской власти было удовлетворительным», в то время как к воинским частям – сложным. Например, в Юровичской волости отмечали следующее: «население волости поддерживало Красную Армию до тех пор, пока не начались грабежи» [17, лл. 34, 34-об]. На съездах Советов неоккупированных волостей также отмечали, что самочинные действия красноармейцев обостряли ситуацию в волостях. Например, в протоколе заседания 8-го очередного уездного совета Полоцкого уезда от 15 марта 1920 г. указывалось следующее: «В *Александровской* волости крестьяне обременены непосильными нарядами и некоторые уже окончательно разорены. В *Вознесенской* волости реквизиции больше назначенного, не считаясь с личной потребностью крестьян. Школьные помещения заняты военными частями. Отдельные кавалерийские части ломали замки от личных амбаров и забирали весь хлеб без разверстки. В подводы гонят женщин, а дети остаются на произвол. В *Юровичской* волости реквизиция была ужасная. Забирали овцу, оставляя ягнят, которые потом дохли, брали корову накануне отела. Хлеб забирали, оставляя семьи на

явный голод. В *Артековичской* волости войсковые части мешают работу волревкома. Школы работают хорошо, только не хватает топлива. Уплата повинностей производится слабо вследствие неуплаты за реквизиционный скот, хлеб, фураж, лошадей. Жалобы командованием не рассматриваются. К весне население останется без хлеба. Военные части пьянствуют, берут последние крохи у населения без всяких нарядов. Местная власть вести с ними борьбу бессильна. Лошадей загоняли для личных поездок беря таковых без ведома ревкома и сельских советов, угрожая оружием и избивая граждан. В *Николаевской* волости то, что делается в волости – называется гибелью народного хозяйства. Население обречено на неизбежный голод. В *Туровлянской* волости тяжелое положение и ущерб, нанесенный белыми бандами, осложняют эпидемии, медицины нет. Санитарное состояние ужасное. Крестьяне остались без дров, так как в лес нельзя ехать без пропуска и лошади заняты. В *Клястицкой* волости непосильные, производятся без нарядов. В *Ефросиньевской* волости войсковые части берут подводы для своих нужд. Эпидемии свирепствуют. Нет медицинского персонала. За реквизированный хлеб не уплачено» [14, лл. 29–33]. Отличную информацию на съезде озвучили делегаты прифронтовых волостей Полоцкого уезда. Например, представитель Замшанской волости докладывал, что «войсковые части пользуются подводами по соглашению с волревкомом. Школы работают хорошо. Набеги белых бывают, ограбили несколько деревень, после этого настроения изменились у ожидавших от белых добра. Трений с военными частями не бывает, за исключением единичных случаев» [14, л. 30]. Делегат Владимирской волости отмечал, что «1 и 2 кавалерийский полк вели себя хорошо. Школы функционируют, избы-читальни посещать некогда» [14, л. 30-об].

Руководство уездного ревкома подвергло сомнению сведения о нарушениях со стороны военных. Например, Бейлин (глава ревкома) заявил: «не могу согласиться с тем, что нарисовано в докладах с мест, всё это неправдоподобно», взяв за ориентир информацию, озвученную из прифронтовых волостей. В резолюции съезда, объясняя противоречия в докладах, было отмечено следующее: «в Красной армии есть красные снаружи, а черные внутри. Из-за отдельных красноармейцев черных в душе нельзя чернить всю Красную армию» [14, л. 31].

Весной 1920 г. военно-политическая ситуация на польско-советском фронте изменилась и война вступила в новую фазу. В апреле 1920 г. на Западный фронт были переброшены с других фронтов ряд воинских частей. Подкрепление получила и северная группа войск 15-й армии [19, л. 23]. Прибывавшие войска накапливались в районе станции

Полота и Горяны [3, с. 95]. В мае 1920 г. левобережная часть Полоцкого уезда была освобождена, а уезд превратился в тыл армии. 20 мая 1920 г. уездный ревком, который находился в Дретуни, получил предписание вернуться в Полоцк [21, с. 84]. На Полоцком участке фронта перед июльским наступлением были сосредоточены значительные военные силы. В городе расположились госпитали и армейские базы. Первоочередной задачей было восстановить мост через Западную Двину, так как паромы и лодки не справлялись с переправкой военных обозов. К восстановительным работам привлекали военнопленных, однако часть рядовых и унтер-офицеров из познаньских поляков отказались работать. По воспоминаниям И.П. Дейниса, их лишили пайка и объяснили, что только работающие будут получать обеды из походной кухни [3, с. 97]. Для мобилизации рабочей силы привлекалась уездная милиция: «принять самые решительные меры к оказанию помощи волревкомам Домниковскому и Петропавловскому выгнать всех рабочих способных к труду в Полоцк для постройки моста. Рабочим выдается 3 фунта хлеба и другие продукты. Приказ боевой и подлежит к выполнению без промедления. Рабочая сила не менее 2000 человек. К 10 июля направлять группами при милиционере в уездревком» [10, л. 54]. Вводилась строгая дисциплина: «не допускать отпусков, срочных командировок и невызываемых необходимостью переводов. Искоренить прогулы. Против лентяев и разгильдяев немедленно применять карательные меры вплоть до ареста в дисциплинарном порядке и предание Реввоентрибуналу. Ни одно упущение по службе не должно остаться безнаказанным. Виновные в недостаточно быстром приведении своих учреждений на боевую ногу будут неуклонно привлекаться к ответственности перед Реввоентрибуналом, а фамилии их – предаваться широкой гласности» [5, л. 59]. Вопросы пайка и продолжительности рабочего дня должны были отойти на второй план, уступив место интересам сражающихся на фронте [5, л. 59].

Актуальной опять стала «очистка прифронтовой полосы и ближайшего тыла от всякого неблагонадежного элемента». В инструкции по организации и регистрации польского населения в Витебской губернии указывалось, что «в первую очередь необходимо взять на учет все польское население. Выделить из него всю "шляхту", всех "панов", бывшую буржуазию и помещиков, словом всех тех, которые по своему прошлому и настоящему положению по своей психологии могут оказывать содействие белогвардейским шпионам» [10, л. 64]. Одновременно велась работа по выявлению ущерба в ходе войны, особенно в тех волостях, которые находились в польской зоне оккупации, а также количества голодающих. К этой категории решено было отнести

тех, у кого «нет молочного скота и не имеется хлебных запасов» [15, л. 40]. Размер пайка определялся запасами хлеба.

На протяжении лета – осени 1920 г. Полоцк был обменным пунктом, через который проходили беженцы и военнопленные. Только в результате майской военной операции в Полоцке накопилось до 1000 польских легионеров [5, л. 50]. Функционировала дезинфекционная камера и баня для данной категории населения. Однако количество беженцев и военнопленных превосходило возможности заградителя при станции Полоцк, к тому же работу осложняла волокита с выдачей разрешений на дальнейшее передвижение беженцев в глубь РСФСР. Например, в Полоцке около 100 беженцев-латышей ожидали разрешения на их отправку в Себеж [7, л. 5].

Военные действия, политика продовольственной диктатуры, неустроенность жизни – все это привело к тому, что люди оказались на грани гибели и практиковали разные стратегии выживания в условиях разрушенной экономики, которые зачастую имели криминальный характер, однако позволяли людям хоть в какой-то мере реализовать предпринимательский потенциал, смягчить дефицит, а главное – выжить. В регионе развивалась контрабанда, спекуляция, самогонование. Размах кустарного производства алкоголя фиксировали в своих отчетах волостные милиционеры. Самогон не только становился средством торгового обмена, но и служил своего рода «откупом» от любых людей с оружием в руках, а также тех, кто осуществлял реквизиции. Кроме того, в Полоцке, наводнённом военными, появилось много женщин, которые в силу определённых жизненных обстоятельств, занимались проституцией [24, с. 257]. Например, в июле 1920 г. в уголовный розыск полоцкой милиции военный патруль за бродяжничество доставил 16-летнюю девушку, уроженку Лепельского уезда, неграмотную. В ходе дознания было установлено, что она занимается проституцией – решение было следующее: «заклЮчить в Витебский концентрационный лагерь на принудительные работы сроком до окончания войны с Польшей» [11, л. 91]. Документы фиксируют, что летом 1920 г. в Полоцком уезде изменилась динамика и характер преступлений. Если в 1919 – начале 1920 гг. преобладали кражи продуктов, то теперь увеличилось число квартирных краж и участились случаи конокрадства. Последнее приобрело значительный размах, так как летом 1920 г. Полоцк был переполнен подводами, которые перевозили имущество военных частей, и в милицию поступало по несколько заявлений в день о пропаже лошадей [23, с. 257].

Пока решался вопрос о государственной границе, пограничные волости оказались в сложной ситуации. Нейтральная зона активно

использовалась контрабандистами и другими криминальными элементами. В декабре 1920 г. неразбериха с границей и неукомплектованность местных органов власти вызывала беспокойство и чувство неуверенности у населения. Например, председатель Ореховского волревкома ходатайствовал о высылке вооруженного отряда для «отражения набегов польских банд, бегущих дезертиров», так как «волость находится на самой границе и даже разделена надвое, благодаря этому развит шпионаж, беспощадно ограблено население нейтральной полосы» [4, л. 4].

После подписания Рижского мирного договора в 1921 г. граница прошла в непосредственной близости от Полоцка, местами в 25 –30 км, от города. Как отмечал секретарь Витебского губкома РКП(б) Э.М. Медне в закрытом письме на имя секретаря ЦК РКП(Б) В.М. Молотова «в некоторых местах граница проходит посередине селения, по улице, в одном месте граница проходит еще курьезней: она отделяет дом от амбара одного и того же владельца. В некоторых местах она проходит густым лесом. Охрана в таких условиях немислима, и, таким образом, имеется полная возможность к легкому и безнаказанному переходу границы контрабандистами и разными шпионами» [1, с. 260]. И.П. Дейнис в своих воспоминаниях отмечал: «граница местами была удивительно нелепа... например, ст. Загатье была у нас, водокачка – у поляков, часть деревни и костел в Загатье были у нас, а господский двор и другие части деревни – у поляков» [3, с. 99].

Последствия польско-советской войны были очень тяжелыми для Полоцкого уезда, который вошел в войну, не оправившись от предыдущей. Кроме материального ущерба в результате военных действий, обострились социально-экономические и политические противоречия. Установление новых границ разделило уезд и предопределило специфику повседневной жизни населения пограничного уезда и особенности функционирования властной вертикали, органов правопорядка.

Литература

1. Витебская губерния 1917 – 1924 гг.: док. и материалы / сост.: Н.В. Воронова [и др.]; ред. кол.: В.И. Адамушка [и др.]. Витебск: Витеб. обл. тип., 2012.
2. Грицкевич А.П. Западный фронт РСФСР 1918–1920. Минск: Харвест, 2010. 496 с.
3. Дейнис И.П. Полоцк в XX веке (1905–1967) // Национальный Полоцкий историко-культурный музей-заповедник. КП – S 2774.
4. Зональный государственный архив города Полоцка (далее – ЗГА в г. Полоцке). Ф. 51. Оп. 1. Д. 10.
5. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 63. Оп. 1. Д. 1.
6. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 63. Оп. 1. Д. 5.
7. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 63. Оп. 1. Д. 15

8. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 220. Оп. 1. Д. 16.
9. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 220. Оп. 1. Д. 21.
10. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 220. Оп. 1. Д. 36.
11. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 220. Оп. 1. Д. 43.
12. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 583. Оп. 1. Д. 2.
13. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 583. Оп. 1. Д. 4.
14. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 583. Оп. 1. Д. 7.
15. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 583. Оп. 1. Д. 8.
16. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 631. Оп. 1. Д. 6.
17. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 631. Оп. 1. Д. 9.
18. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 631. Оп. 1. Д. 30.
19. ЗГА в г. Полоцке. Ф. 1164. Оп. 11. Д. 28.
20. Иванова Т. Деятельность государственных органов управления Витебской губернии во время польско-советской войны 1919 – 1920 гг. // Журнал международного права и отношений. 2005. С. 46–50.
21. Памяць: Гіст.-дакум.хроніка Полацкага р-на. Мінск: Выш.школа, 1999. 700 с.
22. Полоцк: Ист. очерк. АН БССР. Ин-т истории; 2-е изд., перераб. и доп. / П.Т. Петриков, М.О. Бич. Минск: Наука и техника, 1987. 320 с.
23. Сумко Е.В. Преступность в Полоцком уезде и борьба с ней (1918 – 1922 гг.) // Россия и Беларусь: история и культура в прошлом и настоящем: материалы международной научной конференции «Россия и Беларусь на историческом перепутье, 1917–1922 гг.» (Смоленск, 19–21 октября 2017 г.) / под ред. Е.В. Кодина. Вып. 2. Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2017. С. 253–260.
24. Сумко Елена. Функционирование Полоцкой уездной милиции в годы польско-советской войны // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе: сб. научн. ст. по мат. II Междунар. научн. конф., Пинск 24–25 ноября 2017 г.: в 2 ч. / Полес. гос. ун-т; под ред. Р.Б. Гагуа. – Пинск: ПолесГУ, 2017. Вып. 2. Ч. 2. С. 254–258.

A.V. Sumko

Polotsk State University

Polotsk Uyezd during the Polish-Soviet war of 1919–1920

Key words: Polish-Soviet war; Polotsk uyezd; refugees; positional warfare; food dictatorship; desertion.

The article deals with the position of Polotsk Uyezd during the Polish-Soviet war, which changed depending on the status of the territory (the front line area, the arena of military activities and positional warfare, the rear of the army). A large number of refugees and prisoners of war came to Polotsk. The fighting during the Polish-Soviet war, the policy of food dictatorship and labour conscription in the conditions of martial law aggravated social, economic and political contradictions in the uyezd. It is shown how difficult the interaction between the military units and the population of the uyezd was. The issues related to the crime development in Polotsk Uyezd during the Polish-Soviet war are considered. The sources are the documents of the Zonal State Archive of the city of Polotsk and the memoirs of I.P. Deinis, which have great information capabilities and representativeness.

РОССИЯ И БЕЛАРУСЬ:
история и культура в прошлом и настоящем

*Материалы международной научной конференции
«Польско-советская война 1919–1920 гг.:
эволюция историографических оценок
(к 100-летию начала войны)»
(Смоленск, 10–11 октября 2019 г.)*

Издательство
Смоленского государственного университета
Редакторы Л.В. Бушуева, О.В. Папко, И.В. Марусова
Компьютерная верстка А.П. Борисов

Подписано в печать 20. 11. 2019. Формат 60x84¹/₁₆. Бумага офсетная.
Печать ризографическая. Усл. п. л. 22,0. Уч.-изд. л. 22,0. Тираж 200 экз.
Заказ № 58.

Отпечатано в ИП Суркова Н.Н.
Смоленск, ул. В.- Сенная, 4

ISBN 978-5-88018-600-6

9 785880 186006